

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Учреждение образования
**«МОГИЛЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. А. КУЛЕШОВА»**

**ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ
И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО
ПОГРАНИЧЬЯ**

Монография

Могилев
МГУ имени А. А. Кулешова
2016

Электронный аналог печатного издания

Этнолингвистическое и лексикографическое описание
говоров могилевско-смоленского пограничья. – Могилев :
МГУ имени А. А. Кулешова, 2016. – 312 с.

ISBN 978-985-568-225-8

Настоящее издание – коллективная монография – представляет собой результат комплексного исследования говоров могилевско-смоленского пограничья, которое проводится лингвистами Могилевского университета с 80-х гг. XX в. В нем собраны наиболее значимые научные статьи авторского коллектива, опубликованные в 1988–2016 гг. в различных издательствах Беларуси, России, Украины, Польши. Книга состоит из двух частей: первая часть содержит описание говоров могилевско-смоленского пограничья, вторая связана с разработкой проекта «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» – первого опыта регионального словаря переходных белорусско-русских говоров.

Материал издания охватывает широкий круг вопросов, связанных с подготовкой Словаря: определение языкового статуса говоров могилевско-смоленского пограничья, их лингвистическая и этнокультурологическая характеристика, специфика Словаря, разработка словарных статей, подача фразеологизмов в Словаре и др.

Издание предназначается для составителей словарей, преподавателей вузов, научных работников, аспирантов, магистрантов, студентов-филологов, учителей-словесников.

УДК 811.161.1'282.2(476.4)

Этнолингвистическое и лексикографическое описание говоров
могилевско-смоленского пограничья. – [Электронный ресурс]
: монография. – Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова. –
1 электрон. опт. диск (DVD-R). – Систем. требования: Pentium II
300, 64 Mb RAM, свободное место на HDD 15 Mb, Windows XP и
выше, Adobe Acrobat Reader; DVD-Rom, мышь. – 3 экз.

212022, г. Могилев,
ул. Космонавтов, 1
Тел.: 8-0222-28-31-51
E-mail: alexpzn@mail.ru
<http://www.msu.mogilev.by>

ISBN 978-985-568-261-6
(электронное издание)

© Коллектив авторов, 2016
© МГУ имени А.А.Кулешова,
2016
© МГУ имени А.А.Кулешова,
электронный аналог, 2017

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП) в Могилевском университете (ранее пединституте) началось с 80-х гг. XX в. — с тех пор, когда в учебный план филологического факультета пединститута была включена диалектологическая практика. Наш интерес к говорам МСП был вызван прежде всего тем обстоятельством, что они, как, впрочем, и говоры русско-белорусского пограничья вообще, не подвергались всестороннему исследованию. Вместе с тем было бы ошибкой утверждать, что эти говоры не привлекали внимания лингвистов. В общетеоретическом плане они частично рассматривались Е.Ф. Карским, позже — П.С. Кузнецовым; отдельные говоры русско-белорусской зоны описаны в трудах П.А. Расторгуева, В.Н. Новопокровской, З.Н. Жаковой, А.Б. Пеньковского, С.М. Прохоровой и др. Однако в полном объеме указанные говоры исследованию не подвергались, а потому их изучение для кафедры русского языка приобретало особую актуальность.

Уже на подготовительном этапе возникла необходимость обозначить территорию могилевско-смоленского пограничного региона. Данные русских и белорусских диалектологических атласов указывают на то, что очертить территорию русско-белорусского пограничья хотя бы приблизительно практически невозможно: изоглоссы одних языковых явлений заходят далеко на восток от государственной белорусско-российской границы, изоглоссы других простираются от нее далеко на запад. В силу указанного обстоятельства территория могилевско-смоленского пограничного региона определяется условно: сюда включаются сельские населенные пункты, расположенные в 20-километровой зоне по обе стороны от официальной могилевско-смоленской границы, т. е. приграничные территории Горецкого, Мстиславского, Кричевского, Климовичского, Хотимского районов с могилевской стороны и Краснинского, Монастырщинского, Хиславичского, Шумячского, Ершичского районов — со смоленской.

Вопрос о территориальных границах МСП в 1986 г. обсуждался на семинаре ареальной лингвистики для слушателей ФПК в МГУ им. Ломоносова. Предложенная концепция получила поддержку таких крупнейших российских ученых-славистов, как Н.И. Толстой, Г.А. Хабургаев, была одобрена ведущими диалектологами — профессорами Московского университета О.Г. Гецовой, Л.Л. Касаткиным, а также профессором Смоленского пединститута Е.Н. Борисовой.

Вначале изучение говоров МСП не выходило за рамки учебной программы пединститутов по диалектологической практике и проводилось стихийно: методом наблюдения выявлялись фонетические, морфологические, синтаксические особенности говоров, своеобразие их лексического состава. Но уже в это время остро ощущалась потребность в углубленном и всестороннем исследовании говоров, поэтому первоочередной задачей кафедры было поставить диалектологическую практику на научную основу.

В 1986 г. работа по изучению говоров МСП была включена в перспективный план научной работы кафедры русского языка Могилевского пединститута (зав. кафедрой доцент Ю.С. Долгов). Для разработки проекта была создана инициативная группа, в состав которой вошли ведущие специалисты (доценты В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова, И.Н. Лапицкая, Л.А. Новикова, позже – молодые преподаватели Т.С. Воробьева, Т.А. Кожурина).

Уже на начальном этапе разработки проекта четко обозначались основные направления исследования говоров МСП: 1) изучение диалектных особенностей указанных говоров и 2) собирание диалектной лексики и фразеологии для регионального словаря. Каждое направление охватывало широкий круг проблем, среди которых были выделены приоритетные проблемы. Для первого направления проблемами первостепенной важности были: определение языкового статуса говоров МСП; изучение языковой ситуации МСП; изучение фонетической системы и грамматического строя говоров МСП. Для второго направления важнейшими проблемами на этом этапе были: выработка критериев отбора диалектных слов; выработка системы упрощенной транскрипции для полевых записей; обработка диалектного материала и составление картотеки словаря.

При непосредственном участии разработчиков проекта организовывались выездные диалектологические экспедиции по массовому сбору лексики и фразеологии на приграничных могилевских и смоленских территориях, велась обработка диалектного материала, составлялась картотека словаря.

Собирание диалектной лексики осуществлялось в соответствии с рекомендациями «Пособия-инструкции для подготовки и составления региональных словарей русского языка» – академического издания 1960 г. В сборе диалектного материала принимали участие не только студенты филфака и преподаватели кафедры русского языка (руководители диалектологических экспедиций 1987–2005 гг.), но и учащиеся Кричевского лицея (в 1999 и 2000 гг.). Картотека словаря создавалась при участии студентов-филологов – членов проблемной группы «Лексика говоров МСП» (руководитель проблемной группы Л.И. Шаповалова); в настоящее время картотека насчитывает более 100 тысяч рабочих карточек-иллюстраций.

Изучение говоров МСП и ежегодное пополнение картотеки новым диалектным материалом позволило кафедре развернуть работу по составлению

«Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ). Необходимость создания подобного словаря была продиктована прежде всего тем обстоятельством, что региональных словарей переходных говоров близкородственных языков в лексикографической практике до сих пор не было. Таким образом, СМСПГ – первый опыт регионального словаря переходных белорусско-русских говоров. Словарь был задуман как двухтомное издание сводно-дифференциального типа.

Работа над составлением СМСПГ ведется с 1992 г. Разработка проекта Словаря требовала как решения проблем общего плана (*структура словаря, построение словарной статьи* и др.), так и решения ряда проблем, обусловленных спецификой СМСПГ как первого опыта словаря переходных белорусско-русских говоров (*принципы отбора лексики для включения в Словарь, выбор метаязыка и подача заглавного слова, место помещения отдельных слов на ту или иную букву алфавита* и др.). Если проблемы общего плана, с которыми сталкивается каждый лексикограф, получают свое воплощение в русских и белорусских словарях, в том числе и региональных, то проблемы специфического плана нам предстояло решать самостоятельно.

Начало разработки проекта СМСПГ связано с изучением опыта российских и белорусских лексикографов. К этому времени в России уже были изданы первые выпуски областных словарей архангельской, брянской, вологодской, псковской, смоленской, ярославской и других диалектных зон; белорусскими диалектологами были изданы академические Туровский словарь в 5-ти томах (1982–1987 гг.) и Областной словарь Восточной Могилевщины И.К. Белькевича (1970 г.), а также диалектные словари Ф.М. Янковского, П.В. Стецко, Г.Ф. Юрченко, А.Ф. Манаенковой и др. В процессе разработки проекта Словаря мы стремились использовать все лучшее, что было наработано в региональной русской и белорусской лексикографии.

Работа над созданием СМСПГ стала настоящей научной школой для разработчиков проекта. По материалам Словаря подготовлены 2 кандидатские диссертации; материалами картотеки Словаря активно пользуются студенты при подготовке научных докладов, курсовых и дипломных работ; тезисы лучших докладов опубликованы в научных сборниках университета.

СМСПГ прошел надежную апробацию как в Беларуси, так и за ее пределами – в ближнем и дальнем зарубежье. Члены авторского коллектива неоднократно выступали с научными докладами по актуальным проблемам Словаря на международных конференциях и симпозиумах в Минске и Гомеле, в Гродно и Витебске, в Смоленске, Брянске и Новозыбкове, в Великом Новгороде и Ярославле, в Киеве и Нежине, за рубежом – в Белостоке, Гданьске, Люблине. Словарь получил высокую оценку ученых Беларуси (проф. В.А. Маслова,

проф. В.И. Коваль) и России (проф. И.Г. Добродомов, проф. Е.Н. Борисова, проф. И.А. Королева).

В настоящее время работа по созданию СМСПГ приблизилась к своему завершению. Сейчас, по прошествии тридцати лет интенсивной работы по изучению говоров МСП и составлению Словаря, настало время подвести итоги всего сделанного и обозначить перспективы дальнейшей работы, направленной на завершение проекта и издание Словаря. В ходе обсуждения изложенных проблем возникла идея собрать наиболее значимые статьи разработчиков проекта, опубликованные в различных изданиях Беларуси, России, Украины, Польши; весь этот огромный материал обобщить в одном печатном труде и сделать общим достоянием то, что во всей своей совокупности является до сих пор недоступным.

Идею единогласно поддержали все разработчики проекта, и было принято соответствующее решение о подготовке коллективной монографии.

Таковы исходные положения, предопределившие появление настоящего издания, которое станет важным звеном в подготовке СМСПГ.

Структура монографии

Результаты комплексного исследования говоров МСП как основной составляющей переходных белорусско-русских говоров нашли отражение более чем в 100 научных публикациях авторского коллектива; 60 наиболее значимых статей, напечатанных в 1988–2016 гг., составляют содержание настоящей коллективной монографии.

Целесообразность подготовки издания коллективной монографии, как уже отмечалось, обусловлена тем обстоятельством, что значительная часть представленных в ней публикаций оказывается недоступной для многих специалистов-диалектологов: как и подавляющее большинство лингвистических статей, эти публикации помещены в сборниках, выходивших небольшим тиражом и ставших библиографической редкостью.

Основная установка данного издания – этнолингвистическое и лексикографическое описание говоров МСП – определила его общую структуру.

Книга состоит из двух частей: первая часть содержит описание говоров МСП, вторая связана с разработкой проекта Словаря. Каждая часть включает несколько разделов, отражающих основное содержание публикаций.

1. Говоры могилевско-смоленского пограничья в научном освещении.
 1. Общая характеристика говоров МСП.
 2. Этнолингвистическое и культурологическое исследование говоров МСП.
 3. Разработка лексики и фразеологии говоров МСП.

II. Проект «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров».

1. Концепция Словаря.

2. Частные вопросы разработки словарной статьи.

I. Одна из важнейших проблем, которую пришлось решать на начальном этапе исследования, – определение языкового статуса говоров МСП (см.: В.Б. Сузанович «К вопросу о языковом статусе говоров русско-белорусского пограничья»; Л.И. Шаповалова «Вопрос о границах и языковом статусе говоров могилевско-смоленского пограничья и диалектологические труды Е.Ф. Карского»). В научной литературе эти говоры определяются по-разному: «белорусские говоры русского языка» (Е.Ф. Карский), «смешанные русско-белорусские говоры» (П.А. Расторгуев), «переходные русско-белорусские говоры» (С.М. Прохорова и др.), «русские говоры с белорусскими чертами» (П.С. Кузнецов), «русские говоры с развивающейся переходностью» (А.Б. Пеньковский).

В силу географического положения территории говоры МСП находятся в условиях близкородственного межязыкового и междиалектного контактирования. Обозначенные говоры мы квалифицируем как *переходные белорусско-русские (русско-белорусские) говоры*. Они сложились в результате интерференции языковых систем, при которой на язык-основу (русскую или белорусскую) «наслаиваются» системные показатели другого языка, причем доминантные системные показатели белорусского языка постепенно «ослабевают» при его продвижении на восток, а показатели русского языка – при продвижении его на запад. Однако изучение языковой ситуации могилевско-смоленского пограничного региона показало, что в последние десятилетия здесь наметилась тенденция к сближению местного диалекта со *смешанным типом языка*, характерным для сельских специалистов со средним и высшим образованием (см.: В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова «Языковая ситуация могилевско-смоленского пограничья»).

Как показывает наблюдение, в говорах МСП сочетаются русские и белорусские элементы различного характера: черты, объединяющие белорусский язык с южнорусским наречием (напр., яканье, [γ] фрикативное, [ǔ] неслоговое и др.); черты, сближающие большинство белорусских диалектов с западными русскими говорами – южнорусскими и среднерусскими (напр., дзеканье, цеканье, [r] твердое и др.); черты, сближающие северо-восточные белорусские диалекты с близлежащими смоленскими и калужскими говорами (напр., диссимилативный тип аканья и яканья и др.). Изучение фонетических, морфологических и синтаксических особенностей, составляющих структурную основу говоров МСП, позволяет утверждать, что их фонетическую основу составляют особенности белорусского языка, морфологическую основу составляют как белорусские особенности, так и русские, а синтаксическую основу формируют конструкции русского языка (см.: В.Б. Сузанович «Лингвистическая характеристика говоров могилевско-смоленского пограничья»).

Особое место в изучении говоров МСП занимает этнолингвистическое и культурологическое исследование. Территория МСП находится на пересечении генетически родственных культур, поэтому жители МСП являются носителями двух восточнославянских культур – белорусской и русской. В наше время – время возрождения восточнославянского менталитета и христианских духовных ценностей – выявление культурных традиций на территории МСП представляется задачей не только актуальной, но и своевременной.

Культурологический аспект монографического сборника представлен как работой общего плана (автор В.Б. Сузанович), так и фрагментами специальных исследований Т.С. Воробьевой и Т.А. Кожуриной, посвященных этнолингвистическому и культурологическому описанию свадебного обряда на территории МСП и диалектных названий одежды; Л.И. Шаповаловой, исследовавшей названия продуктов питания и кулинарных блюд в говорах МСП. В отдельной статье представлена типология наименований блюд из картофеля – основного продукта питания жителей МСП (см.: В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова «Картофельная кулинария как составляющая материальной культуры восточных славян белорусско-российского пограничья»). Профессионально-бытовой и этнографической лексике, отражающей определенный спектр материальной культуры МСП, посвящены статьи «Профессионально-бытовая и этнографическая лексика в Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» и «Лексика льнопрядения в говорах могилевско-смоленского пограничья», «Лексика ткачества в говорах могилевско-смоленского пограничья: этнокультурный аспект» (авторы – В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова).

Разработка диалектной лексики в первой части сборника представлена небольшим количеством публикаций, поскольку материал этой тематики связан с составлением Словаря и включен во вторую ее часть. В данном разделе рассматриваются источники формирования лексического состава говоров МСП (см. статью Л.И. Шаповаловой); способы преобразований диалектных слов в говорах МСП (см.: И.Н. Лапицкая «О некоторых способах семантических преобразований диалектных слов»; В.Б. Сузанович «Трансформация древнерусской лексики в говорах МСП»); польское влияние в говорах могилевско-смоленского пограничья (см. соответствующие публикации В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповаловой и некот. др.). Ряд статей В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповаловой, И.Н. Лапицкой посвящен описанию экспрессивно-оценочной лексики говоров МСП.

В отличие от диалектной лексики, разработка *диалектной фразеологии* представлена значительным количеством публикаций и включает богатый и разнообразный материал. В исследовании говоров МСП разработка диалектной фразеологии занимает особое положение, поскольку последняя пока находится в стадии становления. Разработка диалектной фразеологии содержит

ся в работах Л.И. Шаповаловой и В.Б. Сузанович и охватывает широкий круг проблем: фразеологические единицы и их место в региональных словарях; разработка фразеологических оборотов в Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров; культурно-национальная коннотация фразеологизмов в говорах МСП; экспрессивно-оценочная фразеология в говорах МСП; проблема структурно-типологического описания фразеологизмов; разработка концепции «Фразеологического словаря могилевско-смоленского пограничья»; принципы отбора фразеологизмов для «Фразеологического словаря могилевско-смоленского пограничья» и др. В настоящее время определяются принципы составления этого словаря, производится отбор и систематизация диалектной фразеологии. В перспективе – создание «Фразеологического словаря могилевско-смоленского пограничья».

II. Вторая часть монографии открывается статьей Л.И. Шаповаловой об общеславянской значимости Словаря. В настоящее время неплохо описаны переходные и смешанные славянские зоны – чешско-польская, чешско-моравская, польско-белорусская, зона украинско-белорусского Полесья и др. На этом фоне белорусско-русский пограничный регион остается «белым пятном». СМСПГ восполнит этот пробел в картине славянских переходных говоров и создать прецедент для описания других белорусско-российских пограничных зон – витебско-псковской и гомельско-брянской. Кроме того, СМСПГ может стать лексикографическим источником этнолингвистических и историко-культурных сведений, имеющих общеславянское значение.

Эта часть сборника содержит два раздела: «Концепция Словаря», куда включены публикации общего плана, и «Частные вопросы разработки словарной статьи». В научных материалах *концептуального раздела* представлен широкий круг вопросов, которые можно объединить в две группы: а) вопросы, связанные со спецификой СМСПГ как первого опыта регионального словаря переходных белорусско-русских говоров; б) вопросы, связанные с разработкой словарной статьи.

Вопросы первой группы раскрываются в публикациях: В.Б. Сузанович «О специфике Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров»; В.Б. Сузанович «Продолжение и развитие традиций Словаря смоленских говоров в лексикографической практике Беларуси»; В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова, И.Н. Лапицкая «Проект Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров: проблемы и решения» и др. В них определяется тип Словаря: по степени охвата лексики СМСПГ относится к сводным словарям, поскольку в нем описывается диалектная лексика двух языковых систем – белорусской и русской; по принципу отбора лексики СМСПГ является дифференциальным, т. к. в него включается лишь диалектная лексика могилевско-смоленского пограничного региона. Таким образом, СМСПГ – региональный Словарь сводно-дифференциального типа. Специфика Словаря обусловлена особен-

ностями говоров МСП. Указанные говоры нельзя считать русскими или белорусскими, их следует квалифицировать как промежуточные, переходные белорусско-русские говоры. Методика описания переходных белорусско-русских говоров предполагает двойное противопоставление – белорусскому литературному языку, с одной стороны, и русскому литературному языку – с другой. Эта методика используется в отборе лексики, помещаемой в Словарь: сюда включаются слова, отсутствующие как в составе лексики белорусского литературного языка, так и в составе лексики русского литературного языка (см.: В.Б. Сузанович «Принципы отбора лексики для Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров»).

В региональных словарях, как известно, важная роль отводится подаче иллюстративного материала, поэтому концептуальное значение приобретает разработка основ упрощенной транскрипции, принятой в СМСПГ для записи примеров-иллюстраций. Этой проблеме посвящена статья В.Б. Сузанович и Л.И. Шаповаловой «Отражение фонетических особенностей говоров могилевско-смоленского пограничья в региональном словаре».

Вопросы второй группы раскрываются в публикациях: В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова «Особенности построения словарной статьи в Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров»; В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова, И.Н. Лапицкая «Из опыта составления словарных статей для Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров»; В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова «Способы определения значений слов в Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров»; Л.И. Шаповалова «Способы подачи фразеологизмов и их разработка в Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» и др.

Второй раздел этой части сборника включает материалы, в которых раскрываются отдельные стороны разработки словарной статьи: разработка полисемии и омонимии, разработка диалектной синонимии, варианты слов и их подача в Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров, особенности включения фразеологических единиц в структуру словарной статьи (см. работы В.Б. Сузанович, И.Н. Лапицкой, Л.И. Шаповаловой).

Распределение материала внутри частей по разделам носит условный характер, т. к. некоторые из публикаций в равной степени могут быть отнесены и к одной, и к другой части. Внутри каждой части статьи, как правило, располагаются в тематической последовательности: от более общих – к специальным; внутри разделов сохраняется тот же принцип, но публикации одного автора (если таковых несколько и они равнозначны по тематике) располагаются в хронологической последовательности: от более ранних – к более поздним.

Отобранный материал отражает взгляды авторов по названным в заголовках разделов вопросам и подается таким образом, чтобы у читателя сложилось по возможности цельное представление об излагаемой концепции.

При знакомстве с изданием нужно иметь в виду следующие обстоятельства.

1. Статьи по проблемам изучения говоров МСП и подготовки СМСПГ, опубликованные в различных научных изданиях, могли быть востребованы читателем заинтересованным, но недостаточно подготовленным к пониманию исторических и этнолингвистических оснований для выделения переходных белорусско-русских говоров зоны МСП, специфики их лексикографического описания. Поэтому статьи нередко включали стандартную вводную часть с исходными, основополагающими, ключевыми положениями, такими, например, как определение территории могилевско-смоленского пограничного региона, указание на разноречье в формулировках статуса говоров белорусско-русского пограничья у разных ученых-исследователей, общая характеристика СМСПГ как первого опыта регионального словаря переходных белорусско-русских говоров и др. Кроме того, появление стандартной части было обусловлено и тем, что хронологические рамки публикуемого в монографии материала, охватывающие период более чем в четверть века, и широкая география первоисточников, из которых извлечены публикации, до недавнего времени (до введения в научный оборот электронных технологий) делали весьма затруднительными ссылки на ранее изданные статьи. Однако в рамках монографии эта стандартная часть воспринимается как навязчивый, некорректный повтор. Поэтому важным звеном редакторской работы стало устранение таких повторов и систематизация, упорядочение публикаций. Чтобы компенсировать изъятие этой содержательно необходимой части статьи, в монографии используется прием отсылочной сноски: место сокращения стандартной характеристики маркируется звездочкой (*) / звездочками (**), а в сноске указывается фамилия автора и страница настоящего издания со статьей, где впервые приводится эта характеристика. Вместе с тем, в процессе редакторской правки в отдельных случаях повторы сохранялись, поскольку их устранение нарушило бы структуру статьи и создало лакуны в ее содержании.

2. С учетом специфики говоров МСП, в которых сочетаются белорусские и русские фонетические особенности, неизбежен определенный разноречье при подаче диалектного материала упрощенной транскрипцией; это отражается и в записях примеров, приводимых в статьях сборника. Однако при необходимости в них вносились правки, преимущественно связанные с изменениями некоторых правил принятой упрощенной транскрипции.

Указанные правки содержательного характера привели к тому, что отдельные публикации, помещенные в монографии, несколько отличаются от своих оригиналов.

Научные статьи, отобранные для данного издания, в совокупности представляли конгломерат – разнородный по способам подачи материал, который,

с учетом требований издания монографии, необходимо было упорядочить. В соответствии с этим направлением редакторской правки были выработаны оптимальные унифицированные правила и приемы оформления публикаций.

1. Наиболее важная информация – термины, определение научных понятий, изложение собственных авторских позиций и проч. – подается в тексте курсивом, а ключевые слова этих определений и концептуальных позиций выделяются и жирным курсивом.

2. Иллюстрации, в большинстве своем извлеченные из словарных статей СМСПГ, в публикациях подаются курсивом, а содержащиеся в них диалектные слова и фразеологизмы, для описания которых эти иллюстрации привлекаются, выделяются жирным шрифтом.

3. В географической (территориальной) маркировке иллюстраций используются пометы, разработанные для СМСПГ: *Мгл.* – Могилевская область, *Смл.* – Смоленская область; районы Могилевской области: *Гор.* – Горецкий, *Мст.* – Мстиславский. *Крич.* – Кричевский, *Клим.* – Климовичский, *Хот.* – Хотимский; районы Смоленской обл.: *Красн.* – Краснинский, *Мон.* – Монастырщинский, *Хисл.* – Хиславичский, *Шум.* – Шумячский, *Ери.* – Ершичский.

4. В разделе, где освещаются частные вопросы разработки словарной статьи, иллюстрациями служат полные словарные статьи СМСПГ либо их фрагменты. При этом сохраняются все принятые в Словаре способы подачи, оформления и графического выделения компонентов словарной статьи.

5. Проведена унификация оформления справочно-библиографического аппарата (сносок, ссылок на источник цитирования, примечаний, списка литературы).

Сделанные оговорки необходимы, чтобы предупредить возможные упреки читателей по поводу вышеуказанных объективных просчетов.

Авторы выражают искреннюю благодарность рецензентам – доктору филологических наук профессору кафедры русского языка Смоленского государственного университета И.А. Королевой, доктору филологических наук профессору кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета имени П.М. Машерова В.А. Масловой, кандидату филологических наук доценту кафедры теоретической и прикладной лингвистики Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова Е.К. Сычовой – за ценные критические замечания и полезные советы.

І. ГОВОРЫ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

В.Б. Сузанович

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОМ СТАТУСЕ ГОВОРОВ РУССКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Еще полвека назад известный диалектолог П.С. Кузнецов отмечал, что «граница русского и белорусского языков не может быть достаточно точно определена. На территории, занятой русским языком, прилегающей к территории белорусского языка, имеется большое количество русских говоров, содержащих известные белорусские черты, образующие как бы постепенный переход от русского языка к белорусскому» [1, с. 13]. Такое положение он объяснял тем, что «территории к западу от Москвы ... постоянно служили предметом борьбы между Русским государством и Литовским княжеством. Эти земли неоднократно переходили из рук в руки, они входили в состав то Литовского княжества, то Русского государства. Поэтому на протяжении веков здесь и вырабатываются говоры, образующие постепенный переход от русского языка к белорусскому» [1, с. 14]. По мнению других ученых (И.С. Козырев, Е.Н. Борисова и др.), эти говоры образовались в результате многовековых тесных связей русских с белорусами на основе общности социально-экономических и общественно-политических условий в определенные этапы развития двух братских народов. Таким образом, официальная граница русского и белорусского языков, совпадающая с государственной границей Российской Федерации и Республики Беларусь, является условной; по протяженности она составляет ок. 1000 км и в значительной части проходит по границе Могилевской и Смоленской областей.

Нельзя сказать, что говоры русско-белорусского пограничного региона не привлекали внимания ученых-исследователей. Они частично рассматривались в трудах Е.Ф. Карского и П.А. Расторгуева, различные стороны языка тех или иных русско-белорусских пограничных территорий раскрываются в работах А.М. Родионовой (Нащокиной), А.Б. Пень-

ковского, В.Н. Новопокровской, С.М. Прохоровой, З.И. Жаковой и др. И все же следует признать, что указанные говоры, занимающие обширную территорию, во всем объеме не подвергались всестороннему описанию, наши представления об их языковых особенностях скупы и приблизительны – да и сами эти говоры в научной литературе квалифицируются по-разному: «белорусские говоры русского языка» (Е.Ф. Карский), «смешанные русско-белорусские говоры» (П.А. Расторгуев), «переходные русско-белорусские говоры» (С.М. Прохорова и др.), «русские говоры с белорусскими чертами» (П.С. Кузнецов) и др.* В свете сказанного становится очевидной актуальность всестороннего исследования говоров русско-белорусского пограничья. Изучение говоров указанного региона, по нашему глубокому убеждению, поможет решить многие вопросы, не получившие в науке удовлетворительного объяснения, – и в первую очередь вопрос о языковой принадлежности этих говоров, об их первоначальной основе; кроме того, изучение русско-белорусских пограничных говоров позволит скорректировать границы диалектного членения русского и белорусского языков. Вот почему кафедра русского языка Могилевского пединститута более 10 лет проводит диалектологическую практику студентов в пограничных районах Могилевской и Смоленской областей. Территория могилевско-смоленского пограничного региона определяется нами условно: сюда мы включаем населенные пункты, расположенные в радиусе не более 20 км от официальной границы между Могилевской и Смоленской областями. Многолетнее наблюдение говоров в разных районах могилевского и смоленского пограничья позволяет утверждать, что официальная граница между Могилевской и Смоленской областями не имеет точного языкового соответствия: при всем своем многообразии эти говоры сравнительно однородны; приграничные могилевские говоры отличаются от соответствующих смоленских говоров незначительно, и сами отличия во многих случаях носят частный характер. Это обстоятельство служит, на наш взгляд, достаточным основанием для объединения могилевско-смоленских пограничных говоров в один лингвистический регион.

Объединение в один регион говоров разных, хотя и близкородственных языков, требует нового, нетрадиционного подхода к изучению данных говоров. Как показывают наблюдения, говоры могилевско-смоленского пограничного региона представляют собой своеобразное койне – общий язык, образовавшийся в результате тесного взаимодействия соседних русских и белорусских диалектов. Эти говоры харак-

* Ссылки на источники с выходными данными см. Сузанович 1989 (с. 280 настоящего издания).

теризуются тем, что в них органически сочетаются, образуя единое целое, русские и белорусские языковые элементы, причем такое гармоничное единство обнаруживается на всех уровнях языка. Мы приходим к убеждению, что данные говоры нельзя считать русскими или белорусскими в том смысле, какой обычно вкладывается в эти понятия; их следует квалифицировать, на наш взгляд, как промежуточные, переходные русско-белорусские (белорусско-русские) говоры. Само понятие «диалект» по отношению к переходным русско-белорусским говорам получает иное содержание, нежели это принято в диалектологической науке. Если в общепринятом смысле «диалект» – это разновидность одного, данного языка, иными словами, «диалект» – это подсистема внутри одной системы, то в нашем случае «диалект» – это подсистема, находящаяся на стыке, на пересечении двух систем. Естественно, что методика описания переходных русско-белорусских говоров, лексикографическая разработка соответствующих региональных словарей должны существенно отличаться от методик, используемых в частных русской и белорусской диалектологии и лексикографии. Если методика частной диалектологии основывается на противопоставлении диалекта одному конкретному языку (русскому, белорусскому), то методика описания переходных русско-белорусских говоров предполагает двойное противопоставление – русскому литературному языку, с одной стороны, и белорусскому литературному языку – с другой.

Литература

1. Кузнецов, П.С. Русская диалектология / П.С. Кузнецов. – М., 1951.

1993 г.

Л.И. Шаповалова

ВОПРОС О ГРАНИЦАХ И ЯЗЫКОВОМ СТАТУСЕ ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ И ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДЫ Е.Ф. КАРСКОГО

Коллектив преподавателей кафедры русского языка Могилевского государственного университета, возглавляемый В.Б. Сузанович, работает над составлением «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» на основе материалов, собранных в результате многолетнего диалектного обследования сопредельных территорий Могилевской и Смоленской областей.

В русской и белорусской диалектной лексикографии создано значительное количество региональных словарей различных типов, но пока отсутствуют словари пограничных говоров близкородственных языков – русского и белорусского. Поэтому при составлении словаря такого типа возникает множество проблем, обусловленных его спецификой. Методологические и практические подходы к их решению помогают находить диалектологические труды Е.Ф. Карского.

Важнейшая проблема, возникшая еще в начальный период диалектного обследования территории могилевско-смоленского пограничья, – определение границ самой этой территории и того лингвистического ареала, который исторически сложился в ее пределах.

Официальная граница русского и белорусского языков, совпадающая с государственной границей Российской Федерации и Республики Беларусь, по протяженности составляет около 1000 километров и в значительной части проходит по границе Могилевской и Смоленской областей.

Могилевская и Смоленская земли в своем историческом прошлом пережили много общего. До XIV в. эти земли входили в состав русских княжеств. После захвата Юго-Западной Руси литовскими феодалами Могилевщина стала владением сначала литовских князей, а с 1136 г. – польских королей. В составе польско-литовского государства она осталась до первого раздела Речи Посполитой в 1772 г., а потом снова вошла в состав России. Смоленское княжество находилось во владении Великого княжества Литовского с 1404 по 1514 год, затем было присоединено к Московскому государству, но после Смоленской обороны 1609–1611 гг. было захвачено Польшей и окончательно возвращено России в 1667 г. по Андрусовскому перемирию.

История Могилевской и Смоленской земель отражается и в исторической судьбе Мстиславля, районного центра Могилевской области. Он упоминается в летописях с первой половины XII в. как город Смоленского княжества; с 1180 года началось становление Мстиславского княжества во главе с Мстиславом, сыном смоленского князя Романа Юрьевича. С XIII в. оно оказалось на порубежье Смоленской земли и Великого княжества Литовского, переходило из рук в руки, пока окончательно не отошло к последнему, а потом на столетия – к Польше; после подписания Андрусовского мира Мстиславль оказался за Речью Посполитой. И только в 1772 г. город стал центром Мстиславского повета Могилевской губернии [1, с. 32–39].

И впоследствии границы Могилевской и Смоленской губерний не раз перемещались, и населенные пункты оказывались то на белорусской, то на смоленской стороне пограничной территории. Свидетельство тому

находим и в «Белорусах» Е.Ф. Карского, где он приводит пример фонетического явления, отмеченного им в д. Любавичи Оршанского уезда [2, с. 198], которая по современному административному делению относится к Монастырщинскому району Смоленской области и входит в обследуемый нами лингвистический ареал. В советское время эта граница тоже не была постоянной: до 1924 г. Могилевская губерния входила в состав РСФСР, а окончательно граница между Могилевской и Смоленской областями установилась лишь в начале шестидесятых годов.

Вследствие этих геополитических сдвигов, а также многовековых тесных социально-экономических и культурных связей и языковых контактов русских и белорусов определился пограничный могилевско-смоленский лингвистический ареал, характерная особенность которого – в пересечении, контактировании генетически родственных языков и их диалектов. А по общему признанию современных специалистов, граница такого лингвистического ареала не может быть определена абсолютно точно. Е.Ф. Карский был одним из первых, кто сказал об этом, определяя территорию распространения белорусских говоров и их границ. В статье «К вопросу о границе белорусских говоров», отвечая на критические и не вполне обоснованные замечания А.И. Соболевского, он писал, что в тексте первой главы его «Белорусов» довольно часто (стр. 5, 8, 12, 14) упоминается об условности проводимой границы белорусских говоров не только с южно- и великорусами, но даже с литовцами и латышами, а на лингвистической карте, составленной на основании текста этой главы, «на приблизительность границы указывает и самый способ ее обозначения: широкой с незначительным количеством изгибов красной полосой; при безусловном определении была бы тонкая линия» [3, с. 437].

Зона могилевско-смоленского пограничья и соответствующий ей лингвистический ареал и нами определяются *условно*: сюда включаются части приграничных территорий Могилевской и Смоленской областей. В пределах могилевско-смоленского лингвистического ареала сложились относительно однородные говоры, которые давно уже привлекли внимание ученых. В общетеоретическом плане они частично рассматривались Е.Ф. Карским, позже – П.С. Кузнецовым. Современные диалектологи и ареологи описывают либо отдельные говоры пограничной русско-белорусской зоны (П.А. Расторгуев, В.Н. Новопокровская), либо языковые особенности этих говоров – фонетические, лексические, грамматические (А.Б. Пеньковский, З.Н. Жакова, С.М. Прохорова)*; эти говоры нашли ча-

*Ссылки на источники с выходными данными см. Сузанович 1989 (с. 280 настоящего издания).

стичное отражение и в диалектологических атласах русского и белорусского языков. Но все же следует признать, что указанные говоры во всем своем объеме не подвергались всестороннему изучению, представления об их языковых особенностях скудны и приблизительны. И до сих пор не определен однозначно их языковой статус, что сказывается на их терминологической «отмеченности»: если эти говоры считают подсистемой русской или белорусской языковой системы, то их называют *белорусскими говорами русского языка* либо *русскими говорами с белорусскими чертами*, если же видят в них исторический результат фронтального и афронтального межъязыкового и междиалектного контактирования, то считают их либо смешанными, либо переходными русско-белорусскими говорами. Е.Ф. Карский называл эти говоры и *белорусскими*, и *белорусскими говорами русского языка*, так как «причислял их к тому или другому наречию, смотря по преобладающим в них особенностям; и белорусскую границу проводил там, где, при сильном ослаблении белорусских черт, начиналось преобладание великорусских... особенностей» [3, с. 438]. Но он признавал их переходность [3, с. 438], а на уже упоминавшейся лингвистической карте расположение «линий» и «штрихов» очень напоминает изоглоссы карт переходных говоров в современных диалектологических атласах, т. к. у Карского с помощью этих графических знаков «обозначено постепенное уменьшение белорусских особенностей в направлении от центра: в центре сплошная розовая масса; непосредственно к ней примыкают более частые линии; дальше между ними расстояние увеличивается; направление линий указывает, с какими из русских говоров, по своим чертам, сближаются соответствующие белорусские говоры. К великорусам, где белорусские особенности слабее, ведут тонкие линии, а к северным малорусам толще» [3, с. 438]. Такой способ картографирования можно использовать и для выявления языковой принадлежности и типа пограничных могилевско-смоленских говоров, которые мы квалифицируем как переходные русско-белорусские говоры, т.к. они сложились в результате интерференции языковых систем, при которой на язык-основу (русскую или белорусскую) «наслаиваются» системные показатели другого языка, причем доминантные системные показатели белорусского языка постепенно «ослабевают» при его продвижении на восток ареала, а показатели русского языка – при продвижении его на запад.

Е.Ф. Карский признавал, что при определении границы белорусских земель и белорусских говоров нужно также учитывать экстралингвистические факторы – антропологический, демографический (расселение белорусов на территории уездов Смоленской губернии), этнокультурологиче-

ский (уклад жизни населения, обычаи, традиции, обряды и пр.). Но эти факторы «переменчивы», а «единственно, что упорно держится у белорусов, это их язык», поэтому и на картах, иллюстрирующих содержание 1 главы «Белорусов», «указаны границы белорусского племени, отличительным признаком которого является белорусская речь» [3, с. 435, 436]. Е.Ф. Карский, по словам проф. В.И. Борковского, редактора 1 выпуска «Белорусов», в области диалектологии стремился «наиболее полно собрать данные... о белорусских говорах, систематизировать их и дать им историческое объяснение», поэтому «в современных белорусских народных говорах почти нет таких фонетических, морфологических и синтаксических особенностей, о которых бы в своих исследованиях не говорил Е.Ф. Карский» [2, с. 3–4]. И только подобное всестороннее изучение переходных могилевско-смоленских говоров поможет решить многие вопросы, не получившие в науке удовлетворительного объяснения, – в первую очередь вопрос о языковой принадлежности этих говоров, об их первоначальной основе, а также позволит скорректировать границы диалектного членения русского и белорусского языков.

Литература

1. Караткевіч, У. Мстіслаў: эсэ пра гісторыю і людзей адной зямлі / У. Караткевіч. – Мінск, 1985.
2. Карский, Е.Ф. Белорусы: язык белорусского народа / Е.Ф. Карский. – Вып. 1. – М., 1955.
3. Карский, Е.Ф. К вопросу о границах белорусских говоров / Е.Ф. Карский // Труды по белорусскому и другим славянским языкам. – М., 1962.

1998 г.

В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Обычно под языковой ситуацией (ЯС) понимается «функциональное взаимодействие языков или разновидностей одного языка, характерные для определенной страны или региона» [2, с. 149]. Изучение ЯС – одна из важных и актуальных задач современной социолингвистики. «Именно функционирование языка в связи с языковой ситуацией и представляет собой тот единственный специфический объект изучения, который способен оправдать относительную самостоятельность социальной лингвистики» [1, с. 7].

В настоящей работе делается попытка социолингвистического описания ЯС могилевско-смоленского пограничья. Изучение ЯС проводилось в 2000–2003 гг. в рамках программы «Комплексное исследование истории и культуры Могилевской области» путем выборочного обследования населенных пунктов на территории пограничных со Смоленской областью районов: Горецкого, Мстиславского, Кричевского, Климовичского, Хотимского.

В своем анализе мы исходили из того, что ЯС могилевско-смоленского пограничья в основных чертах отражает общую картину ЯС в Республике Беларусь, характерную для сельской местности, но вместе с тем имеет свои особенности.

Как известно, ЯС в Республике Беларусь определяется как близкородственное белорусско-русское двуязычие. Основные его составляющие – русский литературный язык, белорусский литературный язык, смешанный белорусско-русский язык; в сельской местности, кроме того, функционирует местный белорусский диалект со значительным вкраплением разноуровневых элементов русского языка. В большинстве сфер общения – делопроизводстве, сфере науки, высшего образования, сфере административно-хозяйственной и производственной, в сфере обслуживания и др. – преобладает использование русского языка; сферы употребления белорусского языка – школьное обучение в сельской местности, художественная литература, государственное радиовещание и телевидение; белорусский местный диалект преобладает в общении сельских жителей; в частных сферах общения – в быту, в семейных отношениях – наряду с русским языком используется смешанный тип языка.

В ЯС, сложившейся за последние десятилетия на территории Беларуси, смешанный язык (смешанная форма речи) – реально существующее явление. «Под смешанным языком понимается: а) язык, основанный на белорусском, но с большим количеством разноуровневых элементов русского языка и б) русский язык, перенасыщенный элементами разных уровней белорусского» [5, с. 93]. В городах уровень употребления смешанной речи зависит от сферы общения, в сельской местности смешанная речь характерна для специалистов со средним и высшим образованием.

Для изучения ЯС могилевско-смоленского пограничья было обследовано 5 населенных пунктов – по одному из всех пограничных районов: Горы Горецкого р-на, Нестерово Мстиславского р-на, Лобковичи Кричевского р-на, Полошково Климовичского р-на, Забельшин Хотимского р-на. Обследование проводилось по специальной программе с помощью анкетирования – наиболее распространенного и отработанного в социо-

лингвистике метода получения данных. Заполнение анкет осуществлялось методом группового и индивидуального опроса местных жителей. На микроуровне исследовалась ЯС в конкретном селе, взаимодействие носителей разных языков и разных форм языка в малых коллективах – в семье, с друзьями, с соседями и т. п., а также в различных коммуникативных ситуациях – в магазине, на почте, на приеме в медпункте, на сходках и т. п. Для анализа отдельных позиций национально-лингвистического плана привлекались также фактические сведения, собранные в результате собственных наблюдений, и цифровые данные, полученные в сельсоветах.

Обследование населенных пунктов, проведенное таким способом, не содержит их исчерпывающего социолингвистического описания, но в совокупности дает достаточно полную характеристику ЯС могилевско-смоленского пограничья.

По объективным показателям все обследованные населенные пункты соответствуют статусу села: в каждом из них находится сельсовет, число жителей на момент обследования превышало 1000 человек и составляло: в Забелышине и Нестерово – по 1290 чел., в Полошково – 1864 чел., в Горах – 2020 чел., в Лобковичах – 2310 чел.

Все обследованные населенные пункты расположены вблизи крупных автомобильных дорог с автобусным сообщением: через Полошково проходит трасса межгосударственного значения Кричев – Рославль, (в прошлом – часть Московско-Варшавского тракта); через Лобковичи, Нестерово, Горы проходит трасса Кричев – Мстиславль – Горки республиканского значения; через Забелышин – автомобильная дорога Хотимск – Климовичи областного значения. Это обстоятельство позволяет жителям указанных населенных пунктов поддерживать постоянное и устойчивое общение с населением областного центра и таких крупных городов, как Витебск, Бобруйск; эпизодическое общение – с населением Минска, Рославля, Смоленска. Благодаря хорошо налаженной коммуникации (асфальтированные дороги, телефонная связь) жители обследованных населенных пунктов поддерживают активную связь с населением районных центров.

Все пять населенных пунктов характеризуются развитой (по сельским меркам) инфраструктурой. В каждом из них имеется профилирующее предприятие – обычно колхоз с животноводческим комплексом (Горы, Нестерово, Лобковичи, Полошково) или совхоз (Забелышин); в Забелышине, кроме того, имеется спиртзавод. В каждом населенном пункте есть средняя школа, детский сад, библиотека, Дом культуры или клуб, медпункт, амбулатория или больница, 2-3 магазина, столовая, баня, почтовое отделение; в некоторых из них имеется также музыкальная школа (Горы,

Нестерово, Забелышин), филиал сбербанка (Забелышин), Дом ветеранов (Забелышин). Наличие профилирующего предприятия, школы, учреждения культуры и здравоохранения предопределяет социальный состав населения: в основном это колхозники, рабочие, служащие, сельская интеллигенция, учащиеся.

По национальному составу подавляющее большинство жителей обследованных сел – белорусы (свыше 80%); из других национальностей здесь проживают русские (от 12 до 15%), украинцы (2%); до недавнего времени в селе Горы проживало несколько семей поляков (потомков мелкопоместной шляхты) и евреев, но в послеперестроечные годы эти семьи уехали на свою историческую родину.

Основной контингент населения обследованных населенных пунктов – коренные жители, их предки в прошлом – крепостные крестьяне. Активные миграционные процессы на данной территории происходили дважды: первый отмечался в послевоенные годы (тогда приток русского населения был ответом на призыв руководства СССР возродить разрушенное войной хозяйство Беларуси); второй имел место в конце прошлого века и связан с переселением белорусских семей из районов, пострадавших в результате аварии на ЧАЭС.

По возрастному составу в сельсоветах выделяются следующие группы: дети до 15 лет (от 18% в Забелышине до 26% в Горах), трудоспособное население до 60 лет (от 46% в Горах до 53% в Полошкове), пенсионеры после 60 лет (от 26% в Полошкове до 60% в Лобковичах). По образовательному уровню обследованные села представляют довольно пеструю картину: здесь проживают неграмотные и малограмотные (до 5%), лица с начальным образованием (4-5%), сравнительно немного (около 12%) лиц с высшим образованием; большинство жителей (около 80%) имеют среднее и среднее специальное образование.

Официальными языками всех обследованных населенных пунктов являются русский и белорусский литературные языки. Русский язык активно используется в административно-хозяйственной и производственной сферах: на нем ведется вся документация (приказы, распоряжения, отчеты, протоколы и т. п.), осуществляется внешнее оформление села (названия улиц, надписи на мемориальных досках, памятниках, надгробиях и т. п.).

На русском и белорусском языках в равной степени производится внутреннее оформление учреждений: административно-хозяйственные, медицинские, торговые учреждения (сельсоветы, правления колхозов, заготконторы, магазины, медпункты и т. п.) оформляются, как правило, на русском языке; учреждения культуры, отделения связи, школы, детские сады – на русском и белорусском языках.

Школьное обучение в обследованных селах ведется как на белорусском, так и на русском языке: белорусскоязычная школа функционирует лишь в Лобковичах, русскоязычная – в Полошково, в остальных населенных пунктах школы двуязычные: часть предметов преподается на белорусском языке, другая часть – на русском. Такое положение объясняется тем, что в педвузах республики, за исключением отделений белорусского языка и литературы филологических факультетов, преподавание ведется на русском языке и фактически отсутствует подготовка педагогических кадров для школ с белорусским языком обучения; не лучше обстоит дело и с выпуском учебников на белорусском языке по школьным предметам.

Таким образом, на официальном уровне сферы функционирования русского и белорусского языков приблизительно одинаковы, что позволяет квалифицировать двуязычие в зоне могилевского-смоленского пограничья как *равновесное*. То же наблюдается в культурной сфере: на обоих языках проводятся концерты, вечера художественной самодеятельности, белорусские и русские песни звучат на свадьбах, сельских праздниках; на обоих языках сельчане читают газеты и журналы, слушают радио, смотрят телепередачи.

Для выяснения ЯС в сфере повседневного семейно-бытового общения во всех пяти населенных пунктах было проведено выборочное анкетное обследование жителей, в ходе которого было проанкетировано 40 респондентов – по 8 в каждом селе. Среди анкетированных 14 мужчин и 26 женщин.

По национальному составу подавляющее большинство – белорусы (34), русских – 4, украинцев – 2. Любопытно, что из 7 национально-смешанных семей, в которых один из супругов русский, другой белорус, 6 респондентов-детей относят себя к белорусам и лишь один – к русским. По возрасту выделяются следующие группы: до 20 лет – 1, от 21 до 40 лет – 6, от 41 до 60 лет – 12, после 60 – 21. По образовательному уровню: неграмотных – 1, с начальным образованием – 6, с неполным средним и средним 15, со средним специальным и высшим 18. По социальному составу среди анкетированных оказалось 3 рабочих, 5 колхозников, 5 служащих, 8 представителей сельской интеллигенции, 18 пенсионеров, 1 студент. По профессии и роду занятий в наш список попали учителя, медресотники, бухгалтеры, продавцы, шоферы, токари, тракторист, механизатор, доярка, колхозный бригадир, ветеринар, агроном, пастух. Подавляющее большинство респондентов являются либо коренными жителями данной местности, либо приехали из соседних деревень.

Из всех анкетированных белорусский язык своим родным считают 14 человек, русский – 21, остальные 5 назвали родными оба языка. Та-

ким образом, более половины (52%) респондентов указали русский язык в качестве родного языка и лишь 35% – белорусский. Эти показатели существенно отличаются от данных, полученных в результате последней переписи – как по республике в целом, так по Могилевской области и по указанным приграничным районам [3; 4]. Эти данные см. в табл. 1.

Таблица 1

Территориально-административные районы	Родной язык	
	<i>белорусский</i>	<i>русский</i>
Республика Беларусь	ок. 70%	ок. 30%
Могилевская обл.	76,8%	21,8%
Горецкий р-н	84,9%	14%
Климовичский р-н	88,7%	10,3%
Кричевский р-н	84,4%	14,6%
Мстиславский р-н	75,9%	23,1%
Хотимский р-н	88,1%	10,9%

Как видим, процент жителей республики в целом и Могилевской области, назвавших своим родным языком белорусский, значительно выше приведенных нами показателей. Такое несоответствие связано, на наш взгляд, с тем, какой смысл вкладывают респонденты в понятие «родной язык»: родной язык как основной язык общения (т. е. язык, которым лучше, свободнее владеют) или как национальный символ (т. е. язык своей национальности). В нашем случае превалирует коммуникативная функция родного языка, а в ответах на вопросы переписи – его символическая (этническая) функция.

На вопрос «Насколько хорошо владеете русским языком?» 30 респондентов ответили «свободно пишу, читаю, говорю»; на тот же вопрос по отношению к белорусскому языку о свободном владении заявили 16 человек. Многие из анкетированных – в основном представители сельской интеллигенции – свободно владеют обоими языками. Среди респондентов оказались и такие, кто вообще не владеет белорусским языком (4), русским (1).

Для значительной части анкетированных (24) основным языком общения в семье, на работе с коллегами, с друзьями, односельчанами служит смешанный язык или местный диалект, причем сами информанты не видят разницы между этими понятиями. Анкетирование показало, что многие из тех, кто, по самооценке, свободно владеет двумя литературными языками, в повседневном общении предпочитает пользоваться смешанной формой речи или местным диалектом. Исключение составляет общение с детьми дошкольного и школьного возраста, с которыми в большинстве случаев родители стараются общаться на нормативном русском языке (16)

или на русском и белорусском (7), реже – только на белорусском (3); лишь в двух семьях в общении с детьми допускается смешанный тип языка или местный диалект.

При активном использовании смешанного языка в повсеместном общении важно определить языковую основу этой системы: разновидностью какого языка – русского или белорусского она является, к какому из языков относят ее сами носители. Чтобы выяснить это, в анкету был включен вопрос «К какому языку – русскому или белорусскому относится ваш местный говор?» Ответы распределились следующим образом: 19 респондентов считают их смешанную речь разновидностью русского языка, 12 – разновидностью белорусского, остальные затруднились ответить. Как видим, по субъективному мнению большинства ответивших на этот вопрос респондентов, их местная (смешанная) речь является русской. Выяснение реального статуса этой языковой системы требует специального изучения и не входит в задачу данной работы.

Одна из важных сторон социолингвистического исследования двуязычия – определить степень приверженности билингвов к родному и ко второму языкам. С этой целью в анкету были включены вопросы: «Любите ли вы свой родной язык» и «Как вы относитесь ко второму языку?» Ответы на эти вопросы см. в табл. 2.

Таблица 2

Варианты ответов	Русский язык	Белорусский язык
люблю	32	25
не люблю	1	2
отношусь безразлично	3	5
затрудняюсь ответить	4	8

Изучение ЯС путем социолингвистического обследования населенных пунктов во всех районах, непосредственно примыкающих к могилевско-смоленской границе, и анкетного обследования жителей этих населенных пунктов дает объективное представление о ЯС могилевско-смоленского пограничья. Как показывает исследование, в ЯС этого региона функционируют 4 языковые системы: русский литературный язык, белорусский литературный язык, смешанный тип языка, местный диалект. Основная сфера функционирования литературных языков – официальное общение. Общественные функции этих языков не имеют четких разграничений. Русский язык доминирует в сфере административно-хозяйственных и производственных отношений, в делопроизводстве, в сфере обслуживания. В отличие от русского языка, приоритеты белорусского языка не обозначены: во всех сферах он функционирует параллельно с русским

языком (сфера школьного образования, сфера культуры и др.). В сфере повседневного семейно-бытового общения широко используются смешанный тип языка и местный диалект, разграничить функции которых, как и сами эти языковые системы, не представляется возможным. С учетом доминирующего положения русского языка ЯС могилевско-смоленского пограничья следует квалифицировать как русско-белорусское двуязычие.

Литература

1. Аврорин, А.В. К проблеме социальной лингвистики / А.В. Аврорин // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания : тезисы докладов и сообщений пленарных заседаний. – М., 1974.
2. Васильева, Н.В. Краткий словарь лингвистических терминов / Н.В. Васильева, В.А. Виноградов, А.М. Шаханович. – М., 1995.
3. Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 года: население Могилевской области : статистический сборник. – Могилев, 2000.
4. Итоги переписи населения Республики Беларусь: национальный состав населения Республики Беларусь и распространение языков : статистический сборник. – Т. 1. – Минск, 2001.
5. Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси. – Минск, 1999.

2005 г.

В.Б. Сузанович

ГОВОРЫ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (опыт сравнительно-типологического описания)

1. Белорусско-русские пограничные говоры занимают значительную территорию: государственная граница Республики Беларусь и Российской Федерации проходит через 6 областей – Витебскую, Могилевскую, Гомельскую в Беларуси и Псковскую, Смоленскую, Брянскую в России. Общая протяженность белорусско-российской границы составляет свыше 1000 км, причем большая ее часть проходит по границе Могилевской и Смоленской областей (могилевско-смоленское пограничье – МСП).

2. В языковом отношении приграничные могилевские говоры отличаются от соответствующих смоленских говоров незначительно, что имеет глубокие исторические корни. За годы своего многовекового существования эти земли, не имеющие четких границ, то входили в состав Киевской Руси, то находились во владении Великого княжества Литовского, то относились к окраине Российского государства. Общая судьба приграничных

могилевских и смоленских земель способствовала постоянному сближению братских белорусского и русского народов и их языков; в наши дни такому сближению содействуют живые контакты между жителями соседних могилевских и смоленских деревень.

3. Говоры МСП квалифицируем как русско-белорусские (белорусско-русские) переходные говоры. Эти говоры представляют собой своеобразное койне – общий язык, образовавшийся в результате тесного многовекового взаимодействия русских и белорусских диалектов. В наше время говоры МСП подвергаются двойному воздействию – и со стороны русского литературного языка, и со стороны белорусского литературного языка. Таким образом, указанные говоры характеризуются тем, что в них органически сочетаются, образуя единое целое, русские и белорусские языковые элементы; такое гармоническое единство прослеживается на всех уровнях языка – лексическом, фонетическом, деривационном, грамматическом. Отсюда вполне очевидно, что при изучении говоров МСП на первый план выступает метод сравнительно-типологического анализа, позволяющий не только обнаружить русские и белорусские языковые элементы разных уровней в говоре, но и установить соотношения между ними.

4. С учетом сказанного попытаемся описать лексику говоров МСП. Словарный состав этих говоров довольно разнороден, он включает в себя наслоения различных степеней, отражающие как общее развитие говоров данного региона, так и влияние со стороны русского и белорусского языков. В словарном материале говоров МСП выделяются следующие лексические пласты: а) слова общевосточнославянские, одинаково употребляющиеся и в русском, и в белорусском литературном языке: *белый, береза, земля, ты, пять, носить* и т. п.; б) слова, употребляющиеся в русском литературном языке и отсутствующие в белорусском: *бусы, деревня, качели, крестьянин, кровать, магазин* и т. п.; в) слова, употребляющиеся в белорусском литературном языке, но отсутствующие в русском: *бацька, бурак, весёлка, ратовать, хмара, хустка* и т. п.; г) слова собственно диалектные, отсутствующие в русских и белорусских нормативных словарях либо зафиксированные в них с соответствующей пометой: *бутян* ‘аист’, *гуль* ‘свадьба’, *ковзельцы* ‘санки’, *котёлка* ‘подсолнух’, *курапа* ‘лягушка’ и т. п.; д) слова, употребляющиеся в белорусском языке как нормативные, а в русском – как нелитературные (областные, просторечные): *бульба, горелка, домовина, крыга, леки, пуня* и т. п.; е) просторечные и бранные слова, находящиеся за пределами как русского, так и белорусского нормативного словаря: *брюхатая, брехливый, рехаться* ‘двигаться’, *канэрхатъ* ‘хромать’.

5. Наблюдения показывают, что русские и белорусские дублеты не имеют строгого территориального закрепления и употребляются как на Могилевщине, так и на Смоленщине; нередко те и другие активно сосуществуют, образуя синонимические пары. Так, в нашем регионе повсеместно распространены синонимические ряды типа *крыша – стреха, ужинать – вечерять, юбка – сподница, парень – малец – хлопец, туча – хмара, картошка – картопля – бульба, голубика – дурника – дурница – дурки* и т. п. С другой стороны, на всей территории могилевско-смоленского пограничного региона можно отметить преимущественное распространение одного из двух лексических вариантов – либо русского: *баня, колхоз, поезд, председатель, магазин* и др., либо белорусского: *батька, бурак, гроши, молодик, хата* и др. В отличие от русских и белорусских лексических дублетов собственно диалектные слова могут иметь как повсеместное распространение в говорах МСП (*андарак, бутян, кабат, крусадня, курапа* и др.), так и ограниченное употребление могилевским пограничьем (*бэнзь* ‘внебрачный ребенок’, *кузина* ‘брюква’, *журубья* ‘украшения, бижутерия’, *столевань* ‘потолок’ и др.) либо смоленским пограничьем (*бахарь* ‘холостяк’, *шутник* ‘балагур’, *карандаш* ‘малорослый человек’, *подженишник, подневестница* ‘распорядители на свадьбе со стороны жениха, невесты’, *портяк* ‘простая домотканая юбка’ и др.).

1992 г.

В.Б. Сузанович

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (фонетико-грамматический аспект)

Могилевско-смоленские пограничные говоры, как, впрочем, и говоры русско-белорусского пограничья вообще, в лингвистической науке до сих пор не получили всестороннего освещения. С учетом этого обстоятельства, а также в связи с подготовкой регионального Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров (СМСПГ) возникла необходимость в лингвистическом описании говоров данного региона.

Изучение говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП) проводилось в 2001–2002 гг. путем выборочного обследования приграничных со Смоленщиной населенных пунктов на территории Хотимского, Климовичского, Кричевского, Мстиславского, Горецкого районов. Обследование

проводилось по специально разработанной программе с помощью анкетирования: заполнение анкет осуществлялось методом группового опроса носителей местного диалекта; полученные данные затем выверялись представителями сельской интеллигенции, хорошо знакомыми с особенностями этого диалекта. В результате такого обследования было получено 10 рабочих анкет, изучение которых позволяет получить общее представление о структурных особенностях современных говоров МСП. Как показывают данные анкет, одни языковые особенности имеют распространённость по всей территории МСП, другие охватывают значительную часть этой территории, третьи имеют локальное распространение. Несомненно, первые и вторые составляют структурную основу МСП, последние требуют специального изучения. Ниже приводятся фонетические, морфологические и синтаксические особенности, составляющие структурную основу говоров МСП.

Фонетические особенности: 1) аканье с преобладанием недиссимилятивного типа; 2) яканье с преобладанием сильного типа; 3) произношение [ы] на месте старого редуцированного [ы]: *мыю, крыю*; 4) отсутствие редукции безударных гласных не первого предударного слога; 5) произношение [γ] фрикативного, в том числе и в иноязычных словах: [γ]он^та, [γ]азета, [γ]валт; 6) произношение звука [ǔ] на месте [в] перед согласным и в конце слова: *праўда, дроў*; 7) произношение [ǔ] на месте [л] в формах глагола прош. времени: *быў, мыўся*; 8) произношение вставного [в] перед начальными [о] [у]: *восень, вуліца*; 9) твердое произношение аффрикаты [шч]: *шчука, шчыт*; 10) произношение долгих и удвоенных согласных в результате выпадения [j]: *свиння, ноччу*. Как видим, фонетическую основу говоров МСП составляют особенности белорусского языка, многие из которых (аканье-яканье, [γ] фрикативное, [ǔ] неслоговое и др.) характеризуют также южнорусское наречие. Вместе с тем такие яркие белорусские черты, как дзеканье-цеканье, твердые [р] и [ч], в говорах МСП утрачивают «лидирующие» позиции и все больше вытесняются русскими эквивалентами: [dʲ]ень, [tʲ]ень, к[рʲ]ук, [чʲ]сто. Имеет тенденцию к утрате и произношение протетических гласных в словах типа *иржать, аржаний, илгать*.

Морфологические особенности: 1) существительные *собака, тень, боль, медаль* в говорах МСП относятся к жен. р.; 2) слова муж. р. типа *дедушка* в Род. п. имеют окончание -и, в Дат. и Тв. п. здесь наблюдаются колебания: Дат. п. *дедушке* и *дедушку*, Тв. п. *дедушкой* и *дедушком*; 3) существительные типа *вода* в Вин. п. имеют ударение на окончании: *ваду, нагу*; 4) отсутствует особая звательная форма; 5) в Род. п. личные и возвратные местоимения оканчиваются на -е, а в Вин. п. – на -я; 7) наблюда-

ется смешение глаголов 1 и 2 спряжения: *ходятъ, носятъ, просятъ*, но *колятъ, полятъ* и др.; 8) у глаголов с основой на заднеязычный отсутствует чередование с шипящим при изменении формы: *стерегу-стерегѣт, пеку-пекѣт*; 9) у возвратных глаголов постфикс *-ся* после гласного сохраняет конечный гласный звук: *учуся, билися, смеюся*. Таким образом, морфологическую основу говоров МСП составляют как белорусские особенности (пп. 3, 6, 9 и др.), так и русские (пп. 1, 4 и др.) и диалектные (пп. 7, 8). Следует отметить наличие многочисленных вариантов, включающих русские и диалектные формы в системах склонения имен и спряжения глаголов.

На территории МСП распространены следующие синтаксические конструкции: а) *сбегай за бабой (за председателем)*; б) *ходили по болотам (по городу, по лесу)*; в) *заболел гриппом (сердцем, желудком)*; г) *приехали з (с) Минску (Могилева, Москвы), вышли з лесу*; д) *говорить (думать) про войну (внуков, сыночка)*; е) *женился на Любе (Янице)*; ж) *смеяться с него (з яго, з бабы)*; з) *пасем (пасвим) коней (коров, гусей, коз)*. Как показывают приведенные данные, в целом синтаксическую основу говоров МСП формируют конструкции русского языка и частично белорусские и диалектно-просторечные конструкции.

2004 г.

2. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

В.Б. Сузанович

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Территория могилевско-смоленского пограничья (МСП) находится на пересечении генетически родственных языков и культур, поэтому жители МСП являются носителями двух восточнославянских культур – белорусской и русской. Для любого народа во все времена выявление его культурных традиций не утрачивает актуальности, а в наше бурное время возрождения восточнославянского менталитета, основанного на православных ценностях, эта задача представляется не только актуальной, но и своевременной.

Для изучения народной культуры МСП нами была разработана анкета из 52 вопросов, касающихся аспектов духовной культуры, имеющих

давние традиции. Анкетирование проводилось в условиях диалектологических экспедиций последних лет в 22 населенных пунктах (обследовано 17 могилевских и 5 смоленских деревень), что составляет лишь пятую часть территории МСП; поэтому наши наблюдения носят предварительный характер.

Анализ анкетного материала позволяет вскрыть несколько пластов, в той или иной степени характеризующих современное состояние народной духовной культуры МСП.

1. Культурные традиции, заложенные предыдущими поколениями, продолжают жить и развиваться на большей части обследованной территории.

2. Культурные традиции, заложенные предками, сохранились в памяти старшего поколения.

3. Культурные традиции предков сохранились лишь в языке жителей МСП – в фольклорно-мифологических терминах и фразеологизмах.

4. Культурные традиции предков носят единичный и случайный характер.

5. Культурные традиции предков не сохранились в памяти современных поколений.

Ввиду ограниченного объема статьи остановимся лишь на культурных аспектах первого разряда, поскольку именно они определяют нынешнее состояние народной культуры МСП.

Следует признать, что прошедшее столетие для республик бывшего СССР прошло под флагом разрушения духовной культуры, основанной на христианских традициях. С одной стороны, партийно-государственная политика СССР, поставившая во главу угла борьбу с религией и атеистическую пропаганду, идею «о формировании единой общечеловеческой культуры коммунистического общества», была направлена на выхолащивание христианского духовного наследия. С другой стороны, активные миграционные процессы, вызвавшие отток молодежи из сельских мест в города, привели к глобальному старению деревень и как результат – к резкому сокращению свадеб и рождений и к угасанию связанных с ними обрядов.

В силу указанных причин на территории МСП живые и развивающиеся культурные традиции представлены довольно слабо – это народные поверья и приметы, погребальные и поминальные обряды, фрагменты народных праздников и гуляний.

Народные поверья и приметы возникли в первобытном обществе и были связаны с верой в сверхъестественные силы, в добрых и злых духов, в судьбу. Вместе с тем эти составляющие народной духовной культуры

основаны на жизненном опыте, наблюдениях над явлениями природы, поведением животных. В этом смысле народные поверья и приметы содержат рациональное зерно, что обеспечило им долгую жизнь, позволило сохраниться до наших дней почти в неизменном виде. Приведем несколько примет МСП, связанных с поведением животных. *Варона крычить, униж падаить – будить дощ* (Городище, Хисл. Смл.); *К пультге сыбаки кычаюцца* (там же); *Пятухи к пагоди пають рана* (там же); *Пеўни пяють – дощ будя* (Барсуки, Крич. Мгл.); *Кот у печки спить – к марозу* (Селец, Мст. Мгл.); *Кошка мыщица – жди гостей* (там же); *Камары мак талкуць – к добрай пагоди* (Суздалевка, Хисл. Смл.).

Погребение умерших – древнейший обряд славян, сочетающий языческие и христианские элементы, в которых проявился культ предков. В разных местах МСП этот обряд различается лишь в деталях. Обычно покойника хоронят на второй или третий день после смерти, его обмывают соседки, *штобы перад богам явиўся чисты и нипарочны* (Селец, Мст. Мгл.; Яновка, Хот. Мгл.). Обычай сидеть ночь у гроба покойника жители МСП объясняют по-разному: *каб яму была висялей* (Песочня, Гор. Мгл.); *каб душа ни аставалась адна* (Селец, Мст. Мгл.); *каб яго лицо ни абьеў кот ти крыса* (Яновка, Хот. Мгл.). Могилу копают чужие мужчины. Все участники бросают в могилу горсть земли (в некот. местах по 3 горсти), *кап пакойнику была мяхка и тёпла* (Песочня, Гор. Мгл.). На крест свежей могилы вешают рушник, *кап пакойнику было чим вытирацца* (Барсуки, Крич. Мгл.). После похорон устраивают поминальный ужин (*покойников стол, горячий стол, клёцки*). Из ритуальных блюд подается сначала освященный хлеб (*праскурка*), затем *канон, кутья*; завершают трапезу *клёцки*. Все выпивают по две чарки водки, но не чокаются, т. к. *чёкання – эта правазглашэння здравя* (Песочня, Гор. Мгл.); *быяцца, што пакойник пригласить к сабе* (Барсуки, Крич. Мгл.).

Поминальные обряды проводятся через 9 дней (*девятины*), 6 недель (*шестины, сорочины*) и через год (*годовины, роковины*).

В современном погребальном обряде отмечаются элементы позднего происхождения: в доме умершего завешиваются окна и зеркала, родные покойного облачаются в черные одежды, похоронная процессия сопровождается траурной музыкой, свежая могила облагается цветами и др.

Старые и новые культурные традиции сочетаются в праздновании купальской ночи с 6 на 7 июля. Сведения о купальских праздниках содержатся в белорусских грамотах XIV–XV вв. Наиболее древний обряд – купальские костры – восходит еще к родовому строю и олицетворяет солнце. На территории МСП, по данным анкетирования, разжигание костров за-

нимает центральное место в купальских развлечениях: *На Купала жгли кастры, гулялі ў разныя гульні, прыгали праз кастры* (Яновка, Хот. Мгл.; Селец, Мст. Мгл.); *На Купалу украдуць хлопцы калясо, навесюць на дрэвы, патпалюць яго, развядуць агонь і гуляюць* (Барсуки, Крич. Мгл.); *На Купалу деўкі песні пели, потым жарнікі палілі, сала жарілі* (Звенчатка, Клим. Мгл.). Сохранилась также старинная традиция гадать на венках, пуская их по реке: *На Купалу вили вяночки с красак. На вяночак привязывали такую достачку и ставили свечачку. Запальвали свечку и пускали еты вянок на ваду. К вянку ставили мету, каб ні папутать. К якому бярэгу прыплывець – у той бок замуш пайдеш* (Аниковичи, Гор. Мгл.).

Еще недавно обязательным компонентом купальской ночи был воспетый в народных легендах обычай искать «папарать-кветку»: *Расказвали, што находили. Ина белыми цветиками цвятеть. А если нашоў, то шчасливым будиш* (Барсуки, Крич. Мгл.). Однако по данным анкетирования эта купальская традиция в наше время перестала быть актуальной. К поздним элементам купальских забав можно отнести различные бесчинства, творимые молодежью. *На Купалу робюцца ўсякия бяшчынствы: раскидають лаўки, ламають пряслы* (Яновка, Хот. Мгл.); *Адин раз была: натылкалі сена ў камбінзон і пыклалі на дароги; утрам ідем – чілавек ляжыць. А была, дрывамі вылажылі рэлысы да мыгазіна. Пірынясуць тувалет на сярэдыну дароги, напишуць «Піва-воды»* (Городище, Хисл. Смл.); *Быў случай, кыда на дваре разыбравлі тэлегу, занесли на крышу і знову сыбравлі* (Тростино, Хот. Мгл.).

По рассказам старых людей, эти забавы молодежи стали устраиваться в послевоенное время. В д. Звенчатка нами записан текст, объясняющий подобные действия: *На Ивана Купала ведьмы ходюць, хламё носьць. Пад ету ноч ведьмы кіруюць людзьмі, делают усякия падделы. Таму люди і бесюцца.*

Состояние народной культуры, как уже отмечалось, во многом зависит от государственной политики. Нельзя не признать, что нынешняя политика Республики Беларусь направлена на возрождение христианских духовных ценностей, а через них и на возрождение лучших традиций народной культуры. Так, с официальным признанием Рождества Христова и Радуницы праздничными днями получают новое рождение такие компоненты народной культуры, как колядные увеселения, приведение в порядок могил, поминальные трапезы на могилах усопших; с возвращением народа к православию возрождаются обряды венчания молодых и крещения детей.

2001 г.

ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ АНКЕТЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Как уже отмечалось, жители могилевско-смоленского пограничья (МСП) являются носителями двух культур – белорусской и русской. Могилевско-смоленские национально-этнические и социокультурные связи имеют глубокие исторические корни. За годы своего многовекового существования эти земли, не имевшие четких границ, то входили в состав Киевской Руси, то находились во владении Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, то относились к западной окраине Российской империи. Перемещение границ между Могилевской и Смоленской областями происходило и после образования БССР и РСФСР (известно, что до 1924 г. Могилевская губерния входила в Российскую Федерацию). Окончательная граница между Могилевской и Смоленской областями утвердилась лишь в начале 60-х гг. прошлого века.

Но и находясь в составе разных республик Советского Союза, жители приграничных могилевских и смоленских территорий поддерживали тесные контакты друг с другом: это и постоянные торговые связи между белорусскими и российскими соседями, и обмены учащейся молодежью, и нередкие браки между молодыми людьми соседних деревень с той и другой стороны, и взаимное участие смоленцев и могилевчан в официальных праздниках, народных гуляньях, традиционных обрядах и мн. др. Таким образом, могилевско-смоленские связи складывались исторически как на основе территориальной близости, так и на основе социально-экономических и общественно-политических условий в определенные периоды их развития. Эти связи на территории МСП оказались настолько прочными, что их не смогли поколебать ни деструктивные процессы перестроечного времени, ни кризисные ситуации, вызванные распадом СССР и возникновением на его обломках молодых суверенных государств.

Для любого народа во все времена выявление его культурных традиций не утрачивает актуальности, а в наше бурное время – время возрождения восточнославянского менталитета, основанного на христианских ценностях, и возрождения национальной самобытности восточных славян – эта задача представляется не только актуальной, но и своевременной. Указанным обстоятельством, а также подготовкой регионального «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» (эта работа ведется в стенах МГУ имени А.А. Кулешова уже почти четверть века и в настоящее время

находится на стадии завершения) объясняется наш интерес к изучению народной культуры МСП.

Следует признать, что двадцатое столетие для республик бывшего СССР прошло под флагом атеистической пропаганды и разрушения духовной культуры, основанной на христианских традициях*. Активные миграционные процессы, вызвавшие отток молодежи из сельских мест в города, привели к глобальному старению деревень и как результат – к резкому сокращению свадеб и рождений и к угасанию связанных с ними обрядов. В силу указанных причин на территории МСП живые и развивающиеся культурные традиции представлены довольно слабо: это народные поверья и приметы, погребальные и поминальные обряды, фрагменты народных праздников и гуляний. Поэтому важнейшая задача текущего момента – собрать по народной культуре нашего региона все, что еще сохранилось, и затем по фрагментам восстанавливать целостный вид той или иной культурологической единицы.

Для целенаправленного собирания материала нами разработана специальная анкета из 52 вопросов, касающихся различных аспектов народной культуры, имеющих давние традиции. Анкета составлена на основе анализа и обобщения различных источников: академических программ для собирания диалектной лексики, материалов «Полесского этнолингвистического сборника» (1983), трудов по лингвокультурологии известного белорусского профессора В.А. Масловой, материалов энциклопедии «Этнаграфія Беларусі» (1989); из местных источников в составлении анкеты широко привлекались материалы трехтомного издания «Опыт описания Могилевской губернии...» под ред. А.С. Дембовецкого (1882–1884).

ВОПРОСЫ АНКЕТЫ

1. Известен ли обряд, связанный с рождением ребенка? Опишите по этапам. Как называлась роженица? Кто принимал роды? Кто из родных присутствовал при родах? Что сулило семье рождение мальчика? Девочки? Кто давал имя мальчику? Девочке? Какие поверья связаны с рождением ребенка? Как назывались внебрачные дети? Как относились односельчане к таким детям? А к матери-одиночке? Как называли женщину, родившую внебрачного ребенка?

2. Опишите по этапам обряд крещения ребенка. Как назывался этот обряд? Главные участники этого обряда? Кого выбирали крестными родителями? Как они назывались? Какова их роль в обряде крещения ребенка? Кому первому передавали крещеного ребенка? Во что его заворачивали? Чем завершался обряд крещения?

* Подробнее об этом см. в предыдущей статье (с. 32 и след. настоящего издания).

3. Опишите по этапам обряд похорон. Зачем обмывали покойника? Кто это делал? Во что одевали покойника? На какой день после смерти положено хоронить покойника? Зачем нужно ночью сидеть у гроба и кто это должен делать? Как называлась похоронная процессия? Кто должен был копать могилу? Как назывались кладбища? Почему участники похорон бросают в могилу горсть земли? Что они при этом говорят? Как называется застолье после похорон? Какие были ритуальные блюда (выпечки)? Почему на таких застольях не чокаются? Клади ли в старину на могилы деревянные колоды? Как они назывались? Для чего это делалось?

4. Как и где хоронили колдунов? Что им клали в гроб и для чего?

5. Где раньше хоронили некрещеных людей? Самоубийц? Чем отличались их могилы? Что будет, если похоронить самоубийцу на кладбище: засуха, дождь или что-либо другое?

6. Когда и почему вешают на могильный крест полотенце (рушник)? Что еще вешали на кресты и зачем?

7. Какие были раньше поминальные обряды в первый год после смерти родственника? В какие дни это происходило? Как назывались эти дни? (*девятины, сороковины, годовщина, роковина; деды* или как-либо еще?). Опишите поэтапно эти обряды. Какие из них сохранились? Чем они отличаются от соответствующих старинных обрядов?

8. В какие праздники девушки гадали? Описать 3-4 гадания.

9. На какие праздники готовили кутью? Как называлась эта кутья? Кого приглашали на кутью (мороз, дедов, волка или кого-либо еще), что при этом говорили?

10. Как раньше колядовали на Рождество? Во что рядились? Как назывались колядовщики? Какая роль отводилась детям? Как назывались колядные песни (*щедрики, щедры* или как-либо еще)?

11. На какие праздники молодые люди ставили особую свечу (когда ставили парни и когда девушки)? Как назывались эти свечи?

12. Когда и где собиралась деревенская молодежь на посиделки с работой и для увеселения? Как называлась изба, в которой молодые люди собирались?

13. Почему в пятницу нельзя было пряхсть? Что еще запрещалось делать в этот день?

14. Известен ли обычай «*водить колодку*», «*тягать колодку*»? В чем он состоял? В какие дни это делалось и зачем?

15. В какие праздники жгли костры: на Рождество, на Пасху, на Троицу, на Ивана Купалу или когда-либо еще?

16. Когда в старину молодежь творила бесчинства и в чем это выражалось? В какое время суток это делалось: утром, днем, вечером, ночью? Устраивались ли бесчинства (таскали телеги, лодки, бочки, переворачивали их, затаскивали на крышу; снимали заборы, выводили скот из хлева и т. п.) на Ивана Купалу, Новый год, Рождество, на свадьбах? Когда еще? Опишите подробно такое действо.

17. Был ли обычай кататься, кувыркаться по земле, по житу? Когда это делали, кто и зачем?

18. Почему при окончании жатвы в поле оставляли колосья? Как они назывались? Что с ними делали?

19. Опишите обряды, связанные с началом жатвы. Чем перевязывали хозяина поля? Обставляли ли его снопами? Как называли (дразнили) жнеца, который жал хуже других? Чем заканчивался первый день жатвы?

20. Когда носили святить колосья? Как их связывали, сплетали (крестом, венком, букетом, снопом или как-нибудь еще)? Как назывался такой букет (венок, сноп и т. п.)? Что с ним делали после освящения?

21. Какие предметы и для чего подкладывали под порог хлева при первом выгоне скота?

22. Какие предметы помещали в хлев, чтобы уберечь скотину от всякого зла (вешали убитую птицу, втыкали косу, серп, крапиву или что-либо другое)?

23. Что делали в старину, чтобы был хороший лен? Что обозначает выражение «на долгий лен»?

24. Какие в старину были праздники по случаю завершения уборки урожая (*дожинки, докопки, оббирки*, что еще)? Опишите 2-3 таких празднества.

25. Был ли обычай в праздник (когда именно?) сечь, рубить веник после подметания хаты, двора? Зачем это делали? Что делали со старыми вениками?

26. Известен ли обычай катать на бороне (в корыте, на тачке или на чем-либо еще) тещу, невесту, молодых, свата, повитуху – (кого именно)? Когда это делали и для чего?

27. Кто мог наводить порчу? Как говорили о порче: *сглазить, сурочить, накинуть, свочить, перевести, приделать, приробить* или как-нибудь еще? Как называлась сама порча: *сглаз, суроки, суроцы, уроки, придел, пристрек, примовка* или как-то по-другому? Кто снимал порчу? Как это делалось? Как называлось это действо? Описать 2-3 случая снятия порчи.

28. Ветками каких деревьев украшали хату? Как называлась такая зелень? Когда это делалось и для чего? Известен ли обычай украшать хату на свадьбу? Куда вставляли такие ветки свадебного дерева?

29. Кто занимался ворожбой на любовь? Как назывались такие люди? Как называется процесс ворожбы? Приведите синонимы слова «*ворожба*», если они известны. Опишите ворожбу на случай «*приворожить любовь*» и на случай «*отвести любовь*».

30. Что делали в старину жарким летом, чтобы пошел дождь? Что при этом говорили?

31. Что делали в дождливое лето, чтобы прекратились дожди и ярко светило солнце? Что при этом говорили?

32. Жили ли в данной местности колдуны? Как их называли в народе? Как к ним относились жители: уважали, боялись, обращались к ним с разными просьбами, старались держаться от них подальше или что-либо другое?

33. Кого называли *волкулаком* (*вовкулака, волкун, вовкун, волчар, вовчар* и т. п.)? Где они жили? Где их хоронили?

34. Что делали, когда сажали капусту, чтобы получить хороший урожай (садились на грядку, втыкали крапиву, клали камень или что-либо другое)?

35. Какие птицы пользуются у местных жителей популярностью и почему? Запишите легенды об аисте (*бусле, бутяне*), кукушке, ласточке и др. птицах.

36. Почему нельзя причинять вред аисту, ласточке? Что будет, если принести вред этим птицам?

37. Что делали, чтобы в доме не водились клопы, тараканы, мухи, блохи и т. п.?

38. Как раньше сводили бородавки? Запишите несколько способов.

39. Как назывались народные целители? Какими травами, цветами, грибами или чем-либо еще они лечили? Как готовились лекарства народными лекарями? Запишите несколько рецептов народных снадобьев и лекарств.

40. Какие фольклорно-мифические существа известны в данной местности: *леший, домовой, русалка, водяной, дворовик, кикимора, банник* или кто еще? Где живет каждый из них (в лесу, болоте, речке, бане и т. п.).

41. Как, по народным поверьям, выглядел *домовой*? Какие функции он выполнял? Записать легенды, связанные с образом домового?

42. Как, по народным поверьям, выглядел *леший*? Какие функции он выполнял? Записать легенды, связанные с образом лешего.

43. Как, по народным преданиям, выглядел *водяной*? Какие функции он выполнял? Запишите легенды, связанные с образом водяного.

44. Как, по народным преданиям, выглядела *русалка*? Где она жила? Какие функции она выполняла? Запишите легенды, связанные с образом русалки.

45. Известны ли в данной местности *вампиры* и *людоеды*? Где они жили? Как назывались? Где их хоронили?

46. Какие деревья, по рассказам старых людей, символизируют доброе начало, а какие приносят людям несчастье? Запишите несколько легенд о деревьях: дубе, березе, ели, яблоне, калине, рябине и др.

47. Существуют ли в данной местности обычаи, связанные с плодовыми деревьями? Что предвещает вторичное цветение плодовых деревьев? Запишите 2-3 приметы или обычая, касающиеся фруктовых деревьев.

48. Какие животные на данной территории особо почитались: конь, корова, коза, собака, кошка, заяц, медведь или кто-либо другой? Какие приметы связаны с поведением животных? Приведите 3-4 приметы. Запишите 3-4 легенды о животных.

49. Что означало увидеть во сне рыбу, птицу, корову, лошадь, кошку, собаку? Известны ли в данной местности вещие сны? Запишите сны, предвещающие благополучие, и сны, предвещающие беду.

50. В какой день приход первого посетителя сулит благополучие (какое?)

51. Что предвещает приход мужчины (мальчика), а что приход женщины (девочки)?

52. Известны ли на данной территории заговоры против нападения собак, быков, гусей, диких зверей? Запишите 3-4 таких заговора.

Предложенная анкета может стать основой для изучения народной культуры других белорусско-российских пограничных зон – витебско-псковской и гомельско-брянской.

2008 г.

Т.С. Воробьева

**ТРАДИЦИОННАЯ СВАДЬБА
НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
(программа собирания сведений о свадебном обряде
для подготовки регионального словаря)**

В условиях урбанизации, ускоренных темпов промышленного развития ощутима острая потребность в сохранении, изучении и переосмыслении богатого наследия народной культуры – базовой основы национального возрождения.

Значительное место в духовной культуре занимает свадебный обряд. Именно со свадьбой человек связывал мысли о продолжении рода, непрерывности бытия, о создании семьи.

Свадебный обряд Могилевщины на восточнославянском фоне имеет специфические этнографические и лексические особенности. Особенно это касается восточного региона Могилевщины – зоны могилевско-смоленского пограничья, поскольку здесь в результате пересечения, контактирования близкородственных славянских языков – белорусского и русского – сложились относительно однородные говоры, которые ученые-диалектологи считают переходными.

Для изучения особенностей свадебного обряда Могилевщины разработана программа. Она состоит из трех основных разделов, включающих разные периоды свадебной реальности. Такая структура позволяет представить свадебный обряд в полном объеме. Следует отметить также специфичность вопросов, большинство которых содержит в качестве вариантов номинаций реалий как литературные русские и белорусские слова, так и диалектные лексемы и фразеологизмы. Кроме того, вопросы программы – это открытые ряды, не только допускающие, но и предполагающие возможность иного наименования реалии.

ПРОГРАММА-ВОПРОСНИК

А. ДООБРЯДОВЫЙ ПЕРИОД

1. Как называется немолодая незамужняя девушка: *беззаконница, девка, вековуха, засиделка, дева вековая, заседлая девка* или как-то иначе? 2. Как называется немолодой неженатый парень: *бобыль, вековень, беззаконник, вековуха, монах, седень*. 3. Как говорят о девушке, долго не выходящей замуж: *задековать, завековать, одевониться, быть в девках* или как-то иначе? 4. Парень, который ухаживает за девушкой: *дроля, зоря, кавалер, ухажер, облюбенец* или как-то иначе? 5. Девушка, за которой ухаживает парень: *зоря, ухажерка* или как-то иначе? 6. Любовные взаимоотношения молодых: *женихаться, дурювать, любиться, облетывать, упадывать, ухаживаться* или как-то иначе? 7. Как говорят: *влюбиться, влехаться, прилюбить, дать любжу*. 8. Каким термином называют понятие «любовь»: *любовь, каханне, жалость* или как-то иначе?

Б. ДОСВАДЕБНЫЙ ПЕРИОД

І. СВАТОВСТВО

1. Как называют способы выбора брачного партнера: *сделать мету, бахаря женить* или как-то иначе? 2. Как называется брак без ведома роди-

телей: *убег* или как-то иначе? 3. Брак, заключенный без обряда: *без венца, сойтись в свете* или иначе? 4. Девушка, вышедшая замуж без свадьбы: *обыдёнка, выскочка* или иначе? 5. Жениться против воли парня (девушки): *женить из-под ремня, взять ружьем* или как-то иначе? 6. Выражение основных понятий, связанных со сватовством: *сватовство, заручины, просватины; закинуть сватов, поехать в сваты; засватать, заручить, сваиить, свести* или как-то иначе? 7. Обряд знакомства жениха и его родственников с невестой: *смотрины, розгляды, сугляды, угляды; ездить в выгляды, ходить с вedomом*. 8. Мужчина, который сватает: *сват, свойник, густый сват, толстый сват*. 9. Женщина, которая сватает: *сваха, сваи-ка, густая сваха*. 10. В каком значении употребляется слово *сваишка*? Обозначает ли это слово: а) того, кто сватает; б) сестру жениха или невесты; в) организатора свадебного застолья; г) любую старую женщину на свадьбе? 11. Как называется сватанье со стороны невесты: *проведки* или как-то иначе? 12. Как называется полотенце для свата: *рушник, андарат, косинка*? 13. Как называется корзина, с которой ходят в сваты: *кошелек* или как-то иначе? 14. Как называются и в каком порядке проходят этапы сватовства: *сугляды, сватовство, заручины, сговор* или как-то иначе? 15. Употребляется ли и в каких значениях слово *запоины (запой)*? 16. Договориться (договор) о дне свадьбы, организационных и хозяйственных вопросах торжества: *запить, пропить; запой, сговор, рукобיתье*. 17. Как называют девушку после сватовства: *сговорёнка, помолвленная*? 18. Отказать при сватовстве: *посигнуть* или как-то иначе?

II. ПОДГОТОВКА К БРАКУ

1. Как называется этап подготовки к свадьбе: *заведено дело* или иначе? 2. Как называется обычай осматривать хозяйство жениха перед свадьбой: *глядеть двор, смотреть двор* или как-то иначе? 3. Как называются имущество и деньги, которые давали родители дочери при выходе замуж: *вузел, выправа, приданое, пасаг, пасага, приданство*? 4. Как называют животных, которых родители давали дочери при выходе замуж: *пасаг, бонда* или как-то иначе? 5. Куда складывали приданое: *кубел, кубло, сундук, скрыня*? 6. Действия, связанные с подготовкой приданого: *дать на придану, постель связать, трубы наткать, узлы связать*? 7. Девушка, у которой нет приданого: *бесприданница, беспасажница*?

III. КАНУН БРАКА

1. Застолье в канун брака в доме жениха: *вечеруха, мальчишник*?
2. Застолье в канун брака в доме невесты: *вечеринка, венок, девичня, де-*

вишник, девочки, зломня, девич вечер или как-то иначе? 3. Как называется обряд «продажи постели»: *откупить постель* или иначе? 4. Как называется свадебный хлеб: *каравай, каравайница, кубатка*? 5. Как называют тех, кто печет свадебный хлеб: *каравайница* или как-то иначе? 6. Действия, связанные со свадебным хлебом: *катать каравай, делить каравай*? 7. Как называется свадебное деревце: *вильце, елка, елочка*? 8. Существовало ли свадебное знамя и как оно называлось? 9. Как называется тот, кто ходит приглашать на свадьбу? 10. Действие приглашения на свадьбу: *приглашать, зазывать, кликать* или как-то иначе?

IV. БРАК. ПОНЯТИЯ, СВЯЗАННЫЕ СО ВСТУПЛЕНИЕМ В БРАК, СО СВАДЬБОЙ

1. Какими терминами называют вступление в брак: *замужье, заму-жество; брать шлюб, становиться в брак* или иначе? 2. Как говорят о вступлении в брак парня: *окашиться, обкрутиться, обабиться, прочеловечиться; женку взять, взять в жены, брать за себя*? 3. Как говорят о вступлении в брак девушки: *зайсти, садиться; выйти (пойти, взойти) замуж, в бабы пойти*? 4. Как говорят о живущих в зарегистрированном браке: *жить в елочку* или как-то иначе? 5. Как говорят о живущих в гражданском браке: *пристать, сойтись, прийти на жительство* или как-то иначе? 6. Зарегистрировать гражданский брак: *записаться, побрататься, заводные брать* или как-то иначе? 7. Как называется акт регистрации брака: *распись* или как-то иначе? 8. Как говорят о повторных браках: *женьба* или как-то иначе? 9. Как говорят о свадебном торжестве: *свадьбу (веселье) играть, гулять, справлять*. 10. Общее название свадьбы: *свадьба, веселье, веселки, гуль, гульба, пасяг; веселое гулянье, веселый пир, весельный стол, свадебный вечер* или как-то иначе? 11. Совмещенная по времени свадьба дочери и сына: *круглая свадьба* или как-то иначе?

V. СОБЫТИЯ БРАЧНОГО ДНЯ

1. Молодожены в день свадьбы: а) *женех, князь, молодой*; б) *невеста, княгинька, молодая, молодуха, подвенечница*. 2. Лицо, одевающее невесту к венцу: *снарядиха* или как-то иначе? 3. Одевать невесту к венцу: *прибирать, рядить* или иначе? 4. Головной убор невесты: *венки, кокошник, уплёт*; фата невесты: *вэль, кисея, повойник* или как-то иначе? 5. Свадебная одежда невесты: *обряд, сбор, шлюбное платье*? 6. Ожидание невестой жениха в день свадьбы: *посад* или иначе? 7. Как называется обряд выкупа невесты: *выкупить (откупить) косу, покупать воду, оплачивать невесту* или как-то иначе? 8. Как называют действия покупающих: *сытать*

медь или иначе? 9. Парни, сопровождающие жениха на свадьбе: *дружки, дружина*. 10. Девушки, сопровождающие невесту на свадьбе: *товаришки, дружки*. 11. Свидетельница со стороны невесты: *подневестница, дружка, первая, шаферка, шаферица, старшая боярка*. 12. Свидетель со стороны жениха: *подженишник, подмолодой, шафер, шаферный, старший дружка*. 13. Распорядитель на свадьбе: *тамада, дружок, толмач*. 14. Распорядитель свадебного поезда: *тысяцкий* или как-то иначе? 15. Какие термины обозначают способ совершения свадебного действия в обряде «поезда»: *ехать по невесту, ездить в отвод* или иначе? 16. Обряд обручения и венчания: *венец, идти под венец* или иначе? 17. Венец над головами молодых при венчании: *венок, венец, кокарда*. 18. Как называются деньги, вино, конфеты, используемые для покупки приданого невесты: *выкуп* или как-то иначе? 19. Препятствия, учиняемые свадебному поезду односельчанами невесты: *ворота ставить, городить дорогу, закидывать зайца* или иначе? 20. Вручение подарков молодым: *дарины, дары; обридовать?* 21. Что означает выражение *дарить жениха*: а) невеста одаривает родителей жениха; б) родственники одаривают жениха. 22. Что означает выражение *дарить невесту*: а) жених одаривает родителей невесты; б) родственники одаривают невесту. 23. Какие свадебные действия совершаются на свадебном пиру: *выкупить стол, выкупить место* или другие? 24. Кого сажали «на кут» во время свадьбы: а) жениха и невесту; б) крестных жениха и невесты; в) родителей жениха и невесты. 25. Гости свадебного пира: *княжество, круглая беседа* или как-то иначе? 26. Гости со стороны невесты у жениха: *вечерники* или как-то иначе? 27. Как называются родители невесты: *приданные* или как-то иначе? 28. Как называется мать жениха: *свадебная матка* или как-то иначе?

VI. ПОСЛЕСВАДЕБНЫЙ ЭТАП

1. Свадебный пир на второй день в доме жениха: *княжий стол* или иначе? 2. Свадебный пир на второй день в доме невесты: *отгащивание*. 3. Обряд, символизирующий целомудренность невесты: *клеть, красная водка, возвеличивание* или как-то иначе? 4. Как называют невесту на второй день свадьбы: *молодуха, молодица?* 5. Как называется обряд надевания женского головного убора: *завязать хустку, завязаться молодухой (молодушкой)* или как-то иначе? 6. Чем теща обычно угощает зятя? 7. Как называются обрядовые действия испытания невесты? 8. Блюдо, сигнализирующее об окончании свадебного торжества: *сладкое снаданье, сладкий стол* или как-то иначе? 9. Второй день свадьбы: *догулы, горох молотить* или как-то иначе? 10. Последний день свадьбы: *догулки, званки, крош-*

ки, *отходины*? 11. Завершение свадебного застолья: *стол отошел, отошла свадьба* или как-то иначе? 12. Другие участники свадебного обряда: а) лица, привозившие приданое невесты – *кубельники, придани*? б) крестная мать – *крестка, матуся*; крестный отец – *прихожатый, татуся*? в) лица, берущие выкуп за невесту в обряде «препятствий поезду» – *зайцы*?

В. ПОСЛЕОБРЯДОВЫЙ ПЕРИОД

1. Как называются парень и девушка, которые недавно поженились: *молодожены, молодые, молодены* или как-то иначе? 2. Как называется замужняя женщина: *занятая, молодуха* или иначе? 3. Как называется женатый мужчина: *занятый* или как-то иначе? 4. Как называются послесвадебные обряды и обычаи и что они означают: *банкет, отводины, перезов, ехать в отголоски*? 5. Как называют мужа: *хозяин, человек*? жену: *хозяйка*? супругов: *вечная дружина* или как-то иначе? 6. Муж, живущий в доме жены: *примак, зачуха, приемыш* или иначе? 7. Жить в доме жены после свадьбы: *быть в примах, жить в зятях*? 8. Жить в расторгнутом браке: *быть в разводе* или как-то иначе? 9. Как называются разведенные супруги: *разженя* или как-то иначе? 10. Как называется неверный муж: *крутель* или как-то иначе? 11. Есть ли особые названия для мужчины (женщины), который (ая) женится (выходит замуж) во второй или третий раз: *двоежен* или как-то иначе? 12. Употребляется ли выражение «голодный зять» и в каком значении? 13. Опишите весь ход свадьбы, отдельные ее этапы, обряды и обычаи вместе с текстами песен, припевок, приговорок, пожеланий и шуток.

Данную программу можно использовать для сбора материала по свадебному обряду в других диалектных зонах. Опросник может быть основой для составления регионального словаря.

2008 г.

Л.И. Шаповалова, Т.С. Воробьева

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕРМИНОВ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

В зоне могилевско-смоленского пограничья (МСП) исторически сложился этнолингвистический ареал, представляющий интерес для специалистов разных гуманитарных наук – истории, этнографии, линг-

вистики. В пределах этого ареала в результате пересечения, контактирования близкородственных славянских языков – белорусского и русского – сложились относительно однородные говоры, которые ученые-диалектологи считают переходными. Лексико-фразеологический фонд говоров МСП хранит бесценные сведения о материальной и духовной культуре восточных славян. Поэтому объектом изучения в этнолингвистическом аспекте могут стать единицы диалектного лексико-фразеологического фонда, семантическая структура которых содержит национально-культурную коннотацию, т. е. смысловые «наслоения», отражающие связь данных языковых единиц с обычаями и традициями народа. Несомненный интерес для изучения в этнолингвистическом аспекте представляет выявленная в говорах МСП и представленная в картотеке «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» обширная группа терминов свадебного обряда.

Традиционный свадебный обряд восточных славян – одно из наиболее замечательных явлений восточнославянской народной культуры. Он представляет собой сложный комплекс, включающий в свой состав весьма разнообразные по происхождению, характеру и функциям элементы, названия которых и составляют номенклатуру терминов свадебной обрядности. По мнению исследователей, последние принадлежат одновременно и языку, и культуре, поэтому каждый обрядовый термин является знаком, который несет существенную информацию о внеязыковой действительности обряда и способствует закреплению в сознании носителей традиционной народной духовной культуры представления о ритуальных функциях лиц, предметов и действий свадебного обряда. Свадебный ритуал восточных славян, будучи устойчивым в своих основных этнокультурных параметрах, варьируется в разных социальных средах и локальных группах [2, с. 400], что находит отражение в свадебной терминологии. Поэтому представляется актуальным установить локальные варианты терминов свадебного обряда в переходных говорах МСП.

Свадебный обряд могилевско-смоленского пограничного региона в целом сохранил черты восточнославянской свадебной традиции, где весь свадебный обряд обычно делится на предсвадебный (подготовительный), собственно свадебный и послесвадебный (заклучительный) этапы. Варьирование чаще всего наблюдается в ритуальных действиях этих этапов и в составе их функционально маркированных участников (чинов). И национально-культурная специфика свадебной терминологии в говорах МСП проявляется, на наш взгляд, преимущественно в наименованиях собственно свадебного обряда и его этапов, в наименованиях отдельных

обрядовых действий и свадебных чинов, а также некоторых реалий свадебной обрядности.

Повсеместно восточнославянский свадебный обряд начинался со сватовства (укр. *сватання*, бел. *сватанне*), которое было основным обрядовым действием предсвадебного этапа. В говорах МСП для обозначения этого действия используются номинации *заручины* и *запоины*, *запой*, *запой*: *Пирит свадьбай усигда бывають заручины, кыда жаных сватаюцца к нявесты* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *Заўчора хлопец з Анофрына хадуў к суседям у сваты, заручины у их были* (Селец, Мст. Мгл.); *Спирва на заручинах зысватають деўку, тады гарелку пьют, назначать день свадьбы и пьют* (Полошково, Клим. Мгл.); *Я тожа пайшоў на запоины з батьками, братами, и яще сем чалавек з нами были* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *Сначала запоины деляють, а патам ужо свадьбу* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Пирит свадьбай жыних едит с радней к нявесты на запой, дэгываривыцца ап свадьбы* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *Як сваты приходили, деляли запой*. Дык мы с маткай някли пираги ўсю ночь (Лобковичи, Крич. Мгл.); локальный вариант *запой* зафиксирован только в близлежащих селах Хотимского района на белорусской стороне пограничья: *Кали приходять у сваты, то згоду миш сватоў празнують – робять запой* (Липовка, а также Узлоги, Забелышин, Хот. Мгл.). Локальный вариант *закосины* зафиксирован на территории сопредельных пограничных районов – Мстиславского и Монастырщинского: *Заручины, закосины – эта усё анно*. (Татарск, Мон. Смл.) и *На закосины мац пришли сват сы свахай, жаных мой и яшче багата народу* (Нестерово, Мст. Мгл.).

В говорах МСП отмечается разнообразие номинаций собственно свадебного обряда (ср.: русск. *свадьба*, укр. *весілля*, бел. *вясьле*). Причем встречаются как однословные номинации – *весёлки*, *веселуха*, *гуль*, *гульба*, *гульня*, *гулянка*, так и фразеологические обороты – *весёлое гулянье*, *весёлый пир*, *вясельный стол*, *свадебный стол*. В этих названиях отражается традиционное ритуальное предписание, какой должна быть свадьба: восточнославянской «свадьбе полагалось быть веселой и грустной одновременно, песенной и речистой» [2, с. 401]. В говорах МСП в номинациях свадебного обряда на первый план выступает сема ‘*веселье*’: *Харошыя вясёлки у их были, радни многа сыбралася и ат нявесты, и ат жаных* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *У нас на пасёлку, кали жэнюцца, дык кажут, што у их висялуха* (Узлоги, Хот. Мгл.). В обрядовой терминологии говоров МСП отражается также представление о свадьбе как игре, в которой четко обозначены и распределены роли, есть свои правила и запреты: *А гуль мы спраўляли пыся Пасхи, раньшы батюшка ни винчаў* (Викторово,

Красн. Смл.); *Настя дочку замуш аддае, во гуль будить* (Липовка, Хот. Мгл.); *Скора ў дзярэўні гульба будить, наша сасетка замуш идеть* (Викторowo, Красн. Смл.); *Маладыя с сільсавета на машыны приехали, лентами украсили яе ды шырамы, гульба ужо начилася* (Татарск, Мон. Смл.); *Гульня у нас была очинь харошая. Батька барана зарезал, вотка была, краснинькая, винагрет, кильки* (Викторowo, Красн. Смл.); *Во гульня ў дзярэўні была, дык нявеста такая прыгожая была, раньшы так ни наряджаліся* (Липовка, Хот. Мгл.); *У мяне на гулянькі многа народу было, уся радня съехалася мяне замуш выдавать* (Русское, Шум. Смл.); *Сичас на гулянку грошай многа нада. Када жаніх багаты, дык и гулянка харошая. Ды ни такая, як у нас, нивясёлая нейкая* (Селец, Мст. Мгл.). Широко известному русскому выражению *играть свадьбу* и белорусскому *гуляць вяселле* соответствует распространенное в говорах МСП выражение *гулять свадьбу*, явившееся результатом контаминации этих двух номинаций: *Раней свадьбы гуляли добра, весила, з гармоникам* (Селец, Мст. Мгл.). Нами зафиксирован и узколокальный вариант номинации свадьбы – *пасяг*, возникший в результате метонимического переноса белорусской лексики *пасаг*, служащей для обозначения приданого, которое является символом материального обеспечения брачного союза: *У маёй дачкі сёння пасях, малая яшчэ, 20 гот, но калі хоча замуш, хай выходить* (Милейково, Мст. Мгл.); *Пасяк наш праходіў, як и у кождага чалавека* (Русское, Шум. Смл.). Неслучайным является употребление в устойчивых сочетаниях *вясельный стол*, *свадебный стол* компонента *стол*. Это предмет особо почитаем у славян. «Символическое осмысление стола в народной традиции во многом определяет его уподобление церковному престолу. Формулы «стол – это престол» и «стол – это престол Божий» известны у всех восточных славян» [1, с. 366]. Возможно, в номинациях *вясельный стол*, *свадебный стол* отражается бытовая (коллективная, семейная и общинная) санкция брака. Кроме того, фраземные номинации свадьбы дифференцируются в зависимости от конкретных бытовых ситуаций, например, свадьба дочери и сына одновременно – *круглая свадьба*, *двойная свадьба* или две свадьбы одновременно в одной деревне – *круглая свадьба*: *У нас и круглыя свадьбы были: дочь и сын у адин день женияца*. (Понятовка, Шум. Смл.); *Мая сасетка справляла двайную свадьбу, дык столькі гасцей была, што травы ў полі*. (Звенчатка, Клим. Мгл.).

Обрядовые номинации послесвадебного этапа в говорах МСП дифференцируются в зависимости от длительности свадьбы – два-три дня или более, и существуют специальные термины для второго и третьего, а также последнего дня свадьбы при любой ее длительности: *догулы* ‘вто-

рой день свадьбы', *званки*, *крошки* – 'третий день свадьбы', *догулки*, *отходины*, *па'крошни* – 'последний день свадьбы': *На нашей свадьби дагулы только на други день были, пакуль ни пагуляла ўся дяреўня* (Липовка, Хот. Мгл.); *А на третий день на званки сабиралася только радня жыниха и нявесты* (Н. Дедин, Клим. Мгл.); *На крошках у жаныха и нявесты сабирали старых людей* (Лобковичи, Крич. Мгл.); *Дагулки – эта последний день гулянки*. (Любавичи, Мон. Смл.); *Атходины справляли аж на пять день, як уся дяревня нагулялася-напилася* (Липовка, Хот. Мгл.); *Наступають п'акрашнии, када свадьба приходить да заключэння* (Звенчатка, Клим. Мгл.).

Национально-культурная специфика свадебной лексики в говорах МСП проявляется и в наименованиях действующих лиц, которые составляют одну треть слов всей лексико-тематической группы «Свадьба», что неслучайно, поскольку свадебным чинам предписывалось выполнение определенных ритуальных действий. В говорах МСП отмечены специальные наименования чинов: *снарядиха*, *снаряделка* 'женщина, одевавшая невесту к венцу'; *тысяцкий* 'распорядитель свадебного поезда'; *толмач* 'распорядитель свадебного торжества'; *вечерняя сваха* 'женщина, привозившая постель невесты'; *кубельник* 'человек, перевозивший приданое'; *каравайница* 'женщина, выпекавшая каравай к свадьбе'; *свашка* 'сваха'; *густый сват* и *густая сваха* 'главные сват и сваха': *Я ужо три раза снарядихай была. Трох дяўчат к свадьби прыбирала*. (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Целый вечар талмач на гармошке играў* (Татарск, Мон. Смл.); *Кали ма-ладья дамой шли, за ими вячэрняя сваха пастель несла* (Титовка, Клим. Мгл.). Однако в свадебном обряде есть полифункциональные чины, которые именуются по своей основной обязанности, например, *дружок*, *дружка*, *дружба* – свидетель со стороны жениха, но в его обязанности входило также руководить свадебным торжеством; специальным термином этот чин с расширенными обрядовыми функциями не именовался: *А на свадьби дружок усим сталом запраўляў* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Хто на свадьби распыражаицца, таго дружком или дружбай завуць* (Любавичи, Мон. Смл.). Таким образом, в говорах МСП выделяются специальные термины для обозначения чина (есть обрядовое действие – есть чин, его выполняющий – есть название чина) и термины для обозначения полифункциональных чинов (есть обрядовое действие – нет специального чина, выполняющего действие – нет соответствующего термина, т. е. является лексическая лакуна).

Литература

1. Славянская мифология : энциклопедический словарь. – М., 1995.
2. Этнография восточных славян : очерки традиционной культуры. – М., 1987.

2008 г.

Т.С. Воробьева

НАЗВАНИЯ СВАДЕБНЫХ ЧИНОВ СО СТОРОНЫ НЕВЕСТЫ (на материале могилевских говоров)

Свадебно-обрядовая терминология все чаще становится предметом исследования. Ее особенность состоит в том, что она принадлежит одновременно и языку, и культуре. Каждый свадебно-обрядовый термин является знаком, «который несет существенную информацию о внеязыковой действительности обряда» [1, с. 65].

Предметом нашего внимания является один из важнейших моментов свадебно-обрядового комплекса – перевоз приданого. Это действие, как и другие свадебные акты, одновременно имеет и сакральное, и профанное значение. Его смысл связан с передачей необходимых вещей невесты в дом жениха, т. е. с социальными функциями обряда. Сакральное значение связано с представлением о переходе девушки-невесты после свадьбы в другой мир – семью мужа. Этот переход предваряется перевозом вещей невесты в сопровождении ее родственников в дом жениха.

Выделяются две группы терминов, семантическим признаком которых является функция перевоза приданого. В первую группу входят термины, для которых этот признак не единственный. Так, в некоторых районах Могилевщины приданым распоряжается полифункциональный персонаж *сват* (Черевач, Клич. Мгл.; Силичи, Костюк. Мгл. и др.). Однако чаще всего эта функция закреплена за специальной группой участников свадьбы или одной особой. На территории Могилевщины к терминам такого рода относятся лексемы *приданые* (*приданки*, *приданники*), *постельница*, *гости*.

Наиболее распространенным является термин *приданые* – группа людей, состоящая из родных и родственников невесты. В Шкловском р-не (д. Комаровка), например, в такую группу входили тетки и дядьки невесты, а в Глусском (д. Зеленковичи) – свояки и братья [2, с. 423]. На второй день свадьбы *приданые* перевозили имущество невесты в дом жениха,

где их встречали с песнями, угощали. Часто после их приезда происходил торг: родственники жениха выкупали приданое невесты.

Свадебный термин *приданые* образовался в результате метонимического переноса *объект* → *субъект*: *приданое* → *человек, который везет приданое*. Для других лексем этого словообразовательного ряда *придан-к-и*, *придан-ник-и* мотивирующим словом также является *приданое*, способ их образования – суффиксальный.

Следует отметить, что сам термин *приданое* употребляется в двух значениях: в одних районах *приданным* называют все то, что девушка ткала, вязала и шила для своего жениха, в других *приданое* – это все имущество невесты, включая живность, которую ей давали родители. Во многих инвариантах свадебного обряда на Могилевщине все приданое называют по его главной составной части – *постели*, напр., в д. Байлюки Глусского р-на и в д. Лебедевка Славгородского Могилевской обл. Это слово отмечено также в составе фразеологизма *откупить постель* ‘дать выкуп за приданое невесты’ (Климовичский р-н). Лексема *постель* стала мотивирующей для термина *постельница*. Так называют женщину со стороны невесты, как правило, замужнюю, в функции которой входит перевезти постель в дом жениха и расстелить ее там для молодых. Любопытно отметить, что во многих пунктах в значении ‘имущество невесты’ встречается термин *вузел* (*вузель*), значение которого развилось в результате сужения, конкретизации общеупотребительного значения слова *узел*. Этот термин встречается в Чаусском р-не (д. Радомль), Мстиславском (д. Заболотье), Могилевском (д. Стужица) и др., причем чаще всего в паре с другими лексемами: *вузел* – *приданое*, *вузел* – *пасаг* (Кулешовка, Полошково, Клим. Мгл. и др.). Зарегистрировано также употребление этого термина в составе фразеологизма *вязать узлы* ‘готовить дочери приданое’ (Шамово, Мст. Мгл.; Ст. Дедин, Клим. Мгл.).

Наряду с общеупотребительным, термин *гости* в инварианте могилевского свадебного обряда имеет значение ‘группа людей, которая перевозит приданое невесты в дом жениха’. В доме жениха этих людей принимали как самых почетных и уважаемых гостей, что и мотивировало развитие указанного обрядового значения. С другой стороны, термин *гости*, как нам представляется, связан с оппозицией *свой* – *чужой*: любой гость – это человек извне, т. е. «чужой», а в свадебной традиции это человек из другого мира – мира невесты, т. е. тоже чужой семье жениха.

Таким образом, названия свадебных чинов мотивированы обрядовыми функциями, которые они выполняют.

Литература

1. Вяселле. Абрад. – Мінск, 1978.
2. Сухавіцкая, І.М. Да этналінгвістычнага аналізу паўднева- і усходнеславянскіх вясельных тэрмінасістэм / І.М. Сухавіцкая // Веснік БДУ. – 1993. – № 1.

2001 г.

Т.С. Воробьева

НАЗВАНИЯ СВАДЕБНЫХ ЧИНОВ СО СТОРОНЫ ЖЕНИХА (на материале могилевских говоров)

Традиционный свадебный обряд – одно из наиболее замечательных явлений народной культуры. Он представляет собой сложный комплекс, включающий в свой состав весьма разнообразные по своему происхождению, характеру и функциям элементы, названия которых и составляют номенклатуру терминов свадебной обрядности. По мнению исследователей, обрядовые термины принадлежат одновременно и языку, и культуре, поэтому каждый из них является знаком, «который несет существенную информацию о внеязыковой действительности обряда» [1, с. 65] и способствует закреплению в сознании носителей традиционной духовной культуры представления о ритуальных функциях лиц, предметов и действий свадебного обряда.

В словарном материале могилевских говоров обширный пласт (1/3 слов всей лексико-тематической группы «Свадьба») составляют названия действующих лиц свадебного обряда. И это не случайно. Именно свадебным чинам предписывалось выполнение тех или иных ритуальных действий. «Состав участников (чинов) свадьбы и их поведение довольно жестко регламентировались» [2, с. 400].

Как и в восточнославянской традиции, в могилевском свадебном обряде обязательными участниками свадьбы со стороны жениха были родственники, крестные отец и мать, кумовья, друзья. Все они имели свои обязанности. Кумовья, например, выполняли роль сватов и свах; часто крестный отец выступал в качестве распорядителя свадебного торжества.

Полифункциональные чины именовались преимущественно по своей основной обязанности. В качестве дифференциального признака выступали характеристики, наиболее значимые с точки зрения обрядовой ситуации и народного восприятия. Например, половая принадлежность лица – свадебного чина: *сват* ‘мужчина, занимающийся сватовством’, *сваха* ‘женщина, занимающаяся сватовством’. Названия тех, кто сватает, в могилевских го-

ворах составляют синонимические ряды, в состав которых входят наряду с лексемами фразеологические обороты: *сват, свойник, первый сват, густой сват, толстый сват и сваха, свашка, густая сваха, толстая сваха*. Важность этого чина наглядно демонстрируют адъективные компоненты устойчивых оборотов: *первый(ая), густой (ая), толстый (ая)*. И сват, и сваха часто являлись распорядителями свадебного торжества.

На протяжении всего обряда жениха сопровождали друзья, представлявшие половозрастную группу, которую он покидал. Они осуществляли вместе с девушками – подружками невесты – коллективную санкцию перехода жениха и невесты в группу женатых и породнение семей жениха и невесты. Самые распространенные названия для друзей жениха – *дружки, дружки*, встречаются на всей территории Могилевщины. На северо-западе региона зафиксировано в этом значении собирательное существительное *дружина*. В некоторых районах нет специального термина для обозначения данного чина, и парней, сопровождавших жениха, называют *друзья, товарищи*.

Важным действующим лицом на свадьбе со стороны жениха был свидетель. Он был рядом с женихом во всех ритуалах, при венчании держал над головой жениха корону, решал вопросы, касающиеся выкупа, и в некоторых фрагментах свадебного обряда мог быть распорядителем свадебного торжества. Важность этого свадебного чина подтверждается большим количеством терминов для его названия: от литературных *свидетель* (русск.), *шафер* (бел.) до диалектных лексем и фразеологических оборотов. Это наименования с приставкой *под-* в значении ‘звание ниже другого, должность помощника’: *подженишник, подмолодой*; лексемы с корнем *друж-*: *дружка, дружок, подружник*; дериват от белорусского *шафер* – *шаферный*, а также устойчивые сочетания *старший шафер, первый шафер, старший дружка, старший дружок*. Самыми распространенными являются лексемы *шафер, подженишник*, в некоторых районах Могилевщины они употребляются параллельно (восток, юго-восток региона) либо включаются во фразеологические обороты.

Состав свадебных чинов мог расширяться. Тогда отдельные обязанности закреплялись за специальными чинами. Это явление находит свое отражение и в терминологии. В могилевских говорах отмечены специальные наименования чинов: *тысяцкий* ‘распорядитель свадебного поезда жениха’, *толмач* ‘руководитель свадебного торжества’, *приданочки* ‘гости со стороны жениха, идущие с подарками в дом невесты’. Кроме того, зафиксированы специальные термины для родственников жениха: *сватья* ‘тетка жениха’, *свашка* ‘сестра жениха’, *свадебная матка* ‘мать жениха’.

Таким образом, действующие лица со стороны жениха оказывают принципиальное влияние на ход обряда, их функции могут варьироваться, однако в терминологии это не всегда отражается. Лексемы, называющие наиболее важные чины, вступают в синонимические отношения.

Литература

1. Сухавіцкая, І.М. Да этналінгвістычнага аналізу паўднёва- і усходнеславянскіх вясельных тэрмінасістэм / І.М. Сухавіцкая // Веснік БДУ. – 1993. – № 1.
2. Этнография восточных славян: очерки традиционной культуры. – М., 1987.

2009 г.

Т.А. Кожурина, Т.С. Воробьева

СИМВОЛИКА ОДЕЖДЫ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА (этнолингвистический аспект)

Одежда является одним из основных элементов материальной культуры. Народный костюм отражает экономическую жизнь народа, историю его развития, социальные различия людей и их национальную специфику. Защищая человека от нежелательного воздействия природной среды, одежда обеспечивает в значительной мере его существование. Наряду с этой функцией, одежда выполняет еще одну ответственную функцию – она является своеобразной знаковой системой, позволяющей различать людей по полу и возрасту, по территориальной, этнической, религиозной, социальной принадлежности. Поэтому одежда тесно связана с духовной жизнью народа, обычаями и обрядами.

В течение многих веков, как известно, обычаи и обряды основывались на магическо-религиозных представлениях. И лишь к началу XX в. характер обычаев и обрядов изменился. Магическо-религиозная основа была почти забыта. «Все более сливаясь с игрой, обычаи и обряды стали приобретать характер праздничного развлекательного действия. Соответственно, менялась и роль костюма. Символика, первоначально придававшая ему, постепенно забывалась, хотя обряд продолжал по традиции выполняться» [4, с. 7].

Этнографы понимают костюм как собственно одежду, так и более широко – как одежду с различными дополнениями: головными уборами, обувью, атрибутами, включая предметы, выполняющие апотропейную (охра-

нительную) функцию. Предметом нашего внимания является свадебный костюм в широком смысле слова.

При составлении словаря говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП) выявлена лексико-фразеологическая группа наименований свадебной одежды и ее деталей, которая описана нами в этнолингвистическом аспекте. Такой подход обусловлен тем, что обрядовая терминология является частью и языка, и культуры. Каждый обрядовый термин является знаком, «который несет существенную информацию о внеязыковой действительности обряда» [5, с. 65].

В древности у восточных славян специальной свадебной одежды не было. Для выполнения ритуалов чаще всего использовались традиционные формы одежды. Праздничность свадебного наряда создавалась качеством и количеством материала, его расцветкой и отделкой. На свадьбу как невесте, так и жениху обычно шилась новая одежда. На территории МСП издавна бытовало поверье, что если невеста одевается не в новую одежду, то скоро она может стать вдовой.

Вместе с тем одежда невесты значительно отличалась от той, что она носила в девичестве и будет носить после венца. В д. Тростино Хотимского р-на, например, после сватовства нельзя было надевать праздничную одежду, показываться в деревне «на людях» без *хусты* – головного платка. В девичьем венке невеста могла быть только в доме и только с подружками.

Важное место в комплексе свадебного обряда занимал ритуал одевания невесты в день венчания. Чаще всего он совершался подружками: *Прыбирать, рядить нявесту – эта дела падрук* (Викторово, Красн. Смл.). В д. Полошково Климовичского р-на существовал специальный свадебный чин – *снарядиха*. Ею обычно была тетка невесты, в обязанность которой входило одевать невесту к венцу. Дialeктизм *снарядиха* образован от общеупотребительного глагола *нарядить* с помощью префикса *с-* и продуктивного в разговорной речи и диалектах суффикса *-их-*: *У маей Алёны была добрая снарядиха, таму прыгажэй за маладую на свадьбы нікога ні было* (Полошково, Клим. Мгл.).

Одевание невесты сопровождалось магическими действиями, которые должны были оберегать ее от сглаза. Так, в д. Тростино невесте нижнюю юбку – *беляк* надевали наизнанку и оставляли незастегнутыми крючки, чтобы в будущем ей легче было рожать. Дialeктизм *беляк* (юбка белого цвета) образовался от общеславянского корня **běl-* ‘белый’ с помощью суффикса *-як-*. По этой же модели образованы слова *синяк* ‘юбка синего цвета’, *портяк* ‘юбка из портяной ткани’ (*порт* ‘лен’). Верхняя юбка была либо однотонной красной – *понёва*, либо в клетку или полоску

с преобладанием красного цвета – *андарак*. В говорах МСП слово *понева* употребляется в двух значениях: 1) ‘юбка из шерстяной ткани’ (Литвиновка, Кузьмичи, Ерш. Смл.); 2) ‘женское суконное платье’ (Тростино, Хот. Мгл.). Так, в д. Кузьмичи невеста *заходила замуж* в красной длинной поневе, белой сорочке с узорами на рукавах. Е.Н. Борисова приводит значение лексемы *понева* – ‘женская поясная одежда типа андарака’ и замечает при этом, что «трудно судить, какой покррой имела понева на Смоленщине, но само это слово со значением женской одежды (иногда находим указание на синий или красный цвет поневы) находит отражение в смоленских памятниках письменности с конца XVI в.» [1, с. 72]. Слово *андарак* в говорах МСП повсеместно употребляется в значении ‘юбка из шерстяной или полушерстяной ткани в клетку или полоску’. Е.Н. Борисова отмечает, что «андарак на Смоленщине выполнял в свое время ту же функцию, что и понева в восточных южновеликорусских говорах. Как и в последних, *понева* являлась символом женской неволи и замужества, так тем же символом представляется на территории Смоленского края *андарак*» [1, с. 76].

Достаточно большой синонимический ряд выстраивается для обозначения женской безрукавки – *кабат*, *гарсет*, *жакет*, *жакетка*, *жилет*, *жилетка*. В свадебном наряде этот вид одежды чаще всего был красного цвета с вышивкой. Он сильно стягивался шнуровкой, завязывавшейся на три узла, которым придавалась *апотропейная* функция: они заканчивались на животе и должны были ограждать будущую мать от злых сил, от порчи.

Главным в уборе невесты был *венец* – венок, сделанный из бересты или картона и обтянутый красной тканью. Сзади укреплялись разноцветные *стужки* – ленты (д. Кузьмичи) или *белая фата*, названная лексико-фонетическим диалектизмом *вэль*. «В отношении этого слова предполагается, что оно образовано на белорусской почве: по всей видимости, это сокращение или слова *вэлюм*, или же слова *вэлян* (может быть, не без воздействия идентичной по семантике лексемы *вуаль*)» [7, с. 295] (перевод наш – авт.): *У нас нидзёна вяселля было – во ужэ вэль у нявесты прыгожая была* (Полошково, Клим. Мгл.). Фата или цветы в венке невесты – символ чистоты и целомудрия девушки. Если невеста не сохранила девичью чистоту, то шла под венец в *хусте*.

Вообще женские головные уборы несли большую символическую и обрядовую нагрузку. По древним народным представлениям, девушка, примерявшая чужой свадебный убор, никогда не выйдет замуж или же скоро умрет. Головные уборы отражали социально-возрастную принадлежность женщин. Поэтому смена головного убора невесты в дни свадь-

бы была знаком инициации, символизировавшим изменение социального статуса.

Смена головного убора невесты – это особый свадебный ритуал, который на территории МСП назывался *молодухи*: с головы невесты снимали венок, что символизировало утрату девичьей воли; затем волосы – лучшее девичье украшение – заплетали по-женски в две косы и надевали на голову женский чепец или повязывали платок. Невесту после совершения этих ритуальных действий называли *молодухой*. Слово *молодуха* образовано с помощью продуктивного в разговорной речи и диалектах суффикса *-ух-*. По этой же модели в говорах МСП образовано слово *вековуха* ‘старая дева’. На основе лексемы *молодуха* в результате метонимических переносов возникли два диалектных слова: 1) *молодуха* ‘платок, который повязывали невесте’; 2) *молодухи* ‘название свадебного ритуала’. В первом случае произошел семантический сдвиг по модели *лицо* → *атрибут*. Во втором случае произошли и семантический сдвиг по модели *участница ритуала* → *ритуал*, и изменение числа, что типично для названий ритуалов свадебного обряда (ср. *угляды*, *смотрины* и др.). На территории МСП зафиксирован также фразеологизм с субстантивным вариантным компонентом *повязаться молодухой (молодушкой)*: *Щас на свадьби маладухай ужо ни павязываюцца, а раньшы, кали деўка жонкай делаицца, тады яна ужо маладуха. Яна косы кругам абматая и на их платок завязваць, а яшчэ раньшы чепец надівалі* (Полошково, Клим. Мгл.).

Сведения о мужской свадебной одежде могилевско-смоленского пограничного региона скудны, потому что мужская свадебная одежда почти ничем не отличалась от праздничной одежды. В д. Кузьмичи, например, так описывают наряд жениха: «Жених надевал белую рубашку с вышитыми красными нитками манишкой и рукавами. Штаны ткали из тоненького сукна, затем красили в черный цвет». Важным отличием костюма молодого был *платок*, который ему дарила невеста. Жених носил его на шее, либо платком его подпоясывали. По нашему мнению, платок выполнял апотропейную функцию. Об этом говорят и фольклорные тексты:

*Плат, платок, чароўны пакроў,
Хай цяты (кветкі) на табе гараць,
Дурны глаз адварацяць,
Маладога (імя) прыварожачь,
Ад бяды сцярожаць...*

Вообще охране молодых от порчи в дни свадьбы придавалось перво-степенное значение, поэтому предметы, выполняющие охранительную функцию, входили в состав костюма молодых. «Их клали в обувь, в кар-

маны, втыкали в одежду, обвязывали вокруг тела, клали за пазуху, в рукав и т. д.» [4, с. 36].

На территории МСП, например, невесту обвязывали под сорочкой рыболовной сетью. Считалось, что сеть предохраняет от чародейства по причине обилия на ней узлов, так как колдун, чтобы навести порчу, должен знать расположение и порядок завязки всех узлов. Охранительное значение имел и обычай опоясывать невесту по нагому телу соломой. Это действие якобы охраняло ее от сглаза. Кроме того, солома, как символ создающего начала земли, помогала молодой перейти в новое состояние.

Большую роль в символике свадебного обряда играли рубаха и пояс. Известно, что *рубаха* – предшественница *рубашки*, самая древняя одежда у славян – длинный, прямой балахон, поддерживаемый на плечах одной или двумя полосками материи. Е.Н. Борисова считает, что слова *рубаха*, *рубашка* появились «не ранее XVI в., но получили широкое распространение в исследуемую эпоху и сохраняются до наших дней. Правда, покроем эти предметы отличаются от тех, что назывались в XVI в. словами *рубаха*, *рубашка*...» [1, с. 68]. Н.М. Шанский отмечает собственно-русское происхождение слово *рубаха* с помощью суффикса *-аха-* от *руб-* ‘плохая одежда’ (ср. *рубище* ‘ветхая одежда’), зафиксированное в памятниках с XI в. [6, с. 394]. На территории МСП лексема *рубаха* наряду со словами *рубашка*, *сорочка* составляют синонимический ряд в значении ‘мужская и женская плечевая одежда с рукавами’.

Значительное количество свадебных атрибутов связано с брачной рубашкой невесты, так как рубаха была знаком непорочности молодой. Если невеста сохранила девственность, то жених с дружкой в рукава рубахи клали пряники и конфеты и отвозили рубаху родителям молодой (Любавичи, Мон. Смл.). В д. Тростино в аналогичной ситуации зять ехал к теще с обвязанной красным бантом бутылкой красной сладкой водки, а в д. Горы Горецкого р-на к дуге упряжи привязывали *кушамирку* – красный платок, и жених вез родителям невесты богатые подарки. Если же выяснялось, что невеста утратила невинность до замужества, то в рукава ее рубахи клали конский навоз, на тещу или на тестя надевали хомут и гоняли вокруг дома, чтобы они искупали грех дочери.

Издавна обязательной принадлежностью костюма являлся пояс. Синонимический ряд пояса в говорах МСП образуют такие названия, как *крайка*, *окрайка*, *кушак*, *оборина*. Свадебный пояс отличался от пояса каждодневной носки своими украшениями, однако специального наименования не имел. Поясом молодым связывали руки перед тем как подвести к алтарю, как бы навеки соединяя их (Татарск, Мон. Смл.). После венчания

дружок связывал молодых поясом, три раза обводил вокруг стола и только потом усаживал на предназначенное им место за столом (Тростино, Хот. Мгл.). В Мстиславском р-не сохранился обычай опоясывания невесты поясом, на который был нанизан *верч* – лозовый обруч, запеченный в тесте. Во всех этих ритуалах пояс, несомненно, выполняет функциональную роль, связанную с обусловленными общеславянской символикой круга древними магическими действиями. Немалую роль в свадебном обряде играла расцветка одежды. На территории МСП в одежде жениха и невесты и во всей свадебной атрибутике преобладали белый и красный цвета. По мнению И.В. Казаковой, белый цвет символизировал смерть, красный – рождение [3, с. 89]. Г.С. Маслова считает белый цвет символом чистоты, невинности, печали [4, с. 40]. Высказывались различные мнения и о значении красного цвета в свадебной обрядности. Так, по мнению Г.С. Масловой, особыми свойствами в представлении народа наделялся красный цвет, напоминающий кровь. Он был символом любви, брака, брачной ночи [4, с. 41]. В.В. Иванов проводит параллель между цветом и человеком, а именно между красным (или белым) и черным цветами и мужским и женским началом: «Системы двоичных противоположностей, включающие различия между мужским и женским началом, левым и правым, красным (или белым) и черным цветами... связаны с дуальным членением племени на две экзогамные половины, между которыми только и возможны браки» [2, с. 86].

Таким образом, различные элементы одежды, помимо своего прямого назначения, широко использовались в качестве обрядовых атрибутов и имели символическое значение.

Литература

1. Борисова, Е.Н. Лексика Смоленского края / Е.Н. Борисова. – Смоленск, 1974.
2. Иванов, В.В. Чет и нечет / В.В. Иванов. – М., 1978.
3. Казакова, И.В. Этнічныя традыцыі ў духоўнай культуры беларусаў / І.В. Казакова. – Мінск : Універсітэцкае, 1995.
4. Маслова, Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – нач. XX в. / Г.С. Маслова. – М., 1984.
5. Сухавіцкая, І.М. Да этналінгвістычнага аналізу паўднёва- і усходнеславянскіх вясельных тэрмінасістэм / І.М. Сухавіцкая // Веснік БДУ. – 1993. – № 1. – С. 65–68.
6. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский. – М., 1961.
7. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Т. 2 – Мінск, 1980.

1997 г.

**ИНТЕРЬЕР ДОМА В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ:
СИМВОЛИКА И НАИМЕНОВАНИЯ В ГОВОРАХ
МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ**

Интерьер традиционного деревенского дома включает конструкцию и объемные формы внутреннего помещения, его структуру, меблировку, освещение, расстановку домашних вещей. Предметы быта, подсобный инвентарь, мебель – все занимает в системе интерьера свое место.

Деревенский дом (*домовка*) представлял собой строение, как правило, с тремя окнами, массивной низкой дверью. Справа (чаще всего) размещалась печь (*хлебная печь*). Около нее находилось место (*вилочник*), где был составлен весь печной инвентарь: *вилы* (*видалки, держалка, чепела, горшечник*) ‘ухват’, *кочерыжник* (*клюка*) ‘кочерга’, метла и др. Напротив печи около входа размещался хозяйственный угол (*бабин угол*). Часть помещения от печи до торцевой стены занимали спальный помост и полати (*курчина, казенка, кобыла*). В углу стоял сундук (*кубел, кубло*) с одеждой. Тут же подвешивалась колыбель (*качалка, качка, козыбка, козюлька*). Устойчивым элементом интерьера крестьянского жилья были широкие лавки (*бандуры*). Они стояли почти по всей длине стен и пересекались в красном углу. Красный угол (*кут, покут, кутный угол, боговый угол, бел. покуць*) – наиболее почитаемое место в доме. Там были развешаны иконы, убранные ручниками, пучки освященных трав и колосьев, стоял стол, застеленный скатертью. Считается, что организация домашнего пространства повторяет структуру внешнего мира и отчасти отражает структуру семьи [5, с. 142]. «Таким образом, обычный деревенский дом, призванный в первую очередь защитить человека от атмосферных осадков, зимней стужи, создать ему условия комфортного существования, постепенно превращался в своеобразный центр мироздания, в котором начинали превалировать духовные ценности. Дом становился храмом семьи, местом рождения человека и местом его смерти» [3, с. 496].

Центральное место в доме занимала *печь*. На ней отдыхали, согревались, лечились, готовили еду. За печкой, по народным представлениям, жил хранитель семейного благополучия – домовая. «Конструкция печи целиком повторяла структуру дома и также являлась воплощением мифопоэтической модели мира» [3, с. 516]. Печь присутствовала в многочисленных обрядах семейной направленности и осмыслялась как ритуальный центр крестьянского жилища.

Велика роль печи в свадебном обряде. В ней выпекали каравай. В этом случае актуализировалось символическое значение печи как рождающего женского лона. Не случайно во многих инвариантах свадебного обряда каравай в печь сажал мужчина. В Хотимском районе Могилевщины, например, им мог быть сват или крестный отец жениха. Ему помогала *старшая каравайница*. «Они делали вид, что каравай не лезет в печь, что такой большой он вырос. Каравайницы имитировали, что ломают верх у печи» [2, с. 36]. На Хотимщине сохранился обычай, когда молодые (жених и невеста) бросали под печь деньги, чтобы задобрить домового. Причем жених бросал две копейки, а невеста – три, т. к. она хозяйка и выполняла все домашние работы. Молодая кланялась печи, зажигала там огонек и просила разрешения у печи варить в ней еду. «Свекровь давала невесте чарку водки, невеста выливала ее в печь и снова кланялась ей» [2, с. 49].

Во многих инвариантах свадебного обряда сохранился обычай *ходить на блины* на второй день свадьбы. «На первый день печку не палили, нельзя было. А на утары день палили печ, и нявеста пикла блины и угашала ими ўсех гостей» (Лобковичи, Крич. Мгл.).

Порог – часть дома, занимающая значимое место в обрядах. В традиционных представлениях это символическая граница между домом и внешним миром, «своим» и «чужим» пространством. С порогом были связаны многочисленные эпизоды свадебного обряда. Жених переносил невесту через порог на руках, т. к. считалось, что она не должна была касаться порога: это место пограничное, а потому опасное. Порог осмысливался как пространство, где обитают души умерших. Существовали обрядовые действия задабривания предков. Например, в Хотимском районе в конце предбрачного сговора молодых заставляли выпить из одной чарки. В водку добавляли мед. Перед тем как пить, часть водки выливали под порог в жертву душам предков. В Климовичском районе невесте во дворе жениха давали мешок с овсом, и она бросала три пригоршни на порог дома жениха, остальные – через спину на гостей.

Красный угол, или *кут* – самое почетное место в доме. «Красный угол был своеобразным центром домашнего мироздания, в котором, как в Ноевом ковчеге, в течение года собирались, хранились и постоянно обновлялись атрибуты народной святости» [3, с. 520]. В свадебной традиции «на куте» сажали жениха и невесту, окруженных парой *шаферов*, и крестных родителей от каждой из сторон. Во время обряда *сугляд* в Костюковичском районе «на куте до улицы застилали лавку мехом вверх, и *дружко* сажает жениха с *подженишником*, причем *дружко* берет за руку *подженишника*, а последний – жениха, ведет их вокруг стола и сажает жениха на мех,

оставляя с левой стороны место для невесты, а *подженишника* рядом с женихом с правой стороны, на голую лавку» [1, с. 459]. *Ва время свадьбы маладыя садзяцца на покут, на шупку, каб багатыя былі* (Лобковичи, Крич. Мгл). *На кут сажали маладых, клалі шапку пад іх, у вугле, де іконы* (Селец, Мст. Мгл.)

В обрядовой практике белорусов важное место занимает *стол*. Это особо почитаемый объект домашнего интерьера. Стол стоял в красном углу, был застелен скатертью, на нем постоянно находился хлеб, «что как бы превращало его в престол...» [5, с. 45]. Стол – неотъемлемый атрибут ритуалов, связанных с обрядовой трапезой. В свадебной традиции все угощения во время предбрачного сговора, свадебного пира в домах жениха и невесты и т. д. проходили за столом. В обычные дни на столе не разрешалось помещать посторонние предметы, т.к. это место самого Бога, а в свадебном обряде некоторые предметы демонстративно ставили на стол. Например, в случае отказа сватам на стол клали «гарбуз» (Баевка, Мст. Мгл), перевернутые стаканы (Узкое, Мст. Мгл), в случае согласия – стаканы с водой (Молятчи, Мст. Мгл), бутылку с зерном (Б. Рубановка, Мст. Мгл) и др. Широко известен ритуальный обход стола в свадебном обряде. По свидетельствам информантов, в д. Лобковичи, например, перед тем как сесть за стол, сват обводит молодых вокруг него три раза. На Хотимщине дружок связывает молодых ручником или поясом, три раза обводит их вокруг стола и сажает на самое почетное место – на кут на вывернутый кожух [2, с. 44].

Одним из элементов оснащения крестьянского дома были *лавки*. Они использовались не только для сидения и лежания, но и в качестве обрядового атрибута. «Наряду с окнами и дверями, лавка символизировала жизненное, наполненное пространство дома в противоположность пустоте смертного жилища» [6, с. 72]. В свадебном обряде лавка служила местом многих ритуальных действий. На лавке, часто покрытой вывернутым кожухом, сидели молодые во время брачного пира. На маленькие лавки, скамейки (*услоны*, *слонцы*) садились пришедшие сватать (Мстиславский район). На широкие лавки (*бандуры*) сажали гостей свадьбы: *У мяне на свадьбі гості сядзелі на бандурах, лаўках такіх, дык усем места хватіла* (Звенчатка, Клим. Мгл.). На Хотимщине отмечен обряд, называемый «*цешчын гасцінец*». На второй день свадьбы, кроме традиционных испытаний (идти за водой, подметать дом), невеста должна была мыть в доме свекрови все лавки слезами (водою), чтобы больше никогда не плакать [2, с. 51].

Таким образом, рассмотренные элементы интерьера крестьянского дома являются неотъемлемыми атрибутами свадебного обряда. Все они мифологизированы и символически значимы.

Літэратура

1. Вяселле. Абрад / уклад., уступ. арт. і камент. К.А. Цвіркi ; рэд. тома В.К. Бандарчык, А.С. Фядосік. – 2-е выд. – Мінск : Бел. навука, 2004.
2. Казакова, І.В. Этнічныя традыцыі ў духоўнай культуры беларусаў / І.В. Казакова. – Мінск : Універсітэцкае, 1995.
3. Котович, О. Золотые правила народной культуры / Оксана Котович, Янка Крук. – 4-е изд. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2010.
4. Помнікі этнаграфіі: Методыка выяўлення, апісання і збірання / пад рэд. В.К. Бандарчыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1981.
5. Славянская мифология : энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Толстая. – 2-е изд. – М. : Международные отношения, 2002.
6. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – М. : Международные отношения, 2007. – Т. 3.

2011 г.

Т.С. Воробьева

ПРЕДМЕТЫ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА В СВАДЕБНОМ ОБРЯДЕ: СИМВОЛИКА И НАИМЕНОВАНИЯ В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Ведение домашнего хозяйства — одна из главных сфер жизнедеятельности человека. Предметы, используемые в повседневной жизни, в семейных и календарных обрядах зачастую приобретали иное, символическое значение.

Такой предмет, как *зеркало*, люди издавна наделили сверхъестественной силой. «Зеркало — в народной культуре символ отражения и удвоения действительности, граница между земным и потусторонним миром» [3, с. 321]. Существовало множество предписаний, касающихся зеркала. К примеру, в него нельзя было показывать ребенка в возрасте до года; разбитое, треснувшее зеркало в доме вызывало опасение и тревогу, считалось предвестником беды; по этой же причине молодым людям запрещалось дарить его своим возлюбленным; зеркала обязательно закрывали, если в доме находился покойник. Зеркало выполняло функцию посредника между миром живых и миром мертвых. Способность зеркала воссоздавать не только видимый, но и невидимый, и даже потусторонний мир, широко использовалась в гаданиях. В зеркале можно было увидеть прошлое, настоящее и будущее. Девушки, например, пристально всматривались в него в ожидании видения жениха и при этом говорили: «Суженый-ряженный, приходи в зеркало глядеться!»

В Хотимском районе Могилевщины зафиксирован следующий обычай. Когда молодые в день свадьбы приезжали в дом жениха, после торжественной встречи невесту подводили к зеркалу одну или вместе с женихом. Часто функцию зеркала (как отражающей поверхности) выполняла вода. На пороге дома свекровь подводила невестку к ведру с чистой водой, и та должна была поглядеться в него. Если вода при этом не становилась мутной, считалось, что в дом пришла хорошая хозяйка. Интересен тот факт, что на территории могилевско-смоленского пограничья (МСП) не зафиксировано ни одного диалектного слова в значении 'зеркало'. Из двух литературных вариантов – белорусского (*люстэрка*) и русского (*зеркало*) – на пограничной территории более употребителен последний: *Друшки мае песни няють, а я перад **зеркалам** сяжу. Яны мне касу расплятають, а я сяжу и плачу* (Викторово, Красн. Смл.).

Другой предмет домашнего обихода – *веник* – наделялся демоническими и апотропейными свойствами. «Согласно народным представлениям, под веником живет домовая. Неслучайно, если переезжали в новый дом, обязательно забирали с собой старый веник» [2, с. 75]. Наряду с ухватом, топором, ножом, веник ставили на ночь в дверях в качестве оберега. Существовали различные предписания и запреты, касающиеся семейно-брачных отношений. Нельзя было бить веником человека, иначе девушка не выйдет замуж, парень не женится. По этой причине сор в доме надо было заметать от дальней стены к двери, то есть из «своего» пространства в чужое. Девушке нельзя было обметать вокруг себя веником, чтоб не остаться *старой девой*. Для того чтобы парень быстрее предложил девушке выйти за него замуж, она могла прибегнуть к следующему действию: когда парень приходил в гости, девушка незаметно должна была замести его следы от порога к печи или в сторону красного угла, тогда парень навсегда «оставался» в этом доме [1, с. 450].

Ритуальные действия с веником на разных этапах свадебного обряда зафиксированы и на территории МСП. Например, во время сватовства свое согласие выйти замуж невеста демонстрировала метением избы от порога к столу. В случае несогласия пол подметался от стола к порогу. В испытаниях (*спытках, испытках*) невесты на второй день свадьбы обычное занятие хозяйки – подмести избу – в контексте свадебного обряда приобретало сакральный смысл: *На други день далжна нявеста меть палы. Рассыпають мелач, ирвуть бумагу, правярають, ти ни слипая нявеста* (Лобковичи, Крич. Мгл.). При этом и мусор, и веник осмысливались как символы хорошей доли, благополучия, достатка.

В говорах МСП в значении 'березовый веник с листьями' использовались слова одного словообразовательного ряда: *голень* (с фонетиче-

ским вариантом *голёнь*) – *голёник* – *гольник* (с фонетическим вариантом *гольни́к*) – *голяк*. Почти такой же ряд слов употребляется в значении ‘березовый веник без листьев, истертый веник’: *голень* – *гальник* – *гольник* – *деркач*. И зеленый веник, и сухой применяли, по словам информантов, в быту для очищения дома, двора от мусора. Но большей магической силой обладал все же сухой, истертый веник. Его использовали, например, в земледельческой магии, чтоб защитить урожай от сглаза, червей: *Як цыбулю садили, дык галень у зямлю ручкай унис торкали* (Лютня, Мст. Мгл.).

Важную роль в семейных, календарных и окказиональных обрядах играл такой предмет домашней утвари, как *решето*. В повседневной жизни решето использовалось для просеивания муки, как емкость для хранения различных продуктов. В говорах МСП решето, или сито, имело различные диалектные названия – *доробок*, *муковей*, *стерня*, *решица*, *просевок*: *Чераз дарабок муку сеють. Ён бывая и бальшы, и малы, с мелкай сеткай* (Литвиновка, Ерш. Смл.). «Предназначенное для просеивания, очистки, отделения нужного и ненужного, решето осмысливалось как универсальный оберег, защита от бедности, несчастья и враждебных сил» [4, с. 432]. Связь решета с «верхом», небом, солнцем, светом, с идеей множественности обусловило использование его в свадебных обрядах. На Смоленщине свекровь встречала молодых в вывернутой шубе с решетом на голове; в решете был насыпан овес вперемешку с хмелем; этой смесью свекровь осыпала молодых. В могилевском обряде «в день после свадьбы к молодой приезжали родители: жених клал в решето каравай и горшок каши и ставил решето на голову молодой; она снимала решето с головы, брала ложку и бросала несколько ложек каши на печь; после этого приступали к делению каравая» [4, с. 433].

Этнографические источники упоминают об использовании решета на территории МСП. Накануне свадьбы во время *сугляд* мать невесты приносила в решете подарки для родни жениха: платки, рушники, куски полотна и т. п. Каждый подарок она клала на тарелку и называла того, кому давался подарок. Тот, кто принимал подарок, клал деньги на тарелку для невесты. Во втором варианте этого обрядового действия после того, как были розданы все подарки, в ответ на просьбу матери невесты налить целое решето водки, дружка клал в решето деньги, и только после этого гости начинали «дарить невесту». Решето выступало, таким образом, как вместилище даров, символ плодородия, богатства и изобилия.

В восточнославянской свадебной традиции распространен был и такой обычай: «утром после свадьбы молодую посылали за водой к колодцу

и при этом давали ей вместо ведра решето. Это рассматривалось или как наказание за то, что она оказалась «нечестной», или просто как одно из шуточных испытаний» [4, с. 433]. В Костюковичском районе Могилевщины на второй день свадьбы молодую заставляли печь оладьи, потом посылали к колодцу за водой. Перед этим, если невеста оказывалась «честной», *дружок* складывал оладьи в красный платок, в противном случае – в решето, а затем вместе с невестой шел к колодцу. За ними шли все гости свадьбы. В этом случае факт нецеломудрия невесты доводился до сведения окружающих через решето.

Таким образом, рассмотренные предметы домашнего обихода являются неотъемлемыми атрибутами свадебного обряда. Все они мифологизированы и символически значимы.

Литература

1. Котович, О. Золотые правила народной культуры / Оксана Котович, Янка Крук. – 4-е изд. – Минск : Адукацыя і выхаванне, 2010.
2. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – Т. 1. – М. : Международные отношения, 1995.
3. Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – Т. 2. – М. : Международные отношения, 1999.
4. Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. – Т. 4. – М. : Международные отношения, 2009.

2011 г.

Л.И. Шаповалова

НАИМЕНОВАНИЯ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ И БЛЮД В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (этнографический и исторический аспекты)

Пограничные территории Могилевской и Смоленской областей в своем прошлом пережили, как известно, много общего, и вследствие сложнейших геополитических сдвигов, исторически сложившегося смешанного (белорусского и русского) этнического состава населения, а также в результате многовековых тесных социально-экономических и культурных связей и языковых контактов русских и белорусов определилась зона могилевского-смоленского пограничья (МСП). Поэтому закономерно, что русские и белорусские элементы разных исторических эпох в говорах могилевско-смоленского пограничья (ГМСП) органично сочетаются, и это единство обнаруживается на всех языковых уровнях, но наиболее ярко – на лексическом.

Лексический фонд ГМСП разнороден, лексико-тематические группы (ЛТГ) довольно многочисленны, они включают лексемы, различные по происхождению и времени возникновения, о чем свидетельствует карто-тека «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ)¹.

Наименования продуктов питания, блюд и напитков соотносительны с актуальными, жизненно важными реалиями; исходные продукты и процессы, способы приготовления пищи долгое время остаются неизменными; это процессы домашние, упрощенные, и в них участвует большинство носителей говоров. Поэтому названия продуктов питания, кулинарных блюд и напитков в диалектах наиболее устойчивы, сохраняются долгое время, подвергаясь лишь языковым изменениям, и, следовательно, закономерно отражают ретроспективу лексики ГМСП.

В картотеке СМСПГ зафиксировано более 200 наименований продуктов питания, кулинарных блюд и напитков. Эти лексемы можно объединить в пять основных лексико-тематических групп (ЛТГ): а) наименования продуктов питания и блюд из муки и круп; б) наименования продуктов питания и блюд из картофеля; в) наименования продуктов питания и блюд из молока; г) наименования продуктов питания и блюд из мяса; д) наименования супов, приправ и напитков.

Особо значимой в историко-этнографическом плане является первая из названных ЛТГ, т.к. наименования продуктов питания и блюд из муки и круп в значительной части имеют общеславянское и восточнославянское происхождение, отражают основную исторически обусловленную направленность хозяйственной деятельности в зоне МСП, называют продукты и блюда, которые имеют всесезонное употребление во время всех суточных приемов пищи, входят как в обыденный рацион, так и в обрядово-ритуальные трапезы, и, следовательно, являются на данной территории словами чрезвычайно высокочастотными.

Характер продуктов питания, еды и напитков на территории МСП определялся прежде всего направленностью хозяйственной деятельности его жителей. Поскольку основным занятием было земледелие, то преобладали продукты и блюда из муки. Наиболее ценным продуктом был хлеб (ржаной, пшеничный); его пекли с разными добавками – картофелем, свеклой, а в голодные годы – с крапивой, желудями, мякиной. Хлеб обычно выпекали большими (по 4-6 кг) *боханами*, круглыми или продолговатыми. Пекли на поду печи, подстилая под него свежие капустные листья, аир (*аер*). Буханки смачивали водой, иногда в праздник обваливали в муке. Если в доме не было хлеба, то на завтрак выпекали *сковородники* (из хлебного теста, которое не подошло) или *преснаки*, *коржи* (из пресного теста,

часто замешанного на сыворотке). Праздничная выпечка – *пироги* – обычно делалась из пшеничной муки².

Древним видом растительной еды была каша. Ее варили из целого, толченого либо сеченого зерна. Кашу из целого зерна (ячменя, реже пшеницы) – *кутью*, *группу*, *гуцу* – готовили в большей степени как обрядовую (кутью – на родины, поминки, деда). Крупную кашу варили главным образом из овса, ячневых и гречневых круп, заправляли молоком, мясом, салом, колбасой. Редкие (тестообразные) мучные продукты были основной едой в обычные дни и в пост. По способу приготовления различались продукты квашеные (*кваша*, *кулага*), неквашеные (*колотуша*, *кулеи*, *салмаха*, *лемешка*) и из солода (*солодуха*, *путря*). Из овсяной муки готовили *кисель*, *жур*, *толокно*.

Были широко известны редкие мучные блюда – *затирка*, *галушки*. Традиционной едой были блины из ржаной, пшеничной, гречневой, реже ячневой крупы. Блины пеклись утром на завтрак, их брали с собой в поле, в дорогу.

Лексика, обозначающая в ГМСП продукты питания и блюда из муки и круп, отражает как общее развитие говоров данного региона, так и влияние со стороны русского и белорусского языков. В нашем материале выделяются следующие лексические пласты: 1) слова, общие для русского и белорусского языков, отражающие особенности восточнославянского быта: *верещака* ‘жидкое мучное блюдо с мясом, колбасой и разными приправами’; *жаворонок* ‘маленькая сдобная булочка в виде птички’; *кутья* ‘кушанье из риса или другой крупы с медом или с изюмом, которое едят на поминках’; *налистник* ‘очень тонкий блин из пшеничной муки’; *пышка* ‘пышная лепешка’; *солодуха* ‘сладкое блюдо из густо заваренной ржаной муки’; *сочень* ‘пресная лепешка с творогом, кашей, ягодами’; *ушки* ‘изделия в виде фигурных кусочков теста’ и др.; 2) слова, употребляющиеся в белорусском литературном языке, но отсутствующие в русском: *абаранок* ‘булочное изделие из заварного теста; закругленное в кольцо, баранка’; *блинец* ‘блин’; *мочанка* ‘блюдо из сала, мяса и колбасы, подколоченное мукой’; *перник* ‘пряник на меду, патоке или сахаре с пряностями’; *преснак* ‘лепешка из пресного теста’ и др.; 3) слова, употребляющиеся только в русском литературном языке: *витушка* ‘крендель’; *маковник* ‘пирог с маком’ и др.; 4) диалектные слова, находящиеся за пределами русского и белорусского литературных языков: *баранька* ‘баранка’; *ситница* ‘ситник’; *ватруха* ‘ватрушка’; *скорка* ‘скарынка’ (бел.); *ладик*, *ладка*, *ладошка* ‘оладья’ (русс.); *аладка* (бел.); *блинок* ‘блин’, *куличики* ‘кулич’, *сдобник* ‘сдоба’; *бабашка* ‘лепешка из ржаной муки’; *медовина* ‘изделие из теста и

меда'; *просяница* 'пшенная каша'; *вальса* 'мука для блинов'; *начинник* 'пирог с начинкой'; *жамок* 'круглый пряник'; *кульман* 'испеченный вареник'; *балабон* 'коржик'; *поскребыш* 'хлебец, выпеченный из остатков теста'; *канун* 'ритуальное поминальное кушанье с медом или изюмом'; *арчалик* 'печенье определенного вида', *бабах* 'обрядовая выпечка'.

К последней группе примыкают устаревшие слова, которые относятся к пассивной лексике, зафиксированной только в словаре В.И. Даля, напр., *артос* и *проскура* 'освященный хлеб'.

Как уже отмечалось, большинство наименований продуктов и блюд из муки имеют общеславянское происхождение. Приведем некоторые подтверждения этому факту.

Отмеченное в ГМСП слово *блинец* имеет несомненные деривационные связи с *блин*, но, по данным словаря П.Я. Черных, у этого слова имеется и прямая этимологическая связь с утраченным *млынец*. Русское *блин* известно с XV в., но старшей является форма *млынъ*, известная с XIV в., этимологически связанная с общеславянским **mlinъ* «мельница», которое, в свою очередь, восходит к позднелатинскому *molīnī* «мельница» [2, с. 73]. Общеславянское происхождение имеет и приведенное выше слово *верещака*, мотивированное, по некоторым предположениям, глаголом *верещать* (может быть, из-за специфического звука при приготовлении – поджарке сала, мяса, колбасы, которыми заправляется блюдо). Глагол же имеет общеславянский корень *verscati* (из **ver-sk-eti*, где *-sk-* – расширитель *ver-*) [2, с. 142].

Диалектное *ладка* и белорусское *аладка* является однокоренным с русским *оладья*, которое, по имеющимся осторожно высказанным предположениям, связано с греческим наименованием оливкового масла – *олея* (*олея*). Происхождение греческого слова не ясно (вероятно, из средиземноморской языковой среды), не ясно и то, каким образом и только на восточнославянской почве греческое слово получило новое значение, отдаленно связанное со старым («елей») [2, с. 596]. Лексика описываемой ЛТГ, как и вся бытовая лексика МСП, была связана с характерными реалиями и явлениями, потому ее развитие находилось в тесной зависимости от живой разговорной речи, которая черпала лексические средства из других языков устным путем. Это отразилось на этимологическом ассортименте заимствований, среди которых выступают в основном слова немецкого, польского, литовского происхождения [1, с. 4]. Такие заимствования могут быть представлены следующими словами.

бохонъ (*боханъ*, *бохень*) «бохан» 1518 < ст. пол. *bochen* (1534, SP // 249 < свр. пол. *vochenze*?, SJSE I, 38);

пампушокъ (пампушекъ, понпушекъ) «пампушка» 1653 < пол. Pampuszek (от нем. Pfannkuchen, SJP VI 61);

сахарник < сахар < сукоръ, цюкоръ (бел. *цукар*) 1538 < ст. пол. cukier (1393, Sgt J 339 < нем. Zucker, от нем. Zuchero < ар. Suhkar) [1, с. 49–52].

Как видно, лексика ГМСП, разнообразная во всех отношениях, дает простор и для историко-этимологических исследований.

Примечания

¹ Картотека «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» составлена из материалов, собранных студентами и преподавателями кафедры русского языка Могилевского госуниверситета имени А.А. Кулешова. В настоящее время картотека содержит более 100 тысяч рабочих карточек-иллюстраций.

² Здесь и далее этнографические сведения даются по след. источникам: Молчанова, Л.А. Материальная культура белорусов / Л.А. Молчанова. – Минск, 1968; Этнаграфія Беларусі : энцыклапедыя / І.В. Шамякін, В.К. Бандарчык, Я.В. Малашэвіч [і інш.]. – Мінск, 1968.

Литература

1. Булыка, А.М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XVI–XVIII стст. / А.М. Булыка. – Мінск, 1980.
2. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь русского языка / П.Я. Черных. – Т. 1. – М., 1994.

2000 г.

В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова

КАРТОФЕЛЬНАЯ КУЛИНАРИЯ КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (на материале региональных словарей)

На территории белорусско-российского пограничья исторически сложилась особая этнокультурная и лингвистическая зона, которая привлекает внимание исследователей. Общественно значимым источником историко-культурных и этнолингвистических сведений являются региональные словари, к которым относится «Словарь смоленских говоров» (ССГ), «Брянский областной словарь» (БОС), а также готовящийся к изданию «Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ).

По ряду лингвистических и экстралингвистических причин важной составляющей материальной культуры жителей белорусско-российского

пограничья являются наименования продуктов питания, кулинарных блюд и напитков. Поэтому, будучи представленными в диалектных словарях, они отражают и ретроспективу формирования лексического фонда говоров приграничных регионов, и особенности уклада крестьянской жизни этих регионов. Как уже отмечалось, наиболее значимыми в этнолингвистическом отношении являются наименования продуктов питания и блюд из муки и круп и наименования блюд из картофеля, т. к. характер продуктов питания, еды и напитков определяется прежде всего исторической направленностью хозяйственной деятельности жителей пограничных территорий, укладом сельского быта. Поскольку основным занятием здесь всегда было земледелие, то преобладали продукты и блюда сначала из муки, а потом и из картофеля.

Известно, что производство картофеля как сельскохозяйственной культуры в России началось в 60-е гг. XVIII в.; особенно быстро (вследствие насильственных государственных мер) площади под картофелем стали увеличиваться в 40-х гг. XIX в. Но, по свидетельству этнографа М.Н. Косич, изучавшей народный быт Брянщины, «картофель только в конце 70-х гг. изредка стал попадать на крестьянский стол» [1, с. 17]. С течением времени картофель стал одним из основных видов сельскохозяйственной продукции на нынешних приграничных белорусско-российских территориях и основным продуктом питания крестьян [2; 3].

В указанных выше региональных словарях (СМСПГ, ССГ, БОС) широко представлены наименования кулинарных блюд из картофеля – приготовленного разными способами вареного картофеля, блинов, оладий, пирожков и пирогов, запеканок, клецек, галушек и пр.

Наиболее распространенным был вареный картофель, о чем свидетельствуют, в частности, материалы энциклопедии «Этнаграфія Беларусі»: «Бульба *вараная, параная* – традиційная штодзённая ежа. Самай прастай па спосабу прыгатавання сялянскай стравай была бульба, вараная ў *лупінах* (*бульба з лупінамі, сухапарка, лупаны, бульба ў мундзірах*); яе гатавалі, калі было мала бульбы, не хапала солі ці не ставала часу на прыгатаванне. Бульбу мылі, накладвалі ў чыгун, залівалі вадой і варылі. Часам бульбіны перарэзвалі (*рэзанкі*), тады абавязкова салілі. Звараную ў лупінах бульбу абіралі (*лупілі*) і елі, мачаючы ў соль або з лёкам. Часцей сырую бульбу чысцілі і варылі з соллю (*салёнікі, варонкі, скобленка*). Маладую бульбу скаблілі (*чохалі*). Вараную бульбу мачалі ў тук, елі з малаком, баршчом, часам замест хлеба. У постныя дні бульбу елі з журам, тоўчаным ільняным семем, каплуном, квасам, капустай, саладухай, куляшом, селядцамі, летам – з халадніком, зялёнай тоўчанай цыбуляй. Верхнія бульбіны ў гаршку,

што падгаралі, браліся скарынкай (прыгаркі, гарэлікі, асмаккі), раздавалі дзецям. Юшку з варанай бульбай сцэджвалі; у некаторых раёнах Палесся ў яе крышылі зялёную цыбулю і елі з бульбай (*расолкі*). Бульбу таксама пяклі (*пячонікі, пячонцы*) у прыску печы, грубкі, пастухі – у кастры» [4, с. 93]. Наименования блюд из *цельно* сваренного, а также *толченого* картофеля, извлеченные нами из СМСПГ, ССГ и БОС, мотивированы как русскими, так и белорусскими лексемами, в том числе и упоминающимися в этнографических источниках; некоторые из них являются локальными диалектизмами [3, 16–21].

В современный рацион жителей российско-белорусского пограничья входят блюда из *тертого* картофеля – *оладьи, блины, запеканки* [2, с. 199]. Наиболее распространенными являются оладьи и блины из картофеля. «*Дранікі, драчонкі, бульбянікі* – бліны з бульбы. Гатуюць з дранай (таркаванай) на тарцы бульбы, у якую часам дабаўляюць муку. Звычайна бульбу на дранікі папярэдне чысцяць, але, калі яе маца, толькі мыюць і вычышчаюць вочкі. Пякуць вялікімі (на усю патэльную) або невялікімі нахштальт аладак. Да дранікаў смажаць сала, робяць мачанне з тварагу і смятаны. Дранікі звычайна пякуць рانیцай (калі паляць у печы) на сьнеданне, тыя дранікі, што застаюцца ад сьнедання, складаюць у макацёр (гаршчок, міску), заліваюць тукам або маслам, смятанай і ставяць у печ, у лёгкі дух. На Беларусі пашыраны паўсюдна» [4, с. 178]. Наличие в региональных словарях лексем, называющих эти блюда, отражено в табл. 1.

Таблица 1

Блюдо					
Оладьи из тертого картофеля (наименования употребляются чаще или только во мн. числе)					
Название блюда в региональных словарях					
Мотивирующие слова			Словари		
бел.	русс.	диалектные	СМСПГ	ССГ	БОС
драць			<i>дранікі</i>	<i>дра́нікі</i>	<i>дра́нікі</i>
			<i>дранкі</i>	<i>дранкі</i>	<i>дранкі</i>
			<i>дранцы</i>	<i>дранцы</i>	<i>дранцы</i>
			<i>деруны</i>	<i>деруны</i>	<i>деруны</i>
			–	<i>драчёнкі</i>	–
			–	<i>драчки</i>	–
			–	<i>дерёник</i>	–
			<i>драги</i>		

Блюдо					
Оладьи из тертого картофеля (наименования употребляются чаще или только во мн. числе)					
Название блюда в региональных словарях					
Мотивирующие слова			Словари		
бел.	русск.	диалектные	СМСПГ	ССГ	БОС
	тереть		тёртики тертики	тёртики	тёртики
			—	тертовник	—
			—	тертоник	—
			—	тертук	—
			—	тертун	—
				тертушка	
				тертушник	
лупіць		—	лупешки		—
		лёпать	—	лёпанцы	—
			—	лёпики	—
			—	лёпки	—
Слова с неясной этимологией			—	лантрушки	—
			—	лындрики	—
			—	скачок	—
			—	солодовка	—
			—	сырун	—
			—	тюшка	—
Блин (лепешка) из тертого картофеля					
Название блюда в региональных словарях					
Мотивирующие слова			Словари		
бел.	русск.	диалектные	СМСПГ	ССГ	БОС
драць			драчёна	драчёна	драчёна
			дранчук	—	—
			драч	—	драч
			драчёник	—	—
			—	—	дёрник
			дерун	—	—

Как видим, большинство названий картофельных оладий и блинов отражают способ приготовления массы для их выпечки, обозначенный глаголами *драць* ‘раздрабняць, церці на тарцы’ (бел.) и *тереть* ‘превращать что-л. в мелкие частицы’ (русск.), ср.:

ДРАНКА², -и, ж. 1. Тертый картофель. Деляють *дранку* з бульбы на драчки, яйця туды, соли – и алатки бульбяныя някуць. Селец, Мст. Мгл. Пригатавали *дранку* – тады и блины печь можна. Татарск, Мон. Смл.

2. *Этногр.* Чаще во мн. **ДраНКИ**. Оладьи из тертого картофеля. *Баба мья надяреть бульбы и ў печи добрыя дранки деляить*. Шамово, Мст. Мгл.

Названия оладий *драники, дранки, драңцы, деруны и тёртики*, мотивированные этими глаголами, приводятся во всех трех региональных словарях, напр.: **Драники** ўкусныя, калі яны гырычыя. Пен'ковка, Клим. Мгл.; *Зыхадитя, деуки, вечирам, дранікаў з бульбы напяку и пыгаворим*. Любавичи, Мон. Смл. (СМСПГ); *Картошку надярун нъ драчку, нъ сквѣроду пѣкладуть и пякутъ драники*. ПОЧ. Самотыгино (ССГ); *На драники хараішо драць буйнаю картошку*. Мгл. (БОС); *А вы, деўки, любі-тя тѣртыкі – картофільныя латкі?* Викторovo, Красн. Смл.; **Тёртики** у нас дужа любяць, дык картошкі ні набярэся. Полошково, Клим. Мгл. (СМСПГ); *Ныдырутъ картошык и пякутъ блины – тѣртыкі*. ПОЧ. Красиловка (ССГ); *Чисти картошку, будим тѣртыкі делять*. Жир. (БОС). В ССГ фиксируются и другие наименования, производные от указанного русского глагола, напр.: *Ти спякеш ты сянні тяртоуныкі?* РОСЛ. Пригоры; *Сразу послі вайны тока тяртоуныкымы и питалісь хлеба саусем ні было*. ДУХ, Верешковичи; *Спикла тиртуки*. ДЕМ. Пржевальское; *Тиртуны йі-дять с маслым или сы смятаный*. СЫЧ. Дугино и др. Кроме того, в каждом из словарей представлены и другие, локальные, наименования картофельных оладий и блинов: 1) **лупешки**: *Блины з бульбы можна и дранікамі зваць, и лупешкамі*. Селец, Мст. Мгл.; *Блины з бульбы дранікамі ўсюдых завуць, а у нас их лупешкамі нывызаваюць*. Соино, Хисл. Смл. (СМСПГ); 2) **дѣрики**: *Картохи надяру во, дѣрикаў наделаю на вячэ-рю*. Сев.; *Дѣрики ўкусныі, када свежыі*. Брас. (БОС); 3) **лантрушки**: *Маі дзеті дужа любілі лантрушкі, ні нѣпикѣся, бывала*. САФ. Издешково.; 4) **лѣпки**: *Лѣпки с картошык тѣрых делялі*. ПОЧ. Даньково; 5) **тюшки**: *А тюшкі усѣтыкі ўкусныя тыда делялі*. ПОЧ. Мурыгино (ССГ).

Локальное наименование блинов *драчи*, упоминающееся в этнографических источниках, зафиксировано в СМСПГ и БОС: *Мае дзеті ой як любілі бульбяныя драчи*. Соино, Хисл. Смл.; *Иди-ка бульбы выбіри пакрупней. Надярём яе на драчки и напячём драчѣў*. Глыбов, Красноп. Мгл. (СМСПГ); *Ляпѣшкі с тѣртай бульбай, с и мукой – эта драчи*. Н-з (БОС).

Среди наименований оладий и блинов из тертого картофеля выделяются как их дифференцированные названия, так и названия, общие для обоих блюд, напр.:

ДраНЕЦ, -а, м. (чаще мн. **ДраНЦЫ**). Оладья из тертого картофеля с добавлением муки. *Драңац с картохи и с муки пякеца, ячка туды, солькі трохи*. Н-з. Няпаклі целую миску *драңау* и уси паели. Жир. (БОС);

ТЕРТУШНИК, -а, м., преим. мн. Блин из тертого картофеля. *Тяртушнікі пяклі с картошкі, тѣртай на драчку*. ЕЛБН. Васильки. (ССГ);

ДРАНКА², -и, ж. 1... 2. *Этногр.* Чаще во мн. **ДраНКИ**. Блин, оладья из тертого картофеля. *Баба мья надяреть бульбы и ў печи добрыя дранки деляить*. Шамово, Мст. Мгл. *Даўно я ўжо дранки ня ела. Нада бульбы надраць ды нажаріць*. Татарск, Мон. Смл. *Драңкаў напякла – укусна с малаком*. Соино, Хисл. Смл. (СМСПГ).

Традиционной крестьянской едой была запеканка (картофельная каша) из тертого картофеля, повсеместно называемая *бабкой*. «Баб-ка – традиційная беларуская страва. Лакальныя назвы таркаванка, агульнік, дзед, дранка, маўчун, бульбяная каша. Драную бульбу засвар-

ваюць салам, мясам з цыбуляю і інш. спецыямі, перамешваюць, выкладаюць у змазаны тлушчам посуд і запякаюць у гарачым духу. Часам у бабуку дадаюць муку, крупы, грыбы і інш. Гатовую бабуку звычайна прыпраўляюць маслам, ці салам або падаюць з малаком, смятанай, настоем з брусніц, журавін, бярозавым сокам... У наш час распаўсюджана паўсюдна» [4, с. 43].

Слово *бабка* как название блюда из тертого картофеля не зафиксировано ни в одном из доступных лексикографических источников – Словаре Даля, исторических и этимологических словарях, толковых словарях современного русского языка; оно есть только в нормативном «Тлумачальным слоўніку беларускай мовы». Во все наши региональные словари это слово включено с содержательными примерами-иллюстрациями:

БаБКА², -и, ж. Картофельное блюдо в виде каши или запеканки. *Бульбу натреш – и ў печку. Каб **бапка** ўкуснейшая была, сала ти мяса кусочки кладеш.* Селец, Мст. Мгл. *Пыставши на день **бапку** ў печ, а ў абет вытяниши и падъеси з малаком.* Ст. Дедин, Клим. Мгл. *З бульбы можна и **бапку** зделать, яна яшчэ драпкай завецца.* Лобковичи, Крич. Мгл. *На празники мати часта **бапку** пикла.* Бель-2, Крич. Мгл. *Садитися, деўки, к сталу, во я **бапку** сянни напарыла.* Липовка, Хот. Мгл. *Ис тёртай картошки наша мама дельла **бапку**.* Литвиновка, Ерш. Смл. *Картоплю дранаю с салам у печи тушуть – вот вам и **бапка**.* Любавичи, Мон. Смл. (СМСПГ);

БаБКА⁸, -и, ж. Блюдо из тертого картофеля. *Три бульбу нь **бапку**.* Валью в банку мълака дъ гърячую на стол. РОСЛ. Люковцы. *Надъреш картошку – заўтра сварим **бапку**.* СМОЛ.; Шум. Осово; РУДН. Новая Стрелка. (ССГ);

БаБКА¹, -и, ж. Блюдо из тертого картофеля, запеченного в печи. ***Бабка** – ета када патруть картошку, яечка туда, сала, можна вали'ть малачка, и ставють у вольный дух, у печку.* Навл. (БОС).

Все названия картофельной запеканки, зафиксированные в СМСПГ, ССГ и БОС, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Запеканка (каша) из тертого картофеля					
Название блюда в региональных словарях					
Мотивирующие слова			Словари		
бел.	русс.	диалектные	СМСПГ	ССГ	БОС
бабка			бабка	бабка	бабка
драць			бранка	–	–
			драчэна	–	–
			драчэнка	–	–
			драчэник		
			бранчук	–	–
	гереть		–	тёртица	–
			–	тертуха	–
	картофель		–	картофельница	–

Запеканка (каша) из тертого картофеля					
Название блюда в региональных словарях					
Мотивирующие слова			Словари		
бел.	русск.	диалектные	СМСПГ	ССГ	БОС
			—	—	<i>карто'вница</i>
	картошка		—	<i>картошник</i>	—
			—	<i>картошница</i>	—
		картопля	—	—	<i>картоплянка</i>

Другие наименования картофельной запеканки либо отражают способ приготовления массы для их выпечки по глаголам *драць* и *тереть*, либо мотивируются названием исходного продукта для их приготовления – *картофель* (лит.), *картошка* (разг.), *картопля* (диал.):

ДРАНКА², -и, ж. 1. ... 3. Блюдо из тертого картофеля в виде каши или запеканки; бабка. *Дранка, ти бапка, з бульбы делацца: надянеш яе на тёрки и ў чугунке ў печ ставиш.* Селец, Мст. Мгл. (СМСПГ); *Дранку са шкваркымі дельнюць, у чугунке ў печкі запікаюць.* Любавичи, Мон. Смл. (ССГ);

КАРТОФЕЛЬНИЦА, -ы, ж. 1. ... 2. Картофельная запеканка. *Картошку тируть, дэбаўляюць мылыка и запікаюць у печкі. Ету картофільніцу усе любяць.* РОСЛ. Новоселка (ССГ);

КАРТОВНИЦА, -и, ж. Картошка, тертая на мелкую терку, жаренная в чугунке или в горшочке с салом и луком; картофельная каша. *Сёння картоўніцу у пячы делала, и жырна, и укусна.* К-г.;

КАРТОПЛЯНКА, -и, ж. Кушанье из картофеля, запеканка, суп и т.п. *Давайця на вячэрю картоплянку з дэлым, таўчонкі с салам хочіця?* Н-з (БОС).

Особую ЛТГ составляют названия лепешек, блинов, которые пекли в голодные годы из перезимовавшего в поле картофеля – мерзлого, нередко гнилого, непригодного к употреблению. Такие наименования шире представлены в ССГ и БОС (см. табл. 3).

Таблица 3

Оладьи из мерзлого, гнилого картофеля (наименования употребляются чаще или только во мн. числе)					
Название блюда в региональных словарях					
Мотивирующие слова			Словари		
бел.	русск.	диалектные	СМСПГ	ССГ	БОС
	прелый		—	—	<i>прелики</i>
	тошнота		<i>тошнотики</i>	<i>тошнотики</i>	<i>тошнотики</i>
			—	<i>тошнотье</i>	—
	тухлый		—	<i>тухляники</i>	—

Оладьи из мерзлого, гнилого картофеля (наименования употребляются чаще или только во мн. числе)					
Название блюда в региональных словарях					
Мотивирующие слова			Словари		
бел.	русс.	диалектные	СМСПГ	ССГ	БОС
Слова с неясной этимологией			—	—	гопики
			—	дадела	—
			—	лахурики	—
			—	лындики	лындики
			мурцы	—	—
			—	тарарах	—
			—	тарарашка	—

Диалектизмы, мотивированные лексемами русского литературного языка, имеют отрицательно оценочную коннотацию: У вайну **прелики** ели за милую душу. Дубр.; Ньякетъ матка **тухляники**у, и етаму рады: у вайну саўсем есь нечыва была. ДУХ. Верешковичи.; С картошки гнилой **ташноття** ладъчкми деляли и ели. СМОЛ. Синчицы; У вайну **ташнотики** ели: на поли гнилой бульбы набярём, пасушым и блиноу напаякём, наядимся да атвала. Мгл.; **Ташнотики** у галодныи годы пякли, послы вайны. ВЯЗ. Никитники; Ели **ташнотики** мы пысля вайны, а шчас жа и добрай бульбы хвытаить, а гнилую выкидываем. Кр. Буда, Крич. Мгл.; Мы **ташнотика**у паели — и я, и сестра, и племянник, долга лижали, ели выжыли. Литвиновка, Ерш. Смд.

Мотивацию слов, не соотносительных с литературными лексемами, установить на основе словарных материалов не представляется возможным: Пайдём с сястрой у поля, ад голаду аш качаить, набярём мёрзлай картохи и дамой, а дома мамка намыить, забалтаить и да й нажарить **гопика**у; наядимся, тым и жыли. Бр.; У вайну вясной, кали снех сойдя, сабирали мерзлую бульбу и рабили з яе **мурцы**. Милейково, Мст. Мгл.; У вайну **лахурики** пякли с картошык. КАРД. Бородино; Прашлагодния картохи сабирали, тёрли и **лындики** гатовили. Дубр.; Вясною хадили пы гароду, картошки мёрзлыи събирали, **лындики** пякли ды ели. РОСЛ. Пригоры. Слова **тарарах**, **тарарашки** в ССГ подаются без примеров-иллюстраций, только с географическими пометами, указывающими на место их регистрации.

Таким образом, наличие в ССГ, БОС и СМСПГ диалектизмов, соотносительных с лексическими единицами русского и белорусского языков, является свидетельством их взаимодействия в процессе формирования приграничного белорусско-российского этнокультурного и лингвистического ареала.

Литература

1. Голик, Н.А. Мария Николаевна Косич – писательница, этнограф, собирательница народных песен нашего края / Н.А. Голик // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: провинция как социокультурный феномен : Материалы международной научно-практической конференции (г. Новозыбков, Брянская обл., 22–23 октября 2009 г.) / Федеральное агентство по образованию РФ; Брянский гос. ун-т имени акад. И.Г. Петровского ; ред. кол.: В.Н. Пустовойтов [и др.]. – Брянск : РИО БГУ, 2009. – С. 14–19.
2. Молчанова, Л.А. Материальная культура белорусов / Л.А. Молчанова. – Минск, 1968.
3. Шаповалова, Л.И. Наименования блюд из картофеля в говорах белорусско-русского пограничья (на материале региональных словарей) / Л.И. Шаповалова // Сб. науч. статей по материалам III Междунар. науч. конференции / под ред. Е.Е. Иванова. – Могилев : УО «МГУ имени А.А. Кулешова», 2012. – С. 16–21.
4. Этнаграфія Беларусі : энцыклапедыя / І.П. Шамякін, В.К. Бандарчык, Я.В. Малашэвіч [і інш.]. – Мінск, 1989.

Словари

1. Брянский областной словарь / авт.-сост.: Е.П. Гарбузова, Т.И. Клименко, М.Н. Кобытева, Н.И. Курганская, Л.Т. Лошманова ; отв. ред. Н.И. Курганская ; науч. ред. А.Л. Голованевский. – Брянск, 2007.
2. Брянский областной словарь / авт.-сост.: Е.П. Гарбузова, Т.И. Клименко, М.Н. Кобытева, Н.И. Курганская, Л.Т. Лошманова ; отв. ред. Н.И. Курганская. – 2-е изд., исправл. и доп. – Брянск, 2011.
3. Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров. / авт.-сост.: В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова, И.Н. Лапицкая, Т.С. Воробьева ; отв. ред. В.Б. Сузанович. – Т. I. – Электронный вариант.
4. Словарь смоленских говоров / под ред. А.И. Ивановой, Л.З. Бояриновой. – Вып. 1–11. – Смоленск, 1974–2005.

2012 г.

В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-БЫТОВАЯ И ЭТНОГРАФИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В «СЛОВАРЕ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ»

Важным источником историко-культурных и этнолингвистических сведений об укладе жизни населения белорусско-русского пограничья являются диалектные словари, к которым относится, в частности, «Сло-

варь смоленских говоров» (ССГ) и готовящийся к изданию «Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ).

В СМСПГ наряду с диалектизмами различных типов, согласно давней и устойчивой традиции отбора лексики для региональных словарей, представлены слова, устаревшие по отношению к современным русскому и белорусскому литературным языкам, а также некоторые разряды профессионально-бытовых диалектизмов. Поэтому лексика, зафиксированная в Словаре, отражает все стороны жизни носителей говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП) в прошлом и настоящем: различные сферы местного производства (земледелие, ткачество и прядение, промыслы и ремесла); особенности быта (устройство жилища и надворные постройки; домашняя утварь; пища, одежда и др.); обряды (родины, крестины, свадьбы, похороны); растительный и животный мир пограничного региона и т.п.

Примеры разработки в СМСПГ устаревшей лексики находят отражение в следующих словарных статьях:

ГарЧИК, -а, м. 1. ... 2. *Устар.* Мера сыпучих продуктов, равная по весу 5-ти килограммам. *Гарчиком* называли ящик для зерна. Ён служыў і меркай. У *гарчика* вес малый – пять килаграм. Викторovo, Красн. Смл. Ну вот, зерно мерыли *гарчыкам*. *Гарчык* нибальшы, бывала, дельли з дэрева, з досачак. Ём хлеб, муку, крупу мерыли. Жыткасти ня мерыли. Селец, Мст. Мгл. *Гарчыкам* раней зерно мерыли на мельницы. Тростино, Хот. Мгл.

МУХОяР, -а, м. *Устар.* Плотная ткань из козьей или овечьей шерсти. *Када* были у мамы козы, делали *мухяр* – такую тёплую и мягкую материю. Любавичи, Мон. Смл. Раньшы, бывала, и *мухяр* дельли с авечый шэрсти. Горы. Гор. Мгл.

Образцы подачи профессиональной и специальной лексики СМСПГ, относящейся к ремеслам, народным промыслам, ведению сельского хозяйства, представляют приведенные ниже статьи.

1. Ткацкая лексика: **Нит**, -а, м., **НитА**, -ы, ж. и **НитЫ**, -ов, мн. *Этногр.* Часть ткацкого станка, состоящая из двух параллельных деревянных реек, между которыми натянуты нитки; служит для равномерного поднятия и опускания нитей основы при прохождении челнока. *Яшчэ ў кроснах ёсь бёрды, нит, чаўнок.* Ленино, Гор. Мгл. *Нит* – эта достачка такая, и на яе ў два ряды намотаны нитки. Ст. Дедин, Клим. Мгл. *Патрепиш лён, на ниту яго, и рубашки ткать можна.* Любавичи, Мон. Смл. *На ниты* наматывали пажу. Звенчатка, Клим. Мгл. *Ниты* чапляюцца на чапёлки, туды ўдаюцца нитки. Забелышин, Хот. Мгл. *Ниты* двигаюцца свэрху ўнис, а з ними нитки, каторыя к ниму крэплюцца. Кр. Буда, Крич. Мгл. *Я пряду и ў чатыри, и ў шэсьць нитоў.* Студенец, Шум. Смл. *Кросны сыстаяць из нитоў.* Русское, Шум. Смл. *Ниты* нить мели, биз их и прясць нильзя было. Литвиновка, Ерш. Смл. *На ниты* чапляюцца кросны. *Штоп* нитки ни пярэпнуталісь, чалнок кидали ў *ниты*. Викторovo, Красн. Смл.

2. Гончарная лексика: **ГоРАН** и **ГоРИН**, -а, м. Гончарный горн. *Як гаршок* высахнить, *яго ў горани* выкаліваюць. Н. Дедин, Клим. Мгл. *Го-*

рин быў адин на ўсю дярэўню, туды ў яго пасуду насили абжыгать. Ст. Дедин, Клим. Мгл. *Гарикалѣн* пасуду з глины дѣлы ды ў *горани* абжыгал. Викторovo, Красн. Смл. *Гарняки* – *эта тоя, што и горин*, кап пасуду абжыгать. Там же. У *горини* гарцевник абжыгал пасуду глиняную. Соино, Хисл. Смл. Ср. **ГОРНО**, **ГОР-НЯКИ**.

3. Специальная лексика лаптеплетения: **ЛУТЬЁ**, -я, ср. Лыко. *Батька луття* з лесу прынясье, лаптей наплатеь. Ленино, Гор. Мгл. *Раней насили лапти, а пляли их з лущя*. Бель-2, Крич. Мгл. У старину с *лутья* лапти пляли. Викторovo, Крас. Смл. *Раньшы сыпаги и тухли ни насили, а луттѣ* драли и с яво лапти пляли. Любавичи, Мон. Смл. = Покупали (материал для лыковых лаптей) «магушками», целыми трубками и «луццѣм» – тонкими длинными липовыми жердочками с корой на них. Молчан. Матер. культ., с. 176. Ср. **ЛУТОК**.

4. Земледельческая лексика, обозначающая способы обработки земли, сельскохозяйственные орудия и их части: **ДВОЕНИЕ**, -я, ср. Двукратная вспашка земли. *Сичас тыкая зимля, што нада дваения дѣлыть, а то зы раз ни хватить*. Любавичи, Мон. Смл.; *Тут нада пыхать з дваением*. Н. Дедин, Клим. Мгл. = На легких песчаных и супесчаных почвах ограничивались **двое-нием**, т. е. двукратной вспашкой. Молчан. Матер. культ., с. 15.

КОПЫЛЪ, -а, м. Орудие для ручной обработки земли, мотыга. *Капылам капай, лупатой парежыш картошку*. Русское, Шум. Смл. *Нада будить грядки капылам абработыть*. Липовка, Хот. Мгл. = Кроме тягловых земледельческих орудий в XIX в. на лядях и огородах использовались орудия ручной обработки земли – мотыга («*капыл*»), «капаница», «капалка»), лопата и заступ. Молчан. Матер. культ., с. 33. Ср. **КОПАНИЦА**.

Особенности быта жителей МСП отражают диалектизмы, представленные в приведенных ниже словарных статьях.

1. Устройство жилища: **ТРИСТЕН**, -а, м. Трехстенная пристройка к дому. *Пынавазиў цэлыі трыстен сена*. Кр. Знамя, Красноп. Мгл. *Сена ў трыстен скалдайым*. Ст. Дедин, Клим. Мгл. *Усё сена ў трыстен зыклалі*. Русское, Шум. Смл. Ср. **ТРИСТЕНОК**.

КАМОРА, -ы, ж. Кладовая, чулан. *Слазь у камору, дастань сала*. Тростино, Хот. Мгл. У *камори* зярно хранили. Забелышин, Хот. Мгл. *Мука тады ў камори у мяне была*. Студенец, Шум. Смл. = С исчезновением старинных хат в конце XIX в. подвалы копали под деревянной «падлогай» хаты, сеней или «*каморы*». Молчан. Матер. культ., с. 50. Ср. **КЛАДОВЬЕ**, **КЛЕТЬ**, **КЛУНЯ** в 1 знач.

2. Надворные постройки: **ГУМНИЩЕ**, -а, ср. 1. Сарай для сушки, обмолота и хранения сжатого хлеба, хранения зерна; гумно. *Снапы каля гумнишча скинули, тяпер убираць нада*. Ст. Прянички, Клим. Мгл. *Хлеп тяпер нixто ни растить, на гумнишчы у нас куры жыють*. Гавриловка, Хот. Мгл. *Наша гумнишча разбурылася, там адин бурьян расте*. Русское, Шум. Смл. *А зярно ранишы на гумнишчы малатили*. Литвиновка, Ерш. Смл.

3. Наименования домашней утвари, сделанной из разных традиционных материалов: **ДВОЙНЮШКИ**¹ и **ДВОЙНУШКИ**, мн. *Этногр.* При-способление для переноски пищи в виде двух глиняных горшков, скрепленных одной ручкой. *Две махотки ўмести дѣлылись – двайнюшки, у йих насили яду на пакос, на поля*. Тростино, Хот. Мгл. *Раней абед людям, хто на поли*

працаваў, у *двайнюшках* насілі. Ковшово, Мст. Мгл. Муж работаў на полі, а дзетаму насілі абет у *двайнюшкых*. Русское, Шум. Смл. На поля ўсёгда яду ў *двайнюшках* насілі: у адным гарышку суп, а ў другім каша. Соіно, Хисл. Смл. Ср. ДВОеНЬКИ, ДВОеШКИ, ДВОЙКИ, ДВОЙНИЧКІ¹, ДВОЙНЮШКА, ДВОЙНЮШНИК.

ЛАЗОБКА, -и, ж. Липовы долбленый бочонок с крышкою. А мы ўсе гуркі ў *лазобкі* солім. Звенчатка, Клим. Мгл. Бярозавік раней у *лазопцы* стыял. Кр. Буда, Крич. Мгл. У *лазопках* мы джержалі соль, мёт. Татарск, Мон. Смл. У *липаваго лазопку* вмяшчаўся пуд мёда. Викторovo, Красн. Смл. = В южных полесских районах встречались огромные долбленные «кадолбы», «кадлубы», «*лазопки*». Молчан. Матер. культ., с. 215. Ср. **ЛиПОВКА**

БЕРЕСТЯНКА¹, -и, ж. 1. ... 2. Корзина, лукошко, туюсок, коробочка и т. п. из бересты. Раньшы як пойдзіш з *бюрист'янкай* у лес, і ягадаў, і грыбоў многа набярэш, а т'япер усё навыватталі. Кр. Буда. Крич. Мгл. Во набрала поўнаю *бюрыс'цянку* ягат. Звенчатка, Клим. Мгл. Бярэз у нас многа, во і дельці з іх *бюрист'янки* разныя. Татарск, Мон. Смл. Во ў *бюрист'янки* мёд дяржу. Любавічы, Мон. Смл. = Коробочки, изготовленные из бересты, – «*бюрас'цянкi*» служілі не толькі для солі, но такжэ для хранення мелкіх прадметах дамагаага абухода. Оні імелі вставное дно і абязатэльно крышку. Молчан, Матер. культ., с. 223. Ср. **БЕРЕСТеНЬ** в 1 знач.

В Словаре широко представлена *этнографическая лексика*, или *этнографизмы*, к которым мы относим слова, обозначающие атрибуты материальной и духовной культуры, а также особенности быта жителей могилевско-смоленского пограничного региона. Этнографизмы могут обозначать как утраченные реалии, так и сохранившиеся в повседневном домашнем обиходе и хозяйственной деятельности жителей МСП. Причем основанием для отнесения таких слов к указанной группе служит их фиксация в этнографических источниках.

КАВЕРЗНИ, КАВЕРЗНИ и **КУВЕРЗНИ**, мн. *Этногр.* Лапти из лыка с закрытыми мысами. Плялі лапты, іх называлі *кав'ярзні*. Н. Дедин, Клим. Мгл. У *кав'юрынях* анучка меншы пыліцца. Любавічы, Мон. Смл. Мы надівалі на ногі *к'юв'ярзні*, касілі ў іх. Соіно, Хисл. Смл. З лыка рабілі *к'юв'ярзні*. Забелышын, Хот. Мгл. = Плетеная обувь, называемая «*кав'юрынямі*», «похлопнямі», встречалась преимущественно в восточных районах Белоруссии. Белорусский *кав'юрынь* по своему виду походил на лапоть московский с высоким задником и толстыми бортами, очевидно, термин пришел к белорусам от русских староверов. Молчан. Матер. культ., с. 177.

ГОРЛАЧ¹, -а, м. Глиняный сосуд для молока с суживающейся верхней частью и широким горлом; кринка. Раньшы была многа пасуды глян'янай: і глян'чкі, і *г'юр'лачы*, і гарышкі, і жбаны, і мисы разныя. Ст. Дедин, Клим. Мгл. Павес'ка *г'юр'лачы* на забор, хай прасохня ды выв'ютрыцца. Бель-2, Крич. Мгл. А бабы ідуць з *г'юр'лачы* і кр'ючаць: «Во мы будім хадіць куды-та за малаком». Сапрыновічы, Мст. Мгл. У д'ярэўні у нас ч'юраз двор гын'чары жылі, *г'юр'лачы* ды гарышкі дельці. Н. Дедин, Клим. Мгл. Я ўжо малако прац'юдыла і ў *г'юр'лачы* п'юралі. Забелышын, Клим. Мгл. Бывала, маті п'ючку пратопіць і *г'юр'лачы* туды паставіць, каб малако тапл'ёная было. Липовка, Хот. Мгл. Раней гарыш'юныкі дельці *г'юр'лачы* і гарышкі з гліны. Се-

лец, Мст. Мгл. *Гырлач* с мѣлаком у сенцах стаить, вазьми ды налеі сабе. Русское, Шум. Мгл. *Я и цѣлы гырлач* мѣлыка выпить магу. Литвиновка, Ерш. Смл. *Малако тады ў гарлачи* сабирали. Петровка, Ерш. Смл. *Пиралій мылако з видра ў гырлачи*. Татарск, Мон. Смл. = Снятое молоко в глиняной посуде – *гладышах, жбанах, горлачах* – ставили в вытопленную печь на несколько часов. Молчан. Матер. культ., с. 203. = В быту белорусских крестьян в XIX в. распространены были высокие глиняные сосуды с суживающейся верхней частью: *збан, гарлач, гладыш*. Термины *гладыш, гладышка, ладыш, ладышка* распространены были на юго-западе Белоруссии. По левобережью Днепра и его притока Березины и далее до северной границы Белоруссии господствовал термин «*горлач*». *Горлач* имеет более длинное и узкое горло, чем *жбан*, а *гладыш* никогда не имел ручки. Молчан. Матер. культ., с. 214. Ср. **ГЛАДЫШ, ГЛАДЫШКА**.

В СМСПГ этнографическая характеристика диалектного слова находит специальное отражение: словарная статья такого слова, кроме пометы *Этногр.*, включает *этнографический комментарий*, извлеченный составителями Словаря из различных источников; этот материал приводится после демаркационного знака = в конце словарной статьи.

В словарные статьи СМСПГ по мере возможности включается богатый иллюстративный материал, позволяющий пользователю Словаря получить не только объективное представление о степени распространенности и сфере бытования слова на территории могилевского и смоленского пограничья, но и увидеть различные процессы изменения семантики этнографизмов. Так, например, у слова *грядня*, отмечается сужение его исторически сложившейся семантической структуры при изменении предметной отнесенности слова:

ГРИДНЯ, -и, ж. Отапливаемая часть дома. *Грядня – эта тая часть дома, якая ўсигда тѣплая*. Викторowo, Красн. Смл. *У грядни ўсигда тѣпла*. Любавичи, Мон. Смл. *Ня стойця ў сinyaх, праходця ў грядню, там печка, дык тѣпла*. Саприновичи, Мст. Мгл. = Отапливаемое помещение для слуг (XVI – нач. XVII в.). С XVII в. – подсобное помещение, в котором выполняли хозяйственные работы. Молчан. Очерки, с. 30.

В других словах (*кросны, домотканина, дерюга, водянка, гаплик* и др.), напротив, имело место расширение семантического объема.

В характеристике этнолингвистического пространства МСП по ряду причин весьма значительна роль наименований продуктов питания, блюд и напитков: они соотносительны с актуальными, жизненно важными реалиями; исходные продукты и процессы, способы приготовления пищи – домашние, упрощенные – долгое время остаются неизменными; в них участвует большинство носителей говоров; их наименования в диалектах наиболее устойчивы, сохраняются долгое время, подвергаясь лишь языко-

вым изменениям. Следовательно, через региональные словари такие диалектизмы могут отражать своеобразие одной из важнейших сторон хозяйственной деятельности и семейного уклада жителей МСП.

Таким образом, СМСПГ представляет ЛТГ этнографических диалектизмов, своим происхождением связанных с русским и белорусским языками.

Лексикографический материал, образцы которого приведены в настоящей публикации, несомненно, представляет интерес не только для лингвистов, но и для этнографов, историков, краеведов, культурологов и других специалистов гуманитарного профиля.

Диалектные материалы СМСПГ содержат важные сведения об исторически обусловленном взаимодействии славянских языков в пограничном этнолингвистическом ареале. Но особая значимость СМСПГ видится в том, что он является хранителем исторической памяти восточных славян, испокон веков проживавших в могилевско-смоленском Поднепровье.

Литература

1. Борисова, Е.Н. Лексика Смоленского края по памятникам письменности : учеб. пособие / Е.Н. Борисова. – Смоленск, 1974.
2. Молчанова, Л.А. Материальная культура белорусов / Л.А. Молчанова. – Минск, 1968. (Молчан. Матер. культ.)
3. Молчанова, Л.А. Очерки материальной культуры белорусов XVI–XVII вв. / Л.А. Молчанова. – Минск, 1981.

2012 г.

И.Н. Лапицкая, Л.И. Шаповалова

ЛЕКСИКА ЛЬНОВОДСТВА И ПЕРВИЧНОЙ ОБРАБОТКИ ЛЬНА В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Льноводство, обработка льна и домашнее ткачество имеют многовековую историю. В прошлом они занимали важное место в крестьянском быту и оказали влияние не только на материальную, но и на духовную культуру народа. Однако новые социально-экономические условия изменили быт сельского населения; льноводство приобрело промышленный масштаб; домашнее прядение и ткачество потеряли утилитарное назначение; уходят из жизни носители этого богатого пласта материальной и духовной культуры. Поэтому задача ученых – историков, диалектологов,

лексикографов – собрать, описать и сохранить все, что имеет этнокультурную значимость. Уникальным в этом отношении является региональный отраслевой тематический словарь А.В. Громова, содержащий лексику льноводства, прядения и ткачества костромских говоров [1]. Специалисты справедливо считают этот словарь историческим и энциклопедическим: лишь в первых двух его разделах представлено одиннадцать тематических групп лексики льноводства и первичной обработки льна, обширный иллюстративный материал которых дает представление не только о процессах сельскохозяйственного производства, но и обо всех сторонах жизни костромской деревни.

Составители «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) стремились во всей полноте представить лексику и фразеологию могилевско-смоленского пограничного региона. Они не ставили своей целью собирать «отраслевую» лексику льноводства и ткачества, однако она достаточно широко представлена в Словаре, потому что белорусско-российское порубежье во все времена относилось к основным льносеющим районам и крестьянское население, в том числе и жители могилевско-смоленского пограничья (МСП), было связано с этой отраслью сельского хозяйства. Именно поэтому льноводческая лексика была обнаружена нами в записях тех диалектологических опросов, которые имели иную тематическую направленность.

Ниже представлены тематические группы лексики льноводства и первичной обработки льна говоров могилевско-смоленского пограничья.

1. Лексика льноводства в говорах МСП.

Льноводство – процесс выращивания и уборки льна; *лен* – однолетнее травянистое растение, которое возделывают для получения волокна и семян [2, с. 13, 14].

1. *Льняное растение и его части*. Слова этой тематической группы в материалах СМСПГ представлены ограниченно: **ильнина** ‘один стебель льна’: *Лён чиста выбирали, ни воднай ильнины на поли ни астаўлялі* (Полошково, Клим. Мгл.); *Як нарвешся ильины, такая ужэ руки скарузлыя ды пацарапаныя, аж глядзеть страішна* (Милейково, Мст. Мгл.); **кóмель** ‘нижняя часть стебля льна’: *У снапе комлі выравніваюць, і каб ён стаяў у бабкі крэпка* (Соино, Хисл.Смл.); **головка, бубочка** ‘коробочка с семенем’: *Калі машына стеля лён, то галоўкі абрываюцца* (Селец, Мст. Мгл.); **Бубачьки** *абрэжух, пабьюць, масла здельюць* (Городище, Хисл. Смл.).

2. *Посев льна*. Лен обычно сеяли, когда «лист на березе по копейке распухнет и пух с тополей полетит»; посев льна должен быть завершен до дня Елены-Ленницы (3 июня по н. ст.) [1, с. 18]. В материалах Словаря-

зафиксированы лишь отдельные лексические единицы этой тематической группы: *бйчить* ‘сеять лён’: *Лён нада бйчить позна, як зямля нагрещца, каля Алены-Ленницы* (Б. Рубановка, Мст. Мгл.); *ильница, ильнище* ‘поле, засеянное льном’: *Раньшы лён у мяне свой быў. Ильница прямиа за домам была* (Тростино, Хот. Мгл.); *Вон ильница цвятеть галубым цветам – красата якая* (Викторово, Красн. Смл.); *У мяне добрае было ильнишча, а так лён рос як у каго* (Горы, Гор. Мгл.); *Летась студенты на ильнишчы работыли, мо, зарабили троху* (Викторово, Красн. Смл.).

3. Уборка льна – одна из самых трудоемких сельскохозяйственных работ; она включает *теребление* льна, *вязание снопов* и *укладку снопов* в поле для просушки перед обмоломом.

В говорах МСП наименованием *ручной уборки* льна служило отглагольное существительное *тёрка* ‘уборка льна вручную’: *Время ужжо лён убирать. Эта тяперичка машины, а раньшы мы ўсё тёркай* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Тёркай убирать лён – тяжкая эта работа* (Горы, Гор. Мгл.). Для наименования процесса ручной уборки льна использовался глагол *теребить* и устойчивое сочетание *брать (драть) лён* ‘выдергивать созревший лён из земли’: *Бывала, нас па восини пасылали са школы лён тирябить* (Варваровка, Хот. Мгл.); *Мати радила мяне прямиа на поли, кали лён брала* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Тяперя тирябелка ходить и бяреть лён* (Татарск, Мон. Смл.); *Пыкасили, нада ити лён драць ды вязать у снапы* (Микуличи, Шум. Смл.). Позже в говорах МПС распространились наименования *льноуборочной машины* (льнотеребилки) – *теребёлка* и *бралка*: *С поля ўсё убрали, толька адна тирябелка стаить* (Липовка, Хот. Мгл.); *У прошлым годи наш калхоз закупил новую тирябелку, дык яе ужжо разыбрани на диталях, усё пыкрали мужуки на вотку* (Русское, Шум. Смл.); *Раньшы лён уручную тирябили, эта тады ужжо пъявились бралки* (Соино, Хисл. Смл.); *Раней бралкими лён тирябили, а тяперь кымбайным* (Звенчатка, Клим. Мгл.).

В словарных материалах зафиксировано одно наименование лица по участию в ручной уборке льна – *бериха*: *Я у моладасти добрай бярыхай была, тяпер во руки атказвають* (Лобковичи, Крич. Мгл.); *Бярихи хадили рана ў поля брать лён* (Городище, Хисл. Смл.).

Вытеребленный лён вязали в снопы. *Сноп* – связка вытеребленного льна из двух-трех горстей; *горсть* – пучок льна, вытеребленного за один раз (количество стеблей льна, которое можно зажать в горсти при тереблении) [1, с. 20]. Словарные материалы показывают, что наряду с общеупотребительным наименованием *сноп* в говорах МСП употреблялись слова *бабка, бабочка*: *Лён тирябили и вязали снапы* (Русское, Шум. Смл.); *Наша matka быстра визала бапки с ьльна* (Викторово, Красн. Смл.); *Кыда я*

мыладая была, мама навучила мяне **бапки** вязать (Звенчатка, Клим. Мгл.); С лёну мы вязали **бабычкы** (Любавичи, Мон. Смл.); *Прыдеш са школы и сто бабачак* ильну адбить нада. Ложыш **бабачку** на лаўку и лупиш валикам с ручкай. За эта ў школы спраўку давали (Кр. Буда, Крич. Мгл.).

Готовые снопы перевязывали жгутом из стеблей льна, которые в говорах МСП назывались **пéреvezень, перевя'зень, пояс, пряж: Пэ́ривизинь** плетут для снапоў сы льна, жыта, сноп пиракручваюць, связываюць (Селец, Мст. Мгл.); Лён руками брали, у пучок слажывали и **пирявя'зним** абматывали (Литвиновка, Ерш. Смл.); **Поясам** сноп крепка пирявезвали, каб ён ни раскинуўся (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); Сы льна во жгут сплятеш ды и пирявяжыш гэтым **пряжам** сноп (Милейково, Мст. Мгл.).

Специальные наименования имели части снопа: **комель** – нижняя часть, **головка, макушка** – верхняя часть: Кыда ставяць сноп, яго пиривязываюць; нис снапа называюць **камель**, а верх – **галоўка** ти **макушка** (Татарск, Мон. Смл.); Снапы ў бабки ставили на **камель** (Ст. Дедин, Клим.); За **макушку** ни бярысь – усё зярно пабьеш (Пиряны, Хисл. Смл.).

Способы укладки снопов различались по количеству снопов в одной укладке, по расположению в ней снопов (в ряд или вкруговую), по месту расположения укладок (на убранном поле, на лугу и пр.). Так, **бабурка** – малая укладка снопов, в которой 6-8 снопов составлены в ряд попарно на убранном поле для просушки перед обмолотом: Ставяць на поли на шэсь снапоў у рят лён сушыць – во табе и **бабурка** (Соино, Хисл. Смл.); Раней снапы ильну ў **бабушки** ставили, тады на стелишчы – у **бапки** (Полошково, Клим. Мгл.); **бабка** – малая укладка снопов, в которой 10-15 снопов составлены вкруговую (обычно на лугу) для просушки после вылеживания льна на росах: Ильняныя снапы ставяць у **бапки**; у **бапки** снапоў мала, у капне многа (Селец, Мст. Мгл.); Раней лён ставили ў **бапки**, а тады ў **копны** (Суздалевка, Хисл. Смл.). Описание такой укладки снопов дается в белорусских этнографических источниках: «Связанные снопы складывали в кучки – **бабки** по 10-15 снопов, при этом их ставили на **комель**, прислоняя колосьями друг к другу, и одним снопом, как шапкой, накрывали сверху» [2, с. 37]. В словарных материалах представлен глагол **бабчить**, которым в говорах МСП называли действие по укладке снопов: Снапы **бабчить** – эта их сыстаўляць у бапки (Любавичи, Мон. Смл.); Матка и другия бабы вязали снапы, а мы, дети, их **бабчыли** (Звенчатка, Клим. Мгл.).

В говорах МСП сохранились наименования поля, с которого убран лен, – **ильнице, льнице**: Поля, с якога убрали лён, – эта **ильнишча**, с якога убрали жыта, – **иржышча**, с якога убрали авес, – **аўсянишча**; во як у нас паля называюць (Титовка, Клим. Мгл.); Посли уборки **ильнишча** пирипахи-

выютъ на зиму, а тады на им сеють што-нибудь другая (Пиряны, Хисл. Смл.); Летась бульбу сеяли на **льнишчы** (Звенчатка, Клим. Мгл.); Кали лён убяруть, на **льнищи** пасуть кароў (Хоронево, Шум. Смл.).

II. Лексика первичной обработки льна в говорах МСП.

Первичная обработка включает действия со льном для получения семян и волокна [1, с. 21]. Она начиналась с обмолота льна для получения семян, которые использовались для посева и выработки льняного масла.

Обмолот льна – отделение семенной коробочки от стеблей специальным орудием. В говорах МСП это действие обозначалось глаголами **молотить** и **колотить**, **околотить**, **оббить**, **отбить**. Основное ручное орудие молотьбы – **цеп** – «представлял собой длинную, гладко обструганную палку – «цапільна», к которой с помощью ремennого или веревочного «путца» привязывалась кароткая палка – «бічук», «біч». **Цеп** был господствующим орудием молотьбы не только у славян, но почти во всей Европе» [2, с. 41]. В говорах МСП это орудие имело также названия **цепок** (преим. во мн. **цепки**), **цеповьё**, **цепьё**: *Возьмиш **цэп** у руки и калотиш лён да самага вечара* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Лён як вяляжыцца, яво абмалатить нада. Кали лён уручную **малотють**, дык **цапкамі** бьютъ* (Полошково, Клим. Мгл.); ***Цыпавьём** раньшы ўсё **мылатили** – и хлеп, и лён, и кынаплю* (Любавичи, Мон. Смл.); *Раньшы мылатилак ни было, **цапьём** лён **акалачивали*** (Узлоги, Хот. Мгл.). Для обмолота льна использовались и некоторые предметы домашнего обихода, например **праник** ‘валёк для белья’: *Каб дали трудадён, нада двести снапоў льну **аббить**. Нясеш **праник**, ачышчаши ток и бьеш* (Милейково, Мст. Мгл.); ***Праникам** можна и падушки выбить, и дярюги, и лён **адбить*** (Русское Шум. Смл.). Кроме производственных орудий, для обмолота льна применялось специальное приспособление, которое упоминается в белорусских этнографических источниках: «Сноп брали за комель и обивали колосья о деревянную колодку или специальную **обивалку**, сделанную из жердей» [2, с. 42]. В говорах МСП такое приспособление тоже называлось **обивалка**, а более прочное, сделанное из бревен, – **бык**: *На **абивалки** можна жыта аббить, лён* (Любавичи, Мон. Смл.); *Бярвенни клали ва угольник – ставили **быка** и мылатили на им жыта, лён* (Староселье, Гор. Мгл.).

Первичная обработка льна с целью получения волокна подразделяется на два этапа: 1) доведение льна до кондиции, допускающей отделение волокна от жесткой части стрежня (костры); 2) обработка стеблей льна для получения волокна, годного к прядению.

На первом этапе после обмолота лен расстилали тонким слоем на лугу с целью росяной вымочки. Там он лежал 3–4 недели, до тех пор, пока не

отслаивалась волокнистая часть растения от твердой части стебля; в конце этого периода для проверки готовности льна брали пучок стеблей и разминали в мялке [1, с. 21]. В говорах МСП место, где стелют лен, называлось **стеліще**, а проверка готовности льна к дальнейшей обработке – **брать испытюк** и **делать испытюк**: *Лён сабирають, вязуть на стялишча, де ён ляжыць нядзели тры. Потым жэньшыны ходють, бяруць испытюк* (Тростино, Хот. Мгл.); *Ляжыць лён на стялици, а мы придём и дельным испытю, гатоў ён, каб мяць, ти не* (Викторово, Красн. Смл.). Готовый лен на стелище поднимали, ставили в бабки, чтобы он просох; сухой лен связывали в снопы, везли к овину или на ригу и сушили в специальных помещениях с печью: в овинах, в банях, в домашних печах [1, с. 21].

На втором этапе высушенные стебли льна подвергались обработке с помощью ручных орудий и приспособлений: «Женщины заготавливали необходимое сырье. Они обрабатывали стебли льна и конопли: расстилали стебли на влажном лугу, мочили, затем сушили, *мяли* на специальной мялке – «*мяліцы*» и *трепали* с помощью деревянной лопатки – «*трапашикі*» [2, с. 125].

В материалах СМСПГ зафиксированы две тематические группы лексик, связанной с этим этапом обработки льна.

1. Процессы, действия и орудия обработки льна с целью получения волокна.

Мятье льна – отделение остистой (твердой) части стебля льна от волокнистой с помощью мялки. Глагол **мять** и устойчивое сочетание **мячку раздевать** обозначают действие, связанное с этим процессом: *Як начнём лён мяць, дык усе руки патам быляць* (Кузьмичи, Ерш. Смл.); *Лён сначала сушыли, стлали, а тады мячку раздывали* (Нестерово, Мст. Мгл.). На территории МСП сначала использовалось простейшее приспособление, с помощью которого вручную мяли лен, – **билó**, потом самодельный деревянный станок – **мялица**, позже – приспособление заводского производства с металлическим мнущим устройством – **мячка**: *Раньшы ўручную лён мяли, пнянку. Дзявяная палка с ручкай на канцы, высряди равок – эта и ёсь билó* (Селец, Мст. Мгл.); *Лён мяли ў мялицах, тады складалі ў кулі* (Забельшин, Хот. Мгл.); *Лён мячкамі мяли – эта такія жалезныя валикі. Адин чалавек их крутить, а други падаець лён* (Нестерово, Мст. Мгл.); *Раньшы лён уручную абрабавывалі, тады ужо мячкы п'явылісь і лехчы стала* (Литвиновка, Ерш. Смл.).

Трепание льна – первичная очистка волокна от костры (жестких частиц льняного стебля). *Трепать лен* – выбивать из промятого льна костру с помощью особой деревянной лопатки – *трепала*, которая в говорах МСП называлась **трепышка**, **трепло**: *Машын раньшы ні было, трыпышкай*

лён **тряпали** (Ленино, Гор. Мгл.); *И тряпышкой лён тряпала. Правда, па руках частей била, пакудава ни навучилася* (Татарск, Мон. Смл.); *Была у нас такая тряпышка – достачка, с аднаго боку вострая и з другога* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *У нашай баби и щас ёсь тряпло. Эта плоская тонкая палка, пахожая на ножык* (Пеньковка, Клим. Мгл.). Кроме того, в некоторых районах МСП использовалась **обдёрка** – приспособление для очистки льна в виде доски с набитыми гвоздями: *Диривяная достачка з гвоздиками – абдёрка, ёю лён ачышчаюць* (Шамово, Мст. Мгл.); *Абдёрки мы сами дельили: набьеш на доску нибальшэнькую гваздёў – во табе и абдёрка* (Коробчино, Мст. Мгл.).

Чесание льна – дополнительная очистка отрепанного льна для получения волокна, годного к прядению. *Чесать лен* – вычесывать остатки костры из отрепанного льна специальным деревянным **гребнем**, который в говорах МСП называется также **гребёнка**, **гребешок**: *Гребням у нас чешуць лён* (Соино, Хисл. Мгл.); *Ёсть грабёнка, што выласы раішчэсваюць, а ёсть грабёнка для ильну* (Селец, Мст. Мгл.); *Грибляшом лён чешуць перат тым, як прясці* (Лобковичи, Крич. Мгл.). Локальными наименованиями этого орудия обработки льна и действий, связанных с его применением, являются диалектизмы **мычка** и **мыкать**, **мыкать мычкой** ‘очесывать лен деревянным гребнем, превращая волокна в кудель’: *Мычка – эта и чисты лён, ти куделя, и грибляшок, яким лён раішчэсваюць* (Викторово, Красн. Смл.); *Кали лён добры, дык яго харашо и мыкать; добрая куделя пылучаіцца* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Сначала лён нужна мыкать, а тады ужо прясці* (Любавичи, Мон. Смл.); *Лён нада пымяць, пытряпаць, а тады мычки мыкать* (Тростино, Хот. Мгл.). В результате такой обработки льна получают разные сорта волокна, отходы от мятья, трепания, чесания [1, с. 21].

2. Продукты и отходы при обработке льна.

Качественное волокно, приготовленное для прядения, в говорах МСП именуется **кудель** и **куделя**, **мычка**: *Кали лён высохнiць, яго мыкаюць, пылучаіцца кудель* (Татарск, Мон. Смл.); *Зимой уся хата куделяй завалина была, усе пряли* (Ковшово, Мст. Мгл.); *Мычка – эта чисты лён, ти куделя*. (Викторово, Красн. Смл.), а также **популина** ‘волокно высокого качества’: *Толька с шылкавистай сухой папулины выходіць харашая нитка* (Викторово, Красн. Смл.).

Отходы при обработке льна – это, в первую очередь, **костра** ‘жесткая часть стебля, раздробляемая и отделяемая от волокна при мятье, трепании, чесании’: *Як лён пирирабытывали, то кастра пылучалася, яе хто паліў, а хто ў хызайстве іспользывал* (Городище, Хисл. Смл.); *Прынясеш кастры ды и сыпиш у пуни, штоп карови мяхчей и тяплей было* (Лобковичи, Крич.

Мгл.); *Дама утыпляли **кастрой*** (Кузьмичи, Ерш. Смл.); *Хвытала работы на хверми: пыстылить **кастры**, пыминяць ваду* (Бель, Крич. Мгл.).

Костра, отделяемая от волокна на каждом цикле обработки льна, в говорах МСП имела свои названия, обычно связанные с наименованиями трудового действия: а) **мялье, мяльня** – костра, отделяемая и удаляемая при мятье льна: *Лён мнуть, и послі этава **мялля** пылучаіцца* (Соино, Хисл. Мгл.); *У нас бабы калдунні былі. Набярэш **мялля** ды накідаш ім у вароты на Івана Купалу* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *На заводи лён мнуть, с мячкі сыціцца **мяльня*** (Ленино, Гор. Мгл.); б) **отрѣпки** – клочья волокна с кострой, отделяемые и удаляемые при трепании льна: *Пысля таго, як лён патрэплюць, астаюцца **атрѣпки*** (Горы, Гор. Мгл.); *Раньш **атрѣпкімі** тюфякі набівалі і спалі на іх* (Викторово, Красн. Смл.); в) **очѣски, хлоп, хлопянка** – хлопья волокна с остатками костры, удаляемые при чесании льна и используемые для получения грубой, низкоккачественной пряжи: *С **ачѣскаў** ільну тожа прялі ниткі, а тада ткалі грубую ткань* (Роськов, Клим. Мгл.); *Кыда чешуць лён, тонкі астаетца, а спутаны, грязны **хлоп** атлятаіць* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); ***Хлопянка** абычна аставалася на грэбні пасля ачэсывання ільна і дыставалася бедным* (Тростино, Хот. Мгл.); ***Хлопянку** ету потым хто пірарабатываў, хто выкідаў* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.).

Целенаправленная работа диалектологов по сбору «отраслевой» лексики для СМСПГ позволит расширить номенклатуру тематических групп лексики льноводства и обработки льна и пополнить их состав.

Литература

1. Громов А.В. Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже : учеб. пособие. – Ярославль : ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1992.
2. Молчанова Л.А. Очерки материальной культуры белорусов. – Минск, 1968.

2016 г.

В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова

ЛЕКСИКА ЛЬНОПРЯДЕНИЯ В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Настоящая работа в определенном смысле дань памяти Павла Андреевича Расторгуева, который всю свою научную деятельность посвятил изучению «народных говоров русского и белорусского языков в их историче-

ском взаимодействии и современном состоянии», особое внимание уделяя «контактированию русского и белорусского языков на территории Брянщины... и Смоленщины» [1, с. 161], приведшему к формированию в зоне российско-белорусского пограничья смешанных (переходных) говоров близкородственных восточнославянских языков. Завершающим этапом фронтального изучения этих говоров признается создание уникального «Словаря народных говоров Западной Брянщины», который стал образцом лексикографической практики для авторов «Словаря смоленских говоров» (1974–2005 гг.), «Брянского областного словаря» (2007 г.; 2011 г.), а также для разработчиков «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ). В настоящее время подготовка Словаря находится на стадии завершения. В дальнейшем СМСПГ станет важнейшим источником сведений о материальной и духовной культуре могилевско-смоленского пограничья (МСП). Представленная в нем лексика охватывает все стороны жизни носителей белорусско-русских переходных говоров в прошлом и настоящем: прежде всего это различные сферы производственной деятельности и быта, пища, одежда, обряды и верования, характеристика человека по тем или иным качествам. Значительное место в Словаре занимает специальная (профессионально-бытовая) и этнографическая лексика. Специальная лексика включает наименования, относящиеся к земледелию, ремеслам и народным промыслам; этнографическую лексику составляют слова, называющие атрибуты материальной культуры либо отражающие особенности быта жителей могилевско-смоленского пограничного региона. Слова приведенных разрядов обозначают как утраченные реалии (устаревшие слова), так и реалии, сохранившиеся в повседневном обиходе и в хозяйственной деятельности жителей МСП. Настоящая статья строится на материале, подготовленном для включения в СМСПГ.

На территории МСП древнейшим ремеслом было *ткачество* – домашняя (кустарная) выработка тканей, имеющих главным образом утилитарное назначение. Основным сырьем для него издавна служило волокно льна. Процесс переработки льна имел строгую цикличность, обусловленную как сроками выполнения других сезонных сельскохозяйственных работ, так и продолжительностью отдельных стадий самого процесса льнопереработки [5, с. 289]. Основная стадия переработки льна – ткачество, а прядение – заключительная стадия подготовки материала для него – пряжи (нитей) разного вида и качества. Прядение начиналось поздней осенью, после завершения всех полевых работ: *Восинню, як измалотять рож, авёс, выкапають бульбу, садилісь за прялку* (Звенчатка, Клим. Мгл.). В октябре лен мяти, чесали гребнем, а в ноябре полученную *кудель* начи-

нали прясть – вручную с помощью *веретена* или на *самопрялке*. И только в марте, когда световой день увеличивался, в крестьянских домах устанавливали *кросны* и начинали ткать *холсты* [5, с. 495].

С точки зрения современного понимания производственных технологий *прядение* можно определить как процесс преобразования человеком (работником) определенного сырья (льна, хлопка, шерсти и т. п.) при помощи специальных средств (орудий, приспособлений) с целью получения продукта (пряжи, нитей) для дальнейшего использования в ткачестве. В рамках лексики прядения выделяются лексико-тематические группы, отражающие технологическую специфику этого процесса: 1) орудия прядения и их части; 2) волокно, приготовленное для прядения; 3) действия в процессе прядения; 4) брак при прядении; 5) результаты прядения и мотания; 6) сорта и качество пряжи и пр. [2, с. 36]. Эта классификация положена нами в основу типологического описания лексики льнопрядения, представленной в говорах МСП.

Лексика льнопрядения в говорах МСП.

Прядение – процесс превращения очищенного льноволокна (кудели) в пряжу [2, с. 36].

I. Приспособления для прядения, их части.

1. Ручная прялка – приспособление для ручного прядения, представляющее собой столбик с широкой верхней частью, укрепленной на краю горизонтальной доски, на которой сидят во время прядения [2, с. 36]. В говорах в этом значении используется общеупотребительное слово *прялка* и диалектное *пряслица*: *Эта прялка биз работы стаить, лён ни прядём ужю* (Кузьмичи, Ерш. Смл.); *Хыздин мой усё на пряслицах больш работаў, и мне пряслицу зделаў, уся ва узорах была* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.).

Части ручной прялки: *пряслица* – вертикальная доска (столбик) ручной прялки с широкой верхней частью для прикрепления кудели: *Куделю привяжыш да пряслицы, тады нитачку на виритяно и прядёш* (Любавичи, Мон. Смл.); *мычка* – деревянный или железный гребень, на который насаживают лен для расчесывания или уже готовую кудель для прядения: *На мычки, гребни диривянным, лён чешуть; ён дельицца мяхки, ну яво и прядёш* (Викторово, Красн. Смл.); *гребень* – деревянная стойка с зубьями, на которую при ручном прядении насаживается кудель: *Уторниш у дирку гребинь, пратягнши у яво нитку ды прядёш* (Бель, Крич. Мгл.).

Орудия, применяемые при ручном прядении: *гребёнка, мычка* – деревянный гребень для ручного расчесывания льна при прядении: *Грябёнкай рьспрыляють нити, кыда прядуть* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *Усё эта мычка – и чистый лён, ти куделя, и грибяшок, яким лён ращёсывыють*

(Викторово, Красн. Смл.); **веретено** – заостренная деревянная палочка длиной 30–50 см с утолщением посередине для кручения и наматывания нити при ручном прядении [2, с. 38]; его диалектные наименования – **веретёнце**, **нарушник**, **мальчик**, **ручейка** и **ручайка**: *Прядёш кудель, наматываши на **вирытёнца**, патым яе снимаши* (Селец, Мст. Мгл.); *Што **нарушник**, што **вирытяно** – адно и тое* (Лобковичи, Крич. Мгл.); ***Мальчик** крутиш, и нитки наматваюцца* (Звенчатка, Клим. Мгл.); ***Ручейка** – такая вирытяно длининькая, а краишак тонинький, заостринай* (Татарск, Мон. Смл.); *Тягниш кудель и наматываши пряжу на **ручайку*** (Селец, Мст. Мгл.).

2. Ножная прялка – прялка с колесом, которое приводится в движение ногой через подножку [2, с. 39]. В говорах МСП в этом значении отмечены варианты **самопрялка**, **самопрядка** и **санопрядка**, а также **супрядка**: *Жэничины **грябёнкай** мыкають лён на **сьмапрых*** (Любавичи, Мон. Смл.); ***Сьмапрых** мне пирийшла ат мамы, яна ўсё на ёй прых* (Викторово, Красн. Смл.); *Шчас я вам сваю **санапрыхку** пакажу, я на ёй раньшы прых* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Возьмиш ильну, напрыхдеш на **супрых*** (Полошково, Клим. Мгл.).

Части ножной прялки: **погонялка** – планка, прикрепленная к подножке самопрялки и приводящая в движение большое колесо: **Пыханялка** – *эта дащечка такая, як на падножку нагой жмёш, яна ўверх-ўніз ходить и калёсо крутить* (Липовка, Хот. Мгл.); **галка** – малое колесо самопрялки: **Галка** – *эта калечка, чэраз яё нитку прядывають, када прыхдуть лён ти шэрць* (Соино, Хисл. Смл.); **прыхльник** – большая катушка (механическое веретено прялки), на которую наматывается нить: *Устаўлю еты **прыхльник** у прыхку, на катушку нитку надену ды и прыхду* (Милейково, Мст. Мгл.); **губки** – деталь самопрялки, через которую нить выводится на катушку: *Во и **губки** ёсь у сьмапрых* (Забелышин, Хот. Мгл.); **мальчик** – приспособление, регулирующее направление нити на катушке самопрялки: *У прыхцы на штырь надывацца шпулька и **мальчик** кам пыткручывацца* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); **пришпульник** – деталь самопрялки, в которую вставляется шпулька: *Кали прыхти нада, дык тады ў малиненькую рагатулку (яна **пришпульникам** завецца) нада ўставить шпульку, и прыхди* (Милейково, Мст. Мгл.).

II. Льноволокно, приготовленное для прядения.

1. Наименования качественного волокна: **кудель** и **куделя** – вычесанный лен, подготовленный для прядения: *Кали лён высохнеть, яго мыкають, пылучацца **кудель*** (Татарск, Мон. Смл.); *Зимой уся хата **куделей** завалина была, усе прых* (Ковшово, Мст. Мгл.); **куделька** (уменьш. к **куделя**) – *Вазьму ильну и спыхду на **кудельку*** (Милейково, Мст. Мгл.); **мычка** – очёсы

льна, используемые для прядения; кудель: **Мычка** – *эта чистый лён, ти куделя* (Викторово, Красн. Смл.); **тряпашка** – *Як мычки памыкаши, мяхкия **тряпашки** палуцаюцца* (Городише, Хисл. Смл.); **популина** – *Толька с шылавистой сухой **папулины** выходить харошая нитка* (Викторово, Красн. Смл.)

2. Наименования отходов при обработке (чесании) льна, которые использовались для получения грубой, низкокачественной пряжи – **хлоп, хлопьянка**: *Када чешуть лён, тонки астаецца, а спутаны, грязны **хлоп** атлятаить* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); **Хлопянка** *абычна аставалася на гребни пасля ачэсывання ильна и даставалася бедным* (Тростино, Хот. Мгл.).

III. Сорт и качество пряжи.

1. Наименования льняной пряжи – **альнянуха** и **альнануха**, **альнина**: **Альнянуха** – *эта и пряжа и пылатно с ильну* (Березетня, Мст. Мгл.); *Раней с **альнанухи** пылатно ткали и адёжу рабили* (Ковшово, Мст. Мгл.); *Раньшы ручники ткали с **ильнины*** (Тростино, Хот. Мгл.).

2. Наименования грубой льняной пряжи – **дербанина**, **дербень**, **дербачина**: **Дирбанина** *дельицца с лёну ти кынапли, а потым с етых нитак халсты ткуть* (Нестерово, Мст. Мгл.); *Пряли мы и **дярбень**, патом ткали грубы холст, с яво шыли юпки* (Кулешовка, Клим. Мгл.); **Дирбачина** – *эта такая грубая нитки, с каторых патом дярбень дельюць* (Викторово, Красн. Смл.).

3. Наименования грубой пряжи из отходов, получаемых при обработке льна – **хлоп, хлопья, хлопьянка**: **Хлоп** *мы с атходаў ильну пряли* (Буяковка, Ерш. Смл.); *С ачэскаў ильну рабили **хлопья**, а тада ткали* (Роськов, Клим. Мгл.); **Хлопянку** *ету ткали и дельили с яе патклатки* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.).

4. Наименования обработанной пряжи: **бель** – *отбеленная льняная пряжа: Адбелюць илляную пряжу – во табе и **бель**. У нас з **бели** кружыва дельили* (Соино, Хисл. Смл.); **гурина** – *пряжа, окрашенная в красный или черный цвет: Кладёш пряжу ў краску, и яна становицца красная ти чорная – во табе и **гурина*** (Забельшин, Хот. Мгл.).

5. Наименования пряжи по количеству свитых нитей: *Па талицине пряжа дельицца на **дивятник, дысятник, адинацйтник и двинацйтник** – в девить, десить, адинацйт и двинацйт нитий* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *Пряжа з дивяти нитак идет, таму и **дивятник*** (Любавичи, Мон. Смл.); *Эта таму **дысятник**, што з дысяти нитак робицца* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Раней мы пряли розную пряжу, и **адинацйтник**, у адиныцйт нитак* (Кулешовка, Клим. Мгл.); **Двинацйтник** *зрабить магли ня ўсе, тольки тья, у каво пальцы были тонинькия; тоўстым и грубыми слаба нащупвалася нитка ў руке* (Литвиновка, Ерш. Смл.).

IV. Действия в процессе прядения.

1. Лексические наименования: **намычивать** – насаживать лен на гребень (мычку) для обработки: *Раньшы лён на мычки намычывали, штобы чисаць куделю и прясць* (Милейково, Мст. Мгл.); **мыкать** – очесывать лен деревянным гребнем, превращая волокна в кудель: *Кали лён высахнись, яго мыкають, пылучаюцца куделя* (Любавичи, Мон. Смл.); **припрядать** – соединять веретено с волокном для последующего прядения: *Кудель **припрядали** к виритяну, накручивали и пряли* (Шамово, Мст. Мгл.); **стрыстить** – скрутить, свить несколько нитей в одну: *Етыя нитки трэба было патам **стрыстить** – скрутить адна ў адну* (Горы, Гор. Мгл.).

2. Фразеологические наименования: **мыкать (намыкать) мычки** – очесывать лен, превращая волокна в кудель: *Насадим снапы ў баню, высушым, потым памнём, патрепим, а тады **мычки намыкаем** и сядим прясць* (Кузьмичи, Ерш. Смл.); **мыкать в мычку** – заготавливать кудель для прядения, сворачивая ее в пучки: *Пачисали лён, тады яго скручваем и ў **мычку мыкаем** – сварочваем у камок* (Кр. Буда, Крич. Мгл.).

V. Результаты прядения и мотания нити.

1. Наименования результатов прядения: **ручайка** – пряжа, снятая с веретена: *Прядёш кудель, наматывааш на вирятёнца, патым яе снімааш – во табе и **ручайка*** (Селец, Мст. Мгл.); **супрядки** – нити, выработанные на ножной прялке (супрядке): *А я, бывала, с **супрядак** пылатна натку и нашыю рубях* (Полошково, Клим. Мгл.); **попрядахи** – нити, которые были выработаны на деревенских сборах для прядения: *С собранава ильна пряли, дельли **пыпрядахи**, а патам ткали* (Лужная, Ерш. Смл.); **мычка** – пучок из очесов льна, приготовленный для прядения: ***Мычка** – эта куделя ў камочку, яна гатова для прядення* (Любавичи, Мон. Смл.).

2. Наименования результатов мотания нитей: **мотушка** – моток нитей: *Лён пряли, а патам яво ў **матушки** мытали.* (Любавичи, Мон. Смл); **мот** – большой моток пряжи: *У мяне яшчэ ёсць **мот** нитак, буду плаця сабе вязаць* (Горы, Гор. Мгл.); **початок** – моток готовых нитей: *Нитку пряли и скручивали ў **пачатки*** (Тростино, Хот. Мгл.).

VI. Лица, занимающиеся прядением.

1. Наименования женщин, занимающихся ручным прядением в домашних условиях – общеупотребительное **пряха** и диалектные **пряжэня, праница** и **пряница**: *Раньшы гаварили: «У лянивай **пяхи** и для сябе нет рубяхи»* (Петровка, Ерш. Смл.); *Бапка мая добрая **прыхэня** была, мяне прясці вучила* (Забельшин, Хот. Мгл.); *Во раньшы як многа ильну была, так **праницы** многа адёжы с ильну ткали, а зарас ужо ни так* (Милейково, Мст. Мгл.); *Я, бувала, аддавала куделю **праницы**, каб яна яе спрала* (Полошково, Клим. Мгл.).

2. Наименования женщин, собирающихся для совместного прядения – **попрядаха** и **попрядуха**: *Пыпрядахи*, бывала, у адну хату сабяруцца, прядуць, песни пяють (Литвиновка, Ерш. Смл.); *Ноччу идуть деўкі-напрядухи* прясть, а хлопцы их ужэ пыджыдають (Ст. Дедин, Клим. Мгл.).

VII. Деревенские сборы женщин для прядения.

1. Сбор женщин для совместного прядения – **сўпрядки** и **сўбрядки**: *Раньшы свету ни было, бабы ўсе на сўпрядки сабіралісь; пряли, вышывали, визали; адну лучину палили, усё ыканомили* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *У нас тожа были сўбрядки: деўкі сыбіралісь у каво-нібудзь прясть ти визать* (Городище, Хисл. Смл.).

2. Собрание женщин для оказания помощи в прядении – **попрядухи** и **попрядухи**: *Кали адна хазяйки ни спраўлялась ткаць, яна приглашала девак да сябе ткаць – гэта ў нас напрядухи* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *На напридухи бабы сабіралісь у адну хату и пряли. Як срядуць, пиряходять у другую хату пымагать* (Литвиновка, Ерш. Смл.).

3. Ночные посиделки за прядением, рукоделием – **суборки**, **попрядуха**: *Я любила хадить на суборки, многа моладі сабіралася, пряли, ткали, пели* (Горы, Гор. Мгл.); *Мы маладыми на напрядуху хадили, адной жа дома скушна ткаць ти прясти* (Тростино, Хот. Мгл.).

Статус лексики прядения, зафиксированной в СМСПГ, в настоящее время требует уточнения. Наименования приспособлений и орудий прядения и их частей, волокна, приготовленного для прядения, действий в процессе прядения, результатов прядения и мотания, сорта и качества пряжи ранее правомерно относили к специальной лексике. Например, во второй половине тридцатых годов в первом издании «Толкового словаря русского языка», вышедшего под редакцией проф. Д.Н. Ушакова, слова *кудель*, *кросны* (*кросна*), *пасма* (*пасмо*), *прясло* подаются с пометами *обл.*, *спец.*, что можно считать свидетельством актуальности именуемых реалий [3, с. 1526, 1542; 4, с. 59, 1054]. Новые социально-экономические условия изменили уклад жизни крестьянского населения МСП, ткачество и прядение потеряли утилитарное назначение. Сохраняется и поддерживается декоративно-прикладное ткачество из льна как вид народного творчества, что является развитием славянской исторической традиции декоративного и ритуального ткачества. Поэтому в региональной лексикографии термины льнопрядения и ткачества следует относить к *этнографической лексике*, сопровождая их разработку соответствующими пометами. Приведем пример разработки этнографизмов в словарной статье СМСПГ.

МЯЛИЩА, -ы, ж. 1. *Этногр.* Самодельный деревянный станок, на котором мяли лен и коноплю. *Лён мяли ў мялицах, тады складалі ў кулі.* Забелышин, Хот. Мгл. *Як*

пачнём *мялицай* лён мять, дык усе руки патам былять. Звенчатка, Клим. Мгл. Раньшы льнотырябилку *мялицай* называли. Соино, Хисл. Смл.; Кружиловка, Ерш. Смл.; Кузьми-чи, Ерш. Смл.; Горы, Гор. Мгл.; Ст. Дедин, Клим. Мгл.; Бель, Крич. Мгл. = Женщины заготавливали необходимое сырье. Они обрабатывали стебли льна и коноплю: расстилали стебли на влажном лугу, мочили, затем сушили, мяли на специальной мялке – «*мялицы*» и трепали с помощью деревянной лопатки – «трапашки». Молчан. Матер. культ. С. 125. Ср. **Мячка**.

Приведенный выше иллюстративный материал Словаря показывает, что распространенные на территории МСП термины прядения имеют различные варианты – акцентологические (*попрЯдухи* и *попряду́хи* ‘собрание женщин для оказания помощи в прядении’), фонетические (*супрядки* и *субрядки* ‘ночные посиделки за прядением’; *ручейка* и *ручайка* ‘веретено’), словообразовательные (*попряд-ах-а* и *попряд-ух-а* ‘женщина, участвующая в посиделках для совместного прядения’), грамматические (*кудель-□* и *кудел-я*) и др. Наряду с диалектными терминами прядения в говорах МСП употребляются и общенародные лексемы с тем же значением, имеющие фиксацию в нормативных словарях, напр., *пряха* и *пряжсенья*, *веретено* и *ручайка*, *гребень* и *мычка*, *чесать* и *мыкать* и др.

Богатый иллюстративный материал словарных статей СМСПГ позволяет увидеть различные изменения семантики этнографизмов, в частности, расширение их семантического объема. Например, лексические единицы, обозначающие материал (исходное сырье или продукты обработки льна), реализовали потенциальную способность к развитию полисемии вследствие переноса наименований по продуктивным метонимическим моделям.

I. Метонимический перенос по универсальной модели *материал* → *изделия из него*, которую применительно к описываемой лексике представляют конкретизированные вариантные модели, когда одним словом называется *сырье* / *продукт переработки сырья* / *изделие из него*. При этом различаются *полные* (трехступенчатые) и *неполные* (двухступенчатые) модели реализации потенциальных семантических трансформаций лексем.

1. Полные (трехступенчатые) модели реализации семантических трансформаций лексем.

(1) продукт для прядения → (2) продукт прядения → (3) продукт ткачества
хлопянка (1) ‘отходы при обработке льна’ → (2) ‘грубая пряжа из отходов льна’ → (3) ‘грубая льняная ткань из такой пряжи’

(1) продукт прядения → (2) продукт ткачества → (3) изделие из этого материала
альнянуха (1) ‘льняная пряжа’ → (2) ‘льняная ткань’ → (3) ‘изделие из льняной ткани’

Контекстуальные иллюстрации приведенных моделей семантической трансформации лексем.

ХЛОПЯНКА 1. Отходы при обработке (чесании) льна. *Хляпянка абычна аставалася на грэбні пасля ачэсывання ільна і даставалася бедным.* Тростино, Хот. Мгл. *Хляпянку мы ні выкідалі, а пралі грубыя ниткі.* Роськов, Клим. Мгл. *Хляпянку ету патам хто пірарабываваў, хто выкідаў.* Петровка, Ерш. Смл. 2. Грубая пряжа из отходов льна. *Хляпянку ткалі і дэлылі с яе патклаткі.* Ст. Дедин, Клим. Мгл. 3. Грубая льняная ткань. *С хляпянкі шылі усё: і рубашкі, і штаны, і платці.* Русское, Шум. Смл. *Як сатчеш с хляпянкі накрывалы, ічиталася очинь багата.* Ст. Дедин, Клим. Мгл. *С хляпянкі бабы мяшкі дэлылі.* Звенчатка, Клим. Мгл.

АЛЬНЯНУХА и **АЛЬНАНУХА**. 1. Льняная пряжа. *Альнянуха – эта і пражэ, і пылатно са лёну.* Березетня, Мст. Мгл. *Са лёна рабілі альнянуху, а патам ткалі.* Роськов, Клим. Мгл. 2. Льняная ткань. *Раней с альнянухі адёжу шылі.* Ковіццо, Мст. Мгл. *У мяне ёсь мамина платця с альнянухі.* Петровка, Ерш. Смл. 3. Изделия из льняной ткани. *Тяперь ільну няма і альнянуху ні шыюць.* Роськов, Клим. Мгл.

2. Неполные (двухступенчатые) модели реализации семантических трансформаций лексем.

(1) материал – продукт прядения → (2) материал – продукт ткачества → (3) изделие из этого материала

дэrbень (1) ‘грубая пряжа из льна’ → (2) ‘грубая ткань из льна’ → (3) —

альнянина (1) — → (2) ‘льняное полотно’ → (3) ‘изделия из него’

Контекстные иллюстрации приведенных моделей семантической трансформации лексем.

ДЕРБЕНЬ. 1. Грубая пряжа из льна или конопли. *Дярбень дэлыцца с лёну тукынаплі, а потым с етых нитак халсты ткуць.* Любавичи, Мон. Смл. *Дэлылі мы і дярбень, с яво ткалі грубы холст і шылі сабе юпки.* Кулешовка, Клим. Мгл. 2. Грубая ткань из такой пряжи. *Во наткала дярбень – за жысь ні сносиш.* Литвиновка, Ерш. Смл. *Матка мне на Пасху паішыла з дярбёня юпку на выраст і панизу прішыла дэ атласныя лэнтэ.* Липовка, Хот. Мгл.

АЛЬНЯНИНА. 1. Льняное полотно. *У маткі маёй тада многа альняніны было, на пріданэ мне гатывіла.* Любавичи, Мон. Смл. Мгл. *Во эта кашуля с альняніны зробліна.* Селец, Мст. Мгл. 2. Изделия из льняного полотна (постельное белье, одежда и т. п.). *Усё альняно у нас называюць альняніна.* Соино, Хисл. Смл. *С адёжы мы больш за ўсё насілі альняніну.* Засожье, Мст. Мгл.

II. Метонимический перенос по модели *инструмент / приспособосблиение* → *продукт, полученный при его применении*, которую применительно к описываемой лексике представляют конкретизированные вариантные модели, когда одним словом называется приспособление / орудие для обработки льна и материал / продукт, полученный при его использовании.

(1) приспособление → (2) продукт обработки, полученный с его применением

ручайка (1) ‘веретено’ → (2) ‘пряжа, снятая с наполненного веретена’

мычка (1) ‘гребень для насадки льноволокна’ → (2) ‘очесы льна, прикрепленного к гребню’ → (3) ‘сверток из очесов льна, приготовленный для прядения’

Контекстные иллюстрации приведенных моделей семантической трансформации лексем.

РУЧАЙКА. 1. Веретено. *Во я, бывала, са сваёй мати насажу нитку на ручайку, и прядём да вечару.* Милейково, Мст. Мгл. 2. Пучок пряжи, снятой с наполненного веретена. *Прядёш кудель, наматываши на вирытёнца, потым яе снимаши – во табе и ручайка.* Селец, Мст. Мгл.

МЫЧКА. 1. Деревянный или железный гребень, на который насаживают льноволокно для расчесывания или уже готовую кудель для прядения. *Лён на мычку надявали и чиясали яво грибяшком, кудель деляли.* Борки, Хот. Мгл. 2. Очесы льна, используемые для прядения; кудель. *Лён нада память, патрипать, а патом на грядёнки мычки чисать.* Любавичи, Мон. Смл. *Мычку з грибяшка збиваю, и астаецца квачок – хлоп.* Тростинно, Хот. Мгл. 3. Пучок из очесов льна, приготовленный для прядения. *Пачисали лён, тады яго скручваем у камок – у мычку.* Кр. Буда, Крич. Мгл. *Як нада прядь, мычку рыспрямиш, на грьбёнычку надениш и прядеш.* Ковшово, Мст. Мгл.

Лексика льнопрядения и ткачества служила основой для расширения семантического объема этнографизмов и для развития переносных нетерминологических значений.

Литература

1. Булахов, М.Г. Восточнославянские языковеды : библиографический словарь : в 3 т. / М.Г. Булахов. – Минск : Изд-во БГУ имени В.И. Ленина, 1978. – Т. 3.
2. Громов, А.В. Словарь: лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже : учеб. пособие / А.В. Громов. – Ярославль : ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1992.
3. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1935. – Т. I.
4. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939. – Т. III.
5. Этнаграфія Беларусі : энцыклапедыя / І.П. Шамякін, В.К. Бандарчык, Я.В. Малашэвіч [і інш.] – Мінск : Беларуская савецкая энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1989.

2014 г.

В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова

ЛЕКСИКА ТКАЧЕСТВА В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ: ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

На белорусско-российском порубежье (и на территории могилевско-смоленского пограничья (МСП) в частности) древнейшим ремеслом было ткачество – домашняя (кустарная) выработка тканей, имеющих главным образом утилитарное назначение. Материалы регионального «Словаря

могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) содержат значительный пласт *специальной (профессионально-бытовой)* лексики – *терминов ткачества*. Однако в силу исторических, социальных, этнокультурных факторов статус лексических единиц этого терминологического пласта изменился: в современном корпусе диалектной лексики их следует включать в состав *этнографизмов* [4, с. 63].

С точки зрения современного понимания производственных технологий домашнее *ткачество* можно определить как процесс преобразования работником определенного материала (льняной, хлопчатобумажной, шерстяной пряжи, а также пеньки) при помощи специальных приспособлений (ткацких станов) с целью получения конечного продукта – ткани. В рамках лексики прядения выделяются лексико-тематические группы, отражающие технологическую специфику этого процесса: 1) ткацкий стан и его части; 2) действия в процессе тканья; 3) виды ткани; 4) брак в ходе тканья, 5) слова, обозначающие людей, участвующих в ткачестве. Эта классификация положена нами в основу типологического описания лексики ткачества, представленной в материалах СМСПГ.

Лексика ткачества в говорах МСП.

Ткачество – это выработка ткани на ткацком стане путем переплетения нитей *основы* и *утка* [2, с. 36; 6, с. 495].

I. Ткацкий стан и его части. *Ткацкий стан* – приспособление для выработки ткани в домашних условиях. Прототипом ткацкого стана считают специальные квадратные дощечки с отверстиями по четырем углам, через которые пропусклась *основа*; при повороте дощечки слева направо создавался *зев* для пропуска утка. С помощью такого приспособления, известного с древнейших времен, на территории Беларуси еще в конце XIX – нач. XX вв. ткали пояса. Для производства ткани домашней в это время использовали два вида ткацких станов – *вертикальные* и *горизонтальные*; наиболее распространенными были станы второго вида. Среди них более древним и примитивным был стан без боковых станин – *стан «на сохах»*, а самым распространенным – *рамный* ткацкий стан, основу которого составляла рама из четырех подставок, соединенных внизу поперечинами. По свидетельству специалистов, в Могилевском уезде применялись именно такие горизонтальные станы со ставами. Во 2-ой половине XIX в. получил распространение технически усовершенствованный ткацкий стан – *варштан*. В домашнем ткачестве прошлого века использовался и рамный стан, и варштан [6, с. 494–495].

В говорах МСП в качестве наименования *приспособления для домашней выработки тканей* использовалось общеупотребительное слово

СТАНОК и диалектные СТАВЫ, СТАВКИ, КРОСНЫ и КРОСНИ, САМОТКАНИК: *На понаж нагой ставились и тыўкали, штоп работаў **станок*** (Звенчатка, Клим. Мгл.); *У мяне и шчас ёсь **ставы**, на их яшчэ мая матка ткала* (Ковшово, Мст. Мгл.); *Раней **ставы** деляли сами, бо адёжу ни купляли, а шыли сами* (Буяковка, Ерш. Смл.); *Малая, я шчэ ни даставала да панажоў, а ужо знала, куды нитку закладывать у **ставках*** (Викторово, Красн. Смл.); *Яшчэ нудаўна, пыся вайны, мы ткали на **кроснах** – насить жа ничога ни было* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); ***Кросни** на сяле ва ўсех были, мы на их палотны ткали и адёжу шыли* (Лобковичи, Крич. Мгл.); *На **кроснях** мама нам юпки ткала* (Викторово, Красн. Смл.); *У бапки маёй **сыматканик** быў, добра ж яна на им ткала палотны* (Полошково, Клим. Мгл.); *Наша баба Маня и шчас умеить на **сьмытканику** ткаць пылатно* (Пиряны, Хисл. Смл.).

Части ткацкого стана. Наиболее важными частями и приспособлениями горизонтального ткацкого стана, распространенного на территории МСП, является опорный каркас – *ставы (кросны)*, на которых крепились *навой и пришива* (для основы и ткани); *ниты*, в которые наживывалась основа; *бёрдо с набилками (набелки)* для прибивания утка; *поножи* для приведения в движение нитов и образования зева при тканье: *Кросны сыстаять из бёрд, набелак, из навоя, панажэй, чапёлак, чаўныка, цэўки и нитаў* (Русское, Шум. Смл.).

1. *Опорный каркас ткацкого стана* образуют две пары вертикальных разновысоких брусов, соединенные продольными и поперечными реями [6, с. 274]. В говорах МСП одна из двух одинаковых симметрично расположенных частей ткацкого стана, составляющих его остов, называется СТАВИНА: *На станку па дзве **ставины**, на их крепіцца адзади большы навой, спериди – малы навой* (Липовка, Хот. Мгл.); *На **ставины** навой цыпляли. На навой пряжу ныматвыли* (Пиряны, Хисл. Смл.).

2. *Рабочие части ткацкого стана и их детали.* Рабочие части ткацкого стана по их функции можно разделить на два вида: одни выполняют основные операции процесса тканья, другие приводят их в действие и обеспечивают их работу.

Приспособления, с помощью которых непосредственно осуществляется тканье, – *бёрдо с набилками, ниты и челнок*.

Основной рабочей частью ткацкого станка является *бёрдо* – приспособление в виде продолговатой прямоугольной рамки с частыми параллельными пластинками-зубьями, вертикально расположенными внутри нее; в бёрдо продеваются нити основы; вместе с *набилками* оно служит для прибивания утка [2, с. 61; 6, с. 79]. Пластинки, вставлявшиеся в рамку

бёрда, очень тонкие (до 1 мм); они изготавливались из осины или клена [6, с. 79]. В говорах МСП эти пластинки назывались ЛУЧИНКАМИ, а зазоры между ними – ЗЕВКОЙ; именно через нее пропускались нити основы. Само же описанное приспособление в говорах МСП обозначалось как повсеместно употребляемым в ткачестве словом БЁРДО, так и его фонетическими и грамматическими вариантами – БЁРДА и БЕРДА, чаще во множ. БЁРДА и БЁРДЫ, а также уменьш. БЁРДЫШКО: *Бёрда – это устройства с тонких кляновых палычк, черяс каторыя прахадилы нитки* (Викторово, Красн. Смл.); *У бёрду нитки ўкладалы, а патам ужэ ткалы* (Нестерово, Мст. Мгл.); *Раз мы з братам разбегалыся па хаты і сламалы бярдэ ў кроснах* (Ленино, Гор. Мгл.); *Бёрда – две тонкия палачкы с тонныкмы лучынкмы, каторыя их сыядняють. Чераз лучынкы праводяць ниткы. Бёрдымы прибывають, уплатняють ниткы, кыда ткуть. Помню, кыда мы ў школу ишли, бёрда разабралы на шчотныя палычкы* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *У бёрдах у кожнаю зеўку па тры нитычкы працягваем* (Татарск, Мон. Смл.); *Па анной нитачкы ў бёрдышка – и так ткём* (Кузьмичи, Ерш. Смл.).

Бёрда различаются по количеству пасм, и в соответствии с этим имеют свои названия. ПАСМА – это жгут из 30 нитей, полученный при сновании пряжи: *Ниткы снувалы, убывалы ў стянэ калякы, деўкы бегылы ат адной стэнкы з другой, наматывалы на их пасмы и дельлы ставы* (Ленино, Гор. Мгл.). В результате метонимического переноса это слово стало использоваться как показатель ширины бёрда: при его изготовлении количество пластинок рассчитывалось с учетом числа нитей в пасме, которые нужно пропускать через зевки. Следовательно, одна ПАСМА бёрда состоит из 30 зубов, а таких пасм в нем могло быть от 6 до 12. Отсюда и названия бёрд по количеству пасм в говорах МСП: ШЕСТУХА – бёрдо на 6 пасм основы (180 зубов) для изготовления грубого холста на мешки, а также тканых изделий – постилок, половиков; СЕМУХА – бёрдо на 7 пасм основы (210 зубов) для изготовления плотной ткани для одежды; ВОСЬМУХА – бёрдо на 8 пасм основы (240 зубов), самое широкое бёрдо, на котором из очесной (с добавлением очесов льна) пряжи изготавливались грубые тканые изделия; ДЕВЯТНЯ – бёрдо на 9 пасм основы (270 зубов), на котором ткали нетолстые холсты из очесной пряжи; ДЕСЯТУХА, ДЕСЯТНЯ – бёрдо на 10 пасм основы (300 зубов) и ОДИННАДЦАТКА – бёрдо на 11 пасм (330 зубов) применялись при тканье полотна из чистой пряжи; ДВЕНАДЦАТКА – бёрдо на 12 пасм (360 зубов) использовалось для получения самого тонкого полотна из лучшей пряжи. Например: *Шастухай ткалы плотная пылатно. Эта палычкы пыўтара метра и дробнынькыя ячэйкы зделаны с*

тониньких лучинак (Пеньковка, Клим. Мгл.); *Шастухи атличались ат ся-мух прасветам памии палычкыми* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Бёрды разныя были: адинацытки, двинацытки, васьмухи. У мяне з бёрд была васьмуха* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *Пыставила на кроснах дисятуху, атткала десять нитак* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.). *У десятиню ткали тонкия халсты* (Литвиновка, Ерш. Смл.).

НАБилКИ и отмеченный в говорах МСП его фонетический вариант НАБелКИ – часть домашнего ткацкого стана, представляющая собой две соединенные деревянные пластины с продольными углублениями, в которые вставляется бёрдо; верхняя пластинка подвижная, может подниматься и опускаться; набилки с бёрдом служат для прибивания утка [2, с. 63; 6, с. 335], например: *Бёрды ў набилки ўстаўляюцца* (Любавичи, Мон. Смл.); *Гляжу я на набилки и на паножак нажымаю* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Бёрда эта ўсажываюцца ў набелки, штобы ткаць; бяз бёрда ткаць ня будиш* (Любковичи, Крич. Мгл.); *У мяне, детки, и ставины, и навои, и ниты, и бёрды, и набелки, и панажы, и цэўкі – усё сыхранілася* (Звенчатка, Клим. Мгл.).

НИТ и НиТА, чаще *множ.* НИТы – подъемная деталь ткацкого стана, представляющая собой ряд соединенных попарно нитяных петель, собранный на двух поперечных параллельных рейках; *ниты* с продетыми в них нитями *основы* служат для образования *зева* при тканье [2, с. 64]. ОСНОВА и диалектные наименования СТАВЫ, КРОСНЫ, КРОСНИ – продольные ряды параллельно натянутых нитей, продетых через *ниты*, нитяная основа в ткацком стане, а ЗЕВ и ЗЁВ – пространство между верхними и нижними нитями основы, в которое при тканье проходит челнок. Детали, на которых крепятся ниты, в говорах МСП называются ЧЕПёлКИ и ЧЕПелКИ. Например: *Панажы ныгами нажымають, штоп нит пытануть унис, зделать зёў для чилнака* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Чапёлки – палачки такія, падвесачкі с калёсикам. Ат чапёлак пиракінут шнурок чераз калёсика. Адин нит падымаюцца ўверх, а другой апускаюцца ўнис* (Ковшово, Мст. Мгл.); *Чапелки деляли жалезныя. Штоб доўга служыли* (Хоронево, Шум. Смл.); *Патрепиш лён, на ниту яго пустиш, и ткаць палотна можна* (Любавичи, Мон. Смл.); *Ниты – эта достачка такая, и на яе ў два ряды намотаны нитки* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Нитки снували, убивали ў стянэ каляки, деўки бегыли ат адной стэнкі з другой, наматывали на их пасмы и деляли ставы* (Ленино, Гор. Мгл.); *Кросны на навой навивають, на ниты чапляють. Миш кросин чаўнок пракидвють* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *Абарвалася нитка ў кроснях, спутаўся зёў* (Татарск, Мон. Смл.).

ЧЕЛНОК – приспособление для протягивания уточной (поперечной) нити при тканье. Ткацкий челнок – овальная продолговатая колодка с накрученной внутри (на *цевку*) нитью, по внешнему виду он напоминает речной челн. Были известны две разновидности лодкоподобных челноков – с *донцем* и более распространенный, в том числе и на могилевско-смоленском пограничье, *полый челнок*; в оба челнока вкладывалась *цевка* [6, с. 529]. ЦЕВКА и (в говорах МСП) *уменьш.* ЦЕВОЧКА – деревянная или берестяная трубочка, на которую навивают уточную нить и вкладывают в челнок при тканье; в полом челноке цевка крепится на тонком металлическом стержне, который в наших говорах называется СЕРЖОНОК. Например: *Чаўнакі былі розныя: і ў дзве ниты, і ў чатыры, і ў шэсь* (Н. Дедин, Клим. Мгл.); *Наматаюць нитку на цэўку, заправілі у чаўнок, а тады ткеш* (Лобковичи, Крич. Мгл.); *Резали ў лясу палачкі, вытягвалі сярэтку і палучалася цэвачка* (Тростино, Хот. Мгл.); *Была ішчэ ў чаўнаку цэвачка* (Кузьмичи, Ерш. Смл.); *Сламаўся сяржонак у чаўнаку, а так ён яшчэ добры быў* (Бель, Крич. Мгл.).

Приводное устройство ткацкого стана в говорах МСП обозначается с помощью ряда акцентологических и словообразовательных вариантов – ПоНОЖ и ПОНОЖ, *множ.* ПОНОЖы; ПОНОЖоК и ПОНОЖЕК. Это устройство состоит из двух или нескольких (до 8) узких дощечек, собранных на стержне и подвязанных к *нитам* ткацкого стана; с помощью *понажей* ногами стан приводится в движение, образуется зев в основе [2, с. 65]: *Кали ткеш пылатно, нажымаюць нагамі на панаж, іх ні менш двух, нажымаюць пы парятку, смятэра які ўзор дельіш* (Селец, Мст. Мгл.); *На панаж нагу ставіш, нажымаюць нагой і ткеш* (Забельшин, Хот. Мгл.); *Панажы – дастачкі такія. Яны адным канцом закрэпліны к ниту. Панажы нагамі нажымаюць, і каб нит пытануць уніс, зделат зёў для чылыка* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *На панажок ногі паставіш і соўвайш то ўніс, то ўверх яго, каб бёрды хараіш хадылі* (Татарск, Мон. Смл.); *Гляжу я на набілки і на панажак нажымаю* (Звенчатка, Клим. Мгл.).

В рабочей части ткацкого стана есть два приспособления в виде вала для наматывания основы (кросен) и готовой ткани, которые в домашнем ткачестве повсеместно называются *навой* и *пришива*. НАВОЙ – задний вал ткацкого стана, на который навивают основу; на конце навоя слева от ткачихи *головка* с отверстиями для крепления основы; на другом конце – *круги* в виде колес, ограничивающие станину, придающие устойчивость всему стану и задерживающие пряжу на навое; во всю длину вала идет выемка, в которую вкладывают прутки с надетой на него пряжей основы [2, с. 64]; ППРИШВА – передний вал в ткацком стане, на который навивается готовая

ткань; пришива укрепляется в неподвижном положении притужальником [2, с. 67]. В говорах МСП эти термины получили локальные особенности употребления. Так, наш иллюстративный материал свидетельствует, что слово НАВой и *уменьш.* НАВойЧИК служили названием только малого заднего вала, предназначенного для намотки основы: *На ставину навой цыпляли. На навой пряжу наматывли, а на пришиву – пылатно* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Навинчыють нитки на навой, а холст сатканы идет на пришиву* (Буяковка, Ерш. Смл.); *Як навойчик сламаўся, на яво нитки наматвають, так во и ня тку* (Гавриловка, Хот. Мгл.). Другие примеры свидетельствуют, что этот термин используется и как название для обоих валов ткацкого стана: *Дзве ставины, на их крепицца адзади большы навой, спериди – малы навой* (Липовка, Хот. Мгл.); *Накрутиш нитки на малы навой, а палатно – на вялики навой* (Русское, Шум. Смл.). Можно предположить, что здесь оказала влияние традиция белорусского ткачества, где для этих приспособлений используется общий термин, ср.: «*навоі – пярэдні і задні (для тканіны і для асновы) валікі на кроснах*» [6, с. 335]. Аналогичное семантическое явление отражает «Словарь смоленских говоров» применительно к термину *пришива*: «*Пришвы две: анна нъмавывъить пряжу, фтърая – халстину. ВЯЗ. Пусто-Трошино*» [3, с. 49]. В Словаре В. Даля находим свидетельство о различии производственных функций указанных деталей ткацкого стана и, следовательно, значений соответствующих терминов: *Пришива* – «передний валъ или колода на ткацкомъ стану, для укрѣпы за головку (полоску холста) основы и намота новины, холста;... съ другаго конца колода или *навой*, также с головкою» [1, с. 461].

II. Действия в процессе тканья. В говорах МСП для обозначения этого процесса и некоторых его операций используются как *лексические*, так и *фразеологические* наименования.

Для процесса тканья в целом используется общеупотребительный глагол ТКАТЬ – изготовлять ткани путем плотного соединения накрест переплетенных нитей, расположенных двумя рядами – продольным (основа) и поперечным (уток) [2, с. 68] и фразеологизм НАБИРАТЬ КРОСНЫ (НА КРОСНАХ) с таким же значением: *Бирдаўчик деля бёрда, бяз их жэнішныны ня могуць ткать* (Соино, Хисл. Смл.); *Ткѣш пылатно, а бёрды снують туды-сюды – и нитка тяницца* (Тростино, Хот. Мгл.) и *Раньшы ўсе деўкі набірали на кроснах, а і час усякай материі ў мыгазینی поўна* (Засожье, Мст. Мгл.).

В лексическом значении глаголов *выткать* и *наткать* содержится указание на результативность обозначаемого процесса: *ВыТКАТЬ* ‘изготовить тканьем в каком-нибудь количестве’: *Фсё, што с лёну выткана, – холст* (Петровка, Ерш. Смл.); *Стан нада хранить у сухим мести, а то*

ничога ня **выткиш** (Татарск, Мон. Смл.); НАТКАТЬ ‘наготовить тканьем в большом количестве’: Саржы, бывала, **наткём** и шьем тады адёжу (Звенчатка, Клим. Мгл.).

2. Операции процесса тканья. 1) Подготовительные операции: СНО-ВаТЬ – готовить основу будущей ткани на сновальном станке или на стене: *Пряжу на сноўницы растягвыють, **снують*** (Любавичи, Мон. Смл.); ***Сну-вали** кросны. Находии балышую стяну, убиваии колики и робиш основу* (Милейково, Мст. Мгл.). СУЧиТЬ (НАСУЧиТЬ) ЦеВКУ – навивать пряжу на цевку: ***Насучии цэўки** и тада ткёш* (Тростино, Хот. Мгл.). НАРЯЖИ-ВАТЬ и НАВИВаТЬ КРоСНЫ – заправлять нить (пряжу) в ниты ткацкого станка: *Буў таки нит у станке, куды **наряжвали** нитки* (Тростино, Хот. Мгл.); *Кали дельли пылатно ў цвяты, то **наряжывали** чатыры ниты* (Саприновичи, Мст. Мгл.) и *Через юрок вядёш нитку и **навиваии кросны*** (Пиряны, Хисл. Смл.); ***Кросны навивають** на навой, яны двигаюцца ўверх-унис* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); НАВИВАТЬ и НАВИНЧИВАТЬ – наматывать нити на навой ткацкого стана: *Вот я стаўно ставы, тады нитку на навой **навиваю*** (Ленино, Гор. Мгл.); ***Навинчивыють** нитки на навой и ткуць патам* (Бужковка, Ерш.Смл.).

2) Основные операции тканья: ЗЕВаТЬ – делать зев в основе движением нитов от нажатия на подножки (*поножи*): *Не лянися ткать, на паножак нажсымай, **зьявай** пычаииш* (Петровка, Ерш. Смл.); БРОСаТЬ (КИДаТЬ, ПРОКИДЫВАТЬ) ЧЕЛНОК – при тканье быстрым движением руки посылать челнок в зев основы: *У кроснах и зеў ёсть, ета ш пра-странства, куды **чаўнок брасаииш*** (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *Штоп нитки ни пиряпутвались, **чалнок кидали** ў ниты* (Викторово, Красн. Смл.); *Кросны навивають на навой, яны двигаюцца ўверх-унис. Меш кросин **чаўнок пра-кидвыють*** (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *Аддвинии бёрды, **пракинии чаўнок** и dalej ткёш* (Лобковичи, Крич. Мгл.); ПРИБИВаТЬ, ПРИТЫКаТЬ – при тканье соединять нити утка с основой, прибывая их набилками с бёрдом для уплотнения ткани; при этом делают два удара набилками и с силой нажимают на подножку: *Бёрдыми **прибивають**, уплатняють нитки, кыда ткуць* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *Чалнок с ниткай прапускають миш нитак, и набилки **притыкають**, прибывають ету нить* (Любавичи, Мон. Смл.); НАТЫКаТЬ – пропускать в уток нить отличного от основы цвета (чаще красного), чтобы выткать узор на холсте: ***Натыкають** на навою розными нитками, и ткуць красывы партяк, с узорам* (Литвиновка, Ерш. Смл.); НАБИВаТЬ и НАБИРаТЬ КРоСНЫ (НА КРоСНАХ) – ткать узор, рисунок на холсте путем определенного переплетения нитей основы и утка: *Ткали холст и на им набивальникам узор **набивали*** (Ковшово, Мст. Мгл.);

Кали ткѣш, **кросны набираиш**, дак красива палучаицца, вока ни адвести (Б. Рубановка, Мст.)

III. *Брак при тканье*. В этнографических описаниях ткачества дана детальная классификация ошибок и брака при тканье, но в наших материалах их наименования представлены недостаточно широко: БЛИЗНА – брак в ткани в виде редкой полоски из-за отсутствия очередной нити основы на некоторой длине ткани, из-за порыва петли нита или по некоторым другим причинам: *Кыда ткуть, парвецца нитка и палучаицца палоска такая – близна, ни адинакава ткецца тыда* (Селец, Мст. Мгл.); *Ткала во на андарак ды ни заметила близну* (Тростино, Хот. Мгл.); НАЛЕПА – утолщение на нитях основы при тканье от действия бёрда с негладкими, грубыми зубьями: *Бёрда з грубым зубам стаскивайт налєпы, ирветь нитки* (Петровка, Ерш. Смл.); КОСИНА – перекося ткани при тканье, когда косо установлен стан или неровно прибавляется уток: *Няроўна прибавиашь уток – касину наткѣш и ня выправиш* (Милейково, Мст. Мгл.).

IV. *Лица, связанные с ткачеством*. Женщина, занимающаяся ткачеством – ТКАЧИХА, ТКАНИЦА: *Жэнишин, што ткали, пафсякыму звали – и ткачиха, и тканица* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Тканица день и ноч сядела за кросным* (Липовка, Хот. Мгл.); *У моладасци я залихая тканица была* (Литвиновка, Ерш. Смл.). Плохая ткачиха или женщина, не умеющая ткать – НЕТКАНИЦА: *Бывали котарыя ниўмехи, ета и ёсь нитканицы* (Милейково, Мст. Мгл.); *Мая мати добра ткала, я вычилася у яе, а сястра малодшая – не. Так и асталася нятканицай* (Звенчатка, Клим. Мгл.). Мастер, изготавливающий бёрда – БЕРДЕЧНИК, БЕРДОВЩИК, БЕРДОВИК: *У нас у дяреўни быў такі бярдечник, ён усем бёрды дельў* (Селец, Мст. Мгл.); *Бёрда привазили с Манастыришыны, у нас бярдешника не была* (Любавичи, Мон. Смл.); *Наш Трахвимыч быў харошым бирдаўчыком, за яго бёрды з Вяликаруси прыяжджали* (Милейково, Мст. Мгл.); *Бирдавик – ета мастир, што бёрда дельить* (Соино, Хисл. Смл.). *Бирдавик* и пылыманыя бёрда пыпраўляў (Милейково, Мст. Мгл.). Мастер, изготавливающий челноки – ЧЕЛНОЧНИК: *А этый сусет быў мастирам па чауныках – чауночник* (Корєбье, Гор. Мгл.).

V. *Ткань домашней выработки*. 1. Названия тканей. 1) Общие названия: ТКАНЬ – тканая материя, материал: *Раней мыгазинаў ни было, ткань сами вырабляли и адѣжу шыли сабе. А тяпер усѣ мыгазинная, глядєть стынна* (Любавичи, Мон. Смл.); ДОМОТКАНИНА, ДОМОТКАНИК, ДОМОТКАНЬ, САМОТКАНИК САМОТКАНКА, КРОСНЫ, СаРЖА – ткань домашнего изготовления: *Усѣ тады дельили з дыматканины, усю адѣжу, бо гатовага матирьялу ни было* (Гавриловка, Хот. Мгл.); *Гадоў, можа,*

шаснацать мне было, кыда я сама юпку з **дымытканины** пашыла (Викторово, Красн. Смл.); **Даматканик** тяшка было сыткать: спычатку нада було спрясть нитки, а потым ткать на станку (Нестерово, Мст. Мгл.); У мыгазини ткань ни купляли, а шыли сабе адёжу з **дыматкани** и адявалися ў дыматкань, што сами шыли (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); Раньшы с **саматканика** только и шыли адёжу (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); Мама палажыла крутак **сымытканика** ў сундук, так ён да свадьбы маёй и ляжаў (Татарск, Мон. Смл.); **Тяпер жа саматканки** нихто и ня ткёт (Звенчатка, Клим. Мгл.); **Наткёш сыматканки** и адёжи дитям нашыиш (Русское, Шум. Смл.); **Глядитя, якия я ткала кросны** на пылатенцы, скатёрки (Соино, Хисл. Смл.); **С сямухи мы кросны** ткали (Звенчатка, Клим. Мгл.). В некоторых русских говорах СаРЖЕЙ называется подкладочная ткань домашней выработки с льняной основой и шерстяным утком, а в говорах МСП это слово входит в ряд приведенных выше наименований, ср.: **Саржы**, бывала, **наткём и шьём тады** (Звенчатка, Клим. Мгл.); **Де-та у мяне ёсть ичэ сымытканая саржа** (Милейково, Мст. Мгл.).

2) Названия тканей по их специфическим свойствам – виду исходного сырья (пряжи), структуре, качеству, фактуре и пр.

Наименования ткани по виду исходного сырья (пряжи). В говорах МСП повсеместно употребляется общее название льняной ткани – ХОЛСТ: **Усё, што с лёну выткана, – холст** (Петровка, Ерш. Смл.), а также диалектные наименования АЛЬНЯНИНА, АЛЬНЯНУХА и АЛЬНАНУХА: **У матки маёй многа альнянины** было, **на приданая мне гатувала** (Звенчатка, Клим. Мгл.); **Альнянуха** – **эта и пряжа, и пылатно сы лёну** (Березетня, Мст. Мгл.); **Раней с альнанухи адёжу рабили** (Ковшово, Мст. Мгл.); **У мяне во эта плаття с альнанухи асталося** (Петровка, Ерш. Смл.). Реже, обычно в бедных крестьянских семьях, в домашнем ткачестве использовалась **пенька** – волокно, получаемое при обработке стеблей мужских особей конопли – поскони. Вследствие семантических изменений метонимического характера слово **посконь** получило значение ‘ткань домашнего изготовления’, такое же значение в говорах МСП имеют и диалектные лексемы ПОСКОНИНА [5, с. 626] и ДЕРБЕНЫ: **Пысканина** – **толстый, грубый материал, яво сами с пнянки ткали** (Литвиновка, Ерш. Смл.); **У вайну мы с пысканины адёжу шыли** (Ковшово, Мст. Мгл.); **З диграичны дедыли пнянку, а ужо с пнянки потым – дярбень** (Селец, Мст. Мгл.).

Наименования ткани по структуре и качеству отражают ее особенности, связанные с качеством пряжи и технологией тканья. Так, домотканые **полотно** и **холст** различны по качеству: ПОЛОТНО – льняная ткань из чистого волокна, которую ткут в две нити, а ХОЛСТ, в отличие от по-

лотна, – грубая льняная ткань полотняного переплетения, которую ткут из пряжи, полученной наполовину из чистого волокна и из очесов льна [2, с. 71], ср.: *На пылатно пряли тонка и ткали яво ў бёрдах у две нити на пылатенцы и на бяллё* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Дома на кросных мы ткали холст, а патом шыли с яво рубахи, штаны* (Пирыаны, Хисл. Смл.). Ткань, выработанная только из очесов льна (в МСП – хлопьянка), называется ХЛОПЯНКОЙ: *С хлопьянки бабы мяшки шыли, дельли пытклатки* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *С хлопьянки шыли ўсё: и штаны, и рубахи, и юпки грубыя* (Русское, Шум. Смл.).

Две достаточно широкие тематические группы лексики объединяют наименования грубой и тонкой ткани домашней выработки: *Сами раньшы ткали з грубага – дяруги, с тонкага – намитки* (Ленино, Гор. Мгл.). Выделенные слова открывают ряды: 1) ДЕРЮГА – ДЕРБЕНЬ, ДЕРЮШ, ДЕРМО: *Диргачина – эта такая грубая нитки, с якіх патом дярбень дельють* (Нестерово, Мст. Мгл.); *Во наткала дярбень – за жысь ня сносиш* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *Из дярюша шыли ўсё – и рубахи, и сырыфаны* (Викторово, Красн. Смл.); *Ткали мы и дярмо – грубы холст; с яго шыли юпки* (Кулешовка, Клим. Мгл.); 2) НАМИТКА, НАМЁТКА – ‘тонкое полотно домашнего тканья, чаще с вытканым или вышитым узором’: *Ткали намитки, а потым вышивали их* (Забелышин, Хот. Мгл.); *Пыгляди, якея мы намётки ткали* (Горы, Гор. Мгл.); оба слова имеют также переносное метонимическое значение ‘длинный женский головной платок’: *Красива було, кыда с намитками на галаве хадили* (Забелышин, Хот. Мгл.); *Рожаница дарить бапки намётку, а бапка эту намётку на галаву и танцуить* (Полошково, Клим. Мгл.), а лексемы НАМЁТКА, НАМЁТНИК и НАМЁТЕНЬ имеют этнокультурные особенности употребления, т.к. полотно используется в обрядах крещения и похорон: *Кума дылжна абизатыльна братъ с сабой намётку, на якую ложуть дятёнка* (Липовка, Хот. Мгл.); *Намётникам покрывали только пакойника* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *У мяне на смерть у сундуке намётинь ляжыть* (Литвиновка, Ерш. Смл.).

В материалах СМСПГ отмечены также названия ткани по бёрду, от которого зависит ее толщина и плотность, напр.: *Сямуху мы ткали на анучи* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Такая пылатно, як дысятник, дыстать было тяшка: нихто ни прыдываў яго, таму шть марудная работа ткаць с танюсиньких нитак* (Еловец, Хот. Мгл.). От технологии тканья зависит и качество холста, которое в говорах МСП называется РЕДНИК и РЕДНИК – редкий холст, вытканый особым способом – по одной нитке или с чере-

дованием одной и двух ниток в бёрде и нитах: *У мяне и тяперя с редника и пылатенца, и намытрасники ёсь* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *Рядник шёл и на утирки, и на пытклатки* (Саприновичи, Мст. Мгл.).

Фактура ткани (структура ее поверхности или особенности отделки) зависит как от технологии тканья, так и от ее последующей обработки. Так, в говорах МСП наряду с уже приведенными выше наименованиями гладкотканого полотна, есть и наименования полотна с узорчатой поверхностью: НАБИВаНИК – набивная ткань домашнего изготовления; полотенно с узором, сделанным в процессе тканья: *Я раньшы сама набиваник делыла, тады юпку з яго шыла* (Горы, Гор. Мгл.); *У мяне ёсть сырыфан з набиваника* (Засожье, Мст. Мгл.); ПИГИ – полотенно, вытканное кругами: *Пиги ткуць с ыльна, па этаму пылатну выбиты круги* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Пиги ткали ў 4 ниты* (Забылышин, Хот. Мгл.); *Раньшы пиги были даражэйшыя за ўсе палотны, таму што палоску шили ни ўдоль и папярок, а кругами* (Еловец, Хот. Мгл.). Узор, рисунок тканого полотна в говорах МСП называется НАРЯД, ПЕРЕБИРаНКА и ПЕРЕБРаНКА: *Кали делыли пылатно ў цвяты, то нарязывали чатыры ниты. Тады хадили па панажках чаўнаком и палучаўся нарыят* (Саприновичи, Мст. Мгл.); *Нарыят у пылатне можа быць у крыжы* (Ковшово, Мст. Мгл.); *Перабиранка – перабор у 6 нитоў. Перабиранка на разныя цвята. Яе пастыраць, яна ни патырацца. Свая краска ня химия, прыдаецца па наслецтву* (Селец, Мст. Мгл.); *Уся хустка была размалёвана ў перабранку* (Ковшово, Мст. Мгл.).

Фактуру ткани домашнего изготовления изменяет беление – действие по глг. *белить* ‘делать белым, подвергая особой обработке пряжу и ткани’. С этим же глаголом в говорах МСП связано общее наименование продуктов ткачества, прошедших такую обработку, – БЕЛёВЫЙ ‘подвергшийся отбелке, белёный’: *Раньшы сами и пряли, и ткали, и адбелывали пылатно; у мяне и сучас бялёвая пылатно ляжыць* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Наша баба раньшы ткала палатно с нитак бялёвых* (Городище, Хисл. Смл.); *Бялёвая пылатно сушыли на траве* (Татарск, Мон. Смл.). Отбеленное полотенно в говорах МСП имеет и специальное наименование – БЕЛИЗНа: *Штобы пылатно стала билизной, яго вымачивають и адбеливають на сонцы* (Любавичи, Мон. Смл.); *Во билизна висить, аж глянуть любя* (Кр. Буда, Крич. Мгл.). Невыбеленное полотенно, повсеместно в ткачестве называемое суровьё, в говорах МСП имеет вариантное локальное наименование – СуРОВАЗЬ и СУРОВАЗЬ: *Суравяь стялили там, де большы сонца, так и адбелывали палатно* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Суравязь нада каля речки пастялить, каб выбеливалась* (Еловец, Хот. Мгл.). Кроме того, лексема ДЕРюШ имеет оттенок значения – ‘грубое самотканое небеленое полотенно,

холст': *Вытким с мамы пылатно, а бялить яго некали, вот и шыли ўсё з этага дярюша* (Тростино, Хот. Мгл.).

VI. *Тканые изделия* – вещи домашнего обихода, выработанные на ткацком стане: одеяла, покрывала, половики, дорожки и пр. В говорах МСП отмечены следующие наименования: ДЕРюГА 'грубое домотканое одеяло, сшитое в виде мешка из двух полотнищ': *Ткали дярюги, шывали их у две реди ды накрывалися замест адияла* (Сорокопуды, Гор. Мгл.); *На палу салому пастелиш, ляжыш на яе, дярюгай накрывишся* (Лобковичи, Крич. Мгл.); *Як я пыдрысла, дык мама и мяне навучила ткаць дярюги* (Любавичи, Мон. Смл.); *Кыда я замуш выхадила, мамка дала мне дярюгу – во и ўсё маё приданая* (Русское, Шум. Мгл.); ДЕРюЖКА, ДРАПДЕРюГА – грубое домотканое одеяло: *Пастелюць дярюшку, пастилку такую, на яе лён накладуць и бьють* (Татарск, Мон. Смл.); *Як холынна, дык я наверх яшце дярюшкай накрываюся* (Узлоги, Хот. Мгл.); *Драбдярюга ў кожнай хати была, ёй и накрывалися, и як пастилка была* (Тростино, Хот. Мгл.); *Раньшы, у дэцтви, мы драбдярюгай накрывалися* (Викторово, Красн. Смл.); КРоСНЫ, ГуНЬКА 'домотканое покрывало': *Во етыя кросны, што у мяне на крыватях, мне кума пыдарила на свадьбу* (Полошково, Клим. Мгл.); *Етыя кросны я ткала сабе ў приданая* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *На кравать пастялила гуньку, што сама яшчэ ткала* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Во, адна засталася, вечарам выйду на лаўку, пытстылю гуньку ды сяжу* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *Сыткала гадоў дваццать назат етую гуньку и да сей пары накрываюся, на печь пытстылаю* (Соино, Хисл. Смл.); ГуНЯ 'домотканое покрывало для свадебной повозки': *Тялегу, на якой нявесту вязли, накрывали гуняй, каням ленты ўплитали* (Любавичи, Мон. Смл.); *Раньшы харошыя гуни маладым ткали* (Татарск, Мон. Смл.); РЯДИЦА – покрывало, с вытканными рядами разноцветных квадратов: *Рядица у рызнацветныя квадраты, яе ткуць на кроснах* (Полошково, Клим. Мгл.); *Во рядица мья, я сама ткала, тяпер на празьниках койки зыстилаю* (Забельшин, Хот. Мгл.); ДЕРюЖКА – грубая самотканая дорожка; половики: *Дярюшку, як и дярюгу, сами ткали, толька дярюшка грубейшая была, каб на пол класти* (Селец, Мст. Мгл.); *Дярюшку сами ткали и красили, кап пытом на пол класти* (Любавичи, Мон. Смл.).

Лексика ткачества имеет несомненную этнокультурную значимость, поэтому изучение натурфактов этого пласта материальной культуры белорусско-российского порубежья должно быть направлено как на расширение корпуса терминов ткачества, так и на их историко-лингвистическое описание.

Литература

1. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В.И. Даль. – 6-е изд. – М., 1955. – Т. 3.
2. Громов, А.В. Словарь: лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже : учеб. пособие / А.В. Громов. – Ярославль : ЯГПИ имени К.Д. Ушинского, 1992.
3. Словарь смоленских говоров. – Вып. 9 (ПРАВДИВЕЦ – СЕЯТЬ) / отв. ред. Л.З. Бояринова. – Смоленск : СГПУ, 2000.
4. Сузанович, В.Б. Лексика льнопрядения в говорах могилевско-смоленского пограничья / В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства : материалы Международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 23–24 октября 2014 г.) : в 2 ч. – Ч. 1. – Славяноведение в пограничном регионе : Вторые Расторгуевские чтения / под ред. В.В. Мищенко, В.Н. Пустовойтова, С.Н. Стародубец. – Брянск : ООО «Ладомир», 2014. – С. 63–71.
5. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д.Н. Ушакова. – М. : Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1939. – Т. III. – 1423 с.
6. Этнаграфія Беларусі : энцыклапедыя / І.П. Шамякін, В.К. Бандарчык, Я.В. Малашэвіч [і інш.] – Мінск : Беларуская савецкая энцыклапедыя імя П. Броўкі, 1989. – 576 с.

2015 г.

Л.И. Шаповалова

КУЛЬТУРНО-НАЦИОНАЛЬНАЯ КОННОТАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (на материале фразеологического ряда «бездельничать»)

С 1980 г. кафедра русского языка Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова направляет диалектологические экспедиции в пограничные районы Могилевской и Смоленской областей, т. е. зону могилевско-смоленского пограничья (МСП).

Здесь исторически сложился этнолингвистический ареал, представляющий интерес для специалистов разных гуманитарных наук – истории, этнографии, лингвистики.

В пределах могилевско-смоленского лингвистического ареала в результате пересечения, контактирования близкородственных славянских языков – белорусского и русского – сложились относительно однородные говоры, которые ученые-диалектологи считают *переходными*.

Лексико-фразеологический фонд говоров МСП хранит бесценные сведения о материальной и духовной культуре восточных славян. Новые

возможности для их изучения открывает современное научное направление, основанное на идеях взаимосвязи языка и культуры, – лингвокультурология.

Богатый лексико-фразеологический материал, ежегодно собираемый участниками диалектологических экспедиций – студентами филологического факультета и преподавателями кафедры русского языка, составил картотеку, насчитывающую более 100 тысяч единиц. Обработанные материалы этой картотеки свидетельствуют, что фразеологический состав говоров могилевско-смоленского пограничья (ГМСП) объединяет разные по сфере употребления фразеологические единицы (ФЕ) – литературные, фольклорные, общенародные, но основу его, как и во всех других говорах, составляют диалектные фразеологизмы, т. е. «воспроизводимые в одном или нескольких диалектах устойчивые словесные комплексы, которые не употребляются в общенародном или литературном языке либо являются видоизмененными общенародными фразеологизмами» [1, с. 119] (перевод наш – авт.).

В диалектных фразеологизмах ГМСП выступают акцентологические, фонетические, семантические, словообразовательные или грамматические варианты соотносительных компонентов недиалектных ФЕ – русских и белорусских: *на бум (ум) Лазаря* – *наобум Лазаря* (русс.); *баклонки бить* – *бить баклуши* (русс.); *с быка на андыка* – *с быка на индыка* (бел.); *взвести сплётку* – *сплести плётку* (бел.) и др. Но ядро диалектных фразеологизмов составляют единицы, включающие хотя бы один лексический диалектизм, напр.: *аредова голова* ‘бестолковый, глупый человек’; *деньги шумархатъ* ‘сорить деньгами’; *заседлая девка* ‘старая дева’; *дейку пустить* ‘пустить слух’; *цалки в шинелях* ‘картофель, сваренный в кожуре; картошка в мундирах’; *вычавреть на тапешку* ‘исхудать’; *верзти хаманю* ‘нести чушь’ и др.

Фразеологические единицы языка – это особые единицы, в значении которых важно не столько понятийное содержание, сколько различного рода смысловые «наслоения», образность, экспрессия. Это обусловлено самой природой фразеологизма, особенностями его формирования: сначала в действительности возникает некая прототипная ситуация, т. е. ситуация, соответствующая прямому значению словосочетания; за ней закрепляется содержание, которое затем переосмысливается, т. е. формируется образ фразеологической единицы на основе первичных значений слов в прототипной ситуации. Именно эти первичные слова как бы оставляют в образе свое значение. Так создается внутренняя форма, в которой содержится основная информация, связанная с культурой.

Фразеологизмы, отображающие типовые ситуации и представления, начинают выполнять роль символов, эталонов, стереотипов культуры (напр., *выносить сор из избы* (русск.) и *вымятаць смецце з хаты* (бел.) – ‘разглашать сведения о каких-либо неприятностях’). Эта стереотипность, символичность и эталонизированность образного основания фразеологизмов обуславливает их культурно-национальную специфику [6, с. 40–45]. Поэтому фразеологизмы, по словам Ф.И. Буслаева, – своеобразные микромиры, которые содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые заветали предки в руководство потомкам» [3, с. 37]. Во фразеологизмах отражаются части мифов, «обычаи и верования, стереотипы, национальная культура каждого народа» [8, с. 58].

Итак, фразеологизмы прямо (через «просвечивающееся» первичное значение) или опосредованно (через соотнесенность ассоциативно-образного основания с эталонами, символами, стереотипами национальной культуры) несут в себе культурную информацию о мире, народе. Поэтому ФЕ – своего рода сокровищница народа, сохраняющая и воспроизводящая менталитет народа, его культуру от поколения к поколению.

Культурно-национальное своеобразие фразеологизмов формируется посредством культурной коннотации. Этот термин предложила и определила его содержание В.Н. Телия в 1993 г. Интерпретируя ФЕ на основе соотнесения их ассоциативно-образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет, она тем самым раскрывает их культурно-национальный смысл и характер, который и является содержанием культурно-национальной коннотации.

Обширная группа фразеологизмов, важная для понимания менталитета восточных славян, объединяет фразеологизмы поведения, т. к. общеизвестно, что поведение тесно связано с обычаями, традициями, ритуалами каждого народа. «В любой человеческой группе поведение людей не есть прямая реакция на внешние стимулы, оно опосредовано культурой», – писал академик Ю.В. Бромлей [2, с. 48].

Фразеологизмы поведения образуют семантическое поле, в котором на основе ассоциативно-смысловой близости выделяются различные семантические секторы, внутри которых можно «выстроить» фразеологические ряды (ФР). Одним из семантических секторов этого поля является сектор «трудовое поведение», в котором можно выделить ФР со значением ‘бездельничать’.

Структуру этого ФР и специфику его культурно-национальной коннотации мы рассмотрим на примере фразеологизмов ГМСП.

В.Н. Телия пишет, что характерологической чертой славянского менталитета является установка на трудовую деятельность, которая в библейской формулировке предписывает «трудиться в поте лица», чтобы пожинать плоды труда своего. Поэтому содержание позитивной культурно-национальной коннотации ФЕ ориентировано на активную, плодотворную трудовую деятельность: *все в руках горит* (русск.) и *руки гараць ад работы* (бел). Коннотация единиц ФР «бездельничать» обусловлена нарушениями характерологической установки на плодотворную трудовую деятельность [7, с. 231].

А.С. Аксамитов приводит ряд белорусских и русских фразеологизмов, имеющих узкое инвариантное значение «бездельничать» и построенных по модели «стержневое слово **бить** + существ. во множ. числе» [1, с. 119]. И.Я. Лепешев считает, что глагольный компонент таких ФЕ «семантически пустой, вспомогательный, а субстантивный выполняет смыслообразующую функцию» [5, с. 20].

В ГМСП выделен ФР, включающий идентичные устойчивые словосочетания:

**БайДИКИ, БАКЛонКИ, БалДЫ, БАЛУи, БиЗИКИ,
БИТЬ +**

БЕЛЕНДРяСЫ, БЛынДЫ, БРынДЫ, БэСТАЛЫ.

БайДИКИ БИТЬ: *Зимой па вичарах, калі сильная стужа была, мы байдики били ды песні співалі.* Звенчатка, Клим. Мгл. *Байдики бить* – то ж ничаво ня дельць (Любавичи, Мон. Смл.).

БАКЛонКИ БИТЬ: *Унучка ўсё лета баклонкі біла, ходзь ба што-небудзь пмыгала зрабіць.* Полошково, Клим. Мгл. *Гудувала я сына свайво адна, думала, памочник будить, а ён во работыць ня хочить, цэлымі днямі баклонкі бье.* Соино, Хисл. Смл.

БалДЫ БИТЬ: *Дед мой усё балды биў: то на рыбу хадиў, то веники ў гайку визаў, а работа стаить.* Ст. Дедин, Клим. Мгл. *Ну што ты ўвесь день балды бьеш, иди з батькам стох класти!* Любавичи, Мон. Смл.

БАЛУи БИТЬ: *Я ўжо сёння наработылася, хопить. Шчас буду балуи бить.* Тростино, Хот. Мгл. *Пра таго, хто нікыда ни работыить, гаворять: «Ён балуи бьеть».* Любавичи, Мон. Смл.

БЕЛЕНДРяСЫ БИТЬ: *Ну што эта за хлопец такі? Гультаюга нейкі! Иди работать, нечага белиндрясы бить!* Звенчатка, Клим. Мгл.

БиЗИКИ БИТЬ: *У дзярэўні цяжка жыць. Эта вам ни ў горади бизики бить.* Звенчатка, Клим. Мгл. *Можэ, хопить бизики бить? Пойдим на лух, сена треба грести.* Кр. Буда. Крич. Мгл. *А хто бизики биў, таму нічога и ни платили.* Соино, Хисл. Смл.

БЛынДЫ БИТЬ: *Цэлы день блынды біла, дык тятэрачка иди работай* (Кулешовка, Клим. Мгл.)

БРынДЫ БИТЬ: *Ну колькі ші можна брынды бить? Я ші старая ужэ, ни магу я адна вос еты весті.* Еловец, Хот. Мгл. *Сёння ўвесь день на речкі брынды били, а баба во сена адна грэбла.* Кузьмичи, Ерш. Смл.

БЭСТАЛЫ БИТЬ: *Хлопцы маладыя ходзяць, бэсталы быць, а хто ші работав будзіць?* Шамова, Мст. Мгл.

Культурная интерпретация прототипных ситуаций, мотивирующая образование данных ФЕ, различна.

1. Существительное *брында* и фразеологизм *брынды бить* восприняты разговорным белорусским языком и ГМСР из условно-профессионального языка ремесленников-шерстобитов (шаповалов), где *брындой* назывался инструмент, которым отбивали сложенную слоями шерсть при изготовлении войлока. Шаповальский промысел был примитивным, профессиональные навыки приобретались легко, а сами трудовые операции не требовали значительных физических затрат. Поэтому в сознании носителей языка такие действия приравнивались к бездействию, «ничего неделанью», а культурная коннотация этого фразеологизма выражается в формуле: «выполнять работу, не требующую практических навыков и значительных физических усилий → бездельничать».

2. В белорусский разговорный фразеологизм *байды бить*, как и синонимичный ему диалектный *байдики бить*, включают, по мнению И.Я. Лепешева, устаревшие наименования речных судов на Днепре и его притоках (*байд*, *байдик*), что подтверждается сохранившимся в ГМСР существительным *байд* ‘рыбачья лодка’. Работа на них людей, нанятых на период навигации, казалась легким занятием, пустяковым делом, особенно для тех, кто на это время оставался один вести крестьянское хозяйство [5, с. 21]. В этой этимологии, данной И.Я. Лепешевым, просматривается культурная мотивация, приведенная выше: «выполнять работу, не требующую практических навыков и значительных физических усилий → бездельничать».

3. Значение субстантивного некротического компонента фразеологизма *балды бить* проясняется в Словаре В.И. Даля (т. I, с. 43), где указывается, что в русских говорах существительное *ба́лда* и его акцентологический вариант *балда́* имеют разное значение: ‘большой молот, кувалда’, ‘увесистая деревянная колотушка’, ‘трамбовка, ручная баба’ и переносное значение – ‘болван, балбес, дурак, тупица’. В ГМСР слово *балда́* употребляются со значением ‘толстая палка, дубина для убоя скота’. Для работы с применением указанных орудий труда требуется физическое напряжение, но не нужны сложные практические навыки, поэтому культурная коннотация может быть выражена формулой: «выполнять работу, не требующую практических навыков → бездельничать».

4. Субстантивный компонент ФЕ *бить балуи* не зарегистрирован в картотеке СМСРГ, но В.А. Щепникова, описывая экспрессивные наименования лиц мужского пола в смоленских говорах, приводит слово *балуи*

в составе лексико-семантической группы со значением ‘глупый, неумный, умственно отсталый’ [9, с. 98]. Следовательно, коннотативное содержание этого фразеологизма может быть выражено формулой: «ничего не делать из-за умственной отсталости → бездельничать».

Этой же формуле может соответствовать и культурная коннотация фразеологизма *балды бить*, т. к. исходное переносное значение ‘болван, балбес’ субстантивного компонента допускает двойственную культурную мотивацию (см. выше).

5. Этимология русского фразеологизма *бить баклуши* общеизвестна. В ГМСР зарегистрирована ФЕ *бить баклонки*, субстантивный компонент которой не отмечен в свободном употреблении в наших говорах и не зафиксирован в Словаре В.И. Даля. Но можно допустить, что оно является диалектным словообразовательным вариантом компонента *баклуши*, и тогда культурная коннотация фразеологизма *бить баклонки* выражается формулой: «заниматься мелкими, незначительными, пустяковыми делами → бездельничать».

В таком случае фразеологизм *бить баклонки* входит и во ФР с коннотативным содержанием «профанация плодотворного труда» [7, с. 231, 256–258], в который, кроме данного, в ГМСР входят фразеологизмы:

БОРОНОВАТЬ ВОДУ ‘делать пустое, бесполезное дело’: *День цэлы ваду барануваў, иди чим-небудзь палезным займися*. Гавриловка, Хот. Мгл.

БЫКАМ ХВОСТЫ НАКРУЧИВАТЬ ‘делать пустое, бесполезное дело’: *Мужык во цэлы день быкам хвасты накручваць, а потым кажэ, што стамиўся. А с чаго?* Заходы, Мст. Мгл.

ЛЯГУШКАМ ГЛАЗ КОЛОТЬ ‘делать пустое, бесполезное дело’: *Што ш ты глас лягушкам колиш, лепий брату сена скласти памаги*. Шамово, Мст. Мгл.

БАЛДУ ГОНЯТЬ ‘слоняться без дела’: *Будя ўжо табе балду ганяць, иди з батькам бульбу счырадыць*. Звенчатка, Клим. Мгл.

Культурная коннотация ФЕ *бороновать воду, быкам хвосты накручивать* мотивирована формулой: «активное трудовое действие с заведомо непродуктивным результатом → безделье».

Во фразеологизме *балду гонять* отражено активное действие, направленное на бесцельное перемещение объекта, а во фразеологизме *лягушкам глаз колоть* – активное физическое воздействие на объект с пагубным результатом.

Единицы этого ФР отражают отношение к безделью, свойственное славянскому менталитету, – осуждение того, что безделье стремятся скрыть, замаскировать активной деятельностью по пустякам. Отсюда и содержание культурно-национальной коннотации этих ФЕ: недостойно человека заниматься заведомо нерезультативными делами.

Характерной чертой славянского менталитета является и осуждение откровенного пассивного бездействия, отраженного, например, в ФЕ *сидеть сложа руки* (русск.) и *склаўшы (злажыўшы) рукі* (бел.). Синонимичный им фразеологизм есть и в ГМСП – *дэбам (дэвбам) сидеть* ‘сидеть без дела’: «*Што ты сядиш дэбам?*» – так гаворать, калі чалавек ляжніца, ня хоча работыць. Нестерово, Мст. Мгл. *Летам работаим як кони, с рання да тёмнага, а зимой якая работа – сядим дэўбам*. Крутая, Мст. Мгл.

В наших говорах отмечено существительное *дэба* ‘каменистая, неплодородная земля’, которое в прототипной ситуации мотивировало фразеологизацию свободного словосочетания. Содержанием культурно-национальной коннотации является осознание того, что пассивное бездействие как бы камнеподобно (ср. русск. пословицу *под лежащий камень вода не течет*).

Как считают лингвисты, такого рода осужающее или пренебрежительное отношение к безделью – общечеловеческая культурная универсалия, но ее языковое воплощение в образ-стереотип, запечатленный во фразеологизмах, зависит от характерного для данной культурно-языковой общности мировидения.

Литература

1. Аксамітаў, А.С. Беларуская фразеалогія / А.С. Аксамітаў. – Мінск, 1978.
2. Бромлей, Ю.В. Этнос и этнография / Ю.В. Бромлей. – М., 1973.
3. Буслаев, Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные / Ф.И. Буслаев. – М., 1954.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – 6-е изд., тт. 1–4. – М., 1955.
5. Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І.Я. Лепешаў. – Мінск, 1981.
6. Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию / В.А. Маслова. – М., 1997.
7. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996.
8. Черданцева, Т.З. Идиоматика и культура: постановка проблемы / Т.З. Черданцева // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 58–70.
9. Щепникова, В.А. Экспрессивные наименования лиц мужского пола в смоленских говорах / В.А. Щепникова // Актуальные вопросы лексикологии в историческом и синхронном освещении. – Смоленск, 1995.

2001 г.

3. РАЗРАБОТКА ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Л.И. Шаповалова

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Регулярное диалектологическое обследование территории могилевско-смоленского пограничья (МСП) – зоны распространения переходных белорусско-русских говоров – проводится с 1982 г. под руководством доц. В.Б. Сузанович. Диалектные материалы, собранные преподавателями и студентами филологического факультета во время диалектологических экспедиций 1982–2001 гг., составили картотеку «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров». Сейчас она насчитывает более 100 тыс. карточек-иллюстраций и, следовательно, с достаточной полнотой представляет лексический фонд говоров могилевско-смоленского пограничья (ГМСП).

Говоры МСП (ГМСП), занимающие маргинальную зону на стыке белорусского и русского языков, находятся в исторически обусловленном фронтальном и афронтальном межъязыковом и междиалектном контактировании. Поэтому *основным источником формирования лексического фонда ГМСП являются близкородственные языки, белорусский и русский, и их диалекты*. Систематизация картотеки и лексикографическая обработка диалектных материалов в процессе подготовки Словаря подтверждают этот факт, поскольку в данных материалах в равной степени представлены диалектные слова, соотносительные с общепотребительными белорусскими и русскими словами, напр.: *бажма, багма* (диал.) – *багна* (бел.) ‘трясина’, *бервень* (диал.) – *бервяно* (бел.) ‘бревно’; *батиг* (диал.) – *батог* (русс.) ‘кну́т’, *беспогодица* (диал.) – *непогодь* (русс.) ‘ненастная погода’ и др.

В.Б. Сузанович возглавила работу по изучению лексического фонда ГМСП, привлекая к ней не только составителей Словаря, но и студентов филологического факультета. Они выявляли и на разном уровне научной компетентности описывали лексико-тематические группы слов, отражающие духовную и материальную культуру носителей данных говоров, ландшафтные и другие особенности диалектной зоны, а также пласты лексики, различной по происхождению и времени возникновения. Результаты этих исследований нашли отражение в курсовых и дипломных работах, в публикациях преподавателей – персональных [1; 2; 3] и в соавторстве со студентами [4; 5].

Работа над составлением СМСПГ стала настоящей научной школой для разработчиков проекта. По материалам Словаря подготовлены 2 кандидатские диссертации, опубликовано более 50 научных статей; члены авторского коллектива выступали с научными докладами в Минске, Гомеле, Гродно, Витебске, Киеве, Нежине, Ярославле, Смоленске. Материалами Словаря активно пользуются студенты при подготовке научных докладов, курсовых и дипломных работ; тезисы их лучших докладов опубликованы в студенческих научных сборниках.

Говоры, в силу их известного консерватизма, сохраняют слова, унаследованные от предшествующих периодов развития общенародного языка. И в лексике ГМСП выявлено весьма значительное количество слов обще- и восточнославянского происхождения, унаследованных от древнерусского языка-источника. К числу таковых мы относим диалектные слова, древнерусское происхождение которых находит подтверждение в авторитетных этимологических источниках – словарях и монографиях. В древнерусском пласте нами выявлены слова, не претерпевшие существенных изменений за время их бытования в говорах (*мост* ‘пол в сенях, избе; настил’; *праць* ‘стирать белье’ и др.) и слова, претерпевшие трансформацию: формальную – фонетическую (напр.: *иструб* > *изърубь* ‘сруб (избы, колодца)’ и деривационную (приведшую к появлению синонимических образований типа *заметь* – *заметуха* ‘метель’); семантическую – с расширением и сужением объема лексического значения моносемичных древнерусских слов, с различными преобразованиями семантической структуры полисемичных древнерусских лексем [1; 4]. Мы считаем возможным признать *древнерусский язык вторым по значимости внутренним источником формирования лексического фонда ГМСП*.

В словарном составе говоров указанного региона представлен обширный пласт полонизмов. Они в XIV–XVII вв. в силу известных исторических причин разными путями (но главным образом устным при бытовом общении) приходили в говоры МСП с двух сторон – белорусской и русской, с течением времени закреплялись в этих говорах, придавая им своеобразный и яркий колорит. Поэтому *польский язык можно считать внешним источником формирования лексического фонда ГМСП*.

Таким образом, диалектные материалы Словаря свидетельствуют, что лексический фонд ГМСП формировался как из внутренних, так и из внешних источников, его составляют слова, различные по происхождению и времени возникновения.

Литература

1. Сузанович, В.Б. Трансформация древнерусской лексики в говорах могилевско-смоленского пограничья / В.Б. Сузанович // Актуальные вопросы лексикологии в историческом и синхронном освещении. – Смоленск, 1995.
2. Сузанович, В.Б. К вопросу о польском влиянии в говорах могилевско-смоленского пограничья / В.Б. Сузанович // Разноуровневые характеристики лексических единиц : сб. статей по материалам докладов и сообщений конференции. – Смоленск, 2002.
3. Шаповалова, Л.И. Наименования продуктов питания и блюд в говорах могилевско-смоленского пограничья (этнографический и исторический аспекты) / Л.И. Шаповалова // Актуальные вопросы исторической лексикологии и лексикографии. – Смоленск, 2000.
4. Шаповалова, Л.И. Древнерусская лексика говоров могилевско-смоленского пограничья / Л.И. Шаповалова, Т.А. Чалкова // Материалы научно-практической конференции преподавателей и сотрудников по итогам научно-исследовательской работы в 2002 году : тезисы докладов. – Могилев, 2003.
5. Шаповалова, Л.И. Польские заимствования в могилевско-смоленских пограничных говорах / Л.И. Шаповалова, О.А. Цалабанова // Беларуска-руська-польська супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія : матэрыялы VI Міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Ч. 1. – Віцебск, 2003.

2004 г.

И.Н. Лапицкая

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ ДИАЛЕКТНЫХ СЛОВ (на материале «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров»)

В народных говорах встречаются слова, которые имеют одинаковый фонемный состав с соответствующими лексемами литературного языка, но отличаются от них в смысловом отношении. Это так называемые семантические диалектизмы. Изучение подобной группы диалектных слов представляет интерес с точки зрения анализа выражаемых ими понятий, источников происхождения, причин и способов изменения семантики.

В рамках данной статьи, обращаясь к материалу «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ), проведем некоторые наблюдения над особенностями образования семантических диалектизмов, характером их семантической трансформации.

Прежде всего необходимо отметить, что сами принципы отбора и методика описания данной группы диалектных слов во многом обусловлены общей языковой спецификой материала, подвергнувшегося лексикографической обработке в СМСПГ. Дело в том, что «Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров» – это первый региональный сводный дифференциальный словарь переходных русско-белорусских говоров, в котором представлена лексика могилевско-смоленского пограничного региона. Отличительной особенностью говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП) является органическое сочетание в них русских и белорусских языковых элементов различного характера. Естественно, что лексикографическая обработка такого языкового материала отличается своеобразием: лексико-семантическая система говоров могилевско-смоленского пограничного региона описывается в СМСПГ в сопоставлении с лексико-семантическими системами как русского, так и белорусского языка. Существование подобного двойного противопоставления, безусловно, необходимо учитывать при проведении лексикологических исследований того или иного типа, в том числе и при описании семантических расхождений исходно одних и тех же слов в разных лексических системах – диалектной и литературной.

Таким образом, учет сказанного позволяет уточнить прежде всего состав семантических диалектизмов, включенных в СМСПГ. К ним, во-первых, относятся слова, которые совпадают в плане выражения с литературными лексемами как русского, так и белорусского языка, но отличаются от них в плане содержания, например: *жижжа* ‘куриный бульон’ (ср.: русск. разг. *жижжа* ‘жидкая часть супа, похлебки, компота’ и бел. *жыжка* ‘вадка частка стравы’), *кисет* ‘кошелек’ (ср.: русск. *кисет* ‘маленький мешочек для табака, завязывающийся шнурком’ и бел. *кісет* ‘мяшочак для тытуню, махоркі, які сцягваецца шнурком’), *едкий* (о человеке) ‘вредный, противный’ (ср.: русск. перен. *едкий* ‘язвительный, колкий’ и бел. перен. *едкі* ‘з’едлівы, колкі’), *ёрзаць* ‘танцевать’ (ср.: русск. разг. *ерзать* ‘сидя, беспокойно двигаться’ и бел. разг. *ёрзаць* ‘неспакойна сядзець, круцячыся, соўгаючыся з месца на месца’) и др.

К числу семантических диалектизмов относятся также слова, которые наряду с материальным тождеством обнаруживают семантические расхождения лишь с литературными лексемами русского языка, например: *ветошь* ‘нескошенная прошлогодняя трава’ (ср.: русск. *ветошь* ‘ветхое платье, ветхие вещи: лоскуты’), *клюка* ‘кочерга’ (ср.: русск. *клюка* ‘палка с кривым верхним концом для опоры при ходьбе’), *интересный* ‘нужный, необходимый’ (ср.: русск. *интересный* ‘возбуждающий интерес, занима-

тельный, любопытный'), *жареный* 'обожженный в печи' (ср.: русск. *жареный* 'приготовленный жареньем') и др.

Наконец, в группу семантических диалектизмов могут входить слова, которые отличаются по значению от соответствующих по форме литературных лексем только белорусского языка, например: *живчик* 'ключ, родник, источник' (ср.: бел. разг. *жыўчык* 'прикметнае біццё артэрыі'; 'нервовае торганне павека'), *колыханка* 'качели' (ср.: бел. *калыханка* 'песня, якую спяваюць, калышучы дзіця'), *вирловокий* 'косоглазый' (ср.: бел. *вірлавокі* 'з вялікімі лупатымі вачамі'), *кавкать* (о собаке) 'лаять' (ср.: бел. обл. *каўкаць* (пра ката) 'мяўкаць') и др.

Уже из приведенных примеров видно, что возникают семантические диалектизмы на готовом словарном материале. Причины таких семантических сдвигов разнообразны. Однако в целом диалектные значения у слов могилевско-смоленского пограничного региона развиваются в результате тех же процессов, что и в литературных русском и белорусском языках. Наиболее продуктивным способом семантического переосмысления слова и развития его семантической структуры в говорах МСП является метафорический перенос наименования. Отметим наиболее распространенные модели метафоризации.

Среди имен существительных чаще всего в основе переноса названия лежит внешнее сходство (подчас довольно относительное) сопоставляемых предметов, а именно:

а) сходство их формы, внешнего вида: *ладонь* 'крытая площадка для молитбы' (ср.: русск. *ладонь* 'внутренняя сторона кисти руки'), *месяц* 'серб' (ср.: русск. *месяц* 'диск луны или его часть' и бел. *месяц* 'планета, самая близкая да Зямлі'), *катёлка* 'подсолнух' (ср.: бел. *кацёлка* 'драўляны кружок, круг');

б) сходство объема, количества сопоставляемых предметов: *ватага* 'большая семья' (ср.: русск. разг. *ватага* 'шумная толпа, сборище' и бел. разг. *ватага* 'натоўп, група людзей'), *выводок* 'дети большой семьи, живущие вместе' (ср.: русск. *выводок* 'птицы или детеныши млекопитающих, живущие еще с матерью' и бел. *вывадак* 'чародка звяркоў, птушанят, выведзеных адной маткай'), *банда* 'стадо, табун' (ср.: русск. *банда* 'разбойная, преступная группа' и бел. *банда* 'група злачынцаў, разбойнікаў');

в) сходство в месторасположении предметов: *вильчик* 'верхушка стога' (ср.: бел. *вільчык* 'верхні стык даху, страхі; канёк'), *кокарда* 'венец, который во время венчания держат над головами жениха и невесты' (ср.: русск. *кокарда* 'жестяной значок на форменной фуражке'), *нёбо* 'верхняя часть печи' (ср.: русск. *нёбо* 'верхняя часть полости рта').

Реже в основу метафорического переноса названия может быть положено:

а) сходство цвета, вкуса, звучания обозначаемых реальных предметов: *желтушка* ‘осенний гриб, рядовка зелено-желтая’ (ср.: бел. разг. *жаўтушка* ‘лекавая расліна сямейства крыжакветных, з якой здабываюць прэпарат, што ўздзейнічае на сэрца’), *кислица* ‘дикая яблоня, плод которой яблони’ (ср.: бел. *кісліца* ‘травяністая расліна сямейства кіслічных з белымі кветкамі, лісце якой змяшчае шчаўевую кіслату’), *зык* ‘овод’ (ср.: бел. *зык* ‘рэзкі, звонкі гук, голас’);

б) сходство характера обозначаемых предметов, их действий, поведения, состояния: *жигалка* ‘оса’ (ср.: бел. *жыгалка* ‘кусливая асенняя муха з калючымі шчацінкамі на хабатку’), *крыга* ‘мерзлый картофель’ (ср.: бел. *крыга* ‘ільдзіна на рацэ, на возеры’), *лейка* ‘плакса’ (ср.: русск. *лейка* ‘сосуд для поливки в виде ведра с трубой’ и бел. *лейка* ‘пасудзіна для палівання ў выглядзе вядра з упаяннай у яго трубкай’);

в) сходство назначения, функции обозначаемых предметов: *качалка* 1) ‘колыбель’; 2) ‘веревка, на которой подвешивают колыбель к потолку’ (ср.: русск. *качалка* ‘кресло на качающейся подставке’ и бел. *качалка* ‘крэсла з выгнутымі палазамі, на якіх яно качаецца’), *лежак* ‘печная лежанка’ (ср.: русск. *лежак* ‘деревянная койка на открытом воздухе, на пляже’), *лаз* ‘полок в бане’ (ср.: русск. *лаз* ‘устройство для доступа куда-н., ход’ и бел. *лаз* ‘невялікая адтуліна, праз якую можна прайсці, пранікнуць куды-н’).

Более сложные, на наш взгляд, такие метафорические переносы наименований, которые возникают на основе образных представлений или эмоциональных восприятий. Подобные метафоры создают зрительное впечатление об обозначаемом, содержат элементы оценки, различные коннотации, как правило пейоративные: *карга* ‘кривое дерево’ (ср.: русск. разг. пренебр. *карга* ‘злая старуха, ведьма’ и бел. разг. бран. *карга* ‘празлую, шкодную старую’), *коржак* ‘малорослый человек’ (ср.: бел. разг. *каржак* ‘каржакаватае дрэва; корч’), *заваль* ‘о плохом человеке’ (ср.: русск. разг. *заваль* ‘плохой, залежавшийся товар’ и бел. разг. *заваль* ‘няходкія, заляжальны тавары’).

Имена прилагательные также обнаруживают перенос наименований по сходству обозначаемых внешних или внутренних качеств, признаков: *едкий* (о ветре, о погоде) ‘холодный, резкий’ (ср.: русск. *едкий* ‘резкий, вызывающий физическое раздражение’), *куцый* (о людях) ‘безрукий’ (ср.: русск. *куцый* ‘с коротким обрезанным хвостом’ и бел. разг. *куцы* (пра жы-вёл) ‘з кароткім хвастом’), *седой* ‘серый’ (ср.: русск. *седой* (о волосах) ‘белый вследствие потери окраски’).

В области диалектного глагола разного рода семантические сдвиги тоже могут быть обусловлены переносом названия действия, состояния

по тому или иному сходному признаку на другое действие, состояние. Перенос названия возникает на основе различных типов смысловых связей:

а) на основе сходства структуры совершаемых действий: *волочить* ‘бороновать’ (ср.: русск. *волочить* ‘тащить, тянуть по земле’ и бел. *валачы* ‘цягнуць волакам, не адрываючы ад паверхні чаго-н.’), *лепить* ‘строить’ (ср.: русск. *лепить* ‘делать изображение, сооружать из пластичного, мягкого материала’ и бел. *ляпіць* ‘будаваць, майстраваць, карыстаючыся якім-н. ліпкім, вязкім матэрыялам’), *навинчивать* ‘наматывать’ (ср.: русск. *навинчивать* ‘винты, надевать’ и бел. *навінчваць* ‘круцячы на вінтавой разьбе, надзяваць’);

б) на основе сходства характерного признака этих действий: *верещать* ‘веселиться’ (ср.: русск. *верещать* ‘издавать пискливо-скрипящие звуки’ и бел. *веращачь* ‘віскліва з пералівамі пішчаць, гучаць’), *вихлять* ‘уклоняться, увиливать от работы’ (ср.: бел. перен. *віхляць* ‘укланяцца ад прамога адказу, віляць’), *ласкать* ‘манить, звать, подзывать’ (ср.: русск. *ласкать* ‘проявлять ласку по отношению к кому-л.’ и бел. *ласкаць* ‘праяўляць пяшчотнасць, любоў, ласку’);

в) на основе сходства действий и их результатов: *жигнуть* ‘резко ударить кнутом, плетью; хлестнуть’ (ср.: бел. *жыгаць* ‘балюча кусаць; апякаць’), *загородить* ‘запретить’ (ср.: русск. *загородить* ‘заслонить, закрыть, обнести какой-н. преградой’ и бел. *загарадзіць* ‘зрабіць перашкоду для каго, чаго-н.’), *заплыть* ‘зарасти травой’ (ср.: русск. *заплыть* ‘покрыться слоем чего-н. густого, плавущего’ и бел. *заплыць* ‘напоўніцца, пакрыцца чым-н. цякучым, сыпкім’).

Семантические диалектизмы в говорах МСП могут появляться также в результате разного рода метонимических переносов. Основой метонимии служат пространственные, временные, причинные, следственные и др. ассоциативные связи, которые возникают вследствие сопредельности называемых в литературном языке и говорах предметов, явлений действительности. Чаше всего метонимический перенос названия наблюдается у отглагольных существительных. Наиболее характерными для таких случаев являются следующие метонимические связи:

а) действие – результат действия: *закрутка* ‘самодельная папироса, самокрутка’ (ср.: бел. *закрутка* ‘дзеянне паводле значэння дзеясл. *закручваць* – *закруціць*’);

б) действие – место действия: *выпуск* ‘пастбище, выгон для скота’ (ср.: русск. *выпуск* ‘действие по глаг. *выпустить*’ и бел. *выпуск* ‘дзеянне паводле дзеясл. *выпускаць* – *выпусціць*’);

в) действие – инструмент действия: *закладка* ‘дверной засов’ (ср.: русск. *закладка* ‘действие по глаг. *закладывать*’ и бел. *закладка* ‘дзезанне паводле дзеясл. *закладваць – закладаць – закладзі*’);

г) действие – средство действия: *натирка* ‘мазь для растирания’ (ср.: русск. *натирка* ‘действие по глаг. *натирать*’).

Среди других разрядов имен существительных довольно продуктивен перенос наименования на основе метонимической связи материал – изделие из материала: *кипяток* ‘чай’ (ср.: русск. *кипяток* ‘кипящая вода или только что вскипевшая вода’), *китайка* ‘сарафан’ (ср.: бел. *кітайка* ‘шаўковая, звычайна сіняя тканіна, якую прывозілі з Кітая, пазней баваўняная тканіна, якую выраблялі ў Расіі’).

Метонимический перенос путем самоподразумевания, или синекдохи, позволяет называть целое по его части: *жмут* ‘скупой, жадный человек’ (ср.: бел. *жмут* ‘невялікі скрутак чаго-н.’), *мотор* ‘бензопила’ (ср.: русск. *мотор* ‘двигатель’ и бел. *матор* ‘рухавік’), *стекло* ‘очки’ (ср.: русск. *стекло* ‘прозрачное вещество, получаемое путем плавления кварцевого песка’).

Приведенный лексический материал не отражает всех возможных случаев семантико-стилистической трансформации диалектных слов. Вместе с тем из уже рассмотренных примеров видно, что семантические расхождения генетически родственных говоров МСП и литературных русского и белорусского языков в большинстве случаев не могут стереть общее в их значениях. Это общее и является той базой, на которой постепенно формируются семантические различия.

2002 г.

В.Б. Сузанович

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛЕКСИКИ В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Многолетнее наблюдение говоров в разных районах могилевского и смоленского пограничья позволяет утверждать, что в языковом отношении эти говоры сравнительно однородны, приграничные могилевские говоры отличаются от соответствующих смоленских говоров незначительно. Это объясняется их генетическим родством и общим историческим развитием.

Словарный состав говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП) довольно разнороден, он включает в себя наслоения различных

степеней. Значительную часть этого словарного материала составляет древнерусская лексика – слова, унаследованные говорами МСП из древнерусского языка-источника. Такие слова, как правило, находят отражение в древнерусских, старорусских и старобелорусских письменных памятниках, они фиксируются русскими и белорусскими историческими словарями. Древнерусская лексика говоров МСП включает две обширные группы: одну группу составляют слова, общепотребительные в русском и белорусском литературных языках (*земля, хлеб, береза, белый, ты, один, пять, ходить, жить* и пр.), другую группу составляют слова, занимающие периферийное положение в современных русском и белорусском языках (*блазе, вколо, гостинец* ‘большая проезжая дорога’, *копань, скепать* и т. п.). Объектом нашего внимания являются слова второй группы. Наблюдения этого пласта древнерусской лексики показывают, что одни слова (*курта* ‘куртка, сюртук’, *мост* ‘пол в сенях, избе; настил’, *прать* ‘колотить, стирать белье’ и др.) с древнейших времен до наших дней не претерпели существенных изменений; другие слова на протяжении многих веков подвергались различным изменениям – фонетическим, деривационным, грамматическим, семантическим. Так, в результате фонетических изменений в древнерусском языке возникли фонетические варианты типа *иструб* ‘сруб’, *берно* ‘бревно’, широко распространенные в наших говорах; деривационные изменения привели к появлению синонимических образований типа *заметь* – *заметуха, мост* – *помост, овчарня* – *овчарка* и т. п. Наибольший интерес для нас представляет семантическая трансформация. Сущность этого явления состоит в том, что под влиянием внутриязыковых и экстралингвистических факторов в процессе развития языка происходит изменение семантической структуры лексических единиц. Наш материал позволяет выделить следующие типы семантической трансформации.

1. Опрошение семантической структуры, когда полисемантическое в древности слово со временем утрачивает свои значения и переходит в разряд моносемантических. Так, лексема *вар* в древнерусском языке имела 5 значений: 1) зной, жара; 2) кипяток; 3) битум; 4) варка, приготовление пищи, напитков; 5) закваска из хмеля [СРЯ XI–XVII вв.: т. 2, с. 17]; старобелорусские источники отмечают и другие значения этой лексемы: а) суп, вареная жидкая пища; б) кипяток; в) подкормка для пчел; г) количество меда, пива, водки, полученное за один раз; д) единица измерения пива [ЭСБМ: т. 2, с. 56]. В говорах МСП слово *вар* распространено повсеместно, но везде употребляется в одном значении – ‘кипяток, горячая вода’. Слово *обанол* в древнерусском языке имело омоформы: наречие ‘вокруг, в окрестностях’ и предлог ‘по обе стороны, с двух сторон чего-н.’ [СРЯ XI–XVII вв.: т. 12,

с. 11]. В наших говорах омоформия данного слова сохраняется, но и наречие и предлог *обопол* употребляются в одном значении – ‘вокруг, около (чего-н.)’; в белорусском языке слово *обопол* сохранило старое значение предлога – ‘с обеих сторон, по обе стороны’.

2. Метафоризация и метонимизация семантической структуры, когда лексема получает новые значения в результате семантических переносов. Семантическая эволюция отдельных лексем с момента их возникновения до наших дней представляет собой цепь метафорических и метонимических переносов. Привлечение данных различных славянских языков и обширного диалектного материала позволяет восстановить те или иные недостающие звенья, отсутствующие в древнерусской лексической системе, и проследить, в каком направлении происходило изменение от мотивирующего значения к мотивированному. Проиллюстрируем сказанное. Древнерусскому языку *взвар* ‘напиток из плодов, ягод, сваренный на меду, пиве и пр.’ [СРЯ XI–XVII вв.: т. 2, с. 143] в говорах МСП соответствует значение ‘целебный напиток, отвар или настой из трав’. Очевидно, семантическая эволюция данной лексемы развивалась в направлении: *напиток из плодов, ягод, сваренный на меду* → *целебный напиток из ягод* → *целебный напиток из ягод, трав* → *целебный напиток из трав*.

Краска ‘цветок’. То же значение слова *краска* с пометой твр., смл. находим в словаре В.И. Даля [т. 2, с. 186], оно обычно в разговорном белорусском языке. Древнерусское слово *краска* имело следующие значения: 1) действие по гл. *красить*; 2) красящее вещество; 3) цвет, окраска, тон [СРЯ XI–XVII вв.: т. 8, с. 16]. Изменение семантической структуры слова *краска* осуществлялось, по всей вероятности, в таком направлении: *цвет* (красота) → *цвет, цветение* (возрождение природы) → *цветение, цветок*.

Слово *кут* в говорах МСП употребляется в двух значениях: 1) лучшее место в жилой комнате; 2) лавка в хате. Очевидно, исходным для обоих значений было древнерусское *кут* ‘угол в доме’ [СРЯ XI–XVII вв.: т. 8, с. 146]. В данном случае переход от мотивирующего значения к мотивированному развивался в направлении «от общего к частному»: *угол в доме* → *угол под иконами* → *лучшее место в избе* (обычно это место под иконами, куда сажали молодых на свадьбе и дорогих гостей) → *лавка* (куда сажали молодых на свадьбе и дорогих гостей) → *лавка в хате*.

3. Расширение или сужение семантического объема слова. Обратимся к примерам. Слово *вёска* ‘село, деревня’, широко распространенное в белорусском языке, употребляется довольно редко не только в смоленском, но и в могилевском пограничье. Производящая основа *весь* имеет глубо-

кие индоевропейские корни (ср. фразеологический оборот *по городам и весям*). Лексема *вёска* впервые упоминается в Ипат. лет. под 1256 г. [СРЯ XI–XVII вв.: т. 2, с. 113]. Дериват сохраняет внутреннюю форму, имеет мотивированное значение ‘деревушка, небольшое селение’ (ср. площадь – площадка). В дальнейшем лексема *вёска*, утратив значение уменьшительности и пережив опрощение основы, стала обозначать любое поселение в сельской местности. Известный белорусский этнограф Л.А. Молчанова отмечает, что слова *весь*, *вёска* были широко распространены на территории Белоруссии с древнейших времен, однако «названия эти бытовали, как правило, в народном обращении и редко попадали на страницы официальной литературы» [т. 1, с. 65].

Веко ‘крышка дежи’. В древнерусском языке слово *веко*² употреблялось в значениях: 1) блюдо, лохань, поднос; 2) лукошко, хлебница, лубяная коробка, в которой держат продукты [СРЯ XI–XVII вв.: т. 2, с. 55]; в словаре В.И. Даля приводятся и другие значения этой лексемы: *прм.* ‘обод сита, решета’, *твр.* ‘чашка для валяния хлебов при печении’ [т. 1, с. 175]. Значение ‘крышка дежи’ у слова *веко*, распространенное в говорах МСП, мы связываем со старобелорусскими более общими значениями указанной лексемы – ‘крышка’, ‘покрывало’ (ГСБМ: т. 3, с. 71–72). Изучение семантической трансформации диалектных слов открывает большие возможности для составления региональных исторических словарей.

Литература

1. Молчанова, Л.А. Материальная культура белорусов / Л.А. Молчанова. – Минск, 1968.

1995 г.

В.Б. Сузанович

К ВОПРОСУ О ПОЛЬСКОМ ВЛИЯНИИ В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Территория могилевско-смоленского пограничья (МСП), занимающая маргинальную зону на стыке русского и белорусского языков, находится в условиях фронтального и афронтального межъязыкового и междиалектного контактирования. Отсюда естественно, что говоры МСП, с одной стороны, сохраняют древнейшие восточнославянские традиции,

а с другой, – обнаруживают следы значительного иноязычного влияния. Так, в словарном составе говоров указанного региона наряду с обширными пластами общеславянской и восточнославянской лексики содержится большое количество заимствованных слов, среди которых особое место занимают полонизмы. Как известно, польское влияние на белорусский язык имеет глубокие исторические корни. «На протяжении почти четырех веков белорусский литературный язык развивался в условиях белорусско-польского двуязычия, которое оставило в его лексической системе значительные следы» [4, с. 7]. Можно выделить три «волны» польского влияния на Беларусь. Первая «волна» относится к концу XIV в., когда великий князь литовский Ягайла вместе с рукой польской королевы Ядвиги получил польское королевство и принял католицизм. В то время культура Польши «была не только не выше, но едва ли не ниже русской (вспомним, что поляки к концу XIV в. не имели почти никакой литературы на своем языке и даже документы у них писались по-латыни). Однако при посредстве двора, с помощью Магдебургского права Польша начала мало-помалу оказывать влияние на русских, особенно на высшее и служилое сословие, на аристократию и дворянство, и скоро польский язык стал здесь хорошо известным и сообщил русскому языку значительное количество полонизмов» [7, с. 56–57].

Вторая «волна» польского влияния относится к последней трети XVI в. и связана с Люблинской унией, «официально включившей Западную Русь в состав польского государства. В XVI в. польская культура быстро повысилась, стала значительно выше русской, обязательно для русских. Польская литература расцвела, вошла в свой золотой век и дала ряд замечательных писателей и литературных произведений. С середины XVI в. в Польше родной национальный язык становится языком литературы, законодательства, администрации. Возрождение национального польского языка не могло не отразиться на отношении к нему западнорусского дворянства. Желая во всем походить на дворянство польское, белорусская аристократия и шляхта воспринимала его язык и нравы, она оставила бедную русскую литературу и стала читать польские книги» [7, с. 65].

Третья «волна» – пик польского влияния на жизнь населения Западной Руси – приходится на вторую половину XVII в., когда все делопроизводство и обучение в Польско-Литовском княжестве переводится на польский язык, а в среде белорусского дворянства отмечается массовый отход от православия к католицизму. Новоявленные католики стали считать себя поляками, приноравливались к польским обычаям, активно усваивали польский язык и культуру.

XVI–XVII вв. – время интенсивного притока польской лексики в белорусский язык. В это время польский язык является не только источником заимствований, но и выступает посредником между языками Западной и Восточной Европы. Исключительную роль польского языка-посредника отмечают многие белорусские и русские языковеды. «Не подлежит сомнению, что большая часть иноязычной лексики проникла в старобелорусский язык через польский. Это касается, например, многих слов немецкого, латинского, итальянского, французского и венгерского происхождения. С точки зрения истории словарного состава белорусского языка такие слова можно рассматривать как полонизмы» [5, с. 88] (перевод наш – *авт.*). «В отношении большинства слов западноевропейского происхождения можно ... утверждать, что основным каналом для их проникновения в белорусский язык был польский язык» [3, с. 9] (перевод наш – *авт.*). «С XVI в. старорусский язык стал насыщаться полонизмами, а также заимствованиями из западноевропейских и классических языков через посредство польского языка» [1, с. 31] (перевод наш – *авт.*). «Заимствования XVII в. отличается от заимствований Петровской эпохи польское посредничество (слова из западноевропейских языков проникали в русский язык через посредство польского языка), которое сказывалось в том, что иностранные слова входили в русский язык в польской обработке» [8, с. 121]¹.

Вслед за А.И. Журавским (см. приведенную выше цитату) мы понимаем термины «полонизм», «польское заимствование» в широком смысле: сюда мы относим как слова, непосредственно заимствованные из польского языка-источника, так и слова, заимствованные через посредство польского из других европейских языков.

С разделом Речи Посполитой и присоединением белорусских земель к России польский язык здесь продолжал употребляться вплоть до 60-х гг. XIX в., когда после восстания 1863 г. особенно активизировалась политика русификации [9, с. 101].

В процессе экспансии польского языка полонизмы проникали в старобелорусский язык, как правило, книжным путем (через обучение, чтение польских книг) и закреплялись в языке представителей высшей местной знати. Язык крестьянства и городских низов испытал относительно слабое польское влияние, сюда польские слова проникали чаще всего устным путем, в процессе прямых контактов белорусов с поляками, проживавшими на белорусских землях.

На Могилевщине выходцы польской шляхты с давних времен расселялись по побережьям рек Сожа (восточная группа) и Друти (западная группа). Предки могилевских шляхтян некогда проживали в двух древних кня-

жествах – Друцком и Мстиславском. Впервые они упоминаются в уставе 1557 г. «на волоки» под названием «путных бояр» и «служек», а в дальнейшем – «панцирных» и «путных» бояр. Панцирные бояре служили королю и магнатам в качестве военных людей (на коне и в панцире – отсюда название бояр). Путные бояре сопровождали короля в качестве служек в дороге, на охоте или несли замковую службу в качестве стражников и стрельцов. В конце XIX в. самое густое население шляхты отмечалось по Сожскому водоему – в районе городов Мстиславль-Кричев-Чериков [6]. Возможно, отголосками древних польских поселений являются топонимические названия типа Лютня (Мст. Мгл.), Езеры (Черик. Мгл.), Иозефовка (Хисл. Смл).

Польские заимствования, употребляющиеся в говорах МСП, неравнозначны как с точки зрения распространенности в белорусском и русском языках, так и по степени их изученности. С точки зрения распространенности в белорусском и русском языках здесь выделяются следующие лексические пласты: а) слова, входящие в активный словарный фонд обоих языков; б) слова, являющиеся принадлежностью белорусского литературного языка и отсутствующие в русском; в) слова, являющиеся принадлежностью русского языка и отсутствующие в белорусском; г) диалектные слова, имеющие ограниченную территорию распространения, а также устаревшие слова, относящиеся к пассивной лексике обоих языков или одного из них при отсутствии в другом языке.

Полонизмы первой группы широко представлены на всей территории МСП: *академия, аппарат, аппетит, аптека, арест, безмен, брус, будка, галстук, кофта, кубок, почта, профессор, рама, столяр, тюрьма, фалда, фартук* и др. Степень изученности слов этой группы более или менее удовлетворительна, установлен их источник заимствования; они находят отражение в нормативных русских и белорусских словарях, а также в словарях иностранных слов и этимологических словарях. Многие слова этого разряда закрепились в говорах нашего региона уже в советское время под влиянием русского литературного языка, они отражают социальные изменения в жизни колхозной деревни, введение всеобщего образования, повышение культурного уровня деревни и т.п. Проиллюстрируем сказанное: *Сыма я ниграматная, а сыны у мяне учёныя. Старшы жывець у Мінску, работыць прафесарам, меншы уціца ў акадэмію ў Горках на витинара* (Кр. Буда, Крич. Мгл.). *У нас у дзярэўні есь и клуп, и аптека (ина возли ваишай школы), и почта, – а каг жа* (Татарск, Мон. Смл.). *Вотку во как дельили. Были аппараты спицыальныя, их прятыли ў лясу* (Тростино, Хот. Мгл.).

Полонизмы второй группы находят отражение в белорусских нормативных словарях и нередко фиксируются в белорусских этимологических источниках. Слова этого разряда имеют широкое распространение и на Могилевщине, и на Смоленщине, они часто употребляются рядом с русскими эквивалентами: *брама* – ворота; *вага* – вес; *ганок* – крыльцо; *кавалок* – кусок; *кавнер* – воротник; *каплица* – часовня; *крама* – магазин, автолавка; *кашуля* – рубашка; *крок* – шаг; *труна* – гроб; *хвиля* – миг и др.: *Каўнер сабіралі стижкамі, а патам ужэ прышывалі* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *Пыпраў каўнер на рубашкі, а то ходіш як нідатёна* (Горы, Гор. Мгл.); *Печка зыканчывацца **коминам**, он выходзіць на крышу, чэраз яво ідзёць дым* (Городище, Хисл. Смл.); *Адай грошы, іта **пазычыў** яшчэ ў тым месяцы* (Селец, Мст. Мгл.); *Пад етую ноч (на Івана Купала) ведьмы **кіруюць**, хламё носьць* (Звенчатка, Клим. Мгл.).

Польских заимствований третьей группы сравнительно немного: *комната* (бел. *накой*), *кляуза* (бел. *наклён*), *пушка* (бел. *гармата*), *кролик* (бел. *трус*), *рисовать* (бел. *маляваць*), *табак* (бел. *тытунь*), *цель* (бел. *мэта*), *ярмарка* (бел. *кірмаш*) и др.: *Летась у гэтай **комнати** масквичка кватэравала* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *Мой унук добра **рысуіць**, яво карціны у вас у Мугулёві па школах паказваюць* (Тростино, Хот. Мгл.); *Немец наставіў **пушку**, дык мы пупадалі ат страху* (Селец, Мст. Мгл.); *Раньшы, яшчэ пры царе, у нас у Шамаві **ярмарка** была – столька коніх прывазілі прадаваць* (Шамово, Мст. Мгл.). Почти все эти слова закрепились в говорах МСП под влиянием русского литературного языка.

Особый интерес для нас представляют полонизмы четвертой группы – диалектные и устаревшие слова. Этот обширный в говорах нашего региона лексический пласт до сих пор не подвергался специальному изучению. Диалектные слова, за редким исключением, не фиксируются ни в нормативных, ни в этимологических словарях, однако многие из этих слов были заимствованы устным путем еще в XVII в. и сохранились в говорах МСП до наших дней. Эти слова представлены в старобелорусских и смоленских письменных памятниках, а потому они привлекают внимание исследователей белорусской и русской исторической лексикологии. В определении польского влияния в том или ином слове мы опираемся прежде всего на уникальные работы по заимствованной лексике в старобелорусском языке белорусского ученого А.Н. Булыко [3; 4] и на фундаментальное исследование лексики смоленских письменных памятников XVII в. проф. Е.Н. Борисовой [2].

В семантическом отношении подавляющее большинство польских заимствований указанного разряда относится к бытовой лексике. Можно выделить следующие лексико-семантические группы:

а) названия одежды, обуви, головных уборов: *бачмаг* ‘обувь’, *гаплик* ‘застежка’, *индерак* ‘юбка’, *катанка* ‘куртка’, *китлик* ‘вид кафтана’, *рантух* ‘головной платок, шаль’, *саян* ‘праздничная юбка или сарафан’, *сукня* ‘платье, одежда’, *шылык* ‘высокая шапка’ и др.: *Раньшы ўсе индыраки шылы с саматканага палатна* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *А сыяны у нас красивыя былы, бувала, адениш сыян, усе аж аглидаюцца* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Дет мой раз у мыгазини такія бычмаги ўзяў крепкия* (Соино, Хисл. Смл.);

б) названия предметов домашнего обихода и домашней утвари: *гарнец* ‘ящик или сосуд, служащий мерой жидких и сыпучих тел’, *кварта* ‘кружка’, *фаса* ‘бочка’, *кановка* ‘корыто’, *гуня* ‘одеяло’, *клямка* ‘скоба, щеколда’, *кубел* ‘кадка с крышкой’, *бегун* ‘завес’ и др.: *У сваты раньшы прыхадили з гарницям самагону* (Бель, Крич. Мгл.); *Вы ка мне вечирам прыхадиця, я вам гарнец млыка дам* (Любавичи, Мон. Смл.); *Во адна зысталася, вечарам выйду, на лаўку, гуньку пыстялю и сижу* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *А я, бувала, цэлы кубил сала и мяса пасалю, усим унукам хвытаить* (Звенчатка, Клим. Мгл.);

в) названия построек и их частей: *осеть* ‘овин’, *пивница* ‘винный погреб’, *клетка* ‘каморка’, *трам* ‘бревно’, ‘балка’, *стодола* ‘сарай’, *блона* ‘оконное стекло’, *фатера* ‘форточка’ и др.: *Паложыш снапы ў асесь и ждеш некалькі дней* (Тростино, Хот. Мгл.); *Нада кошку во сабе де ўзяць, а то ў клетки мышы бегюць* (Лобковичи, Крич. Мгл.); *Хуть есь у хати блоны, усё роўна тёмна* (Любавичи, Мон. Смл.);

г) названия животных, птиц: *ботян*, *бутян* ‘аист’, *качка* ‘утка’, *когут* ‘петух’, *валух* ‘кастрированный бык’ и др.: *У мяне толькі адин когут, а кур многа* (Роськов, Клим. Мгл.); *Ходить бутян па балоти, жаб збирая* (Ковшово, Мст. Мгл.);

д) названия месяцев, дней недели: *липец* ‘июль’, *серпень* ‘август’, *грудень* ‘декабрь’, *пятюк* ‘пятница’: *Липиц у нас таму так завецца, што ў етым месяцы липы цвятуць* (Роськов, Клим. Мгл.);

е) названия людей по родственным отношениям, полу, возрасту и др.: *цурка* ‘дочь’, *швагер* ‘шурин, свояк’, *войт* ‘староста’, *бахарь* ‘франт, щеголь’, *бункарт* ‘внебрачный ребенок’, *пан* ‘господин’, *паня* ‘госпожа’, *дедич* ‘внучатый наследник’ и др.: *Ни хадитья к яму, девачьки, ён войтам у немцаў службыў* (Шамово, Мст. Мгл.); *Во бахырь ходит на дярёўні, адеўся як пятах; ета ён вас, девак, завликаить* (Звенчатка, Клим. Мгл.);

ж) названия телег: *рыдван* ‘крытый воз’, *фура* ‘повозка’, *дрога* ‘легкая телега’ и др.: *Во дощ як идеть, дык сена на рыдвани возим, каб ни намокла* (Милейково, Мст. Мгл.);

з) единичные бытовые названия предметов, явлений, действий: *тлумок* ‘котомка’, *троска* ‘хлопоты’, *дарунок*, *крыхта*, *гронка* ‘гроздь, кисть’, *клотня* ‘ссора’, *статок* ‘вещи, собственность’, *кохать*, *клямать* ‘лгать’, *освящать* ‘святить’ и др.: *Хадитя, деўки, я вам усё раскажу. Ну выпіў крыхту, дык што жа* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *А з малымі ўнукамі троска адна: і накармі іх, і прыгляди за імі* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Ёй верить и на грам нильзя, ина клямать любить* (Селец, Мст. Мгл.).

Как видим, говоры МСП отражают значительное польское влияние. Польско-белорусские языковые связи носят давний характер, они сложились исторически на основе общности социально-экономических и политических условий в определенные периоды развития польского и белорусского народов, а также в процессе непосредственного общения белорусов с поляками, издавна проживавшими на белорусских землях.

Примечание

¹ Ср. также замечание Н.М. Шанского: «Вряд ли будет правильным считать слова *гвалт*, *фортель*, *рынок*, *герб* немецкими заимствованиями: в русском языке это полонизмы, так как и значение этих слов, и их звучание коренным образом отличаются от тех немецких слов, которые были заимствованы польским языком» [10, с. 99].

Литература

1. Анічэнка, У.В. Мовы ўсходніх славян / У.В. Анічэнка. – Мінск, 1989.
2. Борисова, Е.Н. Лексика Смоленского края: по памятникам письменности / Е.Н. Борисова. – Смоленск, 1974.
3. Булыка, А.М. Даўнія запазычанні беларускай мовы / А.М. Булыка. – Мінск, 1972.
4. Булыка, А.М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. / А.М. Булыка. – Мінск, 1980.
5. Жураўскі, А.Л. Запазычаная лексіка ў беларускай мове / А.Л. Жураўскі // Гістарычная лексікалогія беларускай мовы. – Мінск, 1970.
6. Опыт описания Могилевской губернии... / под ред. А.С. Дембовецкого. – Могилев, 1882. – Кн. 1.
7. Соболевский, А.И. История русского литературного языка / А.И. Соболевский. – Л., 1980.
8. Судавичене, Л.В. История русского литературного языка / Л.В. Судавичене, Н.Я. Сердобинцев, Ю.Г. Кадьялов. – Л., 1990.
9. Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси. – Минск, 1999.
10. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М., 1972.

2002 г.

**ПОЛЬСКІЯ ЗАПАЗЫЧАННІ
Ў ЛЕКСІЦЫ ПАМЕЖНЫХ МАГІЛЁўСКА-СМАЛЕНСКІХ ГАВОРАК
І ІХ ГІСТАРЫЧНЫЯ ВЫТОКІ**

Магілёўскія і Смаленскія землі ў сваім гістарычным мінулым перажылі шмат агульнага, значны час уваходзячы ў склад рускіх княстваў. Яны зведалі і феадальныя міжусобицы, і доўгае ваеннае процістаянне Вялікага княства Літоўскага (ВКЛ) і Маскоўскай дзяржавы. Калі Паўднёва-Заходняя Русь апынулася ў залежнасці ад літоўскіх феадалаў, Магілёўская воласць стала ўладаннем літоўскіх князёў, а з 1386 г. – польскіх каралёў, а потым і Рэчы Паспалітай. Магілёўчына заставалася ў складзе Рэчы Паспалітай да яе першага падзелу ў 1772 г., пасля якога зноў ўвайшла ў склад Расіі. Смаленскі край знаходзіўся ва ўладанні ВКЛ з 1404 г. па 1514 г., затым быў далучаны да Маскоўскай дзяржавы. Але пасля Смаленскай абароны 1609–1611 гг. ён адышоў да Рэчы Паспалітай і канчаткова быў перададзены Расіі толькі ў 1667 г. па Андрусаўскаму перамір’ю.

Гэтыя гістарычныя падзеі, а таксама абумоўленыя імі сацыяльна-эканамічныя, культурныя сувязі і моўныя кантакты беларусаў і рускіх дазваляюць аб’яднаць усходнюю частку тэрыторыі Магілёўскай вобласці Беларусі і заходнюю частку Смаленскай вобласці Расіі ў адзін рэгіён – магілёўска-смаленскае памежжа (далей: МСП).

У сучасную зону магілёўска-смаленскага памежжа ўмоўна ўключаюцца часткі тэрыторыі Горацкага, Мсціслаўскага, Крычаўскага, Клімавіцкага, Хоцімскага раёнаў Магілёўскай вобласці і Краснінскага, Манастыршчынскага, Хіславіцкага, Шумяцкага, Ершыцкага раёнаў Смаленскай вобласці, якія аддалены ад афіцыйнай граніцы паміж гэтымі абласцямі не больш чым на 20 кіламетраў.

У гэтай зоне гістарычна склаўся лінгвістычны арэал, не супадаючы з беларуска-рускімі моўнымі і дзяржаўнымі межамі. Яго адметная асаблівасць – наяўнасць адносна аднародных гаворак, якія лінгвісты-дыялектолагі з часоў Я.Ф. Карскага лічаць пераходнымі, бо яны ўзніклі ў выніку інтэрферэнцыі блізкароднасных моўных сістэм – беларускай і рускай.

Тэрыторыя МСП, якая займае маргінальную зону на стыку беларускай і рускай моў, знаходзіцца ва ўмовах франтальнага і афрантальнага міжмоўнага і міждыялектнага кантактавання. Таму ў гаворках МСП, з аднаго боку, захоўваюцца старажытныя ўсходнеславянскія традыцыі, а з

другога – выяўляюцца сляды значнага іншамоўнага ўплыву. У лексічным складзе гаворак МСП нароўні з вялізнымі пластамі агульнаславянскай і ўсходнеславянскай лексікі ёсць значная колькасць запазычаных слоў, сярод якіх паводле адзначаных прычын асаблівае месца займаюць паланізмы.

Польскі ўплыў на беларускую мову мае глыбокія гістарычныя карані. «На працягу амаль чатырох стагоддзяў беларуская літаратурная мова развівалася ва ўмовах беларуска-польскага двухмоўя, якое пакінула ў яго лексічнай сістэме значныя сляды XVII ст.» [5, с. 7]. Даследчыкі выплываюць тры «хвалі» польскага ўплыву на Беларусь, у тым ліку і моўнага.

Першая «хваля» адносіцца да канца XIV ст., калі вялікі князь літоўскі Ягайла разам з рукой польскай каралевы Ядвігі атрымаў польскае каралеўства і прыняў каталіцызм. У той час Польшча не мела яшчэ амаль ніякай літаратуры на сваёй мове і нават дакументы там пісаліся палатэцку; але з дапамогай Магдэбургскага права яна мала-памалу пачала аказваць уплыў на заходне-рускія землі, асабліва на вышэйшае і служылае саслоўе, арыстакратыю і дваранства, і даволі скоро польская мова стала тут добра вядомай і перадала тутэйшай мове значную колькасць паланізмаў [10, с. 56–57].

Другая «хваля» польскага ўплыву адносіцца да апошняй трэці XVI ст. і звязана з Люблінскай уніяй, якая афіцыйна ўключыла Заходнюю Русь ў склад польскай дзяржавы. У XVI ст. польская культура значна вырасла, польская літаратура расквітнела, увайшла ў свой залаты век і дала шэраг выдатных пісьменнікаў і літаратурных твораў. З сярэдзіны XVI ст. у Польшчы родная мова становіцца мовай літаратуры, заканадаўства, адміністрацыі. Адраджэнне нацыянальнай польскай мовы не магло не адбіцца на адносінах да яе заходнерускай арыстакратыі. Жадаючы ва ўсім паходзіць на дваранства польскае, беларускае дваранства і шляхта ўспрынялі яго мову і норавы, яны кінулі бедную тагачасную рускую літаратуру і пачалі чытаць польскія кнігі [10, с. 65].

Трэцяя «хваля» – пік польскага ўплыву на жыццё насельніцтва Заходняй Русі – прыпадае на другую палову XVII ст., калі ўсё справаводства і навучанне ў Польшка-Літоўскім княстве перайшло на польскую мову, а ў асяроддзі беларускага дваранства адзначаецца адыход ад праваслаўя да каталіцтва. Гэтыя «новыя» католікі пачалі лічыць сябе палякамі, перанялі польскія звычаі, засвойваючы польскую мову і культуру.

XVI–XVII ст. час інтэнсіўнага, значнага прытоку польскай лексікі ў беларускую мову. У гэты час польская мова з’яўляецца не толькі вытокам запазычанняў, але і выступае ў якасці пасрэдніцы паміж мовамі Заходняй і Усходняй Еўропы. Выключную ролю польскай мовы як пасрэдніцы

падкрэсліваюць беларускія і рускія мовазнаўцы. «Не выклікае сумненняў, што большая частка іншамовнай лексікі пранікла ў старабеларускую мову праз польскую. Гэта тычыцца, напрыклад, шматлікіх слоў нямецкага, лацінскага, італьянскага, французскага і венгерскага паходжання. З пункту гледжання гісторыі лексічнага складу беларускай мовы, такія словы можна разглядаць як паланізмы» [6, с. 88]. «У адносінах большасці слоў заходнееўрапейскага паходжання можна... сцвярджаць, што асноўным каналам для іх пранікнення ў беларускую мову была польская мова» [4, с. 9]. «З XVI ст. старабеларуская мова пачала насычацца паланізмамі, а таксама запазычаннямі з заходнееўрапейскіх і класічных моў праз пасрэдніцтва польскай мовы» [2, с. 31]. «Запазычанні XVII ст. адрознівае ад запазычванняў Пятроўскай эпохі польскае пасрэдніцтва (словы з заходнееўрапейскіх моў праніклі ў рускую мову праз пасрэдніцтва польскай мовы), якое вызначалася ў тым, што іншамовныя словы ўваходзілі ў рускую мову ў польскай апрацоўцы» (пераклад наш – *аўт.*) [11, с. 121].

З падзелам Рэчы Паспалітай і далучэннем беларускіх земляў да Расіі польская мова працягвала ўжывацца тут да 60-х гг. XIX ст., калі пасля паўстання 1863 г. асабліва актывізавалася палітыка русіфікацыі [12, с. 101].

У працэсе экспансіі польскай мовы паланізмы пранікалі ў старабеларускую мову ў асноўным кніжным шляхам (праз навучанне, чытанне польскіх кніг) і замацоўваліся ў мове вышэйшай знаці. Мова сялянства і гарадскіх нізоў мела адносна слабы польскі ўплыў. Сюды польскія словы пранікалі часцей за ўсё вусным шляхам, у працэсе прамых моўных кантактаў мясцовага насельніцтва з палякамі, што жылі на землях, якія зараз вызначаюцца намі як зона магілёўска-смаленскага памежжа.

Звесткі аб паляках, што з даўніх часоў сяліліся на Магілёўшчыне, знаходзім у трохтомнай фундаментальнай працы «Опыт описания Могилевской губернии», якая была выдадзена ў 1882–1884 гг. пад кіраўніцтвам А.С. Дэмбавецкага, які ў той час узначальваў Магілёўскі губернерскі статыстычны камітэт. Тут дадзены дакладныя звесткі аб рассяленні палякаў, іх сацыяльным статусе, асаблівасцях побыту, адносінах з суседзямі-беларусамі і інш.

На Магілёўшчыне выхадцы з польскай шляхты з даўніх часоў рассяляліся па цячэнні рэк Друц і Сожа (частка тэрыторыі сучаснага Пасожжа ўваходзіць у зону МСП). Продкі магілёўскіх шляхціцаў некалі жылі ў двух княствах – Друцкім і Мсціслаўскім. Упершыню яны ўзгадваюцца ў статуте 1557 г. «на валоці» над назвай «путных баяраў» і «слугак», а далей «панцырных» і «путных» баяраў. Панцырныя баяры служылі каралю і магнатам у якасці вайсковых людзей (на кані і ў панцыры – адсюль назва

гэтых баяраў). Путныя баяры суправаджалі караля ў якасці служак ў дарозе, на паляванні ці неслі замкавую службу ў якасці стражнікаў і стральцоў. У канцы XIX ст. больш шчыльнае насельніцтва шляхты вызначалася па Сожскаму вадаёму ў раёне гарадоў Мсціслаў – Крычаў – Чэрыкаў [9, с. 74–78]. Магчыма, водгукамі старажытных польскіх пасяленняў з’яўляюцца назвы тыпу *Лютня* і *Езеры* (Мсціслаўскі і Чэрыкаўскі р-ны Магілёўскай вобл.).

На Смаленскай зямлі таксама былі і лакальныя пасяленні палякаў (гл., напрыкл., тапонім *Іозефаўка* ў Хіславіцкім р-не Смаленскай вобл.). Спачатку там заставаліся параненыя і палонныя з войскаў, што асаджалі Смаленск. Пасля ўваходжання Смаленскага краю ў склад Рэчы Паспалітай (1611 г.) значна змянілася эканамічнае жыццё рэгіёна, пачалося перасяленне купцоў і рамеснікаў з польскіх і літоўскіх гарадоў у Смаленск, які быў моцна разбураны ў час яго асады. Ужо к канцу 1611 г. Смаленск атрымаў магдэбургскае права, у горадзе і ўездах пачалі адраджацца традыцыйныя рамёствы, але ў іх з’яўляліся новаўвядзенні па польскаму «ўзору», якімі авалодвалі тутэйшыя майстры. У выніку працоўная дзейнасць стала вытокам прафесійна-вытворчай лексікі польскага паходжання, якая замацоўвалася ў мове смальян [7, с. 175–176]. І пасля ўсіх падзелаў Рэчы Паспалітай у Смаленску і ўездах заставалася значная колькасць палякаў, з якіх склаўся своеасаблівы сацыяльны слой насельніцтва – шляхта. У асяроддзі смаленскага шляхецтва ўсталявалася двухмоўе, аб якім, між іншым, сведчаць архіўныя дакументы – лісты шляхціцаў, дзе рускі тэкст перамяжоўваецца з польскім. Даследчыкі лічаць, што ў выніку разнастайных вуснамоўных кантактаў смальян з мясцовымі палякамі і ўстойлівага білінгвізму смаленскага шляхецтва ў перыяд XVII–XVIII ст.ст. смаленскае гутарковае маўленне папоўнілася вялікай колькасцю слоў і выразаў польскага паходжання. Такім чынам, у гаворкі МСП паланізмы прыходзілі з двух бакоў, беларускага і рускага, і з цягам часу замацаваліся ў іх, надалі ім своеасаблівы і яркі каларыт.

Услед за А.І. Жураўскім (гл. дадзеную вышэй цытату [6, с. 88]) мы разумеем тэрміны *паланізм*, *польскае запазычанне* ў шырокім сэнсе: сюды мы адносім як словы, непасрэдна запазычаныя з польскай мовы-вытока, так і словы, запазычаныя праз польскае пасрэдніцтва з іншых еўрапейскіх моў. (Параўн. таксама заўвагу Н.М. Шанскага: «Наўрад ці будзе правільным лічыць словы *гвалт*, *фортель*, *рынок*, *герб* нямецкімі запазычаннямі; у рускай мове гэта паланізмы, бо і значэнне гэтых слоў, і іх гучанне карэнным чынам адрозніваюцца ад нямецкіх слоў, якія былі запазычаны польскай мовай» (перакл. наш. – *аўт.*) [13, с. 99]).

У вызначэнні польскага паходжання таго ці іншага слова, што ўжываецца ў гаворках МСП, мы абавіраемся перш за ўсё на ўнікальныя работы па запазычанай лексіцы ў старабеларускай мове беларускага вучонага А.М. Булыкі [4; 5] і на фундаментальнае даследаванне лексікі смаленскіх помнікаў пісьменнасці XVII ст. праф. Е.М. Барысавай [3].

Польскія запазычаныя сучасных гаворак МСП нераўнаважныя як па іх распаўсюджанні ў беларускай і рускай мовах, так і па ступені іх вывучанасці.

З пункту гледжання распаўсюджанасці паланізмаў у беларускай і рускай мовах тут вылучаюцца наступныя пласты лексікі: а) словы, якія ўваходзяць у актыўны слоўніковы запас абедзвюх моў; б) словы, якія належаць беларускай літаратурнай мове і адсутнічаюць у рускай; в) словы, якія належаць рускай літаратурнай мове і адсутнічаюць у беларускай; г) дыялектныя словы, якія маюць абмежаваную тэрыторыю распаўсюджання, а таксама ўстарэлыя словы, якія адносяцца да пасіўнай лексікі абедзвюх моў ці адной з іх пры адсутнасці ў іншай.

Паланізмы першай групы шырока распаўсюджаны на ўсёй тэрыторыі МСП: *акадэмія, апарат, апетыт, аптэка, арышт, бязмен, брус, будка, гальштук, кофта, кубак, пошта, прафесар, рама, сталяр, турма, фалда, фартук*. Ступень вывучанасці слоў гэтай групы больш ці менш здавальняльная, вядомы вытокі іх запазычання; яны знаходзяць адлюстраванне ў нарматыўных беларускіх і рускіх слоўніках, а таксама ў слоўніках іншамовных слоў і этымалагічных слоўніках. Многія словы гэтага разраду замацаваліся ў гаворках МСП ужо ў савецкі час пад уплывам рускай літаратурнай мовы; яны адлюстроўваюць сацыяльныя змены ў жыцці вёскі, увядзенне ўсеагульнай адукацыі, рост культурнага ўзроўню сельскага насельніцтва. Праілюструем сказанае: *Сыма я ніграмацкая, а сыны у мяне учёныя. Старшы жыве у Мінску, работыць **прафесарам**, меншыя учыцца ў **акадэміі** ў Горках на віцінара* (Чырв. Буда, Крыч. Мгл.); *У нас у дзярэўні ёсць і клуб, і **аптека** (іна возлі школы), і **пошта**, – а каг жа* (Татарск. Ман. Смл.); *Вотку во как дэлылі. Былі **апараты** спецыяльныя, іх пряталі ў лясу* (Трасціно, Хоц. Мгл.).

Паланізмы другой групы знаходзяць адлюстраванне ў беларускіх нарматыўных слоўніках і нярэдка фіксуюцца ў беларускіх этымалагічных даведніках. Словы гэтага разраду маюць шырокае распаўсюджанне і на магілёўскай, і на смаленскай частках тэрыторыі беларуска-рускіх памежных гаворак, яны даволі часта ўжываюцца побач з рускімі эквівалентамі: *брама – ворота; вага – вес; ганак – крыльцо; кавалак – кусок; капліца – чашовня; крама – магазін, автолавка; кашуля – рубашка; крок – шаг; труна –*

гроб; хвіля – миг і інш. Напрыклад: **Каўнер** сабіралі стіжкамі, а патам ужо прышывалі (Літвінаўка, Ерш. Смл.); Пыпраў **каўнер** на рубашкі, а то ходіш як нідатёна (Горы, Гор. Мгл.); Печка зыканчывацца **комінам**, он выходіць на крышу, чэрас яво ідэць дым (Гарадзішча, Хісл. Смл.); Ададай грошы, шта **пазычыў** яшчэ ў тым месяцы (Сялец, Мсц. Мгл.); Пад етую ноч (на Івана Купала) ведьмы **кіруюць**, хламёё носяць (Звянчатка, Клім. Мгл.).

Польскіх запазычанняў трэцяй групы значна менш: *комната* (бел. *пакой*), *кляуза* (бел. *наклён*), *пушка* (бел. *гармата*), *кролик* (бел. *трус*), *рисовать* (бел. *маляваць*), *табак* (бел. *тытун*), *цель* (бел. *мэта*), *ярмарка* (бел. *кірмаш*) і інш. Амаль усе гэтыя словы замацаваліся ў гаворках МСП пад уплывам рускай літаратурнай мовы. Напрыклад: *Летась ў ётай **комнаті** масквічка **квартірувала*** (Літвінаўка, Ерш. Смл.); *Мой унук добра **пісуіць**, яво **карціны** у вас у Мугулёві на школах **наказваюць*** (Трасціно, Хоц. Маг.); *Неміц **наставіў** **пушку**, дык мы **пупадалі** ат **страху*** (Сялец, Мсц. Мгл.); *Раньшы, яшчэ **прі** **царе**, у нас у Шамаві **ярмарка** была – столька **коній** **прівазілі** **прадаваць*** (Шамава, Мсц. Мгл.).

Асаблівую цікавасць для нас маюць паланізмы чацвёртай групы – дыялектныя і ўстарэлыя словы. Гэты вялізны лексічны пласт гаворак МСП яшчэ не падвяргаўся спецыяльнаму вывучэнню. Дыялектныя словы, за рэдкім выключэннем, не фіксуюцца ні ў нарматыўных, ні ў этымалагічных слоўніках, але многія з іх былі запазычаны вусным шляхам яшчэ ў XVII ст. і захаваліся ў гаворках МСП да нашых дзён. Гэтыя словы прадстаўлены ў старабеларускіх і смаленскіх помніках пісьменнасці, а таму яны прыцягваюць увагу даследчыкаў беларускай і рускай гістарычнай лексікалогіі.

У семантычных адносінах значная большасць польскіх запазычанняў названага разраду адносіцца да бытавой лексікі. Сярод іх можна вызначыць наступныя лексіка-семантычныя групы.

1. Назвы адзення і яго частак, галаўных убораў, абутку: *сукня* ‘адзенне, сукенка’ *андарак* (індэрак) ‘саматканая спадніца’, *саян* ‘святочная спадніца ці сарафан’, *курта* ‘куртка, ватоўка’, *кітлік* ‘від кафтана’, *гаплік* ‘заспёжка’; *шылык* ‘высокая шапка’ *рантух* ‘хустка, шаль’; *бачмаг* ‘абутак’ і інш.: ***Андарак** ткалі з грубых шырсцяных нітак і насілі ў будін день* (Ліпаўка, Хоц. Мгл.); *Раньшы я сама **андарак** ткала, умельцы шылі ў Татарску* (Татарск, Ман. Смл.); *Раньшы ўсе **індыракі** шылі с саматканага палатна* (Ст. Дзедзін, Клім. Мгл.); *А **сыяны** у нас красівыя былі, бувала, аденіш **сыян**, усе аж **аглідаюцца*** (Звянчатка, Клім. Мгл.); ***Курты** дельлі с сукна* (Кружылаўка, Ерш. Смл.); *Дет мой рас у мыгазіні такія **бычмагі** ўзяў **крэпкія*** (Соіна, Хісл. Смл.).

2. Назвы прадметаў хатняга ўжытку і прылад: *гарнец* ‘яшчык ці сасуд, які служаць, мерай вадкіх і сыпучых цел’, *кварта* ‘кружка’, *фаса* ‘бочка’, *каноўка* ‘карыта’, *гуня* ‘адзеяла’, *клямка* ‘скаба, шчыколда’, *кубел* ‘кадка з крышкай’, *бягун* ‘завес’ і інш.: *У сваты раньшы прыхадзілі з гарніцам самагону* (Бель, Крыч. Мгл.); *Вы ка мне вечірам пріхадітя, я вам гарнец мылыка дам* (Любавічы, Ман. Смл.); *Во адна засталася, вечарам выйду, на лаўку, гуньку пыстылю і сяжу* (Чырв. Буда, Крыч. Мгл.); *А я, бувала, цэлы кубіл сала і мяса пасалю, усім унукам хвытаіць* (Звянчатка, Клім. Мгл.).

3. Назвы гаспадарчых пабудов і іх частак: *асець* ‘авін’, *стадола* ‘сарай’, *півніца* ‘вінны пограб’, *клетка* ‘каморка’, *трам* ‘бервяно, балка’ *блона* ‘аконнае шкло’, *фацера* ‘фортка’ і інш.: *Паложыш снапы ў асечь і ждеш некалькі дней* (Трасціно, Хоц. Мгл.); *Нада кошку во сабе де ўзяць, а то ў клеткі мышы бегають* (Лабковічы, Крыч. Мгл.); *Хуть есь у хаті блоны, усё роўна тёмна* (Любавічы, Ман. Смл.).

4. Назвы жывёл, птушак: *ботян*, *бутян* ‘аист’, *качка* ‘утка’, *когут* ‘певень’, *валух* ‘кастрыраваны бык’ і інш.: *У мяне толькі адін когут, а кур многа* (Роськаў, Клім. Мгл.); *Ходіць бутян на балоті, жаб збірае* (Каўшова, Мсц. Мгл.).

5. Назвы месяцаў, дзён тыдня: *ліпец* ‘ліпень’, *серпень* ‘жнівень’, *грудень* ‘снежань’, *пятюк* ‘пятніца’: *Лініц у нас таму так завецца, што ў етым месяцы ліпы цвятуць* (Роськаў, Клім. Мгл.).

6. Назвы людзей па сваяцкіх адносінах, полу, узросту, сацыяльным становішчы, чалавечых якасцях і інш.: *цурка* ‘дачка’, *швагер* ‘шурын, сваяк’, *дзедзіч* ‘унучаты нашчадак’, *бункарт* ‘пазашлюбнае дзіця’, *войт* ‘стараства’, *бахарь* ‘франт, фарсун, шчогаць’ і інш.: *Мальцу у яе гадкоў ішэсь, а цурка ужо ладная, памочніца ў хаті* (Соіна, Хісл. Смл.); *Ні хадітя к яму девачькі, ён войтам у немцаў службыў* (Шамава, Мсц. Мгл.); *Во бахырь ходіть на дяреўні, адеўся як пяхух; ета ён вас, девак, завклікаіць* (Звянчатка, Клім. Мгл.).

7. Назвы павозак: *рыдван* ‘крыты воз’, *фура* ‘павозка’, *дрога* ‘лёгкая павозка’ і інш.: *Во доішш як ідеть, дык сена на рыдвані возім, каб ні намокла* (Мілейкава, Мсц. Мгл.).

Акрамя таго, у гаворках маюцца адзінкавыя назвы бытавых прадметаў, з’яў, дзеянняў: *тлумац* ‘катомка’, *абрончка* ‘пярсцёнак’, *статак* ‘рэчы, маёмасць’, *троска* ‘клопаты’, *дарунок* ‘падарунак’, *крыхта* ‘чарка’, *гронка* ‘кісьць’, *клотня* ‘сварка’, *клямаць* ‘ілгачь’, *освяцаць* ‘святціць’ і некатор. інш.: *Раньшы калі хлопці деўку любіў, дак і ленту ў косы, і абрончку якую даріў* (Соіна, Хісл. Смл.); *Хадітя, деўкі, я вам усё раскажу. Ну выпіў крыхту, дык што жа* (Звянчатка, Клім. Мгл.); *А з малымі ўнукамі троска*

адна: і накармі іх, і прыглядзі за імі (Ст. Дзедзін, Клім. Мгл.); Ёй веріць і на грам нільзя, іна **клямаць** любіць (Сялец, Мсц. Мгл.).

Тры «хвалі» польскага моўнага ўплыву пакінулі адметны след ў беларускай фразеалогіі, куды з польскай мовы ўвайшоў цэлы шэраг устойлівых выразаў: *шаркі на баркі* ‘вельмі паспешліва’, *надаваць кухталя* ‘адлупцаваць, пабіць’, *даць пудла* ‘памыліцца’, *ветрам падышыты* ‘ветраны, лёгкі на словы’, *ні да танца ні да ружанца* ‘нікуды не варты’, *мець мухі ў носе* ‘капрызнічаць’, *лахі пад пахі* ‘вельмі паспешліва’, *запускаць жураўля* ‘зазіраць, падглядаць’, *рабіць на тандэт* ‘дрэнна рабіць’ і інш. [1, с. 197, 212–215].

У гаворках МСП намі вылучана ўжыванне толькі аднаго фразеалагізма польскага паходжання – змяняць быка на індыка, а таксама яго мясцовы варыянт *памяняць з быка на індыка (андыка)* ‘падмануцца, пралічыцца’ (параўн. польск. *zamienić byka za indyka*).

Значна больш фразеалагічных адзінак, якія маюць у сваім складзе паланізмы двух відаў – лексічныя ці фанетычныя: *хадзіць па панах*, *вантробы выесць*, *вомігам выйдзе*, *белавай андарак* (жыць) *на едні*, *абцяцанкі-цацанкі* і некаторыя іншыя.

З польскай мовы ў беларускую гаворкавую фразеалогію ўвайшлі ўстойлівыя выразы *жыць панам*, *хварэць на пана* [1, с. 197]. З часоў уваходжання беларускіх зямель у склад Польшчы слова *пан* служыла назвай асобы па яго сацыяльным становішчы і сацыяльна-субардынацыйнай назвай асобы для выражэння адносін «гаспадар – работнік». Менавіта другое значэнне адлюстравана ў фразеалагізме *хадзіць па панах* ‘працаваць па найму, батрачыць’, зарэгістраваным у гаворках МСП, напр.: *Када ні было чым карміць сям’ю, хадзілі па панах*, *кап хать што-небудзь заробіць* (Нікадзімава, Гор. Мгл.); *Раньшы хадзілі па панах*, *за кусок хлеба работылі*. *У нас баба Смалякова была, яна ўсё время хаділа* (Татарск, Ман. Смл.).

Як сведчыць А.М. Булыка, лексічны паланізм *вантроба* «пячонка» пранік у беларускі лексікон у першай чвэрці XVII ст. у сувязі з развіццём медыцыны [5, с. 127]. На беларускай глебе ён фанетычна змяніўся: зычны прыгук [n] праславянскага насавага галоснага [Q], які захаваўся ў польскай мове, развіўся ў гук поўнага ўтварэння; галосны [o] змяніўся на [a] у адпаведнасці з беларускім аканнем (параўн. ст. польск. *wantroba* і ст. бел. *вантроба*). У беларускай мове ўзнік фразеалагізм *вантробы ад’есці* ‘надакучыць каму-н.’, суадносны з рускім *сидеть в печёнках*. В гаворках МСП намі адзначана фразеалагічная адзінка (усе) *вантробы выгрызаць (павыгрызаць)*, якая адрозніваецца ад беларускага дзеяслоўным кампанентам. Напрыкл.: *Муш кажны день п’яны прыходіць, выгрыс усе вантробы* (Узлогі, Клім. Мгл.); *Во деткі так деткі! Усе вантробы павыгрызлі, ні жалеюць*

бабу (Лабковічы, Крыч. Мгл.); *Сусеткіных куриц з гарода ні выгнать, ван-тробы ўсе выгрызлі, надаела ужо іх ганяць* (Рускае, Шум. Смл.).

У беларускай народнай фразеалогіі вядома ўстойлівае словазлучэнне *вомегам вылазіць* ‘адпомсціцца, не праходзіць бяследна’. У гаворках МСП фразеалагізм *вомегам вылазіць* ужываецца як з гэтым значэннем, так і з ншым – ‘не пайсці на карысць’, параўн.: *Няхай табе ўсё **вомігам** вылезіць* – *пакраў маіх тплят* (Мілаславічы, Клім. Мгл.) і *Карміла я свінню яблыкамі, дык яны ёй **вомігам** вылізлі: ходь бы троху жыра прыбавіла* (Палашкава, Клім. Мгл.); *Усю жызь сабе жалеў кусок укусны зьесьці, деньгі сабіраў, а ўсё **вомігам** вылізла* – *памёр, а деньгі асталіся* (Пятроўка, Ерш. Смл.).

У розных беларускіх і рускіх гаворках маюцца варыянты слова *вомег*: *воміг, вомига і омег, оміг, омига* са значэннямі ‘гарката’, ‘перасол’, ‘атрута’, ‘яд’, ‘ядавітая расліна’. А.В. Мяркулава, якая вывучала паходжанне гэтага слова і яго пранікненне ва ўсходнеславянскія мовы, устанавіла, што яно ўзыходзіць да лацінскага *vomitus* – ‘рвота’, якое было запазычана польскай мовай (параўн. вытворныя ад яго ў польскай мове *wymiotować, wymiotowy*). Польская і беларуская мовы сталі цэнтрам распаўсюджання запазычанага слова *vomitica* (параўн. польск. *otieg, woteg* і інш.), а ў рускія гаворкі яно прыйшло з гэтых моў і атрымала там новыя значэнні [8, с. 18–19]. Такім чынам, па адной з этымалагічных версій *вомег* – паланізм-транзітыў (перададзены з адной мовы ў другую праз польскае пасрэдніцтва).

Толькі ў гаворках МСП намі выяўлены фразеалагізм (*жыць*) *на адні* ‘у адзіноце’: *Мужык мой яшчэ ў вайну памёр, дачка далёка, так і жыву **на адні*** (Палашкава, Клімавіцкі, Маг.); *Дзятей бох ні даў, мужык рана памёр, во і асталася пат старасть **на адні*** (Віктарава, Красн. Смл.). Мы дапускаем, што гэта фанетычны паланізм, бо праславянскі корань **edinyъ* у польскай мове захаваў пратэтычны [j] перад [e], а ва ўсходнеславянскіх мовах (беларускай і рускай) ён страціўся і адбылася міжскладовая дысіміляцыя галосных з заменай [e] на [o] (параўн. польскае *jedna, pojedynczy*, русск. *одиночество*, бел. *адзінота*). З’яўленне ў магілёўска-смаленскіх гаворках стараславянскага варыянта гэтага кораня з пратэзай [j] здаецца менш верагодным, чым замацаванне паланізма з такім гукавым складам.

Як бачым, дыялектны моўны матэрыял дае бяспрэчнае сведчанне аб значным польскім уплыве на лексіка-фразеалагічны фонд гаворак МСП, але вывучэнне польскіх запазычанняў ва ўсёй іх паўнаце яшчэ наперадзе.

Літаратура

1. Аксамітаў, А.С. Беларуская фразеалогія / А.С. Аксамітаў. – Мінск, 1978.
2. Анічэнка, У.В. Мовы ўсходніх славян / У.В. Анічэнка. – Мінск, 1989.
3. Борисова, Е.Н. Лексика Смоленского края: по памятникам письменности / Е.Н. Борисова. – Смоленск, 1974.
4. Булыка, А.М. Даўнія запазычанні беларускай мовы / А.М. Булыка. – Мінск, 1972.
5. Булыка, А.М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. / А.М. Булыка. – Мінск, 1980.
6. Жураўскі, А.І. Запазычаная лексіка ў беларускай мове // Гістарычная лексікалогія беларускай мовы / А.І. Жураўскі. – Мінск, 1970.
7. Королева, И.А. Польские заимствования в профессионально-производственной лексике смоленских говоров прошлого и настоящего // Беларуская-руська-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія : матэрыялы VI Міжнароднай канферэнцыі, ч. I. / И.А. Королева. – Віцебск, 2003.
8. Меркулова, А.В. Из истории названий некоторых растений / А.В. Меркулова // Этимологические исследования по русскому языку. – Вып. 3. – Москва, 1961.
9. Опыт описания Могилевской губернии... / под ред. А.С. Дембовецкого. – Могилев, 1882. – Кн. 1.
10. Соболевский, А.И. История русского литературного языка / А.И. Соболевский. – Ленинград, 1980.
11. Судавичене, Л.В. История русского литературного языка / Л.В. Судавичене, Н.Я. Сердобинцев, Ю.Г. Кадьялов. – Ленинград, 1990.
12. Типология двуязычия и многоязычия в Беларуси. – Минск, 1999.
13. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – Москва, 1972.

2002 г.

Т.А. Кожурина, В.Б. Сузанович

ОТРАЖЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ВЛИЯНИЯ В НАЗВАНИЯХ ОДЕЖДЫ НА ТЕРРИТОРИИ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Говоры могилевско-смоленского пограничья (МСП), занимая маргинальную зону на стыке белорусского и русского языков и диалектов, находятся в условиях фронтального и афронтального межъязыкового и междиалектного контактирования. Характерная особенность указанной контактной зоны – в пересечении родственных языков и культур. Отсюда естественно, что говоры МСП, с одной стороны, сохраняют древнейшие восточнославянские традиции, а с другой – обнаруживают следы значительного ино-

язычного влияния. Так, в словарном составе говоров нашего региона наряду с обширными пластами общеславянской и восточнославянской лексики содержится значительное количество заимствованных слов. Особое место среди последних занимают полонизмы, что имеет глубокие исторические корни. «На протяжении почти четырех веков белорусский литературный язык развивался в условиях белорусско-польского двуязычия, которое оставило в его лексической системе значительные следы» (перевод наш – *авт.*) [2, с. 7]. Исключительную роль польского языка-посредника отмечает известный белорусский ученый А.И. Журавский: «Не подлежит сомнению, что большая часть иноязычной лексики проникла в старобелорусский язык через польский. Это касается, например, многих слов немецкого, латинского, итальянского, французского и венгерского происхождения. С точки зрения истории словарного состава белорусского языка такие слова можно рассматривать как полонизмы» (перевод наш – *авт.*) [4, с. 88].

На Могилевщине выходцы из польской шляхты с давних времен расселились по берегам рек Сожа (восточная группа) и Друти (западная группа). Предки могилевских шляхтян некогда проживали в двух древних княжествах – Друцком и Мстиславском. Впервые они упоминаются в уставе 1557 г. «на волоки» под названием «путных бояр» и «служек», а в дальнейшем – «панцирных и путных бояр». Панцирные бояре служили королю и магнатам в качестве военных людей (на коне и в панцире, отсюда название бояр). Путные бояре сопровождали короля в качестве служек в дороге, на охоте или несли замковую службу в качестве стражников и стрельцов. В конце XIX в. самое густое расселение шляхты отмечалось по Сожскому водоему – в районе городов Мстиславль – Кричев – Чериков. Польские слова проникали в говоры МСП, как правило, устным путем, в процессе прямых контактов белорусов с соседями-поляками. Именно поэтому на территории могилевско-смоленского пограничного региона отмечается большое количество полонизмов бытового характера. В частности, широко представлено польское влияние в названиях одежды: из 44 вестонимов (лат. *vestis* ‘одежда, платье’ + греч. *опота, опута* ‘имя’) иноязычного происхождения 28 (около 64%) являются полонизмами, попавшими в указанные говоры через посредство польского из других, преимущественно европейских, языков¹. Рассматриваемые слова неравнозначны как с точки зрения распространенности, так и по степени изученности материала. С точки зрения распространенности здесь выделяются 4 пласта лексики: а) слова, входящие в словарный состав не только белорусского литературного языка, но и русского; б) слова, являющиеся принадлежностью белорусского литературного языка и отсутствующие в русском; в) слова, являю-

щиеся принадлежностью русского литературного языка и отсутствующие в белорусском; г) диалектные слова, имеющие ограниченную территорию распространения; сюда же примыкают устаревшие слова-вестонимы, относящиеся к пассивной лексике русского или белорусского языка.

Степень изученности полонизмов первой группы более или менее удовлетворительна, они, как правило, находят отражение в нормативных и этимологических словарях русского и белорусского языков: *жакетка* (Бул., Шанск.), *галстук*, *гальштук* (Бул.), *кофта* (Преобр., Черн., Шанск.), *фартук* (Бул, Черн.), *свита*, *свитка* (Преобр., Шанск.), *кальсоны* (Шанск.)². Многие вестонимы указанной группы употребляются как на территории могилевского пограничья, так и смоленского. Проиллюстрируем сказанное: *Как дом згарэў, так на мне и засталася толькі жакетка з юпкой* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Нада новаю жакетку надзець у госьці* (Татарск, Мон. Смл.); *Нечага была насіць, так і зімой наденуць світку, і летам* (Лобковичи, Крич. Мгл.); *Адзень світку, холадна на вуліцы стала* (Татарск, Мон. Смл.); *Завізала я хвартух, кап плацця ні вымазаць, грады палюўшы* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Фартух пьдвязывылі, насыпалі туды семя і ішлі сеяць* (Хорошково, Хисл. Смл.).

Полонизмы второй группы находят отражение в белорусских нормативных словарях и нередко фиксируются в белорусских этимологических источниках: *брыжы* ‘оборки, рюшки, воланы’ (Бул.), *камизелька* ‘жилетка’, (Бул., Молчан.), *ковнер* (Бул., Преобр.), *кошуля* (Борис.), *панчоха* (Бул., Борис.), *футро* ‘шуба, кожан’ (Бул.)³. Слова этой группы имеют распространение и на Смоленщине, и на Могилевщине, однако в обиходной речи носителей говоров могилевско-смоленского пограничья они употребляются сравнительно редко: *Раньшы мы па нізу юпки прышывалі брыжы – аборкі такія* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *У нас і на рубашкі нашывалі брыжы* (Забельшин, Хот. Мгл.); *Каўнер сабіралі цяжэжамі, а потым ужэ прышывалі* (Литвиновка, Ерш. Смл.); *Пыпраў каўнер на рубашкі, а то ходзіш як нідатёна* (Горы, Гор. Мгл.).

Полонизмы-вестонимы третьей группы единичны – *шарф* (Фасм.), *юбка* (Шанск.): *Адела брынжэтніцу, гэта такая юпка ў складку, і пыйшла на музыку* (Тростино, Хот. Мгл.); *Мы дэлылі камлётны – тканьы юпки, тоўстыя, сы сваёй шэрсьці* (Татарск, Мон. Смл.); *Шарх на шыю павяжы, каб горла ні балела* (Марковка, Хот. Мгл.); *Я яшчэ магу і наски, і шарх свізаць* (Понятовка, Шум. Смл.).

Четвертая, довольно многочисленная группа польских заимствований – областные и устаревшие слова. Они, за редким исключением, не фиксируются в нормативных словарях, однако в этимологических источ-

никах многие из них получают отражение: *андарак* ‘самотканая юбка или сарафан’ (Бул.), *катанка* ‘верхняя мужская одежда’ (Борис.), *курта* ‘короткая плечевая одежда’ (Шанск.), *саян* ‘нарядная, праздничная юбка или сарафан’ (Фасм.), *плюшевка*, *плюшка* ‘полупальто из плюша’ (Преобр.), *чехлик* ‘женская короткая рубашка’ (Преобр.), а также *жупан* (Бул., Преобр., Борис.), *кабат* (Бул., Преобр.), *кафтан*, *каптан* (Черн.), *епанча* (СРЯ XI–XVII вв.). Слова *андарак*, *саян*, *курта* широко употребляются на всей территории МСП. Особенно широк ареал слова *андарак* в значении ‘самотканая юбка’, зафиксированного более чем в 20 населенных пунктах могилевско-смоленского пограничного региона: *Тады сами делали андыраки, красили их и насили на вичаринки* (Лобковичи, Крич. Мгл.); *Андырак* надиваицца з вышитай рубашкай (Любавичи, Мон. Смл.). В значении ‘женская старинная одежда типа сарафана’ это слово отмечено в 5 населенных пунктах нашего региона. *Раньшы мы насили сырыхваны, вытканыя ис шэрсьци – андыраки* (Соино, Хисл. Смл.); *Спадница с кыбатам – ета андырак* (Забельшин, Хот. Мгл.). Приведем примеры с другими словами. *Саян* 1. Праздничная юбка или сарафан. *А саяны у нас красивыя были. Бувала, адениш саян, усе аж аглядаюцца* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *И сыяны на смотр сымадельнасьци адивали, мы их сами шыли* (Городище, Хисл. Смл.). 2. Верхняя женская одежда типа плаща. *Сыян* адивали восиню у дошч (Горы, Гор. Мгл.); *Жэнишыны насили верхняй адёжай саяны* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *Жупан* адиваю, штоб тятлей было плячам (Звенчатка, Клим. Мгл.); *У майго хызяина быў жупан, я сыма у йим хадила* (Любавичи, Мон. Смл.). Лексемы *чехлик*, *чугай* ‘долгополый кафтан с большим воротником’ зафиксированы лишь на Могилевщине: *Мамка вышыйить чехлик, тада на празник яго дась, с юпкай и адениш* (Марковка, Хот. Мгл.); *У нас у кожнага у дома ёсьць чугай, биз яго у дождь ни абыйтись* (Звенчатка, Клим. Мгл.). Иногда на территории могилевского и смоленского пограничья выступают разные варианты слов: *Толька етую плюшку я и привизла з Гирмании* (Н. Дедин, Клим. Мгл.); *Нада адеть плюшаўку, а то холодна стала* (Литвиновка, Ерш. Смл.).

В плане исторического формирования все описанные вестонимы, как отмечалось выше, являются опосредованными заимствованиями; польское посредничество здесь не вызывает сомнения у авторов этимологических разысканий. Сложнее обстоит дело с установлением языка-источника. Значительная часть анализируемой лексики имеет лишь одну этимологическую версию, что не дает достаточного основания признать их язык-источник окончательно установленным: *брыжи* (нем.), *галстук* (нем.), *кальсоны* (фр.), *камлёт* (фр.), *кафтан* (перс.), *ковдра* (ит.), *плюшка*

(нем.), *футро* (нем.) и др. При установлении языка-источника слов *камизелька*, *ковнер*, *кофта*, *курта*, *панчоха*, *свитка*, *юбка* ученые не пришли к единому мнению. Так, по версии А.Н. Булыко, слово *камизелька* попало в польский язык из французского, а по версии Н.М. Шанского – из немецкого; слово *кофта* Н.М. Шанский возводит к скандинавскому источнику, а П.Я. Черных и А.Г. Преображенский – к тюрскому; слово *курта*, с точки зрения Н.М. Шанского, попало в польский язык из латинского, а А.Г. Преображенский считает источником данного слова турецкий язык. Лишь при определении языка-источника вестонимов *жакетка* (фр.: Бул., Шанск.), *жупан* (араб.: Бул., Шанск.), *кабат* (перс.: Бул. Преобр.), *катанка* (венгр.: Бул., Молчан.), *саян* (итал.: Бул., Фасм.), *фартук* (нем.: Бул., Черн., Шанск.), *чугай* (тур.: Бул., Фасм.) между учеными нет существенных разногласий, и можно признать этимологию указанных слов более или менее удовлетворительной.

Как показывает наш материал, основным языком-источником полонизмов-вестонимов в говорах МСП является немецкий (более 10 слов). Это естественно, поскольку Германия – ближайший западный сосед Польши – в эпоху средневековья служила своего рода «окном в просвещенную Европу». Значительно уступают немецким заимствованиям слова французского (5), турецкого (3), латинского (2), итальянского (2) происхождения.

Как видим, говоры МСП отражают значительное польское влияние, что хорошо прослеживается в названиях одежды. Польско-белорусские связи носят давний характер, они сложились исторически на основе общности социально-экономических и политических условий в определенные периоды развития польского и белорусского народов, а также в процессе непосредственного общения белорусов с поляками, издавна проживавшими на белорусских землях.

Примечания

¹ К польским заимствованиям относим слово, если оно признается таковым хотя бы в одном из указанных ниже этимологических источников.

² Здесь и далее приводятся в сокращении фамилии авторов, чьи работы указаны ниже в списке литературы.

³ Здесь и далее слова приводятся со значением, отмеченным в говорах МСП.

Литература

1. Борисова, Е.Н. Лексика Смоленского края: по памятникам письменности / Е.Н. Борисова. – Смоленск, 1974.
2. Булыка, А.М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. / А.М. Булыка. – Мінск, 1980.

3. Булыка, А.М. Слоўнік іншамоўных слоў / А.М. Булыка. – Мінск, 1993.
4. Жураўскі, А.І. Запазычаная лексіка ў беларускай мове / А.І. Жураўскі // Гістарычная лексікалогія беларускай мовы. – Мінск, 1970.
5. Молчанова, Л.А. Материальная культура белорусов / Л.А. Молчанова. – Минск, 1968.
6. Опыт описания Могилевской губернии / под ред. А.С. Дембовецкого. – Кн. 1. – Могилев, 1882.
7. Преображенский, А.Г. Этимологический словарь русского языка / А.Г. Преображенский. – М., 1958.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер. – М., 1987. – Т. 4.
9. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь / П.Я. Черных. – М., 1994. – Т. 1–2.
10. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – М., 1971.

1997 г.

В.Б. Сузанович

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Подобно другим региональным словарям «Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) содержит богатый материал для изучения диалектной лексики, в частности, лексики говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП). Так, в указанном Словаре зафиксирована широко представленная на территории МСП эмоционально-экспрессивная лексика, описанию которой посвящена данная работа.

В говорах МСП выделяются следующие группы эмоционально-экспрессивных слов: эмоционально-оценочные слова; слова с объективно закреплённой эмоциональной окраской; слова, в которых эмоционально-экспрессивная окраска достигается суффиксальными средствами.

1. Эмоционально окрашенные слова первой группы наиболее многочисленны. Здесь выделяются два разряда: слова с положительной оценкой (мелиоративная лексика) и с негативной оценки (пейоративная лексика). Эти слова употребляются, как правило, для оценочной характеристики людей по особенностям, проявляющимся в их поведении, реже для оценочной характеристики людей по внешнему виду, по умственным способностям и др.

Как показывают наблюдения, подавляющее большинство экспрессивно-оценочных слов МСП содержат негативную оценку, что вполне объяснимо. Дело в том, что человеческой натуре свойственно остро реагиро-

вать на все плохое и редко замечать хорошее; с другой стороны, оценочной лексикой поведения жители МСП выражают свое негативное отношение к людским порокам.

Преобладание негативной экспрессии вообще характерно для лексики современного русского языка, на что указывают исследователи¹. А специалисты по истории русского языка отмечают доминирующее положение негативной экспрессии уже на стадии формирования национального русского языка во второй половине XVIII в. [1]. Таким образом, можно полагать, что преобладание негативной коннотации сложилось исторически и сохраняется в русском языке нашего времени как наследие прошлого.

Среди экспрессивно-оценочных слов в говорах МСП наиболее полно представлена семантическая группа (СГ), отражающая характеристику людей по особенностям поведения. Как известно, поведение людей тесно связано с обрядами, обычаями, традициями каждого народа, поэтому оценочные слова поведения в говорах МСП в определенном смысле отражают особенности восточнославянского менталитета. Изучение указанной СГ позволяет утверждать, что носители говоров МСП осуждают такие пороки, как *лень, лживость, пустословие, агрессивность, воровство, жадность, пьянство, высокомерие, разврат* и др. Особенно нетерпимо жители указанного региона относятся к *бездельникам, пустословам, сплетникам*. Об этом свидетельствует большое количество распространенных по всей территории МСП существительных со значением 'лентяй, бездельник' – *абалок, облыга, байбус, байстрюк, безула, баклуша* и др.; существительных со значением 'сплетник(ца)', 'болтун, пустозвон' – *балаболка, балака, балазвон, било, барабуша, толкатуха* и др.; глаголов со значением 'бездельничать' – *байбачить, бинжевать, безулить, валындиться* и др.; 'вести пустые разговоры', 'сплетничать' – *балазвонить, бараболить, белебенить, разбрехаться* и др.²

Положительная экспрессия в говорах МСП представлена слабо, что также находит свое объяснение. Как известно, славянский менталитет сформировался на предписаниях христианской нравственности и установках общечеловеческого морального кодекса. Исполнение этих предписаний и установок отражало общие требования к поведению личности в любом обществе, простейшие нормы морали, без соблюдения которых невозможно само существование сообщества. Такая норма поведения всегда воспринималась как обычный порядок вещей и не привлекала к себе внимания. Другое дело, если эти общепринятые нормы нарушались, что случалось довольно часто. Такое поведение осуждалось церковью и обществом, для чего использовалась экспрессивно-оценочная лексика негативной коннотации.

Положительно-оценочные слова, в отличие от негативной лексики, распространенной по всей территории МСП, употребляются спорадически и не образуют СГ с общим значением, ср.: *ахтитильный* ‘почтительный, уважительный’, *белозорный* ‘добрый, щедрый’, *безобманный* ‘обязательный, безотказный’, *журливый* ‘нежный, ласковый’, *работный* ‘работающий’, *развитый* ‘ловкий, бойкий, смелый’, *рахманный* ‘скромный, спокойный, уравновешенный’, *рукодельный* ‘искусный во всяком деле’, *рупотный* ‘заботливый, отзывчивый’, *ахахон* ‘смельчак’, *атлёт* ‘ловкий, смелый человек’, *жалельник* ‘жалостливый человек’, *расторопица* ‘удалой, расторопный человек’; *журиуться* ‘заботиться, волноваться о ком-л.’, *раструсить* ‘раздать, раздарить’, *рупить* ‘заботиться, беспокоиться о ком-л.’. Проиллюстрируем сказанное: *У дярёўні ён самы ахтитильны, усе яво паважаюць – ат мала да вялика* (Звенчатка, Клим, Мгл.); *Матрона Дямидаўна харошая жэніщина, билазорная, никаво в бяде ни аставіць* (Любавичи, Мон. См.); *Руки маці самыя журливыя у светі* (Горы, Гор. Мгл.); *Работны чалавек за дзень многа здельіць* (Викторово, Красн. См.); *У цябе хлопці такі рахманы, а мой дык і нагрубіць можа* (Полошково, Клим. Мгл.); *Мой бацька Тімахвей рукадельны быў, усё ў яго ў руках гарэла: хату сам паставіў, цялегу, справіў, лапці і карзіны плёў* (Милейково, Мст. Мгл.); *Ахахон –эта хто никаво ні баіцца* (Любавичи, Мон. См.); *Што ты журысся аба ўсех, а хто аб табе журыцца будіць?* (Телюковка, Ерш. См.). Как показывает приведенный материал, особым уважением у жителей МСП пользуются люди добрые, заботливые, бескорыстные, скромные, работающие, ловкие, смелые.

2. Вторую группу нашей классификации составляют слова, эмоциональная окраска которых мотивирована их семантикой. Такие слова уже сами по себе, в своем значении несут эмоционально-экспрессивный заряд и содержат элемент оценки. В говорах МСП среди слов этой группы значительное место занимают глаголы, причем за редким исключением обозначающие единичные действия: *жсевкануть* ‘немного поесть, перекусить’, *отбацать* ‘построить, соорудить’, *очеловечиться* ‘жениться’, *раззяпнiть* ‘раскрыть, распахнуть’, *раззяпнiться* ‘зазеваться’, *разлупнiтьсся* ‘развалиться, прохудиться’, *раскатурхатъ* ‘разбудить, растормошить’, *расплекатъсся* ‘расстегнуться’, *расшарохатъ* ‘растрянжирить, промотать’ (о деньгах), *расикумотатъ* ‘изорвать’, *рюмзатъ, рюмитъ* ‘плакать, хныкать’, *тоишноватъ* ‘горевать, бедствовать, мучиться’. Вот несколько иллюстраций: *У синакос нима калі есці – жаўканеші нямнога і зноў работатъ* (Тростино, Хот. Мгл.); *Во якім дом сабе адбацаў наш прыцядатиль – на ўсю дярёўню видатъ* (Соино, Хисл. См.); *Как прыстали ка мне, штоб я*

ачилавечилсѧ, а я ни ў какую (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *Дед во дѡеры раззяпиў, дык мух налятела поўна хата* (Горы, Гор. Мгл.); *Кохта мая разлупилась аж да дырак* (Лобковичи, Крич. Мгл.); *Як рыззяписся троху, дык карова пырнець табе ў бок* (Титовка, Клим. Мгл.); *Пайдў раскатурхаю свайго дѡда, а то ён саўсем зыспаўся* (Саприновичи, Мст. Мгл.); *Ета хто тут рюмзыить? Хто дѡвачку абидиў?* (Лужки, Мст. Мгл.); *Да вайны хто як жыў – хто жыруваў, а хто тащинуваў* (Звенчатка, Клим. Мгл.).

Исключение составляют глаголы с общим значением движения – *бадзѧцца* ‘бродить, скитаться’, *беганюгаць* ‘быстро бежать, нести́сь что есть мочи’, *телепaць* ‘медленно идти’, *труняцца* ‘ходить взад и вперед’: *Сын малады, усё бѡдыяцца, усё ни найдѡ сабе места* (Селец, Мст. Мгл.); *Весь дѡнь муй малиц бѡганюгаѡ, никак са мной ни пасядиць* (Соино, Хисл. Смл.); глаголы, обозначающие крики животных, птиц, процессы говорения: *расхуткацца* ‘раскричаться (о птицах)’, *раскурнявкaцца* ‘громко мяукать’, *рѡхaць* ‘хрюкать’, *разѡхaцца* ‘стонать, охать, причитать’, *разрекацца* ‘разговориться’, *тулманиць* ‘объяснять, толковать’: *Штойта совы расхуткѡлись – мабыць будѡ гразѡ* (Милейково, Мст. Мгл.); *Кошка раскурняўкалась, я ў хату, а там здаравенная крыса сидиць на печки* (Полошково, Клим. Мгл.); *Штойта пырасѡнак наш часта рѡхаиць, можа зыбалеў ти крысы пакусали* (Кузьмичи, Ерш. Смл.); *Хадитѡ, бабы, к нам, будим дѡўкам словы тулманиць* (Титовка, Клим. Мгл.); *Ну ты, Хадора, и разѡхѡлась, стогниши на ўсю хату* (Тростино, Хот. Мгл.).

В отличие от глаголов, отдельные имена существительные образуют СГ, напр., слова с общим значением ‘рваная, изношенная одежда, лохмотья’ – *арвань, архалук, aтpяпье, бархмотки, оборваньѡ, обтpѡпки, рѡгалѡ, ризѡ, тpанты, тpяпы*: *Якая адѡжа ў мяне – адны бархмотки* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Тяпѡр нѡхто архалуки ни выбрасвыиць – усе тpанты старѡя люди забираюць, бо им ужо насиць нѡма чаго и у мыгазинѡ купиць нѡма за што* (Любавичи, Мон. Смл.); *Изнасиласѡ саўсем, адно абарваньѡ и засталасѡ* (Ст. Дѡдин, Клим. Мгл.); ‘внебрачный ребенок’ *бензь, биндѡк, байструк, безбaтькович, беззаконник*: *Бaтьки ни было, так и рос байструком* (Селец, Мст. Мгл.); *Дѡчка прынесла мне бинзѡ нагулянага* (Ст. Дѡдин, Клим. Мгл.); *Марѡин Юрка биззаконник, ина ѡго биз мужука нажыла* (Любавичи, Мон. Смл.); *У нашава Игарѡка бацьки нету, таму и бизбaтькавич* (Соино, Хисл. Смл.); ‘небылица, выдумка, сплетня’ – *абaлясѡна, балака, баламутка*: *Я ни знаю аниѡких абѡлясин. Во у нас тут дѡд адѡн жыў, дык той знаў их многа, тольки памѡр ён ужо* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Астаў сваѡ балаки, усё днѡ нѡхто ни паверыць* (Любавичи, Мон. Смл.); *Баламутка, ти сплетня, ти плѡтка – ета адно и тоѡ* (Соино,

Хисл., Смл.); *‘драка, потасовка, поножовщина’ – бахловка, бивня, битва, бахлучка, барахтанье, раздира, резанина: Ранней на вичаринках мы пели, танцували, но битвы ни было, ня тоя што тяпер* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *У нас тут такая бахлучка была, милицыя прыяжжала, Нюркинага Кольку выбрали* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *У нас у аснаўном спакойна, ризанины бываюць ретка* (Татарск, Мон. Смл.). Однако большинство эмоционально окрашенных существительных, зафиксированных на территории СМП, обозначают одиночные явления и не образуют СГ – *анчутка ‘нечистая сила’, бацаццери ‘детские игрушки’, безголовыя ‘глупое увлечение’, безики, бизики ‘глаза’, бесчереда ‘беспорядок’, битики ‘валенки’, жмоти ‘малые дети’, орало ‘громкий голос’, рожки ‘шутливое прозвище смоленцев’, рожно ‘мусор, хлам’, руда, рудь ‘хлам’, топы ‘танцы’, требуховатая ‘беременная’*. Приведем иллюстрации: *На вичаринки деўки гадаюць, пячуть, анчютку праганяюць* (Кр. Буда, Крич. Мгл.); *Систра малому такая красавыя бацаццери прывизла з Минска, дык ён и ноччу з ими ни рас-таецца* (Титовка, Клим. Мгл.); *Щас у девак бизгалоўя на курива пашло. А вы, дэвачки, ня курыць?* (Шамово, Мст. Мгл.); *У суседзяў нилады у ся-мьи, бишчарэдица у хаты – брыхацца ни уборацца* (Тростино, Хот. Мгл.); *Мой мужык такая добрая битики дельў; к яму са ўсёй акруги прыхадили – так харашо ён их катаў* (Ленино, Гор. Мгл.); *Бацька прыедить з горада, а мы, жмоти, апступим яво, ждём гасцинца* (Полошково, Клим. Мгл.); *Во етыя рашкі смаленския, як паняедаць, дык усё у мыгазини разгрябуть* (Рубановка, Мст. Мгл.); *Як баба етая жывець у такэй руди, бытта с са-мой вайны ни прыбиралася* (Мушино, Мст. Мгл.); *Што за топы тяпер! Маладыя хлопцы и деўки ни петь, ни танцываць ня умеюць* (Шумячи, Смл.); *Я карову сваю сразу узнаю: ина трябухаватая, скоро тьялёнка будить ражась* (Татарск, Мон. Смл.).

В картотеке СМСПГ имеется немало многозначных слов, которые в прямом значении не содержат экспрессивной окраски, а в переносном характеризуются яркой оценочностью и эмоционально-экспрессивной коннотацией, ср.: *барабол ‘колокольчик, привязываемый на шею скотине’* и перен. ‘болтун, пустозвон’; *баклуша ‘обрубок дерева, чурка’* и перен. ‘лентяй, бездельник’; *балдава ‘трость с набалдашником’* и перен. ‘глупец, бестолковый человек’; *било ‘язык у колокола, звонка’* и перен. ‘болтун, пустозвон’; *тельпух ‘колода’* и перен. ‘толстяк, увалень’; *бандура ‘длинная дубовая лавка’* и перен. ‘толстая, неповоротливая женщина’; *бавкать ‘ударять в колокол’* и перен. ‘пустословить, сплетничать’. Эта особенность вообще характерна для русского языка. В работах по стилистике такие «ситуативно-стилистически окрашенные слова» включаются в особый разряд эмоционально-экспрессивной лексики [2].

3. Третью группу нашей классификации составляют слова, в которых эмоционально-экспрессивная коннотация создается суффиксами субъективной оценки. В говорах МСП не все слова с указанными суффиксами содержат экспрессивные оттенки: их нет, например, в таких словах как *ровок* ‘овраг’, *базок* ‘пристройка к дому’, *жбанок* – то же, что *жбан*, *беговушки* ‘легкие сани’, *белушка* ‘снежинка’, *банище* ‘место, где стояла баня’, *тёртики* ‘олады из тертого картофеля’ и др. (ср. русск. *сетка*, *чашка*, *ножик*, *платок*, *мешок*, *блюде*, *булавка* и др.). В других словах экспрессивность выражена довольно слабо и может быть выявлена лишь при сопоставлении с аналогичными словами без суффикса субъективной оценки, ср.: *бажма* и *бажмина*, *беда* и *бедина*, *тетива* и *тетивина*, *овраг* и *овражина*, а также характерные для говоров МСП наречия со специфическими суффиксами: *тутака*, *тутаньки*, *тутатька*; *теперака*, *теперича*, *теператьки* и др.: *А я тутаньки ужю пять лет жыву* (Еловец, Хот. Мгл.); *Таматьки у нас цэрква стыяла, а тяператьки склад зрабили* (Полошково, Клим. Мгл.).

В говорах МСП суффиксов субъективной оценки сравнительно немного, однако они способны выражать самые различные оттенки эмоций, чувств, настроений жителей этого региона – реального уменьшения или увеличения; удовлетворения, ласки, радости, восторга, одобрения; тоски, горя, сожаления, печали; недоверия, недоумения, испуга, удивления; порицания, протеста, неудовольствия, злости; иронии, злорадства, презрения и др. Эти нюансы нередко с трудом уловимы и во многом зависят от реальной обстановки и настроения говорящего; один суффикс может служить для выражения целой гаммы эмоций.

Мы понимаем, что слова с суффиксами субъективной оценки, употребляющиеся на территории МСП, требуют специального рассмотрения, но рамки статьи не позволяют дать полное описание этой эмоционально-экспрессивной группы. В заключение отметим, что региональные словари являются неисчерпаемым источником для изучения диалектной лексики соответствующего региона.

Примечания

¹ Вот что пишет об этом известный лексиколог Д.Н. Шмелев: «Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в словах, в которых экспрессивная оценка выражена не специальными суффиксами (ср. старик – старичок – старикан, старушка – старушенция, дурачок – дуралей – дурень, глупыш – глупец и т. п.), проявляется главным образом отрицательная экспрессия, именно ее отражает достаточно дифференцированная система помет в словарях. Между тем для отражения положительной экспрессии, по существу, и нет помет, если не считать пометы «ласкательное», применяемой в редких случаях, да и то не во всех словарях. Пометами же отрицательными – «неодобрительное», «презрительное», «уничжительное»,

«пренебрежительное», указывающими на то, что значения слов осложнены именно отрицательными элементами, отмечено большое количество слов». Шмелев, Д.Н. Современный русский язык: лексика. – М., 1977. – С. 165–166.

² Подробнее о негативно-оценочной лексике в говорах МСП см. нашу статью: В.Б. Сузанович. Экспрессивно-оценочная лексика могилевско-смоленского пограничья // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: 25-летие экологических и социально-педагогических проблем в постчернобыльский период : сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Брянск, 2011. – С. 347-351.

Литература

1. Князькова, Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII в. / Г.П. Князькова. – Л., 1974.
2. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. – М., 1977.

2011 г.

В.Б. Сузанович

ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ЛЕКСИКА МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

В говорах могилевско-смоленского пограничья (МСП), как и во многих диалектах, богато представлена эмоционально-экспрессивная лексика. Следует признать, что до сих пор среди исследователей-лингвистов не достигнуто единое понимание терминов *эмоциональность* и *экспрессивность*. Одни ученые (Ш. Балли, В.В. Виноградов, О.С. Ахманова, Д.Н. Шмелев и др.) отождествляют эти понятия, другие (Е.М. Галкина-Федорук, Н.М. Шанский, Л.Л. Касаткин и др.) разграничивают указанные термины; они рассматривают эмоциональность как средство выражения чувства и воли человека, а экспрессивность – как средство усиления выразительности и изобразительности речи. Однако и те и другие ученые признают взаимосвязь и взаимовлияние этих явлений. В подтверждение сказанного сошлемся на авторитетное мнение известных ученых. «Эмоциональность в языке не следует отождествлять с экспрессивностью. Это разные явления... Необходимость различать экспрессивные и эмоциональные элементы в языке диктуется тем, что функциональные задачи у них разные, несмотря на их взаимосвязь и взаимовлияние» [1, с. 98]. «Ядром экспрессивности... является эмоция, и это объединяет два названных явления» [3, с. 101]. С учетом вышеизложенного в данной работе мы разделяем первую точку зрения.

В говорах МСП выделяются следующие группы эмоционально-экспрессивных слов: экспрессивно-оценочные слова; слова с объективно закрепленной

эмоциональной окраской; слова, выражающие эмоции, чувства, настроения носителей говоров МСП; слова, в которых эмоционально-экспрессивная окраска достигается суффиксальными средствами.

В настоящей работе рассматривается эмоционально окрашенные слова наиболее многочисленной первой группы. Здесь выделяются два разряда: с положительной оценкой и с негативной. Эти слова употребляются, как правило, для оценочной характеристики людей по особенностям, проявляющимся в их поведении. Как известно, поведение людей тесно связано с обычаями, традициями, обрядами каждого народа, поэтому оценочные слова поведения в говорах МСП в определенном смысле отражают особенности восточнославянского менталитета.

Как показывают наблюдения, подавляющее большинство экспрессивно-оценочных слов МСП содержат негативную оценку, что, с одной стороны, отражает общечеловеческое свойство остро реагировать на все плохое и редко замечать хорошее. С другой стороны, оценочной лексикой поведения носители говоров МСП выражают свое негативное отношение к людским порокам.

Преобладание негативной экспрессии вообще характерно для лексики современного русского языка, на что указывают многие исследователи. Вот что пишет по этому поводу известный лексиколог Д.Н. Шмелев: «Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в словах, в которых экспрессивная оценка выражена неспециальными суффиксами (ср. старик – старичок – старикан, старушка – старушенция, дурачок – дуралей – дурень, глупыш – глупец и т. п.) проявляется главным образом отрицательная экспрессия, именно ее отражает достаточно дифференцированная система помет в словарях. Между тем для отражения положительной экспрессии, по существу, и нет помет, если не считать пометы «ласкательное», применяемой в редких случаях, да и то не во всех словарях. Пометами же отрицательными – «неодобрительное», «презрительное», «уничижительное», «пренебрежительное», указывающими на то, что значения слов осложнены именно отрицательными элементами, отмечено большое количество слов» [5, с. 165–166]. Специалисты по истории русского языка отмечают доминирующее положение негативной экспрессии уже на стадии формирования национального русского языка. Так, Г.П. Князькова, изучавшая русское просторечие второй половины XVIII в., в своей монографии пишет: «Памятники того времени, а в их числе и словари, содержат немало просторечных слов, обозначающих отрицательные качества, содержащих отрицательную характеристику называемого действия, предмета, явления и т. д.» [2, с. 159]. «Положительной собственной оценкой обладала сравнительно небольшая группа просторечных слов. Так, из числа прилагательных, вошедших в Словарь Академии Российской, положительная оценка характеризует лишь 4 слова... Для абсолютного

большинства просторечных прилагательных, вошедших в Словарь, характерна отрицательная оценка» [2, с. 168]. Таким образом, можно полагать, что преобладание негативной экспрессии сложилось исторически и сохраняется в национальном русском языке нашего времени как наследие прошлого.

Экспрессивно-оценочные слова говоров МСП образуют семантическое поле, в котором на основе ассоциативной близости выделяются различные семантические группы (СГ): оценочные слова, характеризующие людей по особенностям их поведения; оценочные слова, характеризующие людей по внешнему виду; оценочные слова, характеризующие людей по умственным способностям и др. В говорах МСП наиболее полно представлена СГ, отражающая характеристику людей по особенностям поведения. Эта СГ охватывает основные части речи – существительные, прилагательные, глаголы. Материал картотеки Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров (СМСПГ) позволяет утверждать, что жители МСП осуждают такие общечеловеческие пороки, как лень, лживость, агрессивность, жадность, воровство, словоблудие, грубость, пьянство, разврат и др. Особенно нетерпимо жители указанного региона относятся к лентяям, бездельникам, праздношатающимся. Об этом свидетельствует огромное количество распространенных по всей территории МСП существительных с этими значениями, глаголов со значением 'бездельничать', прилагательных со значением 'ленивый' – *абалок, аблыга, атландер, байбус, багуй, байдугла, байстрюк, баклуша, балдырь, бантей, безуга, бизюк, блында, байбачить, валындиться, бинжевать, апокий, бездельный*, напр.: *Бизюком* наш Ванька расщецъ, ничога дельть ни зыставии (Тростино, Хот. Мгл.); *Ну што, ты так и будии байбачить? Иди памаги батьку орыва тилить* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Унучка мая ничога ня хочыть дельть, день бы бегыла па лесу бяздельная ета* (Селец, Мст. Мгл.).

Объяснение нетерпимости славян по отношению к бездельникам находим у известного фразеолога и специалиста по лингвокультурологии В.Н. Телия. «Характерологической чертой славянского менталитета является установка на трудовую деятельность, которая в библейской формулировке предписывает «трудиться в поте лица», чтобы пожинать плоды труда своего. Поэтому содержание позитивной культурно-национальной коннотации ФЕ (фразеологических единиц. – В.С.) ориентировано на активную плодотворную трудовую деятельность... Коннотация ФЕ «бездельничать» обусловлена нарушениями характерологической установки на трудовую деятельность» [4, с. 231].

Крайне негативно жители МСП относятся к сплетникам, любителям пустых разговоров, на что указывает целый букет оценочных слов с этими значениями – *балака, било, барабушка, балазвон, балабонка, толкотуха, балазвонить, барабонить, белебенить, разбрехаться, телепать*, напр.: *Идитя, деўки,*

к Наськи: *эта **тылкатуха** вам многа наговорыць – во ужо брыхать любить* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); *Сыбярцуца бабы – вот **разбрыхаюцца**; ўсем дыстаніцца, такія сплетні!* (Викторово, Красн. Смл.); *Мужык **блябеніць** усякую чуюм, а вы яво на магнітахвон запісываіця* (Слобода, Мон. Смл.). Негативную коннотацию содержат оценочные слова со значениями ‘жадный, скупой’ – *бери-ха, жмут, жмак, жимоед, жадовать, жлобливый*, напр.: *Яго ва усёй дзярэўні знають, етыва **жымаеда** – ніколі нічога нікому ні даць* (Тростіно, Хот. Мгл.); *Шчас ні выйіна, а людзі **жлаблівыя** пашлі – зімой снега ні выпрасіш* (Звеннатка, Клим. Мгл.); ‘неряха, грязнуля, замарашка’ – *тупяшка, антряха, азмётка, трёпша, рохля, регоза, рахуба, аравливый, мурзатый, обварзопатся, обмурзепатся*, напр.: *Іде ты так вымазалася, **ригаза**? Ідзі памыйся* (Татарск, Мон. Смл.); *Якэй ты **мурзаты** увесь, у гязі **абварзонаўся*** (Нестерово, Мст. Мгл.); ‘пьяница, выпивоха’ – *жерло, туйбень, туйло, туз, рогатый, обандуриться, надмыдиться, нацудониться*, напр.: *Года тры як муй мужык стаў **туйбянём**, а раньшы ня піў – кажэ, жызнзя такая стала* (Полоньково, Клим. Мгл.); *Знову мужык прышоў **рагатый**, іде ён так націўся* (Сапрыновичи, Мст. Мгл.); ‘волочита, развратник’; ‘женщина легкого поведения’ – *бабнюк, распуста, балаховка, бикса, журжа*, напр.: *Грышка Моцькин **бабнюк** балшы, па деўкам бегая, дык сора і у вас будя* (Лобковичи, Крич. Мгл.); *Ня деўка, а **былахоўка** настыяция – да ўсех мужукоў чіпляцца* (Литвинова Буда, Ерш. Смл.); ‘избить, поколотить’: *жаргануть, отбузовать, отбатожиць, оттёпать, отметелить, оттузять*, напр.: *Усяка было. Было што і **жаргану** малаго хварасцінаю* (Ленино, Гор. Мгл.); *Во цяэ **адбузую** цябе, будзіш знаць як дражніць старых людзей* (Милейково, Мст. Мгл.); ‘обокрасть, разворовать’ – *обголить, разволочить*, напр.: *У нас учора мыгазін **абгалили** якая-та малыцы з Мінска* (Лобковичи, Крич. Мгл.); ‘обманывать, хитрить, лукавить’ – *басовать, басурманиць, обголошить, обдеюлить, очмудити*, напр.: *Во дачку **абгалышыли** на дваццять тысяч рублёў* (Ковшово, Мст. Мгл.); ***Ачмутили** мяне як паследняго дурня* (Бель, Крич. Мгл.).

Изложенный материал далеко не исчерпывает всех негативно-оценочных характеристик поведения, зарегистрированных на территории МСП, но рамки статьи не позволяют дать полное описание СГ.

СГ, содержащая характеристику по внешнему виду, по сравнению с предыдущей охватывает незначительное количество оценочных слов. В этой СГ негативная оценка выражена довольно слабо, поскольку в отличие от поведения физические особенности человека мало зависят от его воли и не могут измениться по его желанию. В данную СГ входят оценочные слова со значениями ‘высокорослый человек’ – *байдук, бамбиза, ахаха, бич, жердила*, напр.: *Твой Мишка во яки **байдук**, всё расце и расце, сора галавой у неба упрэцца* (Милейково, Мст.

Мгл.); ‘человек малого роста’ – *жак, карандуш, коротыга, недоросток*, напр.: *Батька муй жак быў і браты ўсе нударостки у батьку, а я вун яки жардила* (Н. Дедин, Клим. Мгл.); ‘толстый, неповоротливый человек’ – *берестень, жирия, тельпух, астатуй, руля*, напр.: *Во руля, як сядить, дык усю лаўку займеть* (Петровка, Ерш. Смл.); *Ну сколько ты будиш есци – ты ж и так жсыря* (Саприновичи, Мст. Мгл.); ‘больной, немощный человек’ – *трупехлый, квёлый*, напр.: *Плоха кали доўга мучыцца трупехлый чилавек, памёр бы ужо ды и ўсё* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.); ‘невзрачный, неказистый на вид’ – *абребала, аскарюзник, страшидла*, напр.: *Во аскарюзник пашо, страшидла, а жонка яво ничяво* (Соино, Хисл. Смл.).

Еще меньшее количество оценочных слов включает СГ, содержащая характеристику людей по умственным способностям. Негативно-оценочная коннотация разной степени содержится в словах со значениями ‘бестолковый, непонятливый человек’ – *разяпа, разевон, тулмань, балдава, безутолочный*, напр.: *Валька наш разяпа, саўсем нипанятливый* (Милейково, Мст. Мгл.); *Ни ўся ма-ладэж бязуталочная, есь многа талковых мальцоў и девачик* (Любавичи. Мон. Смл.); ‘глупый человек’ – *балдила, балдуи, обалдень, безум*, напр.: *Усякия дети у школы были – умныя и бязумы* (Звенчатка, Клим. Мгл.); ‘сумасшедший’ – *раздуренный, шалёный*, напр.: *Жыл у нас тут у дярэвни адин шалёнай чилавек, галава у яво была бальная* (Викторово, Красн. Смл.). Здесь можно отметить несколько положительно-оценочных слов с противоположным значением – ‘смышлелый, сообразительный, понятливый’ – *развытный, темливый, тямкий*, напр.: *Хадить к саседу, ён тямкий, наставникам работаў, многа вам параскажыць*. (Н. Домамеричи, Клим. Мгл.).

В целом по говорам МСП положительная экспрессия представлена слабо, однако лексика этой коннотации требует специального рассмотрения.

Литература

1. Галкина-Федорук, Е.М. Современный русский язык / Е.М. Галкина-Федорук, К.В. Горшкова, Н.М. Шанский. – М., 1962. – Ч. 1.
2. Князькова, Г.П. Русское просторечие второй половины XVIII в. / Г.П. Князькова. – Л., 1974.
3. Маслова, В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста : учебное пособие / В.А. Маслова. – Минск, 1997.
4. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996.
5. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык: лексика / Д.Н. Шмелев. – М., 1977.

2011 г.

ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ ДЕРИВАТЫ В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Говоры могилевско-смоленского пограничья (МСП) содержат богатейший лексический материал, отражающий все стороны жизни носителей этих говоров – производственную сферу и быт, особенности материальной и духовной культуры, обычаи и традиции, нравы и вкусы. Здесь также широко представлена эмоционально-экспрессивная лексика, с помощью которой жители указанного региона могут характеризовать человека по самым разным признакам и действиям в соответствии со своим представлением о том, «что такое хорошо и что такое плохо», могут выражать свое отношение к поведению человека, его характеру, внешнему виду, морально-этическим качествам, интеллектуальным способностям и др.

В говорах МСП эмоционально-экспрессивные слова – *экспрессивы* (по другой терминологии *эмотивы*)¹ объединяются в две обширные группы. Одну из них составляют слова, экспрессивно-оценочная коннотация которых мотивирована их семантикой. Такие слова уже сами по себе, в своем значении несут эмоционально-экспрессивный заряд и содержат компонент оценки, ср.: *балаки* ‘сплетни’, *жмоти* ‘малые дети’, *очеловечиться* ‘жениться’, *рюмзатъ* ‘плакать, хныкать’, *топы* ‘танцы’, *тряпы* ‘рваная, ветхая одежда’ и т. п.

Вторую группу составляют слова, в которых экспрессивно-оценочная коннотация достигается словообразовательными средствами – и прежде всего суффиксами субъективной оценки. Как известно, такие суффиксы «служат для образования форм существительных, качественных прилагательных и наречий с особой эмоционально-экспрессивной окраской и выражением отношения говорящего к предмету, качеству, признаку. Суффиксы субъективной оценки придают словам различные оттенки (ласкательности, сочувствия, пренебрежения, презрения, уничижения, иронии, также реального уменьшения или увеличения)» [7, с. 435]. В настоящей работе рассматриваются экспрессивы второй группы².

На способность суффиксальных морфем передавать оценочные отношения к предмету речи в сочетании с экспрессией и различными эмоциями говорящего указывают многие исследователи [4, 6, 8, 9] и авторы соответствующих разделов русских и белорусских академических грамматик [1, 5]. Особую роль суффиксов субъективной оценки при пере-

даче чувств говорящего отмечал академик В.В. Виноградов: «... при их посредстве выражаются самые разные оттенки экспрессии: сочувствие, ирония, пренебрежение, злоба, пестрая и противоречивая гамма эмоций и оценок» [3, с. 98]. Суффиксальные морфемы способны вносить оценочную коннотацию или усиливать имеющийся в слове оценочный компонент значения.

В говорах МСП экспрессивно-оценочные дериваты охватывают основные части речи – существительные (*бабёна, тухляк, халупина*), прилагательные (*болтовитый, болюшинный*), глаголы (*жевкануть, белебенить, тошновать*), наречия (*бегоком, близютко*).

Как показывают наблюдения, суффиксальные глагольные дериваты наименее экспрессивны; в большей степени по сравнению с глаголом экспрессивно-оценочное значение суффиксов проявляется у качественных прилагательных: здесь оценочный компонент суффикса, связанный с оценкой этого качества, входит в семантику прилагательного. Наиболее ярко возможность выражения экспрессивно-оценочной коннотации с помощью суффиксов проявляется при словообразовании существительных, поэтому в настоящей работе основное внимание уделяется описанию последних.

В.В. Виноградов раскрыл механизм развития экспрессивно-оценочной коннотации у существительных в русском языке. Он приводит схему присоединения экспрессивных суффиксов к основе существительного: 1) слово без суффикса субъективной оценки; 2) основа этого слова + уменьшительно-ласкательный суффикс (1-я степень оценки); 3) основа предшествующей уменьшительной формы + ласкательный суффикс (2-я степень). Значение во второй степени не уменьшительное, а ярко эмоциональное – ласкательное или пренебрежительное [3, с. 99].

Как и в любом восточнославянском языке, в говорах МСП в качестве мотивирующих слов производных оценочно маркированных существительных выступают глаголы, прилагательные, существительные. По характеру семантики производного слова среди имен существительных здесь явно преобладают дериваты со значением уменьшительности, мотивированные субстантивными основами. В говорах МСП широко распространены суффиксы *-ок-* *ровок, точок* (ум. к *ток*), *базок, блинок, жбанок*; *-к-* – *раечка* (ум. к *райка*), *бадейка, бадёнка* (ум. к *бадя, бадня*), *бубочка* (ум. к *бубка*), *озерко*; *-ик-* *рачики* ‘разновидность лаптей’ (ум. к *раки*), *божик* ‘маленькая икона’. Суффикс *-к-* в названиях животных и птиц нередко содержит ласкательную экспрессию, ср.: *баранька, тютька* ‘щенок’, *барька, баська*, ‘овца, баран’, *буська* ‘аист’ (бел. *бусел*). Мотивирующими

основами таких дериватов могут быть прилагательные, ср.: *рудька, рябка, белька* – о животных соответствующей масти. Уменьшительно-ласкательной экспрессией обладают суффиксы **-чик-** (*баранчик*), **-очк-/еchk-** (*брындочка, рыжечки* ‘рыжики’), **-ц-/ец-** (*блинец, беремцо, тепельце* ‘небольшой костер’), **-ушк-** (*жорушка, бёрнушко*), **-ул(я), -ун(я) -ус(я), -ульк-, -уськ-, -унык-** (*бабуля, бабуня, бабуся, бабулька, бабунька, бабуська*). Приведенные дериваты содержат положительную коннотацию, свойственную всем уменьшительным суффиксам.

В говорах МСП широко распространены оценочно маркированные существительные с общим значением ‘название лица’. Смоленский ученый Л.Г. Смирнова, изучающая возможности выражения в русском языке оценочного значения с помощью морфем, отмечает: «Среди всех словообразовательных значений максимально оценочным потенциалом обладает значение лица. Это может быть лицо – производитель действия (при образовании существительных от глаголов) или лицо – носитель признака (при образовании существительных от прилагательных)» [8, с. 294]. У существительных, мотивированных глаголом со значением «лицо – носитель процессуального признака», экспрессивно-оценочная коннотация достигается суффиксами **-енк-** (*брошенка* ‘брошенная мужем женщина’, **-ень-** (*блудень*), **-ук** (*ревук*), **-ух-** (*балбатуха*), **-их-** (*бериха, родиха*), **-як-** (*блуканья*). В приведенных дериватах отчетливо проявляется негативный оценочный компонент значения. От основ прилагательных существительные со значением «носитель признака» образуются с помощью суффиксов **-ух-** (*рыжуха, рябуха, большуха*), **-юк-/як** (*близнюк, близняк* ‘близкий человек’), **-к-** (*боязливка*), **-яшк-** (*беляшка*). У дериватов этого типа, за редким исключением (*боязливка, беляшка*), оценочная экспрессия проявляется слабо.

В говорах МСП содержится немало других суффиксов, способных вносить экспрессивно-оценочный компонент в семантику производного слова (*башковина, бульбаши, требухач, бензюк, бутяниха, трёпша, башковня, берёзухна, бобурка* и др.).

Экспрессивно-оценочные суффиксы далеко не равноценны по степени употребительности: одни из них имеют широкое распространение и на могилевской, и на смоленской территории, другие употребляются на территории одной из областей. Многие из этих суффиксов являются стилистическими маркерами разговорных и просторечных слов в русском и белорусском языках – либо в обоих языках (*зверина, брюхач, гуляка, хануга, злюка* и др.), либо в одном из них (русс. *зверёныш, кудряш, коротышка*; бел. *матухна, пісарчук, паляшук*).

Примечание

¹ Термин *экспрессив* был введен в научный оборот в 80-х гг. прошлого века, когда коннотативный аспект оказался в центре внимания исследователей. Наличие дублета *эмотив* свидетельствует о том, что эти термины до сих пор не получили полного признания.

² Экспрессивы первой группы описаны ранее, см.: Сузанович, В.Б. Экспрессивно-оценочная лексика могилевско-смоленского пограничья / В.Б. Сузанович // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: 25-летие экологических и социально-педагогических проблем в постчернобыльский период : сборник материалов международной научно-практической конференции. – Брянск : Изд. БГУ, 2011. – С. 347–351; а также В.Б. Сузанович. Эмоционально-экспрессивная лексика в говорах могилевско-смоленского пограничья / В.Б. Сузанович // Десятые Поливановские чтения: сборник статей по материалам докл. и сообщ. Ч. II. (Смоленск, 4–5 октября 2011 г.). – Смоленск : Маджента, 2011. – С. 88–93.

Литература

1. Беларуская граматыка : у 2 ч. – Ч. I : фаналогія, арфаэпія, марфалогія словаўтварэнне, напіск. – Мінск : АН БССР, 1985.
2. Белорусско-русский словарь : в 2 т. / ред. Кондрат Крапива. – 2-е изд. – Минск : БелСЭ им. П. Бровки, 1988–1989.
3. Виноградов, В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высш. школа, 1972.
4. Галант, С.А. О суффиксах субъективной оценки (на материале польского языка и смоленских говоров) / С.А. Галант // Слово: внутренняя и внешняя система. – Смоленск, 2005. – С. 61–66.
5. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М. : Наука, 1970.
6. Королькова, В.А. Эмоционально-оценочное пространство наименований носильных вещей в смоленских говорах / В.А. Королькова // Слово: внутренняя и внешняя система. – Смоленск, 2005. – С. 114–125.
7. Розенталь, Д.Э. Справочник лингвистических терминов : пособие для учителя / Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова. – М. : Просвещение, 1972.
8. Смирнова, Л.Г. Языковые средства выражения оценки на уровне морфем / Л.Г. Смирнова // Слово: внутренняя и внешняя система. – Смоленск : Изд. СмолГУ, 2005. – С. 281–301.
9. Щебникова, В.А. Экспрессивные наименования лиц мужского пола в смоленских говорах / В.А. Щебникова // Актуальные вопросы лексикологии в историческом и синхронном освещении : межвузовский сборник научных трудов. – Смоленск, 1995. – С. 95–100.

2011 г.

**СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНОЙ КОННОТАЦИИ
В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ**

Эмоционально-оценочная лексика в русском языке представлена словами, в которых номинативное значение сопровождается выражением оценки в сочетании с экспрессией и различными эмоциями говорящего. Эмоционально-оценочные слова занимают значительное место в лексической системе любого языка, поскольку они отражают в человеческой речи интеллектуальную, волевую и эмоциональную психику человека и на этой основе позволяют говорящему выражать свое отношение к названному словом предмету, явлению, признаку, действию. Эмоционально-оценочные слова функционируют прежде всего в сфере живого общения людей – в общедно-бытовой и диалектной речи. Устная форма существования диалекта, не сдерживаемая нормами письменной речи, повышает потенциал эмоционально-оценочной лексики. Содержание эмоциональной оценки всегда представляет собой позитивное или негативное чувство (одобрение, восхищение, удовлетворение, пренебрежение, презрение и др.), испытываемое субъектом оценки (говорящим) к объекту оценки (предмету речи).

Эмоционально-оценочные средства языка реализуются на уровне лексики, словообразования, синтаксиса. Наиболее богатыми средствами выражения оценки в сочетании с экспрессией и различными эмоциями говорящего обладают морфемы – приставки и суффиксы. Морфемы способны вносить оценочную коннотацию или усиливать уже имеющийся в слове оценочный компонент значения. В подавляющем большинстве случаев «та или иная конкретная оценка формируется взаимодействием оценочного компонента семантики мотивирующего слова и словообразовательной морфемы» [3, с. 300]. Приставки, в отличие от суффиксов, имеют слабо выраженную собственную коннотацию семантики; как правило, они количественно изменяют оценочный компонент значения, который содержится в лексическом значении мотивирующего слова, ср.: русск. *посуше, предобрый, раскрасавица*; бел. *бязмежжа, паболей, прамудры*; диал. *безлюди, подалёко* ‘далековато’, *раскваса* ‘плакса’, *размилый*. В большей мере оценочное значение выражается с помощью суффиксов. Суффикс – максимально загруженная в семантическом отношении морфема; он придает слову экспрессивность, органически связанную с оценочностью. Важная роль в этом процессе отводится суффик-

сам субъективной оценки, которые обладают широкими возможностями соединения с основами, имеющими различную степень и качество собственной оценочности. Особую роль суффиксов субъективной оценки при передаче чувств говорящего отмечал акад. В.В. Виноградов: «... при их посредстве выражаются самые разные оттенки экспрессии: сочувствие, ирония, пренебрежение, злоба, пестрая и противоречивая гамма эмоций и оценок» [1, с. 98]. В данной статье рассматриваются суффиксальный способ выражения эмоционально-оценочной коннотации в говорах могилевско-смоленского пограничья (МСП).

Территория МСП в силу своего географического положения является своеобразным ареалом, в котором объединяются белорусский и русский этносы с их традициями, сложными историческими судьбами, многовековыми политическими, экономическими и культурными связями. Несомненно, все это нашло отражение в языке указанного региона: в говорах МСП, которые мы квалифицируем как переходные белорусско-русские (русско-белорусские), на всех уровнях языка органически сочетаются белорусские и русские элементы. С учетом сказанного суффиксальные эмоционально-оценочные дериваты МСП целесообразно рассматривать в сопоставлении с аналогичными дериватами русского и белорусского языков.

На территории МСП слова с суффиксами субъективной оценки имеют широкое распространение. С их помощью жители указанного региона могут характеризовать человека по самым разным признакам и действиям, выражать свое отношение к его поведению, характеру, внешнему виду, морально-этическим качествам, интеллектуальным способностям и др. В составе эмоционально-оценочной лексики МСП выделяются слова с характерной эмоциональной оценкой (положительной, негативной), проявляющейся во всех случаях употребления слова (константная эмоционально-оценочная лексика), и слова, эмоциональная оценочность которых проявляется лишь в определенных условиях общения (ситуативная эмоционально-оценочная лексика). Слова с характерной постоянной оценкой однозначно понимаются всеми носителями говора, ср.: *бысенька* ‘молодой бычок’, *кисуля*, *тепельце* ‘небольшой костер’ – уменьшительно-ласкательные слова с компонентом положительной оценки; *толкатуха*, *балдила*, *лопун* ‘обжора’ – слова с негативно-оценочным компонентом значения. Для лексики второй группы характерна широкая гамма эмоциональной оценочности: в этих словах, обозначающих предмет, явление, признак, действие, одновременно выражается отношение к нему – презрительное, грубое, ироническое, ласкательное и др. Ситуативная оценочность в них может меняться в зависимости от обстановки, настроения, эмотивного состояния, личностных особенностей говоря-

щего и его собеседников. Ситуативно-оценочный потенциал таких слов реализуется в контексте, ср.: *Той дед сам **бинзюк**, дык стольки девак папортиў, па ўсім сяле **бинзюкоў** раскидаў* (Лобковичи, Крич. Мгл.) – негативно-оценочный компонент значения с оттенком презрения; *Абмануў паринь нашу саседачку и кинуў, а Мишка цяпер **бинзюком** ходить – харошы хлопчык* (Н. Дедин, Клим. Мгл.) – положительно-оценочный компонент значения с оттенком сочувствия; *Іна гуляла пры жывом мужыке, патаму и **разводка*** (Полошково, Клим. Мгл.) – оттенок презрения с негативно-оценочным компонентом значения; *Такая малодинькая, а ужэ **разводка**, яе мужык бросиў, з двама дзітамі аставиў* (Татарск, Мон. Смл.) – положительно-оценочное отношение с элементом сочувствия; *Яще нидаўна усе былі **бязверкамі**, а цяпер усе да Бога пыдалісь* (Домамеричи, Клим. Мгл.) – негативно-оценочный компонент значения с оттенком осуждения; *Наш прицыдатыль хуть и **бизверак**, а стольки дабра у дзярэвни зделаў, царкву пастроиў* (Любавичи, Мон. Смл.) – положительно-оценочный компонент значения с оттенком удовлетворения, благодарности.

Наличие константной и ситуативной эмоционально-оценочной лексики характерно также для русского и белорусского языков. В нормативных русских и белорусских словарях константная эмоционально-оценочная лексика отражается по шкале оценок говорящим различных параметров предмета речи, адресата или высказывания (*ласк., неодобр., ирон., презр., пренебр., унич.* и т. п.) [2, с. 74]. Ситуативная оценка традиционно не находит отражения в словарях.

Суффиксальные эмоционально-оценочные дериваты МСП охватывают основные части речи – существительные (*жирёха, надутик, халутина*), прилагательные (*трупехлый, лаптеватый, обсмейливый*), глаголы (*беганюгать, жевкануть, тошновать*), наречия (*бегоком, близюнечко, теперся*). Как показывают наблюдения, суффиксальные глагольные дериваты наименее экспрессивны; оценочный компонент производного глагола «наследуется» от мотивирующего слова, ср.: *бабиться* ‘вести себя как женщина’ (о мужчине), *байбачить* ‘бездельничать’, *тулманить* ‘объяснять, толковать’. В большей степени по сравнению с глаголом экспрессивно-оценочное значение суффиксов проявляется у качественных прилагательных: здесь оценочный компонент суффикса связан с оценкой этого качества и входит в семантику прилагательного. В отдельных случаях суффиксы субъективной оценки производных прилагательных отражают высокую степень проявления признака, ср.: *большинный, белюсенький, богатенный*. В русском и белорусском языках градационное значение оценочных суффиксов качественных прилагательных представлено шире,

ср.: русск. *худой* – *худенький* (положительно-оценочная коннотация) – *худоватый* (слабая степень проявления признака) – *худощавый* (умеренная степень проявления признака) – *худющий* (усиленная степень проявления признака); бел. *тоўсты* – *тоўсценькі* – *таўставаты* – *таўшчэзны*.

Так же, как в русском и белорусском языках, в говорах МСП возможность выражения эмоционально-оценочной коннотации с помощью суффиксов наиболее ярко проявляется в словообразовании существительных. В качестве мотивирующих слов для производных оценочно-маркированных существительных выступают глаголы, прилагательные, существительные. Среди словообразовательных значений существительного наибольшим оценочным потенциалом обладает значение лица. На территории МСП весьма многочисленны отглагольные существительные со значением ‘лицо – носитель процессуального признака’, у которых эмоционально-оценочная коннотация достигается суффиксами **-ун** (*зевун*, *лопотун*, *кипун* ‘рева’), **-л-** (*жерло* ‘ожора, пьяница’, *ревло* ‘рева’), **-их-** (*задириха*, *замазиха*), **-ух-** (*завируха* ‘враль’, *болботуха* ‘болтун, пустозвон’), **-ёх-** (*забрёха* ‘враль’), **-ень-** (*лежень* ‘лентяй, лежебока’, *блудень* ‘праздношатающийся’), а также нулевым суффиксом (*замаза*, *заскока*, *ковила* ‘хромоногий’, *метуса*, *наброда* ‘приезжие люди, чужаки’). От основ прилагательных эмоционально-оценочные существительные со значением ‘лицо – носитель признака’ образованы с помощью суффиксов **-ух-** (*бездетуха*, *большуха* ‘рослая девочка’, *горькуха* ‘горемыка’, *зеленуха* ‘малолетка’), **-к-** (*боязливка*), **-як/-юк** (*тухляк*, *близняк* и *близнюк* ‘родственник, близкий человек’), **-юг-** (*грязнюга*), **-ун** (*красун*, *большун*), **-яшк-** (*беляшка* ‘о светловолосом ребенке’), а также с помощью нулевого суффикса (*настыра*, *нахаба*, *недоступ*). Как показывают примеры, суффиксы дериватов этого типа усиливают оценочный компонент, содержащийся в мотивирующем прилагательном. Субстантивные эмоционально-оценочные дериваты со значением лица в говорах МСП довольно редки; здесь можно выделить слова, называющие лицо, обозначенное по интенсивно выраженному телесному признаку. Эти слова, образованные с помощью суффиксов **-ан/-ач** (*требухан*, *грибан* ‘человек с толстыми губами’; *бельмач*, *лобач*, *носач*, *требухач*), сочетают компонент негативной оценки с оттенком иронии.

В говорах МСП дериваты с этими эмоционально-оценочными суффиксами составляют наиболее многочисленную группу эмоционально-оценочных слов и выражают «пеструю и противоречивую гамму эмоций и оценок», которую отмечал В.В. Виноградов. Все это требует специального рассмотрения, но рамки статьи не позволяют дать полное описание этого пласта эмоционально-оценочной лексики.

Приведенные выше слова с эмоционально-оценочными суффиксами далеко не равноценны по степени распространенности: одни из них широко распространены и на могилевской, и на смоленской территории, другие употребляются на территории одной из областей. Подавляющее большинство отмеченных здесь суффиксов являются стилистическими маркерами разговорных и просторечных слов в русском и белорусском языках. Изучение этого материала открывает большие возможности для сопоставительного описания русской, белорусской и диалектной морфемики.

Литература

1. Виноградов, В.В. Русский язык: грамматическое учение о слове. / В.В. Виноградов. – 2-е изд. – М. : Высш. школа, 1972.
2. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка : проспект. – М. : Русские словари, 1995.
3. Смирнова, Л.Г. Языковые средства выражения оценки на уровне морфем / Л.Г. Смирнова // Слово: внутренняя и внешняя система. – Смоленск : Изд. СмолГУ, 2005. – С. 281–301.

2012 г.

И.Н. Лапицкая

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

В составе диалектной лексики могилевско-смоленского пограничного региона, как и в литературных русском и белорусском языках, существует большое количество эмоционально окрашенной оценочной лексики, образование которой связано с метафорическим переносом наименований. Особый интерес представляют диалектные метафоры, значения которых обращены к человеку. Подобного рода метафорические единицы иллюстрируют собой антропоцентрическую направленность метафоризации – наименование человека именами других объектов с целью его эмоционально-оценочной характеристики.

Антропоцентрическая метафора базируется на образном складе народного мышления и является результатом постепенного накопления информации, закрепления определенных смыслов за наименованиями каких-либо предметов, существ в процессе формирования коллективных языковых представлений.

Источником языкового материала послужил электронный вариант «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров», подготовлен-

ный преподавателями Могилевского государственного университета имени А.А. Кулешова.

Анализ диалектного языкового материала показывает, что в говорах могилевско-смоленского пограничья номинации, относящиеся к образной характеристике человека, создаются, как правило, по следующим метафорическим моделям: «животное → человек» (*рудка* 1) ‘корова, лошадь рыжей масти’, 2) ‘рыжеволосый человек’); «предмет → человек» (*дерюга* 1) ‘грубое самотканое одеяло, сшитое в виде мешка из двух полотнищ’, 2) ‘о толстом человеке’); «растение → человек» (*беляшка* 1) ‘гриб волнушка белая’, 2) ‘о светловолосом, белокуром ребенке’); «человек → человек» (*байдус* 1) ‘крупный, здоровый ребенок, подросток’, 2) ‘лентяй, бездельник, лежебока’).

В основе метафорического переноса наименования лежат разнообразные мотивационные признаки. Например, у существительных, принадлежащих к семантической сфере «предметы обихода», основанием для метафоризации могут служить внешний вид предмета (*глёк* 1) ‘глиняный кувшин с узким горлом’, 2) ‘толстый человек; толстяк’), его свойство (*барбол* 1) ‘колокольчик, привязываемый на шею скотине’, 2) ‘болтун, краснобай’) или значимость (*гнилушка* 1) ‘старое, ветхое жилище; халупа’, 2) ‘хилый, болезненный человек’).

Антропоморфная метафора отличается богатством семантических оттенков, характеризующих разнообразные стороны личности человека: его внешний облик (*кавэшка* 1) ‘жирная курица’, 2) ‘о полном, тучном человеке; *горбыль* ‘небольшая возвышенность, пригорок, холм’, 2) ‘горбатый или сутулый человек’); психические свойства (*бандура* 1) ‘длинная дубовая лавка’, 2) ‘об упрямом человеке’); интеллектуальные качества (*балдава* 1) ‘трость с набалдашником’, 2) ‘о бестолковом, глуповатом человеке’).

Как видно из уже приведенных примеров, подобного рода словам-характеристикам присуще наличие, помимо денотативного, коннотативного компонента в структуре значения. При этом подавляющее большинство диалектных метафор демонстрируют преобладание отрицательной, пейоративной оценки над положительной, мелиоративной. Вместе с тем, следует отметить, подобное преобладание негативной оценки личностного типа является отличительной чертой метафорических номинаций человека не только в говорах могилевско-смоленского пограничья, это «языковая универсалия» [1, с. 63]. Положительные качества как будто не замечаются субъектами номинации, поскольку воспринимаются как норма. Отклонения же от нее оцениваются отрицательно, что и находит отражение в семантике диалектных метафор.

В свою очередь метафорические номинации пейоративной оценки обнаруживают большое семантическое разнообразие и языковую устойчивость. Например, отрицательно могут оцениваться такие внутренние и внешние качества человека, как глупость (*балдаवेशка* 1) ‘обрубок дерева, бревна; чурбан’, 2) ‘обгоревшее полено, головня’, 3) ‘голова’, 4) ‘о бестолковом, глуповатом человеке’); лень (*абалок* 1) ‘куча земли’, 2) ‘количество груза, которое может поместиться на одном возу’, 3) ‘ленивый человек, увалень’); болтливость (*балабайка* 1) ‘балалайка’, 2) ‘болтун, пустозвон’); сварливость, придиричивость (*бубнила* 1) ‘человек, играющий на бубне’, 2) ‘ворчун, бормотун, брюзга’); грубость (*рюховка* 1) ‘свинья’, 2) ‘о грубом, невоспитанном человеке’); злость, вспыльчивость (*биток* 1) ‘яйцо, которым бьются в пасхальных играх’, 2) ‘драчун’); жадность (*бериха* 1) ‘женщина, теребящая вручную лен’, 2) ‘о жадном, скупом человеке’); ненасытность (*мялица* 1) ‘самодельный деревянный станок, на котором мяли лен или коноплю’, 2) ‘обжора’); упрямство (*бутян* 1) ‘аист’, 2) ‘об упрямом, своевольном человеке’); легкомысленность (*пустушка* 1) ‘непаханая, не подвергавшаяся обработке земля, целина’, 2) ‘неплодородная земля’, 3) ‘несамостоятельный, легкомысленный человек’); неряшливость (*отопок* 1) ‘сношенная обувь’, 2) ‘неряха, грязнуля’); медлительность, нерасторопность, бестолковость (*остатуй* 1) ‘истукан’, 2) ‘о неповоротливом, медлительном человеке’); *гламзда* 1) ‘плохо, кое-как сделанная вещь’, 2) ‘растяпа’); иждивенство (*хлебник* 1) ‘пекарь’, 2) ‘тот, кто развозит хлеб по деревням’, 3) ‘емкость для хранения хлеба; хлебница’, 4) ‘нахлебник’).

Подвергаются порицанию и некоторые физические качества, объективно не являющиеся отрицательными, но проявляющиеся избыточно, а именно: чрезмерная худоба или полнота (*хлобостина* 1) ‘прут, хворостина’, 2) ‘высокий, худой человек’); *пехтерь* 1) ‘веревочная сетка, в которую накладывали сено’, 2) ‘о толстом человеке’); чрезмерно высокий рост (*поплетина* 1) ‘длинная жердь’, 2) ‘человек высокого роста’); внешняя непривлекательность (*рябуха* 1) ‘рябая курица’, 2) ‘женщина с лицом, усеянным веснушками’); сухость, немощность (*трухлѣ* 1) ‘сухое, сгнившее дерево’, 2) ‘болезненный, слабый, немощный человек’).

Анализ диалектного лексического материала показывает, что наиболее часто человек осуждается по таким личностным качествам, как отношение к труду (в говорах отмечается большое количество слов для номинации ленивого человека), отношение к материальному миру (осуждается неряшливость и жадность). Большим числом лексем представлены также характеристики глупого, тучного, медлительного и болтливового человека.

Обращает на себя внимание активное использование в качестве антропоцентрических метафор диалектной лексики, принадлежащей к тематической группе «дерево / часть дерева / изделия из дерева»: *тельтух* 1) 'колода', 2) 'толстый', неуклюжий человек; увалень; *баклуша* 1) 'обрубок дерева, чурка', 2) 'лентяй, бездельник'; *осколёпок* и *осклёпок* 1) 'древесная щепка', 2) 'недотепа'; *бирюлька* 1) 'деревянная застёжка', 2) 'непостоянный, ветреный, легкомысленный человек'; *трепышка* 1) 'деревянная лопатка для трепания льна, волокна; колотушка', 2) 'приспособление для затачивания косы'; 3) 'болтун, пустослов'; *рассоха* 1) 'рабочая часть сохи в виде деревянного бруса с изогнутыми и раздвигающимися концами, на которые набивались сошники', 2) 'разновидность сохи', 3) 'неловкий, неуклюжий человек' и др.

Мелиоративный характер оценки свойствен лишь небольшому количеству слов, например: *аксамитка* 1) 'ткань бархат', 2) 'изделие из бархата', 3) 'о красивой девушке'; *анчутик* 1) 'нечистая сила, черт, бес', 2) *шутл.* 'маленький ребенок'; *бабушечка* 1) 'булка, лепешка из муки; пампушка', 2) 'о полном, упитанном ребенке' и др.

В целом, изучение данного разряда диалектных лексических единиц способствует выработке научного представления о многоаспектной природе слова, а сами метафорические номинации лица выступают как оригинальный материал для осмысления материальной культуры человека, его мировосприятия, интеллектуальной и эмоциональной жизни.

Литература

1. Лукьянова, Н. А. Лексика современных говоров как объект изучения : учебное пособие / Н. А. Лукьянова. – Новосибирск : Новосибирский университет, 1983.

2013 г.

В.Б. Сузанович

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Как известно, Могилевская и Смоленская земли в своем историческом прошлом пережили много общего. До XIV в. эти земли входили в состав русских княжеств. После захвата литовскими феодалами земель Юго-Западной Руси Могилевская волость стала владением сначала литовских князей, а с 1386 г. – польских королей. В составе Польско-Литовского княжества Могилевщина оставалась до 1772 г. (до первого раздела Речи

Посполитой), затем она снова вошла в состав России¹. Смоленское княжество находилось во владении Великого княжества Литовского с 1404 по 1514 г., затем в составе Московского государства. Однако после Смоленской обороны 1609–1611 гг. Смоленская земля была захвачена Польшей и возвращена России в 1667г. по Андрусовскому перемирию [1, с. 619, 621].

Общая судьба Могилевской и Смоленской земель способствовала постоянному сближению братских русского и белорусского народов и их языков. Такому сближению содействовало и неоднократное перемещение границ между РСФСР и БССР в первые годы после революции. Известно, что до 1924 г. бывшая Могилевская губерния входила в состав РСФСР; окончательные границы между Могилевской и Смоленской областями утвердились лишь в 1938 г. с образованием Могилевской области [2, с. 389; 3, с. 382]. В наши дни жители приграничных районов Могилевской и Смоленской областей поддерживают тесные контакты друг с другом, особенно обширны и многогранны они, когда расстояние между соседними русской и белорусской деревнями составляет всего 2–3 километра. В таких условиях русские и белорусские диалекты сближаются настолько, что порой их невозможно отличить друг от друга.

Исторически вполне закономерно, что говоры могилевско-смоленского пограничья содержат в себе черты как русского, так и белорусского языка², однако в настоящее время мы не только не можем со всей определенностью ответить на вопрос, какой язык – русский или белорусский – составляет основу этих говоров, но даже не располагаем данными о соотношении в этих говорах русских и белорусских элементов. Это объясняется тем, что говоры могилевско-смоленского пограничья (в дальнейшем изложении МСП) до сих пор не подвергались всестороннему изучению.

В настоящей работе делается попытка рассмотреть фразеологические единицы (ФЕ), распространенные в говорах МСП, с точки зрения соотношения в них русских и белорусских элементов. Данная работа строится на материале, собранном студентами Могилевского пединститута в пограничных районах Могилевской и Смоленской областей во время диалектологических экспедиций 1981–1984 гг.³ Наблюдения показывают, что в отношении употребления фразеологизмов говоры смоленского пограничья почти не отличаются от говоров могилевского пограничья; это дает нам основание не разграничивать ФЕ, бытующие на Могилевщине, и ФЕ, бытующие на Смоленщине, а рассматривать их вместе.

Фразеологический арсенал говоров МСП довольно разнороден, он включает в себя наслоения различных степеней, отражающие многогранное влияние русского и белорусского языков. Попытаемся выделить некоторые пласты таких наслоений.

1. ФЕ, общие для русского и белорусского литературных языков: *в люди выйти, волком выть, на роду написано, ни кола ни двора, поставить на ноги* (кого-л.), *сердце кровью обливается* и др. Приведем примеры употребления этих фразеологизмов в говорах нашего региона: *Дятей у мяне шэсць и ўсі жывыя, слава богу, астались. Усі ўжо ў людзі выйшлі* (Селец, Мст. Мгл.); *Хызяина забрали, а мяне пакинули. Воўкам была* (Ленино, Гор. Мгл.); *Работыли крепка, **поставили** калхоз на ноги* (Б. Рубановка, Мст. Мгл.); *Вярнуўся да хаты, а тут **ни кола ни двора*** (Конюхи, Гор. Мгл.); *Адно горя мне **на раду написана*** (Логвиново, Гор. Мгл.); *Як **устала на ноги**, дык на сябе хызяйства ўзвалила* (Мойсеево, Гор. Мгл.). Перечисленные ФЕ зафиксированы в русских и белорусских нормативных словарях, а потому они не нуждаются в дальнейших комментариях. В нашем материале эта группа фразеологизмов наиболее многочисленна.

2. ФЕ, употребляющиеся в русском литературном языке, при отсутствии адекватных параллелей в белорусском: *горем убитый* (ср. бел. *прыгнечаны горами*), *золотая свадьба* (ср.: бел. *залатое вяселле*), *не покладая рук* (ср. бел. *не апускаючы рук*), *не приведи господь* (ср.: бел. *барані бог*), *хлебнуть горя* (ср.: бел. *хапіць, зазнаць, паспытаць гора*), *приползти на карачках* и др.: *Была я дужа **горам убитая*** (Котелево, Гор. Мгл.); *У яго жонка была сэрцам бальная. **Прыпаўзла на карачках** да нас ды и памёрла* (Шелохановка, Гор. Мгл.); *У вайну вот так **горя хлябнули*** (Костюшково, Гор. Мгл.); *Тады было дужа плоха. Хто жыў бедна, той и работаў **ни покладая рук*** (Ленино, Гор. Мгл.); *Сабіралісь справіць **залатую свадьбу** – года **ни дажыў*** (Березетня, Мст. Мгл.). Все эти ФЕ не находят отражения в белорусских нормативных словарях, их распространение на Могилевщине объясняется, по всей вероятности, влиянием русского языка.

3. Народно-разговорные ФЕ, общие для русского и белорусского языков: *гулять свадьбу, давать гастролы, дать дуба, бегать за девушками, на том свете, на своих колесах, по сердцу ножом резать, сердце посадить, страху набраться* и др.: *Як **дали гастролы**, так увесь ячмень сняли* (Жевлачевка, Гор. Мгл.); *Свинка у нас была. Выюном бегала ли яе, а яна ўсядно **дуба дала*** (Селец, Мст. Мгл.); *Пан жыў адзін, дык за **дзеўкамі бегаў*** (Лужки, Мст. Мгл.); *Кали немцы ехали назад, курэй, парасят рэзали. **Страху набраліся*** (Бель, Крич. Мгл.). Указанные фразеологизмы, как правило, не фиксируются словарями, однако они хорошо известны каждому носителю русского или белорусского языка.

4. Белорусские народно-разговорные ФЕ, неизвестные (или почти неизвестные) русскому языку: *хоць гвалту крычы* (ср.: рус. *хоть*

караул кричи), *крычаць гвалтам* (ср.: рус. *орать* *благим матом*), *сэрца сціснулася* (ср.: рус. *сердце сжалось*) и др.: *Мужык быў на вайне. Яму нагу паранила. Троху пажыў і памёр, а я з дзіцямі асталася, **хоть гвалту крычы*** (Коровяки, Гор. Мгл.); *Калі ў дэда ногі забалаць, то ён **крычыць гвалтам*** (Лужки, Мст. Мгл.); *Ишоў ён (волк) ды і астанавіўся. І так завяў, што ў мяне аж **сэрца сціснулася*** (Ст. Прибужье, Гор. Мгл.).

Перечисленные группы ФЕ входят во фразеологический арсенал говоров МСП либо как общевосточнославянские элементы, либо как достояние одного из языков – русского или белорусского. Вместе с тем на данной территории встречаются ФЕ, присущие лишь данным говорам и созданные под влиянием русского или белорусского языка. Отметим некоторые из них.

1. ФЕ, созданные под влиянием русского языка: *богу грэшыць* – ‘жаловаться’, *завести дело* – ‘свататься’, *по кускам ходіць* – ‘побираться’, *закидываць зайца* – ‘подносить чарку водки’, *брюхо дерет* – о пустом, голодном желудке и др. *Хазяин мой быў дужа няўдалый, бували дні, што і біў мяне, ды ня так ужо многа. Мне яшчэ нечага **богу грашыць*** (Бродок, Хот. Мгл.); *Я любілася з Тимахвеем, а тата **завёў дела** з другим чалавекам* (Макаровка, Хот. Мгл.); *Ести ни было чаво, **брюшку драла*** (Шейно, Хисл. Смл.); *Тяпер як ідуць расписвацца, так усим дастаюць вотки, **закидывают зайца*** (Ботвиньево, Мст. Мгл.); *Жыли мы сразу и на банях, и на анбарах, и **на кусках, прихадилась, хадили*** (Ляды, Ерш. Смл.).

2. ФЕ, созданные под влиянием белорусского языка: *Хазяин памёр. **З голаду зайшоўся*** (Староселье, Гор. Мгл.); ***Хадили на ходьбы*** (т. е. побирались), *ни атказвалі люди* (Сысоево, Гор. Мгл.); *Паехалі – **скацёркай нагу ўкручвалі*** (Шелохановка, Гор. Мгл.); ***Жыву як гарох пры дарогі*** (там же).

3. На данной территории отмечаются также фразеологизмы-переделки, представляющие собой переосмысления известных ФЕ на почве народной этимологии: *работатъ как волк* (ср.: *работатъ как вол*), *в тесноте не в кривоте* (ср.: *в тесноте, да не в обиде*), *плести чушь* (ср.: *нести чушь*), *погиб без вести* (ср.: *пропал без вести*) и др.: *Няньчу ўнукаў, **работую як воўк*** (Дружная, Хот. Мгл.); ***В теснате ни в кривате, можна пражыць*** (Макаровка, Хот. Мгл.); ***У нас тут мешань, хто як гаворыць. Смаляки **плятуть чусь***** (Костюшково, Гор. Мгл.); ***Мой хызяин **пагиб без вести***** (Первомай, Красн. Смл.).

Последние три группы, по всей вероятности, можно отнести к региональным фразеологизмам, возможно, некоторые из них (см. п. 3) носят окказиональный характер.

Итак, изучение ФЕ, распространенных в говорах МСП, позволяет предположить, что основной фразеологический фонд этих говоров составляет общеславянские и восточнославянские фразеологические обороты, одинаково присущие русскому и белорусскому языкам. Сравнительно небольшая часть фразеологизмов возникла под влиянием одного из языков – русского или белорусского. Как показывает анализ, соотношение русского и белорусского влияния в процессе создания ФЕ приблизительно одинаково. Этот процесс продолжается и поныне: региональные и окказиональные фразеологические новообразования создаются под влиянием как русского, так и белорусского языка.

Примечания

¹ Излагаемые здесь сведения почерпнуты из разных томов БСЭ.

² В данной работе не рассматривается влияние польского, литовского, украинского и других языков.

³ Нами обследовано около 60 населенных пунктов, из них 15 в Смоленской области.

Литература

1. Большая советская энциклопедия : в 28 т. – 3-е изд. / гл. ред. А.М. Прохоров. – М. : Сов. энцикл., 1970–1978. – Т. 16. – 1974.
2. Большая советская энциклопедия : в 28 т. – 3-е изд. / гл. ред. А.М. Прохоров. – М. : Сов. энцикл., 1970–1978. – Т. 23. – 1976.
3. История Белорусской ССР : в 4 т. – Минск, 1961. – Т. 2.

1988 г.

Л.И. Шаповалова

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

В зоне могилевско-смоленского пограничья исторически сложился лингвистический ареал, не совпадающий с русско-белорусскими языковыми и национальными границами *. Основными факторами, определяющими формирование этого ареала, явились исторические геополитические сдвиги в результате многовекового противостояния Польско-Литовского и Московского государства, этнический состав населения (смешанный белорусско-русский; локальные и «рассеянные» поселения поляков), специфика белорусско-русско-польских языковых контактов.

* Характеристику говоров могилевско-смоленского пограничья см. Сузанович 1993 (с. 13–15 настоящего издания).

В пределах могилевско-смоленского лингвистического ареала сложились относительно однородные говоры, которые белорусские лингвисты-ареологи (С.М. Прохорова, В.Б. Сузанович) считают переходными, т.к. здесь происходит интерференция языковых систем – белорусский и русской.

Фразеологический фонд говоров могилевско-смоленского пограничья (ГМСП) отражает результаты белорусско-русского языкового взаимодействия и хранит следы польского влияния, имевшее место при формировании данного ареала.

Фразеологические единицы (ФЕ) переходных могилевско-смоленских говоров и соотносительные русские и белорусские фразеологизмы имеют общие компоненты, выраженные словами с затемненным значением и этимологией (некротизмами). Такие компоненты свидетельствуют об общих периодах развития языков или о межъязыковых контактах.

А.С. Аксамитов приводит ряд белорусских и русских фразеологизмов, имеющих узкое инвариантное значение ‘бездельничать’ и построенных по продуктивной модели «стержневое слово бить + существительное-некротизм во множ. числе» [1, с. 209]. И.Я. Лепешев считает, что глагольный компонент таких ФЕ «семантически пустой, вспомогательный, а субстантивный выполняет смыслообразующую функцию»¹ (перевод наш – авт.).

БЯ біць лынды+брынды+балды+байды+бібікі+ –

РЯ бить ланды+брынды+балды+байды+ – +баклуши
баклушки

ГМСП бить лынды+брынды+балды+байдики+ бизики+баклонки
рынды байды

Существительное *лынды* в белорусском литературном языке не употребляется, но оно сохранилось в белорусских юго-западных говорах со значением ‘ноги’. По мнению И.Я. Лепешева, именно в этих говорах возникла ФЕ *лынды біць*, получив первоначально то же значение, что и фразеологизм *ногі біць* – ‘хадзіць без карысці’, что подтверждается зафиксированным в белорусских толковых словарях разговорным глаголом *лындаць* ‘хадзіць без карысці’. Позже в литературном языке этот фразеологизм приобрел и значение ‘бездельничать’. Фразеологизм *лынды бить* И.Я. Лепешев считает белорусским, но в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (СД) дан русский диалектный глагол *лындать* ‘скитаться без дела’ и существительное *лында* ‘лентяй’. Следовательно, эта ФЕ могла возникнуть и в русском языке, хотя здесь у нее иная внутренняя форма. В ГМСП фразеологизм *лынды бить* мог прийти как

из белорусского, так и из русского языка вследствие их интерференции в данном лингвистическом ареале.

Существительное *брында* и фразеологизм *брынды бить* восприняты и русским, и белорусским языком из условно-профессионального языка ремесленников-шерстобитов, где *брындой* назывался инструмент, которым отбивали сложенную слоями влажную шерсть при изготовлении войлока. В ГМСР употребляются ФЕ с субстантивным компонентом *брынды* и *рынды*.

Опираясь на показания СД, можно допустить, что ФЕ *рынды бить* вошла в жаргонной речи моряков из профессионального выражения *бить рынду* – ‘отбивать полдень тремя ударами колокола – рынды’, т. к. оно допускает мотивацию, которая регулярно реализуется при образовании единиц данного фразеологического ряда: *делать работу, не требующую практических навыков или физического напряжения* → *бездельничать*. Однако уместно предположить, что в ГМСР слово *рынды* является фонетическим вариантом компонента *брынды*, который возник в результате типичной для диалектов утраты первого звука начального сочетания согласных.

Значение некротического субстантивного компонента фразеологизма *балды бить* «проясняется» в СД, где указывается, что в русских говорах существительные *ба́лда* и *балда́* имеют разные значения: ‘большой молот, кувалда’, ‘увесистая деревянная колотушка’, ‘трамбовка, ручная баба’ и переносное значение ‘болван, балбес’, ‘дурак, тупица’. В ГМСР слово *балда* употребляется со значением ‘толстая палка, дубина’. Следовательно, ФЕ *балды бить* имеет двойную мотивацию: 1) *делать работу, не требующую практических навыков* → *бездельничать* и 2) *ничего не делать из-за умственной отсталости* → *бездельничать*. В ГМСР фразеологизм включает акцентологические варианты *ба́лды* и *балды́*.

И.Я. Лепешев считает фразеологизм *байды бить* общим для белорусского и украинского языков (в последнем есть и выражение *байдики бити*) и указывает, что устаревшее слово *байда*, как и родственное ему *байдик*, служили наименованием речных судов на Днепре и его притоках. В этимологической версии И.Я. Лепешева просматривается мотивация, типичная для единиц данного фразеологического ряда: *выполнять работу, не требующую значительных физических усилий* → *бездельничать*. В ГМСР сохранилось существительное *байд* – ‘рыбачья лодка’, поэтому можно предположить, что здесь фразеологизм *байдики бить* имеет белорусское происхождение, т. к. субстантив *байдики* может быть словообразовательным вариантом *байды* (ср. с укр. *байдики бити*, белорусская параллель которого, видимо, утрачена). Но в СД приводится южнорусский диалектизм *байдáк*, *ба́йдак* ‘озорник, шутник’ и ФЕ *байдики бить* – ‘шататься без дела’, а в ГМСР употребительно существитель-

ное *байд* ‘непослушный ребенок’. Фразеологический субстантивный компонент *байдики* может быть суффиксальным производным от *байд*, а сама ФЕ имеет мотивацию *нежелание трудиться из-за психических свойств личности* → *бездельничать*. Итак, фразеологизм *байдики бить*, имеющий в белорусском и русском языках разную внутреннюю форму, в ГМСР появился, вероятно, в результате интерференции этих языков.

А.С. Аксамитов считает фразеологизм *бібікі біць* белорусским, хотя в русском языке есть ФЕ *бибики не работают* – ‘нет смекалки’, а в русских говорах существительное *бибик* и производные от него являются наименованиями некоторых круглых предметов [1, с. 209]. В ГМСР зафиксирован фразеологизм *бизики бить*. В белорусском просторечии и в ГМСР известно слово *бизики* – ‘глаза’ и выражение *бизики выкатить*, синонимичное русской ФЕ *шары выкатить* – ‘смотреть, широко открыв глаза от удивления’. Значит, слово *бизики* по смыслу и употреблению соотносится с субстантивом *бибики* и является его диалектным вариантом.

Этимология русского фразеологизма *бить баклуши* общеизвестна. В ГМСР зарегистрирована ФЕ *бить баклонки*. Слово *баклонки* в свободном употреблении в наших говорах не отмечено. Можно допустить, что оно является диалектным словообразовательным вариантом субстантивного компонента *баклуши*. Таким образом, наличие в ГМСР фразеологизмов, соотносительных с ФЕ русского и белорусского языков, является свидетельством их взаимодействия в процессе формирования могилевско-смоленского лингвистического ареала.

Три «волны» польского языкового влияния оставили заметный след в белорусской фразеологии, куда из польского языка вошли готовые устойчивые выражения: *шаркі на баркі, даць пудла, надаваць кухталя* и др. В ГМСР пока зарегистрирован только один фразеологизм польского происхождения – *сменять быка на индыка* и его вариант *поменять быка на индыка* ‘обмануться, просчитаться’ (ср. польск. Kwitać byka za indyka). Значительно больше ФЕ, имеющих в своем составе полонизмы двух видов – лексические и фонетические: *ходить по панах, вантробы выесть, воме-гом выйдег, белой андарак, на едни, абяцанки-цацанки* и др.

Из польского языка в белорусскую бытовую фразеологию вошли устойчивые выражения с лексическим полонизмом *пан* (польск. pan): *жыць панам, хварэць на пана*². Со времени подчинения белорусских земель Польше слово *пан* служило наименованием лица по его социальному положению и социально-субординативным наименованием лица для выражения отношений «хозяин – наемный работник». Именно второе значение отражено во фразеологизме *ходить по панах (панам)* ‘работать по

найму; батрачить’, зафиксированном в картотеке «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров».

По свидетельству А.М. Бульки, лексический полонизм *ватроба* ‘печень’ проник в белорусский лексикон в 1-ой четв. XVII в. в связи с развитием медицины [2, с. 127] и претерпел на белорусской почве фонетические изменения: согласный призвук [п] праславянского носового гласного [Q], сохранившегося в польском языке, развился в звук полного образования, а гласный [о] заменился на [а] в соответствии с белорусским аканьем (ср. ст. польск. wątroba и ст. бел. *вонтроба*). В белорусском языке возник фразеологизм *ватробы ад’есці* ‘надакучыць каму-н.’, соотносительный с русским *сидит в печенках*. В ГМСП нами отмечена ФЕ *ватробы выгрызаць* с отличным от белорусского глагольным компонентом.

В белорусской народной фразеологии известно устойчивое сочетание *во-мегам вылазіць* ‘адпомсціцца, не праходзіць бясследна’; в ГМСП этот фразеологизм отмечен с другим значением ‘не пойти на пользу’. В русских и белорусских говорах имеются варианты слова *вомег*: *вомиг, вомига* и *омег, омиг, омига* со значениями ‘горечь’, ‘пересол’, ‘отрава’, ‘яд’, ‘ядовитое растение’. А.В. Меркулова, изучавшая происхождение и продвижение этого слова в восточнославянские языки, установила, что оно восходит к латинскому vomitus ‘рвота’, которое было заимствовано польским языком (ср. производные от него в польском *wymiotować, wymiotowy*). Польский и белорусский языки стали центром распространения и однокоренного заимствованного слова *womica* (ср. польск. *omieg, womeg* и др.), а в русские говоры оно пришло из этих языков, получив там новые значения [3, с. 18–19]. Следовательно, по одной из этимологических версий *вомег* – полонизм-транзитив (переданный из одного языка в другой при польском посредничестве).

Только в ГМСП нами выявлен фразеологизм *на едни* ‘одиного’: *Мужык мой яшчэ у ваіну памёр, дачка далёка, так і жыўу на едни* (Полошково, Клим. Мгл.). Мы допускаем, что это фонетический полонизм, т. к. праславянский корень *edīnъ в польском языке сохранил протетический [j] перед [e], а в восточнославянских языках (русском и белорусском) он утратился и произошла межслоговая диссимиляция гласных с заменой [e] на [o], ср. польск. *jedna, pojedynczy*, русск. *одиного* и бел. *адзінока*. Появление в могилевско-смоленских говорах старославянского варианта этого корня с протезой [j] (ср. книжн. *единый*) представляется менее вероятным, чем закрепление полонизма с таким же звуковым составом.

Полный объем польского влияния на фразеологию ГМСП еще предстоит выявить, но и имеющиеся данные показывают, что оно было не менее значительным, чем на диалектную лексику.

Примечания

¹ Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І.Я. Лепешаў. – Мінск, 1981. – С. 20. Далее приводятся ссылки на это издание.

² Фразеологизмы польского происхождения установлены по книге А.С. Аксми-това «Беларуская фразеалогія» (с. 197, 212–215).

Литература

1. Аксмітаў, А.С. Беларуская фразеалогія / А.С. Аксмітаў. – Мінск, 1978.
2. Булыка, А.М. Лексічныя запазычанні ў беларускай мове XIV–XVIII стст. / А.М. Булыка. – Мінск, 1980.
3. Меркулова, В.А. Из истории названий некоторых растений / В.А. Меркулова // Этимологические исследования по русскому языку. – Вып. 3. – М., 1961. – С. 18–19.

1997 г.

Л.И. Шаповалова

ДИАЛЕКТНЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СОСТАВЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Фразеологический фонд говоров могилевско-смоленского пограничья (ГМСП) объединяет разные по сфере употребления фразеологические единицы (ФЕ) – литературные, фольклорные, общенародные, но основу его, как и во всех других говорах, составляют диалектные фразеологизмы, т. е. «воспроизводимые в одном или нескольких диалектах устойчивые словесные комплексы, которые не употребляются в общенародном или литературном языке либо являются видоизмененными общенародными фразеологизмами» [1, с. 119] (перевод наш – *авт.*). В диалектных фразеологизмах ГМСП выступают акцентологические, фонетические, семантические, словообразовательные и грамматические варианты соотносительных компонентов недиалектных ФЕ – русских и белорусских, но ядро диалектных фразеологизмов составляют единицы, включающие хотя бы один лексический диалектизм, напр., *глаза (вочи) казелить* ‘смотреть пристально, вызывающе’; *взять на ремус* ‘призвать к ответу’; *говорить поброду* ‘нести чепуху’; *деньги шумархать* ‘сорить деньгами’ и *вычавреть на тапешку* ‘исхудать’; *верзти хаманю* ‘болтать чепуху’ и др.

Могилевско-смоленские пограничные говоры – переходные, т. к. они сложились в лингвистическом ареале, где происходила исторически об-

условленная интерференция языковых систем – русской и белорусской. Фразеологизмы ГМСП содержат лексические диалектные компоненты (ЛДК), являющиеся результатом этой интерференции.

1. Основу фразеологического фонда ГМСП составляют ФЕ с лексическим диалектным компонентом, имеющим в этих говорах свободное употребление.

1. В качестве ЛДК таких фразеологических единиц выступают диалектные слова с затемненной этимологией. Так, в доступных нам русских и белорусских лексикографических изданиях ФЕ *бить балуи* – ‘бездельничать’ не представлена, но она выявлена в ГМСП: *Ни работать, значить бить балуи* (Любавичи, Мон. Смл.); *Мужык во сёння ўвесь день балуи биў* (Тростино, Хот. Мгл.). Слово *балуи* не приводится в «Словаре смоленских говоров» (ССГ) и не зарегистрировано в картотеке «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ), но В.А. Щецникова, описывая экспрессивные наименования лиц мужского пола в смоленских говорах, приводит слово *балуи* в составе лексико-семантической группы со значением ‘глупый, неумный, умственно отсталый’ [2 с. 98]. По структуре и семантике он идентичен русским и белорусским фразеологизмам, имеющим узкое инвариантное значение ‘бездельничать’ и построенным по модели «стержневой глагол *бить* + существительное во множ. числе». Глагольный компонент таких ФЕ претерпел семантическую редукцию, а субстантивный выражен словом с затемненной этимологией, ср.: *бить + баклуши, брынды, байды, балды, бибики, бизики, гулы* и др. Следовательно, фразеологизм *бить балуи* мог образоваться в ГМСП по продуктивной модели русского и белорусского языков на основе типичной мотивации единиц фразеологического ряда со стержневым словом *бить*: «ничего не делать из-за умственной отсталости → бездельничать».

1.2. В составе ФЕ говоров могилевско-смоленского пограничья есть ЛДК, которые по происхождению являются общеупотребительными словами русского языка, получившими территориально ограниченное употребление вследствие своей архаизации.

В Словаре Даля [т. 1, с. 44] без указания на диалектную принадлежность приводится существительное *балы* ‘пустой, забавный разговор’ и высказывается предположение, что оно образовано от глагола *баловать*. В современных толковых словарях – русских и белорусских – слово *балы* не приводится по причине его архаичности. Известно, что по мере устаревания слова усиливается его изоляция в лексической системе языка, сужается сфера функционирования и оно может стать лексическим диалектизмом, как это случилось со словом *балы*, зафиксированном в ССГ со

значением ‘бессмысленные разговоры, болтовня’: *Пустыя разговоры – балы* (Рыжково, Рудн. Смл.). В картотеке СМСПГ оно отмечено как в свободном употреблении, так и в составе ФЕ *точить* (*бить, забивать, разводить*) *балы* (*балышки*) ‘попусту болтать, пустословить’: *Если гаворыш проста так – балы точиш* (Любавичи, Мон. Смл.) и *Делать нечива вичирами, дык балы точуць, и языки у их ни баяць* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Надаела мне з вами балышкі тачаць* (Там же). Диалектный фразеологизм *точить балы* соответствует фразеологической модели русского и белорусского языков «стержневой глагол *точить* + существительное во множ. числе», ср. русск. *точить баласы* и бел. *тачыць ласы*.

1.3. Фразеологические единицы ГМСП включают ЛДК, представляющие собой диалектные производные от русских и/или белорусских разговорных слов.

В русских толковых словарях приводится разговорный глагол *баламутить* ‘вносить смятение, беспорядок вздорными сообщениями, разговорами’. В Словаре Даля [т. 1, с. 41] дан этот глагол и со значением ‘поселять раздоры сплетнями, наговорами’, а также образованные от него существительные *баламутня, баламутица, баламуты* ‘вздорные сплетни, пересуды’. В ССГ и в картотеке СМСПГ с тем же значением приводится диалектное суффиксальное образование *баламутка* и многозначный фразеологизм *баламутку пустить*: 1. Распустить сплетни: *Нехта на сялу баламутку пустиў, што я сваяво малава нагуляла, таму што мужык мой у горад утёк ад мяне* (Полошково, Клим. Мгл.); 2. Пустить слух: *Нехта баламутку пустиў, што вы нас па тэлявизару паказываць будзя* (Тростино, Хот. Мгл.).

В белорусских толковых словарях зафиксирован разговорный глагол *верзти* ‘говорить бессмыслицу, нелепость, глупость’. В ССГ приводятся образованные от него суффиксальным способом диалектные существительные *верзея* и *верзня* ‘сплетня’. Но фразеологизм с ЛДК *верзея* и его вариантами – акцентологическим *верзея* и словообразовательным *верзня* представлен только в картотеке СМСПГ – *нести верзею* (*вирзяю*, *врязню*). Он имеет два значения: 1. Сплетничать. *Бапки каля мыгазина як сабяруцца, дык и начинаюць нести вярзею. Усिम костки пирибяруть* (Милейково, Мст. Мгл.); *Ты што вирзяю нясеш, сама ні виділа, а балтаеш!* (Викторово, Красн. Смл.); 2. Говорить бессмыслицу, глупости. *Мужык мой як нап'еца, тады пачынае пустасловіць, несці вярзню* (Горы, Гор. Мгл.).

1.4. Фразеологизмы ГМСП имеют в своем составе ЛДК, образованные от общеупотребительных слов современного русского и белорусского языков. Например, в ГМСП свободно употребляется диалектное существительное *битик* ‘что-л. битое’, образованное от основы страдатель-

ного причастия прошедшего времени *битый*. Оно входит в состав ФЕ *бити́ков* *иска́ть* ‘напрашиваться на наказание; нарываться на неприятности’, имеющего хождение и на смоленской, и на могилевской части пограничных говоров: *Чиво ты дуреиши? Наверна, битикаў ищиши?* (Русское, Шум. Смл.); *Хлопцам делать няма чаго, дык яны во идуць бицикаў искаць* (Звенчатка, Клим. Мгл.).

II. Устойчивые словесные комплексы ГМСР, содержащие в своем составе фразеологически закреплённые ЛДК.

Фразеологически связанные ЛДК не имеют в ГМСР свободного употребления, они существуют только в составе диалектных фразеологизмов.

2.1. В качестве фразеологически закреплённых ЛДК выступают диалектные слова русского языка.

В ССР представлена ФЕ *любжу* *делать* (*наговорить*) ‘привораживать’, а в картотеке СМСР – *дать любжу* с тем же значением: *Ей нада любжу нагаварить, а то прагонить яго* (Хартовка, Росл. Смл.) и *Када нидастойная нявеста приваражываить жаниха, гаворять: «Яна дала яму любжу»* (Татарск., Мон. Смл.). По Словарю Даля [т. 2, с. 83], диалектное слово *любжа* (яросл., курск., орл.) имеет прямое значение ‘любовь’ и переносное ‘любовное зелье, приворотный напиток’. Именно второе, уже устаревшее значение, реализованное в свободном словосочетании, способствовало развитию образной мотивации и фразеологизации этого словосочетания. В ГМСР фразеологизм *дать любжу* приобрел новое значение ‘завлекать парня, обращать на себя его внимание’: *Деўки давали любжу на танцах, а хлопцы патом за ими ухажываць начинали* (Забельшин, Хот. Мгл.).

2.2. Фразеологически закреплённые ЛДК являются производными от русских и белорусских диалектных слов, имеющих свободное употребление.

В ССР приведено существительное *жур* ‘подонки или отстой конопляного масла’: *Зверху злей масла, а жур нихай астаницца* (Василевичи, Красн. Смл.). Ни лексем, производных от *жур*, ни ФЕ, содержащих это слово, в ССР не дано, но в картотеке СГМСР представлен фразеологизм *журики точат* со значением ‘привередничают от пресыщения или безделья’: *Атьеўся на казенных харчах, дык журыки яго точаць* (Тростино, Хот. Мгл.); *Как хлопцы з багатай сямьи што плахоя зделыить, то гаваряць, што журики яго точаць* (Хорошково, Хисл. Смл.). ЛДК *журики* образован суффиксальным способом от *жур*, т. к. ФЕ *журики точат* имеет ту же внутреннюю форму, что и ФЕ с *жир* *беситься*.

В ГМСР имеет хождение ФЕ *дать лепеня* ‘отшлепать’: *Помню, бацька таму, хто былаваўся, лепеня дась и на печ загониць* (Н. Дедин, Клим. Мгл.); *Батька, бывала, дасть лепеня, дык долга ни шкодиш* (Русское,

Шум. Смл.). Фразеологически закреплённый ЛДК *лепень* мог образоваться суффиксальным способом от зарегистрированного в ССГ глагола *лёпнуть* ‘звонко ударить по чему-нибудь мягкому или упругому’: *Как лёпну тибя щас па заду, будиш зная* (Бубново, Смол. Смл.).

2.3 Фразеологически закреплённые ЛДК, образованные от общеупотребительных или разговорных слов русского и белорусского языков.

В ГМСР выявлены фразеологизмы со стержневым словом *дать* ***острожки*** ‘урезонить, остановить’, ‘припугнуть’ и *дать валтузов* ‘избить’: *Хлопы на Купалу такую бучу падымут, пака хто-нібудзь ні дасть ім астрошкі* (Лобковичи, Крич. Мгл); *Дай ты ім астрошкі, будзь бяцца, дык у твой сат ні палезуць* (Любавичи, Мон. Смл.). ЛДК ***острожки*** и ***валтузов*** образованы от общеупотребительного прилагательного *строгий* и разговорного глагола *валтузить* ‘наносить удары, избивать’.

Полнообъемное описание лексического состава фразеологизмов ГМСР еще предстоит сделать, но и на подходе к такому исследованию очевидно его типологическое разнообразие.

Литература

1. Аксамітаў, А.С. Беларуская фразеалогія / А.С. Аксамітаў. – Мінск, 1978.
2. Щебникова, В.А. Экспрессивные наименования лиц мужского пола в смоленских говорах / В.А. Щебникова // Актуальные вопросы лексикологии в историческом и синхронном освещении. – Смоленск, 1995.

1997 г.

Л.И. Шаповалова

К ПРОБЛЕМЕ СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

Смешанный состав фразеологизмов переходных могилевско-смоленских говоров открывает возможности для их изучения в сравнительно-типологическом аспекте, когда диалектные фразеологизмы сопоставляются с фразеологическими единицами литературного языка – белорусского и русского. В данной статье представлены типологические ряды (симметричные и асимметричные), центром которых является диалектный фразеологизм, и сделана попытка установить типы фразеологических соответствий на основе выявления структурно-семантического сходства и различия указанных единиц типологического ряда.

Современные лингвистические исследования предполагают сопоставление изучаемых объектов с целью выявления формальных и смысловых связей между ними. Это относится и к фразеологическим единицам (ФЕ) разных языковых систем и подсистем, которые могут исследоваться в сравнительном, структурно-типологическом и ареальном аспектах в зависимости от их генетических и культурно-исторических связей [2, с. 269].

Нами предпринята попытка установить типологические соответствия фразеологических единиц близкородственных славянских языков – русского и белорусского – и единиц фразеологического фонда переходных могилевско-смоленских пограничных говоров (МСПГ), т.к. они представляют собой своеобразное койне – общий язык, исторически сложившийся в результате взаимодействия белорусского и русского языков и их диалектов. В настоящее время эти говоры подвергаются двойному воздействию – и со стороны русского, и со стороны белорусского литературного языка. Фразеологический фонд МСПГ объединяет разные по сфере употребления фразеологизмы – общенародные, литературные, фольклорные, но основу его, как и во всех других говорах, составляют диалектные фразеологизмы. Такой смешанный состав фразеологизмов МСПГ открывает возможности для его изучения в сравнительно-типологическом аспекте. Объектом исследования может служить *типологический ряд*, включающий диалектный фразеологизм и близкие или тождественные ему по значению белорусские и русские фразеологизмы, зафиксированные в соответствующих фразеологических словарях [4]. В центре такого ряда стоит диалектный фразеологизм (ДФ), на его левом «фланге» – русский фразеологизм (РФ), а на правом – белорусский (БФ):

РФ	←	ДФ	→	БФ
дать духу	←	дать острожки	→	дать гарту
		‘бранить, распекать’		
лезть на глаза	←	газью лезь	→	лезці смалой у вочы
		‘навязчиво привлекать к себе внимание’		
городить ахиною	←	городить мох с болотом	→	несці мох з балотам
		‘говорить вздор, бессмыслицу’		

По формальным показателям типологические ряды фразеологизмов можно подразделить на *полные*, в которых диалектный фразеологизм имеет соотносительные русские и белорусские ФЕ, и *неполные (левосторонние или правосторонние)*, в которых диалектный фразеологизм соотносится либо с русской, либо с белорусской ФЕ, ср.:

	РФ	←	ДФ	→	БФ
	І <i>распускаць сплетні</i>	←	<i>баламутку пускаць</i>	→	<i>плёткі пускаць</i>
	<i>драть нос кверху</i>	←	<i>нос оглоблей не достать</i>	→	<i>капыліць нос</i>
II (1)	<i>один как перст</i>	←	<i>как сорока на колу</i>		—
	<i>с жиру бесится</i>	←	<i>журики точат</i>		—
(2)	—		<i>лягушкам глаз колоть</i>	→	<i>вераб 'ям фігі даваць</i>
			‘делать что-л. впустую, напрасно’		
	—		<i>ни в соху ни в телегу</i>	→	<i>ні млён ні таўкач</i>
			‘ни на что не годный, неумелый’		

Структурно-семантическая характеристика компонентов типологического ряда может опираться на классификацию фразеологизмов родственных славянских языков, разработанную А.С. Аксамитовым, который выделил четыре основных типа изофразем: 1) абсолютные, или полные, изофраземы, в сравниваемых языках полностью совпадающие по своему компонентному составу, значению и образной основе, т. е. метафорической модели формирования этого значения; 2) эквивалентные изофраземы, совпадающие по значению и образной основе, но отличающиеся одним из компонентов; 3) соотносительные изофраземы, совпадающие по значению, но отличающиеся компонентным составом и образной основой; 4) адекватные изофраземы, которые при одинаковом значении отличаются не только компонентным составом и образной составляющей, но и семантико-стилистической функцией, а также характеризуются наличием национально-культурного компонента в своей семантической структуре [1, с. 273].

Основным критерием выделения диалектных фразеологизмов служит отсутствие *формального тождества* идентифицируемых единиц. Диалектные ФЕ могут включать только акцентологические, фонетические, словообразовательные или грамматические варианты соотносительных компонентов недиалектных ФЕ, напр.: *на бум (ум) Лазаря* – *наобум Лазаря* (русс.); *блынды бить* – *лынды біць* (бел.); *бешеность* *напала* – *бешенство охватило* (русс.); *байдики бить* – *байды біць* (бел.); *бесструнная балалайка* – *без струн балалайка* (русс.) и др. Поэтому в нашем типологическом своде вместо *абсолютных*, или *полных*, изофразем будут представлены изофраземы с *вариантными* компонентами. Так, ФЕ *положить зубы на полку* (русс.) – *положить зубы на полицу* (диал.) – *на класці зубы на паліцу* (бел.) имеют одинаковое значение ‘голодать’, а их образная основа состоит в указании на ненужность зубов, участвующих в переработке пищи.

Эквивалентные фразеологизмы, совпадающие по значению и образной основе, но различающиеся одним из компонентов, могут быть пред-

ставлены рядом ФЕ как у *Христа (бога) за пазухой* (русск.) – как у *Христа (бога) в кармане* (диал.) – як у *Хрыста (бога) за плячыма* (бел.), которые различаются компонентом с локальным значением (*в кармане, за пазухой, за плячыма*), имеют одинаковую семантику ‘очень хорошо, беззаботно, привольно жить, расти’; их образная основа – указание на благоприятные условия существования под покровительством всемогущего ирреального существа. Дифференциальным компонентом диалектной ФЕ может быть и слово общенародное (как в приведенном выше примере), и диалектное слово, имеющее в говоре свободное либо фразеологически закрепленное употребление, ср.: *точить* зуб (русск.) – *истриць* зуб (диал.) – *вастрыць* зуб (бел.) и *бить в набат* (русск.) – *бить в рожон* (диал.) – *біць у званы* (бел.), где *истриць* является в говорах самостоятельной лексической единицей, а *рожон* зафиксировано нами только в составе данного фразеологизма.

Соотносительные изофраземы можно представить фразеологическим рядом, единицы которого отличаются компонентным составом и оттенками общего фразеологического значения, а также характеризуются вариациями образной основы, напр.: *дать валтузов* (диал.) – имеет значение ‘избить’, которое формируется через указание на физическую расправу через избивание (ср. разг. *валтузить* – ‘бить, колотить’); *дать жизни* (русск.) – указание на расправу, не связанную с физическим наказанием; *даць у скуру* (бел.) – указание на суровую физическую расправу с телесными повреждениями; общее значение всех ФЕ – ‘наказать’.

Адекватные изофраземы, которые разнятся компонентным составом, образной составляющей, но имеют близкое значение и характеризуются наличием национально-культурного компонента, могут быть представлены рядом ФЕ *чертов сын* (русск., прост.) – указание на общеславянское мифологическое существо, оказывающее дурное воздействие на человека; *лихой закрут* (диал.) – указание на связь с восточнославянским мифологическим существом (ср. *лихо*), под влиянием которого человек способен совершать дурные поступки; *арэдаў сын* (бел., разг.) – указание на связь с существом, от которого получены дурные наклонности. Общее значение всех ФЕ – ‘человек с дурными наклонностями, привычками, чертами характера’.

Наш языковой материал позволяет предположить, что в развернутом типологическом своде будут представлены *симметричные ряды* (I), в которых диалектные, русские и белорусские ФЕ разнятся по одним и тем же параметрам, и *асимметричные ряды* (II), в которых русские и белорусские ФЕ отличаются от диалектных по разным параметрам.

I. 1) Русский и белорусский фразеологизмы отличаются от диалектного только зависимым субстантивным компонентом: *глаза залить* (русс.) ← *бульи залить* (диал.) → *белмы залиць* (бел.) – ‘напиться пьяным’.

2) Русский и белорусский фразеологизмы отличаются от диалектного одним из компонентов и вариациями образной составляющей: *дать по загривку* (русс.) ← *дать торца* (диал.) → *даць у хамут* (бел.) – ‘расправиться с кем-л., избить’, где в диалектной ФЕ обобщенное указание на способ действия при избиении – *толчок* (ср. бел. *торкаць* ‘толкать’), а в русской и белорусской – указание на локализацию толчка, удара – *загровка* ‘нижняя часть гривы, прилегающая к холке, а также часть шеи, где она растет’ и куда тягловому животному надевают *хомут*.

II. 1) Фразеологизмы *ветер в голове* (русс.) ← *болтун в голове* (диал.) → *матылі ў галаву ўбіліся* (бел.) имеют одинаковое образное основание – указание на наличие в голове чего-либо необычного, но диалектная и русская ФЕ, отличаясь опорным компонентом, по структуре соотносятся с двусоставным неполным предложением, а белорусская – с двусоставным полным.

2) В типологическом ряду *носить воду решетом* (русс.) ← *воду бороновать* (диал.) → *араць дарогі* (бел.) фразеологизмы со значением ‘делать что-л. впустую, напрасно’ отличаются компонентным составом: семантика русской и белорусской ФЕ характеризуется наличием национально-культурной коннотации, поскольку их образной основой являются свободные словосочетания, которые обозначали *разные* ритуальные действия в обряде вызывания дождя: ношение воды в решете и вспахивание дороги или высохшего русла [3, с. 34].

Совершенствование методов структурно-типологического анализа позволит выявить общее и специфическое фразеологического фонда переходных могилевско-смоленских пограничных говоров.

Литература

1. Аксамітаў, А.С. Беларуская фразеалогія / А.С. Аксамітаў. – Мінск, 1978.
2. Аксамітаў, А.С. Беларуская-славянскія і беларуска-неславянскія ізафраземы – падабенства і адрозненне / А.С. Аксамітаў // SLAVIAORITNTALIS. – Т. XLVIII, 2, 1999.
3. Коваль, В.И. О некоторых семантических и деривационных закономерностях в сфере этнофразеологии / В.И. Коваль // Язык и социум : материалы II международной научной конференции, ч. 2. – Минск, 1998.
4. Лепешаў, І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы : в 2 т. / І.Я. Лепешаў. – Мінск, 1993; Федоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка : в 2 т. / А.И. Федоров. – Новосибирск, 1995.

2002 г.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ
СЛОВАРЯ СВАДЕБНОЙ ОБРЯДНОСТИ
МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА

Свадебный обряд – одно из самых замечательных явлений духовной культуры любого народа. Со свадьбой человек связывал мысли о продолжении рода, непрерывности бытия, о создании семьи.

Свадебная реальность отражена в фольклоре, прежде всего в жанрах песни, приговора, причитаний, и представлена в говорах через терминологию, благодаря которой свадебно-обрядовые функции лиц, предметов и действий закреплены в сознании носителей традиционной народной культуры.

Предметом нашего внимания является свадебная терминология говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП). Названия составных частей обряда, обрядовых действий, свадебных чинов бывают как однословные, так и фразеологические, часто выступающие как синонимы к однословным, напр.: *венок* ‘прощальный вечер у невесты перед свадьбой’ – *девичь вечер*; *пропить* ‘сосватать’ – *завести дело* и др.

Свадебная терминология рассматривается в связи с самим обрядом, который в разных регионах Беларуси имеет свои особенности. Покажем это на этнографическом материале трех районов, расположенных в зоне МСП, – Костюковичского, Мстиславского, Хотимского.

Традиционно всю свадебную обрядность делят на *предсвадебный*, *собственно свадебный* и *послесвадебный* этапы. Каждый этап объединяет в своем составе обрядовые акты и – в пределах каждого акта – обрядовые действия. В структуре свадебного обряда выявляются как общие для всех трех районов особенности, так и отличительные, что находит отражение и в терминологии. Этап подготовки к свадьбе включает в *предбрачный сговор сторон*, в структуре которого четыре компонента: акты *сватовства*, *смотрины невесты*, *осмотр хозяйства жениха* и *помолвка*. Такая структура предбрачного сговора встречается на территории Мстиславского района: первое посещение сватов – *сугляды* (то же, что смотрины), второе посещение сватов – *запоины*, когда родители невесты давали свое согласие на брак, после чего отец невесты *глядел двор*, т.е. осматривал хозяйство жениха; заканчивался предбрачный сговор *заручинами* (помолвкой). На территории других районов предбрачный сговор имеет двухкомпонентную структуру: *сваты* (сватовство) и *заручины* (помолвка).

Отличительной особенностью свадебного обряда в зоне МСП является перемещение обрядовых действий по этапам, например, в акте дарения. Невеста «дарит жениха», т.е. вручает подарки родственникам жениха, в Костюковичском районе во время *заручин* и *сугляд*, в Мстиславском – во время девишника, в Хотимском – во время *свадебного застолья в доме жениха*.

Второй этап свадебной обрядности включает следующие акты: подготовка и украшение свадебного поезда, приезд дружины жениха за невестой, венчание, свадебное застолье в доме невесты, свадебное застолье в доме жениха. Здесь также имеет место перемещение обрядовых действий по этапам: в Костюковичском районе акт *откупа косы* проходил во время *сугляд* невесты, а в Хотимском – во время *свадебного застолья в доме невесты*.

На заключительном этапе основным был обычай, согласно которому свадебные гости приглашали к себе *на банкеты* (в гости) молодых, их родителей, сватов.

Этнографическая сторона свадьбы отражена в ее терминологии, в том числе и во фразеологии. В зоне МСП нами выявлено и записано более 50 фразеологических единиц (ФЕ) словаря свадебной обрядности. Все ФЕ по тематическому признаку мы делим на две группы: *обрядовые* ФЕ, мотивированные содержанием свадебного обряда; *необрядовые* ФЕ, не связанные непосредственно с обрядом. Каждая группа, в свою очередь, делится на подгруппы.

Среди *обрядовых* ФЕ мы выделяем две подгруппы: 1) ФЕ, связанные с первым этапом свадебной обрядности: *в сваты ездить* ‘сватать девушку’, *закинуть сватов* ‘послать сватов’, *дать на придачу* ‘дать приданое’ и др. Сюда же относятся названия свадебных чинов: *вечерние подруги* ‘подруги невесты, собиравшиеся у нее накануне свадьбы’, *густая сваха* ‘главная сваха’ и др.; 2) ФЕ, связанные со вторым этапом свадебной обрядности: *гулять свадьбу* ‘праздновать свадьбу’, *ездить в отвод* ‘ехать свадебным поездом в дом невесты’, *княжий стол* ‘обед на второй день свадьбы в доме жениха’ и др. Сюда же относятся названия свадебных чинов: *свадебный отрок* ‘подросток, родственник невесты, обувающий ее перед свадьбой’, *вечерняя сваха* ‘женщина, привозившая постель невесты’.

Необрядовые ФЕ делятся на две подгруппы: 1) ФЕ, выражающие нравственную оценку отношения к браку: *за ручку як сучку* ‘без свадьбы’, *женить из-под ремня* ‘женить сына против его желания’; 2) ФЕ, определяющие социальный статус молодых: *жить в зятях* ‘жить в доме жены’, *пойти на детей* ‘выйти замуж за вдовца с детьми’, *от сестры пойти* ‘вы-

йти замуж за зятя после смерти сестры' и 'быть выданной замуж сестрой после смерти родителей'.

Обрядовые ФЕ имеют содержательную и лексическую мотивацию.

В описании свадебного обряда Мстиславского района упоминаются *выгляды*, во время которых на колядных игрищах парень высматривает себе невесту. Девушка могла проявить интерес к парню, завлекать его, прибегая даже к приворотному зелью. В исследуемом ареале до сих пор сохранился фразеологический оборот *дать любжу*, где опорным семантическим компонентом является диалектное слово *любжа* 'любовное зелье, корень, приворотный напиток', зафиксированное в словаре В.И. Даля: Его *любжей* приворожили. В этом примере слово *любжа* употреблено в прямом значении, а словосочетание *любжей приворожили* – свободное. В словосочетании *дать (давать) любжу* определилось фразеологическое значение 'приворожить', а потом развилось и современное значение 'привлечь к себе внимание, пробудить интерес', ср.: *Когда нидастойная нявеста приваражывыить жаниха, гаворять: «Яна дала яму любжу»* (Татарск, Мон. Смл.) и *Деўки давали любжу на танцах, хлопцы патом за ими ухажывать начинали* (Забельшин, Хот. Мгл.).

По народным традициям, девушки до свадьбы носили косу. Она была символом красоты, девичества, непорочности. Символическое слово *коса* использовалось в сказках как мета-приложение к девичьему имени собственному – Варвара краса, долгая *коса*. Во всех славянских свадебных обрядах сложился обычай прощания с девичеством – *расплетание косы*. Этнографическое описание этого обычая было сделано по всей моголевско-смоленской зоне, но в современных свадьбах он не сохранился. Зато на всей исследуемой территории распространен другой свадебный обычай – *откуп косы*, при котором *дружки* выкупают для жениха девушку-невесту. Следовательно, и в этом случае народные традиции, народная символика определяют и содержание свадебного обычая, и значение ФЕ *откупать косу*: *Прыехаў малады, маладая сядить на стулику, рядом брат стаить. Кали малады аткупить касу добра, то ў нявесты касу ни атрэжуху* (Милейково, Мст. Мгл.); *Нявесту спрятали и стали прасить, каб жаних аткупиў касу* (Звенчатка, Клим. Мгл.).

В свадебном обряде акту прощания с девичеством противостоял акт посвящения в женскую жизнь – *молодухи*: на второй день свадьбы девичье украшение – волосы – заплетали по-женски в две косы или накручивали на льняной жгут – *тканку* и надевали на голову женский чепец или повязывали платок. Этот акт обозначен фразеологизмом *повязываться молодой (молодушкой)*. Сейчас он не выполняется, так как изменились tradi-

ции и этикет, но информанты упоминают о нем при описании старинного свадебного обряда: *Щас на свадьби маладухай ужо ни павязываюцца, а раньшы, кали деўка жонкай делаицца, тады яна ужо маладуха. Яна косы кругам галавы абматая и на их платок завязваиць, а яшчэ раньшы чапец надивали* (Полошково, Клим. Мгл.). ФЕ *павязаться молодухой* построена на модели, общей для единиц данной тематической группы: «глагол + творительный сравнительный существительного», ср.: *павязаться холопочкой, павязаться кулиной*.

Символическим атрибутом славянского свадебного обряда было домотканое полотно: его готовили для приданого невесты и дарили молодым на свадьбе, как бы желая им долгой, чистой, светлой жизни. В доступных нам этнографических источниках значение этого символа не раскрывается, но в свадебных песнях говорится о нем совершенно определенно:

*Дару табе палатно белое, чыстае, доўгае,
Каб жыццё тваё была добрае...*

Домотканое полотно было основной, обязательной частью приданого невесты. Чтобы наткать его, требовались годы кропотливого труда, поэтому готовность всего приданого определялась по наличию полотна. Для обозначения этого факта использовался фразеологизм *наткать трубы*: *Нявеста тады гатова исти замуш, кали у яе **трубы натканы*** (Татарск, Мон. Смл.)

Фразеологическое значение ‘приготовить приданое’ мотивировано переносным значением слова *трубы* ‘домотканое полотно’, которое развилось в результате метонимического переноса наименования способа хранения материала на сам материал (*свернутое в трубы полотно* → само полотно).

Повсеместно распространенный обязательный акт свадебного обряда – *дарины (дарование)* имеет региональное различие по его месту в свадебном обряде и по содержанию самого обрядового акта – кто кому дарит подарки. Поэтому фразеологизм *дарить жениха (невесту)* в говорах МСП имеет два значения: 1) ‘жених (невеста) дарит на свадьбе подарки родителям и близким родственникам невесты (жениха)’; 2) ‘гости дарят подарки жениху (невесте, молодым)’, ср.: *На сваёй свадьби дычка багата жаныха дарыла, пыдарки усим панравилися – и батькам, и радне* (Ковшово, Мст. Мгл.); *На фтарой день свадьбы гости нявесту дарили* (Литвиновка, Ерш. Смл.).

Структура ФЕ *дарить жениха (невесту)* отличается от общеупотребительного свободного словосочетания грамматической формой управляемого компонента. Можно предположить, что диалектный фразеологизм

является результатом контаминации двух общеупотребительных конструкций:

[*дарить* \ жениху (Д.п.)

одарить *жениха* (В.п.)] → *дарить жениха* (Р.п.)

В могилевско-смоленских пограничных говорах ФЕ используются для наименования гостей: *веселая беседа* ‘гости на заручинах’ и *круглая беседа* ‘гости в полном составе вокруг свадебного стола’. Опорным компонентом этих ФЕ является семантический диалектизм *беседа*, имеющий значение ‘праздничное вечернее собрание крестьян’ (см. словарь В.И. Даля). Его вторичное значение ‘гости’ развилось в результате метонимического переноса наименования по модели: *мероприятие* → *участники мероприятия*.

Фразеологизм *бахаря женить* не является собственно обрядовым, так как служит названием святочного представления – игры в свадьбу: *На святки бахаря жанили* (Звенчатка, Клим. Мгл.). *С саломы делали хрест, хадили на вулицях, в свадьбу гуляли – бахаря жанили.* (Городище, Хисл. Смл.). Смыслообразующим компонентом здесь является диалектное слово *бахарь* – ‘говорун, краснбай’, зафиксированное в словаре В.И. Даля. В картотеке Словаря оно зарегистрировано с переносным значением – ‘распорядитель на святочных играх’. В наших словарных материалах отмечено и переносное значение ФЕ *бахаря женить* ‘делать что-либо несерьезное, поступать безответственно’: *Эта тебе ни бахаря жанишь, ни на адин день, а на усю жысь* (Городище, Хисл. Смл.).

Свадьба всегда была важным событием не только для ее участников, но и для всей деревни. Нарушение обряда, а тем более женитьба без свадьбы вызывали всеобщее осуждение, которое в Костюковичском районе, например, выражалось пословицей *без стуку, без груку повезли, как суку*. В нашей картотеке есть фразеологизм с негативным оценочным значением *за ручку как сучку* – ‘о женитьбе без свадьбы’. Он образован по известной модели: вычленение словосочетания из состава коммуникативного устойчивого оборота – пословицы или поговорки. Исходный оборот для данной ФЕ можно реконструировать по аналогии с приведенной пословицей: *за ручку как сучку – взяли за ручку, повели, как сучку*.

ФЕ свадебной обрядности, представленные в картотеке «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров», различаются по лексическому составу, по степени семантической спаянности компонентов, по структуре и частеречной соотнесенности.

1998 г.

ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ В ГОВОРАХ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Настоящая работа в определенном смысле дань памяти Власа Платоновича Жукова, который впервые дал развернутое описание оценочного значения как одного из основных интегральных (смыслообъединяющих) признаков фразеологизма [3, с. 57–69]. Исследование экспрессивно-оценочной фразеологии проводится на диалектном материале могилевско-смоленского пограничья, изучением которого авторы занимаются уже почти четверть века.

В системе говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП) наряду с диалектными словами широко представлена диалектная фразеология. Сюда мы относим устойчивые сочетания с некротическими элементами и с компонентами, созвучными диалектным словам, а также фразеологические единицы (ФЕ) с диалектным значением. Характерная особенность фразеологизмов МСП, как, впрочем, и диалектной фразеологии вообще, – их ярко выраженная образно-эмоциональная окраска. Эмоционально окрашенные фразеологические обороты в силу своей экспрессивности употребляются, как правило, для оценочной характеристики поведения человека, его свойств, качеств, действий. Общеизвестно, что поведение тесно связано с обычаями, традициями, ритуалами каждого народа, поэтому фразеологизмы поведения, бытующие в говорах МСП, в определенном смысле отражают особенности восточнославянского менталитета.

Подавляющее большинство экспрессивно-оценочных фразеологизмов МСП содержит негативную коннотацию, что, на наш взгляд, объясняется, с одной стороны, свойством человеческой природы остро реагировать на все плохое и редко замечать хорошее (не по этой ли причине у нас на каждом шагу встречается «книга жалоб», а «книгу благодарностей» можно найти разве что в музее). С другой стороны, во фразеологизмах поведения народ выражает свое негативное отношение к таким человеческим порокам, как пьянство, агрессивность, лень, зависть, спесь, сквернословие, лесть и др. Следует отметить, что преобладание негативной экспрессии характерно и для русских слов. Вот что по этому поводу пишет известный лексиколог Д.Н. Шмелев: «Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в словах, в которых экспрессивная оценка выражена не специальными средствами (ср. *старик* – *старичок* – *старикан*; *старушка* – *старушенция*; *дурачок* – *дуралей* – *дурень*; *глупыш* – *глупец* и т. п.) проявляется глав-

ным образом отрицательная экспрессия, именно ее отражает достаточно дифференцированная система помет в словарях. Между тем для отражения положительной экспрессии, по существу, и нет помет, если не считать пометы «ласкательное», применяемой в редких случаях, да и то не во всех словарях. Пометами же отрицательными – «неодобрительное», «презрительное», «уничижительное», «пренебрежительное», указывающими на то, что значения слов осложнены именно отрицательными экспрессивными элементами, отмечено большое количество слов [7, с. 165–166].

Экспрессивно-оценочные фразеологизмы поведения МСП образуют семантическое поле, в котором на основе ассоциативно-образной близости выделяются различные семантические группы: а) ФЕ, отражающие трудовое поведение людей со значением ‘бездельничать’: *балды бить*; б) ФЕ, отражающие речевое общение: *городить верзею*, (*дурню, дурню*) – ‘пустословить’; *баламутку пускать* ‘сплетничать’; в) ФЕ, отражающие агрессивное поведение: *вязы (вяза) свернуть* ‘сильно избить, искалечить’; г) ФЕ, отражающие людскую зависть, спесь, гордыню: *дыбарем стоять (становиться)* ‘вести себя заносчиво’; д) ФЕ, отражающие пристрастие к пьянству, выпивке: *цмыкать гарэлку*; е) ФЕ, отражающие распутное поведение: *пойти в загульни (забегушки)* и др. Незначительную группу составляют ФЕ положительной коннотации: *иметь стыд на белые* – о совестливых людях.

Остановимся на анализе первой в нашей классификации семантической группы – ФЕ со значением ‘бездельничать’. Как отмечает известный лингвокультуролог В.Н. Телия, «характерологической чертой славянского менталитета является установка на трудовую деятельность, которая в библейской формулировке предписывает «трудиться в поте лица», чтобы пожинать плоды труда своего. Поэтому содержание позитивной культурно-национальной коннотации ФЕ ориентировано на активную плодотворную трудовую деятельность, ср. русск. *всё в руках горит*, белор. *рукі гараць ад работы*. Коннотация ФЕ «бездельничать» обусловлена нарушениями характерологической установки на плодотворную трудовую деятельность [5, с. 231].

Синонимический ряд рассматриваемой семантической группы включает фразеологизмы, однотипные по структуре, представляющие собой сочетание глагола и имени существительного. Подавляющее большинство из них построено по модели «стержневой компонент *бить* + существительное во множественном числе»: *байды (байдики) бить*, *балды бить*, *балуи бить*, *бизики бить*, *баклонки бить*, *бэсталы бить*, *брынды (блнды, рынды) бить*, *дрынды (дрынки) бить*, *глузды бить*: ***Байды бить*** – *то ж ничаво ни дельць* (Любавичи, Мон. Смл.); *Дед мой усё балды биў: то на рыбу хадиў, то веники ў гайку визаў, а работа стаить* (Ст. Дедин,

Клим. Мгл.); *Я ўжо сёння наработылася, хопіць. Шчас буду балуі бить* (Тростино, Хот. Мгл.); *Ну колькі ж можна брынды бить? Я ж старая ўжо, ні магу я адна воз еты везці* (Еловец, Хот. Мгл.); *Гудувала я сына свайго адна, думала, памочнік будіць, а ён во работыць ня хочіць, цэлымі днямі баклонкі бье* (Соино, Хисл. Смл.). Белорусский фразеолог И.Я. Лепешев считает эту модель довольно продуктивной в восточнославянских языках и в подтверждение приводит аналогичные ФЕ в белорусском, украинском и русском языках [4, с. 23]; другой белорусский ученый, А.С. Аксамитов, отмечает указанную модель среди белорусско-русских изофразем с диалектными компонентами [1, с. 209]. ФЕ иных моделей в пределах сочетания «глагол + имя существительное» единичны: *комы тереть, балду гонять, гультики справлять, гули править, гбать луна, лягушкам глаз колоть, бить долбню*. Примеры: *Када хто дельміць пустую работу, у нас гаворыць – бьць даўбню* (Соино, Хисл. Смл.); *Будя ўжо табе балду ганяць, іди з батькам бульбу скырадіць* (Звенчатка, Клим. Мгл.); *Унучка мая, Галька, толькі гулі правіць, бегіць па вуліцы ды на рэчку* (Еловец, Хот. Мгл.); *Хопіць ўжо вам, хлопцы, гультикі спраўляць, аддыхнулі пысля арміі – ідіця, працуйця* (Липовка, Хот. Мгл.); *Што ж ты глаз лягушкам колиш, лепіі брату сена класці памагі* (Шамово, Мст. Мгл.). Особняком стоит фразеологизм *гульма гуляць*, построенный на тавтологическом сочетании однокорневых слов: *Мужуки ічас работыць ня хочуть, пьють, гульма гуляють* (Понятовка, Шум. Смл.).

Стержневым компонентом ФЕ семантической группы «бездельничать» является глагол, поэтому во всех приведенных контекстах-иллюстрациях ФЕ употребляются в функции сказуемого. Смыслообразующим центром выступает диалектный именной компонент. Если смыслообразующий компонент фразеологизма семантически соотносится с созвучным словом свободного употребления, можно проследить общее направление процесса формирования (фразеологизации) ФЕ, определить мотивацию образования устойчивого сочетания.

Как известно, фразеологизмы формируются на базе свободных словосочетаний в результате метафорического переосмысления последних. Многие ФЕ анализируемой семантической группы генетически восходят к свободному словосочетанию, построенному по модели «глагол *бить* + имя существительное во множ. числе». По этой модели построена русская изофразама *бить баклуши*, процесс формирования которой весьма показателен. В Толковом словаре В.И. Даля приводится исходное значение слова *баклуша* – ‘чурка, болван, приготовленный для токарной выделки щепеной посуды, чашки, стояка, ложки’. Далее

отмечается: «*Бить баклуши*, готовить болваны эти, скалывать негодную в деле блонь, скалывать горбыльки, притесывать баклуши вчерне; этим занимаются лесники, а выделкой посуды – токари и ложкари; у первых из баклуши ничего не выходит, почему *бить баклуши* – шататься без дела, повесничать, заниматься шалью» [2, т. I, с. 40]. Нетрудно заметить, что фразеологизация свободного словосочетания *бить баклуши* включает 3 этапа: *обычная работа* (исходное значение свободного словосочетания) → *пустая непроизводительная работа* (семантический сдвиг: сужение исходного значения) → *безделье* (образно-метафорическое значение). Сущность фразеологизации заключается в том, что на нейтральную характеристику труда наслаивается «поведенческая» характеристика с негативно-оценочным значением, в результате чего исходное значение труда превращается в свою противоположность – бездельничанье. Мотивация образования фразеологизма *бить баклуши* может быть выражена формулой: *заниматься мелким, непроизводительным делом* → *бездельничать*.

Фразеологизмы МСП со значением ‘бездельничать’, построенные по модели «*бить* + имя существительное во множ. числе», возникли аналогичным путем, хотя исходное значение свободного словосочетания, мотивирующего образование той или иной ФЕ, семантический сдвиг, образно-метафорическое переосмысление могут быть различными. ФЕ *брынды бить* в белорусский язык и в говоры МСП проникла из условно-профессионального языка ремесленников-шерстобитов (шаповалов), где *брындой* назывался инструмент, которым отбивали сложенную слоями шерсть при изготовлении войлока. Шаповальский промысел был примитивным, трудовые операции не требовали значительных физических затрат, поэтому в сознании окружающих такие действия приравнивались к бездействию, «ничегонеделанью». ФЕ *байды (байдики) бить* включает, по мнению И.Я. Лепешева, устаревшие наименования речных судов на Днепре и его притоках (*байд, байдик*), что подтверждается сохранившимся в говорах МСП словом *байд* ‘рыбачья лодка’. Работа на них людей, нанятых на период навигации, казалась легким делом, пустяковым занятием тем, кто на это время оставался один вести крестьянское хозяйство. В этой этимологической версии, предложенной И.Я. Лепешевым, просматривается мотивация образования фразеологизма: *выполнять легкую работу, не требующую физических усилий* → *бездельничать*. Субстантивный компонент ФЕ *бить балуи* имеет созвучное слово свободного употребления в смоленских говорах: здесь *балуём* называют глупых, умственно отсталых мужчин. Отсюда мотивация образования фразеологизма: *ничего не делать по причине*

умственной отсталости → бездельничать. Субстантивный компонент баклонки в ФЕ *бить баклонки*, по всей вероятности, является диалектным словообразовательным вариантом компонента *баклуши*. Следовательно, мотивация образования ФЕ *бить баклонки* аналогична приведенной выше мотивации образования русской идиофразы.

ФЕ, построенные по иным моделям, имеют значение ‘делать пустую, бесполезную работу’ (*бить долбню, лягушкам глаз колоть*), ‘слоняться без дела’ (*балду гонять*), ‘вести разгульный, праздный образ жизни’ (*гульки справлять, гули править*). В ФЕ *балду гонять* отражено активное действие, направленное на бесцельное перемещение объекта, в ФЕ *лягушкам глаз колоть* – активное физическое воздействие на объект с пагубным результатом (ср. русск. *быкам хвосты крутить*).

ФЕ анализируемой семантической группы отражают негативное отношение к безделью, свойственное славянскому менталитету, осуждение откровенного пассивного бездействия. Лингвокультурологи считают, что осуждение или пренебрежительное отношение к безделью – общечеловеческая универсалия, но ее языковое воплощение во фразеологизмах зависит от характерного для данной культурно-языковой общности мировидения.

Литература

1. Аксамітаў, А.С. Беларуская фразеалогія / А.С. Аксамітаў. – Мінск, 1978.
2. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М., 1955. – Т. 1–4.
3. Жуков, В.П. Семантика фразеологических оборотов / В.П. Жуков. – М., 1978.
4. Лепешаў, А.С. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / А.С. Лепешаў. – Мінск, 1981.
5. Телия, В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М., 1996.
6. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык: лексика / Д.Н. Шмелев. – М., 1977.

2009 г.

II. ПРОЕКТ СЛОВАРЯ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ

1. КОНЦЕПЦИЯ СЛОВАРЯ

Л.И. Шаповалова

«СЛОВАРЬ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ» КАК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ОБЩЕСЛАВЯНСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ

«Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) – итог многолетней работы авторского коллектива ученых Могилевского государственного университета имени А.А. Кудешова. Руководитель словарного проекта В.Б. Сузанович. Составление Словаря ведется с 1992 г., а подготовка и систематизация картотеки Словаря началась еще в 1986 г. Основным источником СМСПГ послужили диалектные материалы, собранные преподавателями и студентами филологического факультета – участниками диалектологических экспедиций 1982–2006 гг. в пограничных районах Могилевской и Смоленской областей. Уже на подготовительном этапе, на стадии организации сбора материала, перед составителями Словаря встала проблема определения территории могилевско-смоленского пограничья (МСП) и соответствующего ей лингвистического ареала, характерная особенность которого – в пересечении, контактировании близкородственных языков, белорусского и русского. Граница такого лингвистического ареала не может быть определена абсолютно точно. Поэтому территория МСП определяется условно: сюда включаются населенные пункты, расположенные в 20-километровой зоне по обе стороны от государственной границы. В настоящее время участники диалектологических экспедиций обследовали более 180 населенных пунктов на территории Могилевской и Смоленской областей.

СМСПГ – первый опыт регионального словаря переходных белорусско-русских говоров. За последние два-три десятилетия создано большое количество белорусских и русских диалектных словарей, но пока отсутствуют словари пограничных белорусско-русских говоров, несмотря на

то, что эти говоры занимают значительную территорию: общая протяженность белорусско-русской границы составляет более 1000 км, причем значительная часть ее – около 250 км – проходит по территории Могилевской и Смоленской областей. Именно поэтому создание СМСПГ представляется важной и актуальной задачей. А в наше время активной интеграции белорусского и русского народов работа над созданием словаря такого типа является не только актуальной, но и своевременной, ибо она отражает широкие культурно-исторические связи между Беларусью и Россией.

Могилевская и Смоленская земли в своем историческом прошлом пережили много общего. До XIV в. эти земли входили в состав русских княжеств. После захвата Юго-Западной Руси литовскими феодалами Могилевщина стала владением сначала литовских князей, а с 1136 г. – подских королей. В составе польско-литовского государства она оставалась до первого раздела Речи Посполитой в 1772 г., а потом снова вошла в состав России. Смоленское княжество находилось во владении Великого кн. Литовского с 1404 по 1514 год, затем было присоединено к Московскому государству, но после Смоленской обороны 1609–1611 гг. было захвачено Польшей и окончательно возвращено России в 1667 г. по Андрусовскому перемирию.

История Могилевской и Смоленской земель отражается и в исторической судьбе Мстиславля, районного центра Могилевской области. Он упоминается в летописях с первой половины XII в. как город Смоленского княжества; с 1180 г. началось становление Мстиславского княжества во главе с Мстиславом, сыном смоленского князя Романа Юрьевича. С XIII в. оно оказалось на порубежье Смоленской земли и Великого кн. Литовского, переходило из рук в руки, пока совсем не отошло к последнему, а потом на столетия – к Польше; после подписания Андрусовского мира Мстиславль остался за Речью Посполитой. И только в 1772 г. город стал центром Мстиславского повета Могилевской губернии. И впоследствии границы Могилевской и Смоленской губернии не раз перемещались и населенные пункты оказывались то на белорусской, то на смоленской пограничной территории. Свидетельство тому находим в «Белорусах» Е.Ф. Карского, где он приводит пример фонетического явления, отмеченного им в д. Любавичи Оршанского уезда, которая по современному административному делению относится к Монастырщинскому району Смоленской области и входит в обследуемый нами лингвистический ареал. И в советское время граница между Могилевской и Смоленской областями не была постоянной и окончательно установилась лишь в начале 60-х гг. XX в. Именно вследствие этих геополитических сдвигов, а также многовековых тесных социально-экономических и культурных связей и языковых контактов рус-

ских и белорусов определился могилевско-смоленский лингвистический ареал с переходными белорусско-русскими говорами.

Подготовка СМСПГ имеет важное общеславянское значение. В настоящее время неплохо описаны переходные и смешанные славянские зоны – ляхско-польская, чешско-моравская, польско-белорусская, зона украинско-белорусского Полесья и др. На этом фоне белорусско-русский пограничный регион остается «белым пятном». СМСПГ в определенной степени может восполнить этот пробел в картине славянских переходных говоров и создать прецедент для описания других белорусско-русских пограничных зон – витебско-псковской, гомельско-брянской. Кроме того, СМСПГ может стать лексикографическим источником этнолингвистических и историко-культурных сведений, имеющих общеславянское значение. Диалектные материалы, собранные за годы регулярного обследования МСП, составили картотеку Словаря, которая насчитывает более 100 тыс. карточек-иллюстраций и, следовательно, с достаточной полнотой представляет лексический фонд говоров МСП. Работа по изучению этого лексического фонда велась как составителями словаря, так и студентами филологического факультета университета. Они выявляли и на разном уровне научной компетентности описывали пласты лексики, различной по происхождению и времени возникновения, а также лексико-тематические группы слов, отражающих материальную и духовную культуру носителей данных говоров.

Специалисты признают, что переходные говоры, занимающие маргинальную зону на стыке белорусского и русского языков, находятся в исторически обусловленном фронтальном и афронтальном межъязыковом и междиалектном контактировании. Поэтому *основным источником формирования лексического фонда таких говоров являются близкородственные языки, белорусский и русский, и их диалекты*. Систематизация картотеки и лексикографическая обработка диалектных материалов в процессе подготовки СМСПГ подтверждают этот факт, поскольку в данных материалах в равной степени представлены диалектные слова, соотносительные с общеупотребительными белорусскими и русскими словами, ср.: *бажма*, *багма* (диал.) – *багна* (бел.) ‘трясина’, *беспогодица* (диал.) – *непогодь* (русс.) ‘ненастная погода’ и пр.

Анализ словарных материалов на основе двойного противопоставления диалектизмов – русскому литературному языку, с одной стороны, и белорусскому литературному – с другой, позволил выявить типологию диалектной лексики говоров МСП: 1) собственно диалектная лексика – слова, отсутствующие в составе лексики обоих литературных языков – русского

и белорусского: *зедлик* ‘небольшая скамейка’, *котух* ‘большая корзина’, *крусадня* ‘насед для кур’, *курапа* ‘лягушка, жаба’, *мошак* ‘мухомор’, *мумки* ‘гнилой картофель’ и т. п.; 2) диалектные производные от корней, представленных либо в русском, либо в белорусском литературном языке: *аржаник* ‘ржаная лепешка’, *жартоваться* ‘гулять, веселиться’, *журно* ‘скучно, тоскливо’, *мочливый* ‘дождливый’, *шляхтовка* ‘большая проселочная дорога, большак’ и т. п.; 3) слова, отличающиеся от соответствующих русских или белорусских литературных слов морфемным составом: *банник* ‘предбанник’, *мазило* ‘мазь’, *мережа* ‘мережка’, *мот* ‘моток’, *опух* ‘опухоль’ (ср. бел. *пухліна*), и т. п.; аффиксами: *бегва* ‘беготня’ (ср. бел. *беганіна*), *завидость* ‘зависть’, *мастеруха* ‘мастерица’, *молотилица* ‘молотилка’, *обмылка* ‘ошибка’ (ср. бел. *памылка*) и т. п.; слова с более сложными словообразовательными различиями: *однособно* ‘обособленно’, *осерёдок* ‘середина’, *ручно* ‘вручную’ и т. п.; 4) слова, совпадающие по звуковому облику с русскими и/или белорусскими литературными словами, но отличающиеся от последних по значению: *забор* ‘складки в одежде’, *кресло* ‘ромбовидная вставка в брюках’, *монисты* ‘ордена, медали’, *могутнеть* ‘выздоровливать, оправляться от болезни’, *скула* ‘нарыв, опухоль’ и т. п.; 5) слова, отличающиеся от соответствующих русских и белорусских литературных слов качеством или составом фонем: *абосый*, *биклажан*, *дирёвый*, *пульга*, *гутарели* ‘качели’ (ср. бел. *арэлі*), *ряма* и т. п.; 6) слова, отличающиеся от соответствующих русских и/или белорусских литературных слов грамматической характеристикой: *бедра*, ж. ‘бедро’, *беза*, ж. ‘сирень’ (ср. бел. *бэз*, м.), *пасага*, ж. ‘приданое невесты’ (ср. бел. *пасаг*, м.), *свирна* и *свирня*, ж. ‘сарай для хранения зерна’ (ср. бел. *свіран*, м.) и т. п. 7) слова, отличающиеся от соответствующих русских и/или белорусских литературных слов объемом семантического наполнения; диалектное слово может обладать более широким значением, чем слова литературные: так, белорусское существительное *лёк* ‘селечный рассол’ в говорах МСП употребляется в значении ‘рассол’ вообще, а не только ‘селёчный’; русский глагол *балагурить* ‘говорить весело, забавно, остроумно’ в говорах МСП имеет более широкое значение – вообще ‘разговаривать, беседовать’. С другой стороны, диалектное слово может иметь более узкое значение, чем слова литературные, например, слово *барыш* в русском литературном языке употребляется в значении ‘прибыль, получаемая при различных торговых сделках или перепродаже’, а в говорах МСП слово *барыш* имеет более конкретное значение – ‘выкуп за невесту’.

Говоры, в силу их известного консерватизма, сохраняют слова, унаследованные от предшествующих периодов развития общенародного язы-

ка. И в лексике говоров МСП выявлено весьма значительное количество слов обще- и восточнославянского происхождения, унаследованных из древнерусского языка-источника. К числу таковых мы относим диалектные слова, древнерусское происхождение которых находит подтверждение в авторитетных этимологических источниках – словарях и монографиях, напр.: *ендова*, ‘большой глиняный сосуд для вина’ (ср. МАС¹: *ендова*, 1. Старинная русская посуда для вина в виде большой широкой чаши с носком или рыльцем. Т. 1, с. 466); *епанча* ‘широкий и длинный плащ без рукавов’ (ср. МАС: *епанча* ‘старинная верхняя одежда в виде широкого плаща’. Т. 1, с. 466). В древнерусском пласте диалектной лексики выявлены слова, не претерпевшие существенных изменений за время их бытования в говорах (*мост* ‘пол в сенях, избе; настил’; *прать* ‘стирать белье’ и др.), и слова, претерпевшие трансформацию: формальную – фонетическую (напр.: *иструб* > *изърубь* ‘сруб (избы, колодца)’ и деривационную (приведшую к появлению синонимических образований типа *заметь* – *заметуха* ‘метель’); семантическую – с расширением или сужением объема лексического значения моносемантических древнерусских слов, с различными преобразованиями семантической структуры полисемантических древнерусских лексем. Мы считаем возможным признать *древнерусский язык вторым по значимости внутренним источником формирования лексического фонда говоров МСП*.

В Словаре широко представлена этнографическая лексика, отражающая различные стороны материальной и духовной культуры жителей могилевско-смоленского пограничного региона: *беляк, портяк, синяк* и др. – названия домотканых юбок, различающихся назначением, фасоном, расцветкой и т. п.; *ладка, прыщ, резник, тошнотик* и др. – названия лепешек; *поришны, раки, ходоки, каверзны* и др. – названия лаптей; *банник* ‘злой дух, живущий в бане’, *любиста* ‘заговор на любовь’, *отходчик* ‘знахарь, снимающий порчу, сглаз’; *родимец* ‘черт, дьявол, нечистая сила’, *чаровник* ‘злой колдун, наводящий порчу на людей и скотину’ и др. – мифологическая лексика; *домовина, кладище, уставщик, ховтуры* и др. – похоронно-обрядовая лексика. В СМСПГ представлена также лексика профессиональная и специальная, относящаяся к народным промыслам, ремеслам, ведению сельского хозяйства и т.п.: *бёрдо, кросно, набилки, навой, ниты, понож, сучить* и др. – ткаческая лексика; *бабка, грязиль, косьё, палица, рассоха* и др. – сельскохозяйственная лексика; *близнята* и *спаришки* (два горшка, соединенные общей ручкой), *горшколёп, миса* и др. – гончарная лексика и т. п.

В словарном составе говоров МСП представлен обширный пласт полонизмов. Как было сказано выше, белорусские и смоленские земли были

исторически связаны с Великим кн. Литовским и Речью Посполитой, и после раздела последней на этих землях остались локальные и «рассеянные» поселения поляков: после 1654 г. многие из них навсегда остались в Смоленске и уездах, а на Могилевщине самое густое расселение шляхты отмечалось по Сожскому водоему, в районе городов Мстиславль – Кричев – Чериков, о чем свидетельствуют, в частности, топонимы типа *Лютня, Езеры* (Мстиславский и Чериковский р-н Мог. обл.), *Иозефовка* (Хиславичский р-н Смол. обл.). Непосредственное общение белорусско-русского населения с польским привело к появлению полонизмов в лексике МСП. Польские заимствования, употребляющиеся в говорах МСП, распределяются по четырем группам: 1) слова, входящие в активный словарный фонд белорусского и русского литературных языков: *безмен, будка, галстук, кофта, кубок*, и др.; 2) слова, являющиеся принадлежностью белорусского литературного языка и отсутствующие в русском: *брама – ворота; вага – вес; крама – магазин, автолавка; кашуля – рубашка* и др.; 3) слова, являющиеся принадлежностью русского литературного языка и отсутствующие в белорусском: *комната – (бел. пакой), пушка – (бел. гармата), ярмарка (бел. кірмаш)* и др.; 4) диалектные слова, имеющие ограниченную территорию распространения, а также устаревшие слова, относящиеся к пассивной лексике обоих языков или одного из них при отсутствии в другом: а) названия головных уборов, одежды и ее частей: *магерка* ‘мужской головной убор’, *андарак* ‘самотканая юбка’, *кабат* ‘верхняя часть сарафана’, *жупан* ‘мужская верхняя одежда’, *ковнер* ‘сборка вокруг воротника в мужской рубашке’, *гаплик* ‘застежка’ и др.; б) названия предметов домашнего обихода: *кварта* ‘кружка’, *фаса* ‘бочка’, *кановка* ‘корыто’, *гарнец* ‘трехлитровая банка’, *кошуля* ‘плетеная корзина с двумя ручками’, *кухлик* ‘глиняный кувшин для топления молока’ и др.; в) названия построек и их частей: *камора* ‘кладовая, амбар’, *пуня* ‘хлев’, *клуня* ‘чулан, сарай’, *халуца* ‘старый неухоженный дом’ и др.; г) названия животных, птиц: *бутян* ‘аист’, *когут* ‘петух’ и др.; д) названия людей по различным признакам: *арест* ‘нахал’, *рахуба* ‘неряха, грязнуля’, *шкода* ‘о балованном, непослушном ребенке’ и др. Слова последней группы проникали в говоры чаще всего устным путем в процессе прямых контактов белорусов и русских с поляками, поэтому относятся преимущественно к бытовой лексике. Приведенные факты позволяют считать польский язык внешним историческим источником формирования лексического фонда говоров МСП.

Таким образом, диалектные материалы СМСПГ содержат важные сведения об исторически обусловленном взаимодействии славянских языков в пограничном этнолингвистическом ареале. Но особая значимость

СМСПГ видится в том, что он является хранителем исторической памяти славян, испокон веков проживавших в могилевско-смоленском Поднепровье.

Литература

¹ МАС – Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд, испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981.

2008 г.

В.Б. Сузанович

О СПЕЦИФИКЕ «СЛОВАРЯ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ»

«Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) – первый опыт регионального словаря переходных русско-белорусских говоров. Отсюда вытекает множество проблем, обусловленных спецификой словаря указанного типа. Здесь рассмотрим наиболее существенные из них: определение территории могилевско-смоленского пограничного региона, принципы отбора лексики, помещаемой в Словарь, построение словарной статьи, подача заглавного слова и иллюстративного материала.

1. Данные диалектологических атласов русского и белорусского языков указывают на то, что очертить хотя бы приблизительно территорию русско-белорусского пограничья практически невозможно. Поэтому территория могилевско-смоленского пограничного региона определяется условно: сюда мы включаем населенные пункты, расположенные в радиусе не более 20 км по обе стороны официальной могилевско-смоленской границы, т. е. приграничные территории Горецкого, Мстиславского, Кричевского, Климовичского, Хотимского районов Могилевской области и Краснинского, Монастырщинского, Хиславичского, Шумячского, Ершичского районов Смоленской области. Протяженность могилевско-смоленской границы составляет более 240 км, а общая площадь изучаемого региона равняется почти 10000 кв. км.

Традиционно говоры смоленского пограничья и говоры могилевско-го пограничья изучаются изолированно друг от друга: первые признаются диалектами русского языка, вторые – диалектами белорусского. Такой подход отражен в научной и учебной литературе по русской и белорусской диалектологии, в соответствующих диалектологических картах и атласах.

Между тем многолетнее наблюдение говоров в разных районах могилев-ского и смоленского пограничья позволяет утверждать, что официальная граница между Могилевской и Смоленской областями не имеет языкового соответствия: при всей своей фонетико-морфологической и лексико-се-мантической пестроте эти говоры сравнительно однородны; пригранич-ные могилевские говоры отличаются от соответствующих смоленских говоров незначительно, и сами отличия во многих случаях носят частный характер. Все это служит, на наш взгляд, достаточным основанием для объединения могилевско-смоленских пограничных говоров в одну диа-лектную зону.

Объединение в один регион говоров разных, хотя и близкородствен-ных языков требует нового, нетрадиционного подхода к их изучению и лексикографическому описанию. Говоры могилевско-смоленского погра-ничья (МСП), занимая маргинальную территорию на стыке русского и белорусского языков и диалектов, находятся в условиях межъязыкового и междиалектного контактирования. Характерная особенность указанной контактной зоны – в пересечении генетически родственных языков и диа-лектов. Отсюда естественно, что в говорах МСП органически сочетаются русские и белорусские языковые элементы различного характера: черты, объединяющие белорусский язык с южнорусским наречием (напр., аканье, [г] фрикативное, [й] неслоговое и др.); черты, сближающие большинство белорусских диалектов с западными русскими говорами – южнорусски-ми и среднерусскими (напр., дзеканье, цеканье, [р] твердое и др.); черты, сближающие северно-восточные белорусские диалекты с близлежащими смоленскими и калужскими говорами (напр., диссимилятивный тип ака-нья и яканья и др.). Кроме того, в говорах МСП содержатся элементы, свойственные русскому и белорусскому литературным языкам.

Вполне очевидно, что указанные говоры нельзя считать русскими или белорусскими в том смысле, какой обычно вкладывается в эти понятия; их следует квалифицировать, на наш взгляд, как промежуточные, переходные русско-белорусские (белорусско-русские) говоры. Само понятие «диа-лект» по отношению к переходным русско-белорусским говорам получает иное содержание, нежели это принято в диалектологической науке. Если в общепринятом смысле «диалект» – это разновидность одного языка, под-система внутри одной системы, то в нашем случае «диалект» – это под-система, находящаяся на стыке, на пересечении двух систем. При таком понимании диалекта методика описания переходных русско-белорусских говоров, лексикографическая разработка соответствующих региональных словарей должны существенно отличаться от методик, используемых в

частных русской и белорусской диалектологии и лексикографии. Если методика частной диалектологии основывается на противопоставлении диалекта одному конкретному языку (русскому, белорусскому), то методика описания переходных русско-белорусских говоров предполагает двойное противопоставление – русскому литературному языку, с одной стороны, и белорусскому литературному языку – с другой.

2. Изложенная методика используется нами в отборе лексики, помещаемой в СМСПГ. Указанный словарь задуман как сводный словарь дифференциального типа. Как известно, понятие дифференциальности в лексикографической науке понимается неоднозначно: в одних словарях это понятие применяется для характеристики «диалектного слова», в других – при определении границ диалектной лексики. Применительно к СМСПГ дифференциальность понимается как принцип отличия говоров МСП и от русского, и от белорусского литературного языка: любое отличие лексемы от русского и/или белорусского литературного слова может служить основанием для ее включения в Словарь. С учетом такого понимания принципа дифференциальности в СМСПГ помещаются слова, отсутствующие как в составе лексики русского литературного языка, так и в составе лексики белорусского литературного языка; такие слова либо вообще не находят отражения в русских и белорусских нормативных словарях, либо фиксируются в них с пометами «областное», «этнографическое», «устаревшее» и некот. др. Таким образом, важнейшим критерием определения диалектного слова является отсутствие последнего в нормативных словарях современных русского и белорусского языков.

Основу СМСПГ составляет диалектная лексика, включающая диалектизмы различных типов: собственно лексические, лексико-этнографические, лексико-семантические, лексико-словообразовательные, лексико-фонематические и т. п. Отбор лексики производится на основе выверки по нормативным русским и белорусским лексикографическим источникам. Вместе с тем, следуя давней и устойчивой традиции отбора лексики в региональных словарях, мы помещаем в СМСПГ слова, устаревшие по отношению к современным русскому и белорусскому литературным языкам, а также некоторые разряды профессионально-бытовых диалектизмов. Особое место в Словаре занимает диалектная фразеология.

3. Построение словарной статьи в СМСПГ в целом продолжает традиции «одноязычных» региональных словарей. Вместе с тем структура словарной статьи СМСПГ отличается от структуры словарных статей словаря одного диалекта. Словарная статья СМСПГ является более сложной,

поскольку она включает материал не только разных говоров, но и разных лексических систем.

Если в словарях, составленных на материале одного диалекта, словарная статья представляет собой показ семантической структуры одного слова, все значения которого являются реализацией его семантических возможностей в этой конкретной системе, то в сводных словарях типа СМСПГ словарная статья лишь формально совпадает со словарными статьями обычных региональных словарей. В словарной статье СМСПГ могут быть представлены слова, значения которых все вместе в одной лексической системе не сосуществуют и могут реализоваться на разных территориях и даже в разных системах. Например, существительное общего рода *ОТОРВА* отмечено в говорах МСП в пяти значениях: 1) подвижный, быстрый, ловкий человек; 2) отчаянный человек; 3) боевой, задиристый человек; 4) шаловливый ребенок; 5) лентяй, бездельник, лежебока. Однако ни в одном говоре, ни даже в одном районе не зафиксированы все значения этого слова. Все пять значений лексемы *оторва* зарегистрированы на территории могилевского пограничья, а на Смоленщине указанное слово отмечено в трех значениях (2, 3, 4). В Климовичском р-не Могилевской обл. оно зафиксировано в трех значениях (2, 3, 5), в д. Звенчатка этого р-на и т. д. Литвиновка Ершицкого р-на Смоленской обл. отмечено по два значения. Глагол *жигнуть* отмечен в говорах МСП в трех значениях: 1) быстро, резко бежать; 2) хлестнуть, резко ударить плетью, кнутом; 3) укусить, ужалить. Во всех трех значениях это слово зафиксировано на территории могилевского пограничья, но при этом в разных говорах и даже в разных районах: в знач. 1. указанный глагол употребляется в д. Ковшово Мстиславского р-на; в знач. 2 – в д. Ленино Горецкого р-на и д. Звенчатка Климовичского р-на. На территории смоленского пограничья глагол *жигнуть* зафиксирован в знач. 2 и 3; в знач. 2 указанное слово употребляется в д. Татарск Монастырщинского р-на и д. Кузьмичи Ершицкого р-на; в знач. 3 – в д. Понятовка Шумяцкого р-на.

Указанная картина характеризует почти все словарные статьи СМСПГ с многозначными словами. Следовательно, система значений полисемичного слова, отраженная в словарных статьях сводного СМСПГ, является, по существу, географической сводкой бытования на территории могилевско-смоленского пограничного региона тех или иных слов в их значениях. Описанное положение может отражать, с одной стороны, реальную картину бытования того или иного слова с его семантическими связями в различных районах МСП. Так, одно из значений какого-то слова может выражаться в других говорах МСП другим словом. Например, слово *ото-*

рва в значении ‘шаловливый ребенок’ употребляется в д. Горы Горецкого р-на Могилевской обл. и в д. Викторovo Краснинского р-на Смоленской обл.; отсутствие этого значения у слова *оторва* в других говорах МСП может объясняться тем, что в них в этом значении бытует другое слово: ср. наличие в указанном значении слов *байдула* (Селец, Мст. Мгл.), *бедуина* (Литвиновка, Ерш. Смл.), *бедоход* (Татарск, Мон. Смл.), *жулик* (Тростино, Хот. Мгл.; Милейково, Мст. Мгл.; Городище, Хисл. Смл.). С другой стороны, указанное положение может явиться и следствием неполноты материала, собранного для СМСПГ, – прежде всего на территории смоленского пограничья.

4. Одна из основных проблем, с которой составители столкнулись при подготовке СМСПГ, – подача заглавного слова. При составлении обычного регионального словаря подобных проблем не возникает: заглавные слова в русских областных словарях приводятся в русской условной орфографической записи, заглавные слова в белорусских областных словарях – соответственно в белорусской. В нашем случае одинаково возможна подача заглавного слова и в русской, и в белорусской орфографии. Выбор записи, таким образом, всецело зависит от компетентности составителей словаря. В СМСПГ заглавное слово, как правило, приводится в условной записи, соответствующей нормам русской орфографии с показом фонемного состава слов и морфем. Такая запись принята: а) для слов с прозрачным морфемным составом: *обмашка* ‘ошибка, промашка’ (*абмашка*), *обрать* ‘выбрать, избрать’ (*абрать* и *абраць*), *обруб* ‘сруб’ (*абруп*), *обряд* ‘одежда, наряд’ (*абрят* и *абрат*); б) с прозрачной этимологией: *мотушка* ‘моток, катушка, бобина’ (*матушка*), *обтопок* ‘стоптанная обувь’ (*аптопак*), *обтрёпок* ‘старая тряпка, ветошь’ (*аптрёпак* и *аптропак*); в) если фонемный состав слова удается восстановить путем этимологического анализа, ср. *гоновицы* ‘брюки, штаны’ (слово создано путем метатезы слогов от *ноговицы* с тем же значением), *жевина* ‘ежевика’ (*жавина*), *борошня* ‘большая корзина, короб’ (*барышня*) – произношение в говорах с диссимилятивным типом аканья. По всей вероятности, данное слово этимологически связано со словом *борошень* ‘пожитки, скарб, обиходное имущество; одежда и утварь’, зафиксированным в словаре В.И. Даля.

Вместе с тем при установлении фонемного и морфемного состава диалектного слова составители СМСПГ нередко сталкиваются с трудностями в отделении фонетических процессов от словообразовательных. Это относится, например, к разграничению протетического гласного [а] (*абаранка*, *авоўна*, *агляк*, *аголый*, *алес* и т. п.), с одной стороны, и приставки *о-* (*аголить*, *агледить*, *асеўки* и т. п.) – с другой. При акающем произношении

трудно решить вопрос о происхождении (фонетическом или словообразовательном) и реальном статусе начального гласного в словах типа *абабок* или *обабок* ‘гриб подберезовик’, *абалок* или *обалок* ‘куча земли’, *аблуда* или *облуда* ‘заблуждение’, *абыдня* или *обыдня* ‘ведро в колодце’ и т. п.

Немалые трудности в подаче заглавных слов связаны с особенностями произношения тех или иных звуков в говорах МСП. Например, при произношении в говоре слова *рагаза* с твердым [р] подача заглавного слова допускает варианты: *рагоза*, *рогоза*, *регоза*, при произношении с твердым [р] слова *рапуха* в подаче заглавного слова возможны варианты: *рапуха*, *ропуха*, *репуха*, *ряпуха*.

В отмеченных и других случаях возникновения трудностей в установлении фонемного состава слова, его корневой или аффиксальной морфемы в заглавное слово выносятся произносительные варианты: *кателка* и *катёлка* ‘подсолнух’, *ажмеры*, мн. ‘отходы семян’, *азмётка* ‘неразбериха’, *аляскат* ‘пряник’ и т. п. либо в заглавном слове приводятся все допустимые фонетические варианты слова: *аблавуха* и *обловуха* ‘шапка-ушанка’, *апалушка* и *опалушка* ‘корыто для просеивания зерна’, *рагоза*, *рогоза* и *регоза* ‘колючее растение’, *рапуха*, *ропуха*, *репуха*, *ряпуха* ‘лягушка, жаба’, *аборок* и *оборок* ‘низкое место на лугу, в поле или в лесу, где собирается вода’ и т. п.

Иллюстративный материал (примеры) в СМСПГ приводится в упрощенной транскрипции, принятой в русских региональных словарях и отражающей особенности произношения говоров МСП*.

1998 г.

В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова, И.Н. Лапицкая

ПРОЕКТ «СЛОВАРЯ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ»: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

«Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) – первый опыт регионального словаря переходных белорусско-русских говоров. Словарь задуман как двухтомное издание. По степени охвата лексики СМСПГ относится в определенном смысле к сводным словарям, поскольку в нем описывается диалектная лексика (и диалектная фразеология) двух языковых систем – белорусской и русской. По принципу отбора лексики

* Подробно о правилах применяемой в Словаре транскрипции иллюстративного материала см. Сузанович, Шаповалова 2013 (с. 229 и след. настоящего издания).

СМСПГ является дифференциальным: в него включается лишь диалектная лексика говоров могилевско-смоленского пограничного региона.

За последние десятилетия создано большое количество белорусских и русских диалектных словарей, но пока отсутствуют словари пограничных белорусско-русских говоров, несмотря на то, что эти говоры занимают значительную территорию: общая протяженность белорусско-русской границы составляет более 1000 км, причем значительная часть ее разделяет Могилевскую и Смоленскую области. Именно поэтому создание СМСПГ представляется важной и актуальной задачей. В наше время активной интеграции белорусского и русского народов работа над созданием словаря такого типа является не только актуальной, но и своевременной, ибо она отражает широкие культурно-исторические связи между Беларусью и Россией.

Подготовка СМСПГ имеет важное общеславянское значение. В настоящее время неплохо описаны переходные и смешанные славянские зоны – ляхско-польская, чешско-моравская, польско-белорусская, зона украинско-белорусского Полесья и др. На этом фоне белорусско-русский пограничный регион остается «белым пятном». СМСПГ в определенной степени может восполнить этот пробел в картине славянских переходных говоров и создать прецедент для описания других белорусско-русских пограничных зон – витебско-псковской, гомельско-брянской. Наконец, создание СМСПГ поможет решить сложные теоретические вопросы, не получившие в науке удовлетворительного объяснения (в частности, вопрос о языковой принадлежности говоров могилевско-смоленского пограничья, об их первоначальной основе), позволит скорректировать диалектное членение белорусского и русского языков.

СМСПГ – итог многолетней работы авторского коллектива ученых МГУ имени А.А. Кулешова. Составление Словаря ведется с 1992 г., а подготовка и систематизация картотеки Словаря началась еще в 1986 г. Основным источником СМСПГ послужили диалектные материалы, собранные преподавателями и студентами филологического факультета – участниками диалектологических экспедиций 1982–2001 гг. в пограничных районах Могилевской и Смоленской областей.

Уже на этом подготовительном этапе, на стадии организации сбора материала, перед составителями Словаря встала проблема определения территории могилевско-смоленского пограничья (МСП). Данные белорусских и русских диалектологических атласов указывают на то, что очертить хотя бы приблизительно территорию белорусско-русского пограничья практически невозможно. В силу этого обстоятельства территория МСП

определяется нами условно: сюда включаются населенные пункты, расположенные в 20-километровой зоне по обе стороны от белорусско-русской государственной границы*. В процессе подготовки Словаря его авторы стремились использовать лучшие традиции, наработанные в белорусской и русской диалектной лексикографии. Вместе с тем в СМСПГ применяется оригинальная методика описания переходных белорусско-русских говоров и лексикографической обработки соответствующих региональных словарей, разработанная руководителем проекта В.Б. Сузанович. Эта методика существенно отличается от методик, используемых в частной диалектологии и лексикографии. Если в частной диалектологии диалект противопоставляется одному конкретному языку (русскому, белорусскому), то методика описания переходных белорусско-русских говоров предполагает двойное противопоставление – русскому литературному, с одной стороны, и белорусскому литературному – с другой. Эта методика используется в отборе лексики, помещаемой СМСПГ: в него включаются слова, отсутствующие в лексической системе как русского литературного языка, так и белорусского. Критерием определения диалектного слова является отсутствие последнего в белорусских и русских нормативных словарях, либо фиксация слова в указанных словарях с пометой «*обл.*» (т. е. слово областное, диалектное). Отбор диалектных слов производится на основе их выверки по русским и белорусским кодифицированным словарям, а также по двуязычным словарям – белорусско-русскому и русско-белорусскому.

Построение словарной статьи в СМСПГ в целом продолжает традиции «одноязычных» региональных словарей и включает следующие компоненты: заглавная форма слова; грамматические пометы; ограничительные пометы; толкование значения слова; иллюстративный материал с указанием места записи примера (название деревни, района, области); географические пометы тех населенных пунктов, которые не представлены в иллюстрациях; фразеологический оборот, толкование его значения с иллюстрацией и указанием места записи примера; этнографический комментарий. Однако с учетом специфики СМСПГ как первого опыта словаря переходных белорусско-русских говоров в нем нестандартно решаются многие сложные вопросы, касающиеся различных сторон разработки словарной статьи. Наиболее существенные из таких вопросов – подача заглавной формы слова, разработка словарных статей с фразеологическим оборотом, отражение в Словаре синонимических отношений между диалектными словами. Подача заглавной формы слова – одна из серьезных

* Подробно о территории могилевско-смоленского пограничного региона см. Сузанович 1988 (с. 171 и след. настоящего издания); Шаповалова 1998 (с. 15 и след. настоящего издания).

проблем, с которой составители столкнулись при подготовке словарных статей для СМСПГ. При составлении «одноязычных» региональных словарей подобной проблемы не существует: в русских областных словарях заглавные слова приводятся в русской орфографической записи, а в белорусских областных словарях – соответственно в белорусской. В нашем случае подача заглавного слова одинаково возможна и в русской, и в белорусской орфографии. В СМСПГ заглавное слово, как правило, приводится в русской орфографической записи с показом фонемного состава слов и морфем: *обмашка* ‘ошибка, промашка’ (при произношении в говорах МСП *абмашка*), *обряд* ‘одежда, наряд’ (при произношении *абряд* и *абрат*), *борошня* ‘большая корзина, короб’ (при произношении *барышня*, реализующем диссимилятивное аканье). Трудности в подаче заглавных форм связаны с акающим произношением, препятствующим разграничению протетического гласного [а], (ср. *абаранка*, *абалясина*, *агляк*) и приставки *о-* (ср. *оголить*, *осевки*, *ожинки*), а также с особенностями произношения того или иного звука в говорах МСП. Напр., при произношении в разных говорах твердого и мягкого [р] в словах типа *рогоза* и *регоза* ‘грязуля, неряха’, *рапуха* и *ряпуха* ‘жаба, лягушка’ или при различной реализации по говорам фонемы [т’] в словах типа *тетюха* и *цецюха* ‘лихорадка’, *тикавый* и *цикавый* ‘хитрый’. В подобных случаях в заглавное слово вносятся его произносительные варианты.

Из устойчивых сочетаний в СМСПГ помещаются только те, которые содержат в своей структуре диалектные компоненты: *дать вспыжника* ‘отругать’, *газью лезть* ‘заискивать, лстить’, *заседлая девка* ‘старая дева’ и пр. подача фразеологизмов в Словаре осуществляется двумя способами. Фразеологизмы, в состав которых входят диалектные слова со свободным употреблением в говорах МСП, фиксируются в конце словарной статьи этого слова: БАЛАМуТКА, -и, ж. Сплетня, вздор, небылица. ... • БАЛАМуТКУ ПУСтИТЬ. Распустить сплетни. Фразеологизмы, в состав которых входят диалектные слова, не отмеченные в свободном употреблении на данной территории, разрабатываются в самостоятельной словарной статье: НАБГОМ: ЕСТЬ НАБГОМ. Есть жадно и быстро. ...

Проблема синонимии в диалектах является одной из наименее разработанных проблем, что неизбежно отражается в практике составления региональных словарей. В диалектной лексикографии понятие синонима оказывается существенным как при решении вопроса о принципах подачи синонимов в словаре, так и в разработке словарной статьи синонимического слова, в способах толкования помещаемых в словарь лексем. При разработке словарной статьи синонимического слова СМСПГ продолжает

лучшие традиции, заложенные «Псковским областным словарем». Вместе с тем описание синонимов в нашем Словаре имеет свои особенности. С включением в словарную статью синонимического ряда связан вопрос о выделении стержневого слова – доминанты. В отличие от литературного языка, в котором доминантой синонимического ряда является стилистически нейтральная, общеупотребительная лексическая единица, в СМСПГ в качестве доминанты синонимического ряда выступает, как правило, наиболее употребительное слово, имеющее широкий ареал распространения как на Могилевщине, так и на Смоленщине. При доминанте после пометы «ср.» приводится перечень синонимических слов на данную букву алфавита. БАЛАГУРИТЬ, *несов., неперех.* Разговаривать, беседовать... Ср. БАДАТЬ², БАИТЬ в 1 зн., БАКАТЬ, БАЛАКАТЬ, БАЛАБОНИТЬ во 2 зн., БАСИТЬ, БАХОРИТЬ, БАЧИТЬ, БУТОРИТЬ.

В процессе разработки словарных статей для СМСПГ составителями решались и другие сложные вопросы диалектной лексикографии: критерии разграничения полисемии и омонимии, подача вариантов слов, способы отсылочного толкования и т. п. Поиски решения этих вопросов отражены в публикациях членов авторского коллектива.

Работа над составлением СМСПГ стала настоящей научной школой для разработчиков проекта. По материалам Словаря подготовлены 2 кандидатские диссертации, опубликовано более 50 научных статей; члены авторского коллектива выступали с научными докладами в Минске, Гомеле, Гродно, Витебске, Киеве, Нежине, Ярославле, Смоленске. Материалами Словаря активно пользуются студенты при подготовке научных докладов, курсовых и дипломных работ; тезисы их лучших докладов опубликованы в студенческих научных сборниках.

В настоящее время работа по созданию двухтомного Словаря близится к своему завершению: подготовлен электронный вариант I тома и значительной части словарного материала II тома.

Литература

1. Лапицкая, И.Н. Принципы разработки омонимов в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» // Шестые Поливановские чтения. – Ч. 3 / И.Н. Лапицкая. – Смоленск, 2003.
2. Сузанович, В.Б. О специфике «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» / В.Б. Сузанович // Сборник научных трудов по лексикографии. – Вып. 5. – Гродно, 1998.
3. Сузанович, В.Б. Принципы отбора лексики для «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» / В.Б. Сузанович // Разноуровневые характеристики лексических единиц. – Ч. 1. – Смоленск, 1997.

4. Сузанович, В.Б. Из опыта составления словарных статей для «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» / В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова, И.Н. Лапицкая // Сборник научных трудов по лексикографии. – Вып. 6. – Харьков, 1998.
5. Шаповалова, Л.И. Способы подачи фразеологизмов и их разработка в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» / Л.И. Шаповалова // Vocabulum et vocabularium : сборник научных трудов по лексикографии. – Вып. 5. – Гродно, 1998.

2003 г.

В.Б. Сузанович

**ПРОДОЛЖЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТРАДИЦИЙ
«СЛОВАРЯ СМОЛЕНСКИХ ГОВОРОВ»
В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ БЕЛАРУСИ***

Без преувеличения можно сказать, что Словарь смоленских говоров (ССГ) подобрал лучшие традиции русской диалектной лексикографии, сложившиеся к середине прошлого века. Эти традиции наиболее полно и всесторонне раскрыты Ф.П. Филиным в Проекте «Словаря русских народных говоров» [3].

Как частный областной словарь ССГ, в свою очередь, сыграл исключительную роль в работе над составлением Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров (МСПГ), которая более 20 лет ведется группой ученых Могилевского госуниверситета под нашим руководством.

Изучение говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП) началось в начале 80-х гг. прошлого века, когда в учебный план пединститута была включена диалектологическая практика. Наш интерес к говорам МСП был вызван прежде всего тем обстоятельством, что они, как и говоры русско-белорусского пограничья вообще, не подвергались всестороннему изучению; в научной литературе эти говоры определяются по-разному: «белорусские говоры русского языка», «смешанные русско-белорусские говоры», «переходные русско-белорусские говоры», «русские говоры с белорусскими чертами», «русские говоры с развивающейся переходностью»**. В процессе подготовительной работы была обозначена территория могилевско-смоленского пограничного региона (эта террито-

* Статья подготовлена по заказу смоленских коллег в связи с завершением ими многолетней работы над многотомным «Словарем смоленских говоров».

**Ссылки на авторов разных точек на статус говоров белорусско-русского пограничья см. Сузанович 1993 (с. 13 и след. настоящего издания).

рия определяется условно: сюда мы включили населенные пункты в радиусе 20 километров по обе стороны могилевско-смоленской границы ***.

Наблюдение говоров в разных районах могилевского и смоленского пограничья позволило сделать вывод, что при всей их фонетико-грамматической и лексико-семантической пестроте эти говоры сравнительно однородны: приграничные могилевские говоры отличаются от соответствующих смоленских говоров незначительно и сами отличия во многих случаях носят частный характер. Такой вывод послужил основанием для объединения могилевских и смоленских пограничных говоров в одну диалектную зону.

Говоры МСП, занимая маргинальную территорию на стыке русского и белорусского языков и диалектов, находятся в условиях межъязыкового и междиалектного контактирования. Характерная особенность указанной контактной зоны – в пересечении генетически родственных языков и диалектов. Отсюда естественно, что в говорах МСП на всех уровнях языка органически сочетаются русские и белорусские элементы.

Был определен языковой статус говоров МСП: эти говоры мы квалифицируем как *переходные белорусско-русские* или *русско-белорусские*.

Начало работы над составлением СМСПГ относится к 1986 г. (сама эта идея принадлежит Юрию Серафимовичу Долгову, тогдашнему заведующему кафедрой русского языка). При нашем непосредственном участии организуются выездные диалектологические экспедиции по массовому сбору лексики и фразеологии на территории могилевского и смоленского пограничья, ведется обработка диалектного материала и создается картотека Словаря. Параллельно осуществляется разработка проекта СМСПГ и изучение опыта российских и белорусских диалектных лексикографов¹, поскольку своего опыта в подготовке такого словаря у составителей не было. С учетом генетического родства говоров МСП с южнорусскими говорами западной (смоленской) группы (как и с белорусскими говорами витебско-могилевской группы северо-восточного диалекта), наиболее весомым и значимым при разработке проекта СМСПГ оказался опыт составителей Словаря смоленских говоров.

Работа над созданием СМСПГ позволила авторскому коллективу установить связи со Смоленским пединститутом (ныне Смоленский университет), в стенах которого с 1974 г. осуществлялся выпуск ССГ. Изучение многолетнего опыта смоленских лексикографов, личные контакты, свободный доступ к картотеке ССГ, постоянное участие в научных кон-

*** Подробнее о территории могилевско-смоленского пограничья см. Сузанович 1988 (с. 171 и след. настоящего издания); Шаповалова 1998 (с. 15 и след. настоящего издания).

ференциях Смоленска, публикации наших статей в смоленских научных сборниках и, что особенно важно, постоянная поддержка, доброжелательное отношение к нам смоленских коллег – все это оказало неоценимую помощь в формировании могилевской лексикографической школы и в выработке концепции СМСПГ. Под влиянием ССГ нами разрабатываются инструкции для подготовки и составления СМСПГ, определившие структуру Словаря и обозначившие схему построения словарной статьи. Влияние ССГ нашло отражение и в содержательной стороне СМСПГ, и в решении некоторых задач технического плана. По образцу ССГ во Введение СМСПГ были включены разделы «Фонетическая транскрипция» и «Краткая характеристика фонетических и грамматических особенностей говоров МСП». Опыт составителей ССГ нами используется в способах отсылочного толкования слов, в подаче синонимов и фразеологизмов, в показе вариантов слова и др.

Основы научного описания синонимов в диалектных словарях заложены в «Словаре русских народных говоров». Так, в Инструкции для составления Словаря отмечается: «При наличии в говорах равнозначных слов определяется описательным способом... только одно из них, при остальных словах делается отсылка к истолкованному слову. Определяется более распространенное слово или исходное: НАСеРДКА, -и. ж. Злоба, недоброжелательность...; НАСеРГА, -и. ж. То же, что НАСеРДКА. НАШеСТОК, -тка, м. То же, что НАШЕСТ... Если равнозначные слова имеют одинаковое распространение в говорах, ...определяется слово, стоящее первым по алфавиту, а при остальных даются отсылки» [3, с. 14]. Аналогичного принципа описания синонимов придерживаются авторы ССГ: «При словах с тождественным значением (однокоренных с разными суффиксами, дублетах) используется отсылка «то же, что». При наиболее употребительном (или первом по алфавиту) слове после «ср.» приводится перечень однозначных слов, при других – «то же, что»: БЕРЕСТеНЬ... 2. Глиняная посуда..., обернутая берестой... Ср. БЕРЕЗНИК, БЕРЕСТНИК², БЕРЕСТЯНИК², БЕРЕСТЯНКА¹ в 3 знач., БЕРЕЩеНИК². БЕРЕЗНИК... То же, что БЕРЕСТеНЬ во 2 знач. При синонимичных словах отсылки даются посредством «ср.» в конце словарной статьи. При наиболее употребительном слове после пометы «ср.» приводится по возможности исчерпывающий перечень синонимичных слов. АЛёС... Мокрое топкое место, заболоченный луг... Ср. БаГНО. БаГНО... Топкое низкое место, трясина... Ср. АЛёС, АЛьСаВИНА, АМШаниК²» [2, с. 10–11].

В СМСПГ эта традиция получает свое дальнейшее развитие. Здесь принцип подачи слов с тождественным значением, главным образом

словообразовательных вариантов с разными суффиксами, несколько отличается от принципа подачи синонимичных слов с близким значением. В первом случае толкование дается лишь первого по алфавиту слова, при других равнозначных словах приводится отсылка «то же, что». Словарная статья с толкованием значения завершается пометой «ср.», после которой приводится перечень слов с тождественным значением:

БАТОВиНА, -ы, ж. Рукоятка кнута, кнутовище... Ср. БАТОВиЦА, БАТОВиЩЕ, БАТОВЬё.

БАТОВиЦА, -ы, ж. То же, что БАТОВиНА. БАТОВиЩЕ, -а, ср. То же, что БАТОВиНА.

БАТОВЬё, -я, ср. То же, что БАТОВиНА.

Во втором случае толкование значения и перечень синонимов приводится при наиболее употребительном, стержневом, слове; при других словах синонимичного ряда после пометы «ср.» делается отсылка к стержневому слову:

БАДаТЬ², *несов., неперех.* Говорить, болтать... Ср. БАЛАГУРИТЬ. БАИТЬ и БаЯТЬ, *несов., неперех.* Говорить, рассказывать... Ср. БАЛАГУРИТЬ.

БаКАТЬ и БаХАТЬ, *несов., неперех.* Говорить, разговаривать... Ср. БАЛАГУРИТЬ.

БАЛАГУРИТЬ, *несов., неперех.* Разговаривать, беседовать... Ср. БАДаТЬ², БАИТЬ в 1 знач., БаКАТЬ, БАЛаКАТЬ во 2 знач., БАСиТЬ, БАХоРИТЬ, БаЧИТЬ, БУТоРИТЬ.

Если синонимичный ряд помимо разнокорневых синонимов включает также словообразовательные варианты с разными суффиксами, приоритет обобщающего, стержневого, слова сохраняется за наиболее употребительным из синонимов. Во избежание перегрузки словарной статьи перечень равнозначных и синонимичных слов ограничивается рамками одной буквы алфавита.

Разработка словарных статей с фразеологическими оборотами в СМСПГ развивает традиции, заложенные в Проекте «Словаря русских народных говоров» Ф.П. Филина и закрепленные в ССГ. Из устойчивых сочетаний – фразеологизмов в СМСПГ включаются лишь те, которые содержат в своей структуре диалектные компоненты. Подача фразеологических оборотов в Словаре осуществляется двумя способами. Фразеологизмы, в состав которых входят диалектные слова, известные также в свободном употреблении на территории МСП, разрабатываются в словарной статье соответствующего слова. В многозначном слове фразеологические разработки приводятся после того значения, с которым сохраняется семантическая связь фразеологического диалектного компонента.

Фразеологизмы с диалектными словами, не отмеченными в свободном употреблении на территории МСП, разрабатываются в самостоятельной словарной статье: диалектное слово выносится в заголовок словарной статьи, за ним, после двоеточия, приводится фразеологизм, его толкование, иллюстрация и т. д. В русских и белорусских диалектных словарях наблюдаются большой разноречивостью показ вариантов слова. В «Словаре русских народных говоров» «в одну словарную статью помещаются лишь акцентологические варианты: *ляди́на* и *лядина*, *ни́ва* и *нива́*» [3, с. 141], варианты слов других типов приводятся в самостоятельной статье. В ССГ выдвинут иной принцип показа вариантов слова: «Вариантами считаются слова, звуковая оболочка которых различается (не затрагивая значения) в корневой морфеме по глухости-звонкости согласного (*бадо́жье* – *ба́тожье*), мягкости-твёрдости (*бабах* – *ба́бах*), корневыми гласными звуками (*бавка́ть* – *бо́вка́ть*, *брудос́ть* – *бры́дос́ть*), наличием-отсутствием протетических гласных (*аба́дня* – *ба́дня*, *аба́гуша* – *ба́гуша*), наличием редукции, выпадения гласного (*бала́ган* – *ба́лган*), диссимиляции (*ба́мбаза* – *ба́нбаза*) и др. Словарная статья приводится при наиболее употребительном (или первом по алфавиту) варианте» [2, с. 11].

При разработке словарной статьи с вариантами слов составителями СМСПГ учитывается опыт смоленских лексикографов. Вместе с тем задача вариантов в последнем содержит элементы новизны. Во избежание перегрузки словарной статьи в нее помещается, за редким исключением, не более двух вариантов слова: *бу́тян* и *ба́тян*, *ба́нка* и *ба́нька*, *бого́вня* и *боговня́*. Другие его варианты разрабатываются в отдельной словарной статье с указанием после отсылки «то же, что» первого варианта отсылочной словарной статьи:

БеГМА и БЕГМа, *нареч.* Бегом...

БеГМЯ и БЕГМя... То же, что БеГМА.

БЕНЗ и БЕНЗЬ *Экспр.* Внебрачный ребенок.

БЕНС и БЕНСЬ... То же, что БЕНЗ.

Таким образом, между ССГ и СМСПГ существует преемственная связь, диалектные лексикографические традиции ССГ в СМСПГ развиваются и совершенствуются. Однако СМСПГ ни в коей мере не дублирует ССГ. Как первый опыт регионального словаря переходных белорусско-русских говоров СМСПГ по-своему уникален и имеет свою специфику; в нем разработана оригинальная методика отбора лексики, нестандартно решаются вопросы, касающиеся различных сторон разработки словарной статьи.

По принципу отбора лексики СМСПГ – словарь дифференциального типа. Применительно к переходным белорусско-русским (русско-бело-

русским) говорам дифференциальность понимается нами как принцип их отличия и от русского, и от белорусского литературного языка. С учетом такого понимания принципа дифференциальности в СМСПГ включаются слова, отсутствующие как в нормативной лексике русского языка, так и в нормативной лексике белорусского.

Таким образом, методика отбора лексики, применяемая в СМСПГ, существенно отличается от методики отбора лексики, применяемой в ССГ. Употребляющиеся в смоленских говорах белорусские слова типа *арели* 'качели', *бок* 'сторона', *бруд* 'грязь', *весёлка* 'радуга', *вёска* 'деревня', *гульня* 'игра', *лазня* 'баня' являются диалектизмами и 'на законном основании' помещаются в ССГ; по отношению к говорам МСП эти слова диалектными не являются, т. к. относятся к нормативной белорусской лексике. Естественно, что такие слова в СМСПГ не включаются.

СМСПГ является уникальным по широкому охвату иллюстративного материала. Мы считаем нецелесообразным ограничивать объем этого материала 2-3 произвольно выбранными примерами; в словарные статьи СМСПГ по мере возможности включается богатый иллюстративный материал, позволяющий пользователю Словаря получить объективное представление о степени распространенности и сфере бытования слова на территории могилевского и смоленского пограничья. С другой стороны, широкий показ в иллюстрациях различных грамматических форм изменяемого слова позволяет нам избежать субъективной реконструкции этих форм.

В СМСПГ находит отражение этнографическая характеристика диалектного слова. Словарная статья такого слова включает этнографический комментарий, извлечённый нами из различных источников; этот материал приводится после знака = в конце словарной статьи:

БИКЛАГА, -и, ж. *Этногр.* Сосуд для переноски воды, фляга. *Ваду насили у биклагах* – таких двухдёнках з диркай пасярётки. Селец. Мст. Мгл. *Биклага* – эта вядро ти кадушка диривяная, хадитя у сырай, я вам пыкажу яе. Татарск, Мон. Смл. *Сын во прынёс биклагу квасу.* Любавичи, Мон. Смл. = Весьма своеобразным сосудом для хранения и переноски жидкости являлась «*биклага*», которая изготовлялась из дубовых или еловых клёпок, обтянутых обручами и двумя вставленными в уторы дубовыми днищами. Молчан. Матер. культ. [1, с. 221].

В заключение отметим, что работа над созданием СМСПГ стала настоящей научной школой для разработчиков проекта. По материалам Словаря подготовлены 2 кандидатские диссертации, опубликовано более 50 научных статей; материалами картотеки Словаря активно пользуются студенты при подготовке научных докладов, курсовых и дипломных работ; тезисы лучших студенческих докладов опубликованы в научных сборниках университета. СМСПГ прошел надежную апробацию как в Бе-

ларуси, так и за ее пределами – в ближнем и дальнем зарубежье. Члены авторского коллектива неоднократно выступали с научными докладами по актуальным проблемам Словаря на международных конференциях в Минске и Гомеле, в Гродно и Витебске, в Смоленске, Брянске и Ярославле, в Киеве и Нежине, а также в польском Белостоке. Словарь получил высокую предварительную оценку рецензентов – как с белорусской стороны (проф. В.А. Маслова), так и с российской (проф. И.А. Королева).

В настоящее время работа по созданию двухтомного Словаря приближается к своему завершению.

Примечания

¹ К этому времени в России уже были изданы первые выпуски областных словарей архангельской, брянской, вологодской, псковской, смоленской, ярославской и др. диалектных зон; белорусским диалектологам были известны академические Туровский словарь и Словарь Восточной Могилевщины И.К. Белькевича, Диалектные словари Ф.М. Янковского, П.В. Стецко, Г.Ф. Юрченко и др. В процессе разработки проекта Словаря мы стремимся использовать все лучшие традиции, наработанные в региональной русской и белорусской лексикографии.

Литература

1. Молчанова, Л.А. Материальная культура белорусов / Л.А. Молчанова. – Минск, 1968.
2. Словарь смоленских говоров / под ред. А.И. Ивановой. – Вып. I. – Смоленск, 1974.
3. Филин, Ф.П. Проект «Словаря русских народных говоров» / Ф.П. Филин. – М.–Л., 1961.

2005 г.

В.Б. Сузанович

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА ЛЕКСИКИ ДЛЯ «СЛОВАРЯ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ»

Многолетнее наблюдение говоров в разных районах могилевского и смоленского пограничья (с 1980 г. кафедра русского языка Могилевского пединститута направляет диалектологические экспедиции в пограничные районы Могилевской и Смоленской областей) позволяет утверждать, что официальная граница между Могилевской и Смоленской областями не имеет языкового соответствия: при всей их лексико-семантической и фо-

нетико-морфологической пестроте эти говоры сравнительно однородны. Это служит, на наш взгляд, достаточным основанием для объединения могилевско-смоленских пограничных говоров в одну диалектную зону.

Богатый лексический материал, ежегодно собираемый участниками диалектологических экспедиций, позволил кафедре развернуть работу по составлению «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ). Необходимость создания подобного словаря диктуется прежде всего тем обстоятельством, что региональных словарей переходных говоров близкородственных языков в лексикографической практике до сих пор не было¹. С другой стороны, создание СМСПГ, по нашему убеждению, поможет решить многие вопросы, не получившие в науке удовлетворительного объяснения, – и в первую очередь вопрос о языковой принадлежности этих говоров, об их первоначальной основе. Наконец, создание указанного словаря позволит скорректировать диалектное членение русского и белорусского языков.

Объединение в один регион говоров разных, хотя и близкородственных, языков требует нового, нетрадиционного подхода к изучению данных говоров². Занимая территорию на стыке русского и белорусского языков и диалектов, говоры могилевско-смоленского пограничья (МСП) находятся в условиях межязыкового и междиалектного контактирования. Характерная особенность указанной контактной зоны – в пересечении генетически родственных языков и диалектов. Отсюда естественно, что в говорах МСП органически сочетаются русские и белорусские языковые элементы различного уровня. Мы твердо убеждены, что данные говоры нельзя считать русскими или белорусскими в том смысле, какой обычно вкладывается в эти понятия; их следует квалифицировать, на наш взгляд, как промежуточные, переходные русско-белорусские (белорусско-русские) говоры. Само понятие «диалект» по отношению к переходным русско-белорусским говорам получает иное содержание, нежели это принято в диалектологической науке. Если в общепринятом смысле «диалект» – разновидность одного языка, подсистема внутри одной системы, то в нашем случае «диалект» – это подсистема, находящаяся на стыке, на пересечении двух систем. Естественно, что методика описания переходных русско-белорусских говоров, лексикографическая разработка соответствующих региональных словарей должны существенно отличаться от частных методик, используемых в русской и белорусской лексикологии и лексикографии. Если методика частной диалектологии основывается на противопоставлении диалекта одному конкретному языку (русскому, белорусскому и т. п.), то методика описания переходных русско-белорусских говоров предполагает двойное

противопоставление: русскому литературному языку, с одной стороны, и белорусскому литературному языку, – с другой.

Словарный состав говоров МСП довольно разнороден, он включает наслоения различных степеней, отражающие многогранное влияние как русского, так и белорусского языка. Здесь выделяются: а) слова общеславянские, являющиеся принадлежностью и русского и белорусского основного словарного фонда: *я, ты, вода, голова, новый, ходить, пять, весело* и т. п.; б) слова, употребляющиеся в русском литературном языке и отсутствующие в белорусском: *баня* (ср. бел. *лазня*), *бусы* (ср. бел. *пацёркі, каралі*), *деревня* (ср. бел. *вёска*), *крестьянин* (ср. бел. *селянін*), *искать* (ср. бел. *шукаць*) и т. п.; в) слова, употребляющиеся в белорусском литературном языке и отсутствующие в русском: *батька, бурак, весёлка, разумець, сподница* и т. п.; г) слова собственно диалектные, отсутствующие в русских и белорусских нормативных словарях: *бутян* ‘аист’, *гуль* ‘свадьба’, *ковзельцы* ‘санки’, *катёлка* ‘подсолнух’, *курапа* ‘лягушка, жаба’ и т. п.; д) слова, употребляющиеся в белорусском языке как нормативные, а в русском – как нелитературные (областные, просторечные): *бульба, горелка, домовина, крыга, леки, пуня* и т. п.; е) просторечные и бранные слова, находящиеся за пределами как русского, так и белорусского нормативного словаря: *брехливый, брюхатая, горлопан, кокнуть* и т. п.

Вполне очевидно, что создать полный диалектный словарь, охватывающий лексику говоров МСП в полном объеме, практически невозможно; поэтому СМСР задуман как словарь дифференциального типа. В составлении русских и белорусских региональных словарей у лингвистов выработались определенные традиции, однако словарей переходных русско-белорусских говоров в лексикографической практике, как уже отмечалось, до сих пор не было; отсюда вытекает множество проблем, связанных со спецификой словаря указанного типа, – и прежде всего проблема отбора лексики, включаемой в словарь. Необходимость отбора лексики обусловлена принципом дифференциальности словаря, однако сама дифференциальность в лексикографической литературе понимается неоднозначно: в одних словарях это понятие применяется для характеристики диалектного слова, в других – при определении границ диалектной лексики. Нечеткое определение дифференциальности дает основание и для более широкого толкования указанного термина, и для более узкого. Применительно к СМСР дифференциальность понимается нами как принцип отличия говоров нашего региона и от русского, и от белорусского литературного языка: любое отличие лексемы от русского и белорусского литературного слова может служить основанием для ее включения в Словарь.

С учетом изложенного понимания принципа дифференциальности в СМСПГ помещаются слова, отсутствующие как в составе лексики литературного русского языка, так и в составе лексики белорусского литературного языка. Таким образом, важнейшим критерием определения диалектного слова является отсутствие последнего в нормативных словарях современных русского и белорусского языков. Отсюда следует, что основу СМСПГ составляет диалектная лексика, куда мы включаем следующие разряды слов:

1. Слова, корни которых отсутствуют в русском и белорусском литературных языках, или диалектные производные от корней, представленных в русском или белорусском литературном языке. Сюда входят как собственно лексические диалектизмы: *бров* ‘высокий крутой берег’, *заметуха* ‘метель, пурга’, *зедлик* ‘небольшая скамья’, *лушка* ‘оконный выступ’, *шляхтовка* ‘большая просёлочная дорога’ и т. п., так и этнографизмы: *глёк*, *горлач*, *гладышка* – разновидности кувшина, *аржаник*, *грядовка*, *лапун*, *преснок*, *прыц*, *резник*, *тоишотик* – названия лепёшек и т. п.

2. Лексико-семантические диалектизмы, совпадающие по звуковому облику с литературными словами русского или белорусского языка, но отличающиеся от последних по значению: *воробей* ‘народный танец’, *губка* ‘большая катушка, бобина’, *забор* ‘складка в одежде’, *кресло* ‘ромбовидная вставка в брюках’, *скула* ‘нарыв, опухоль’ и т. п.

3. Лексико-словообразовательные диалектизмы, отличающиеся от соответствующих русских или белорусских литературных слов морфемным составом, аффиксами, способом образования: *завидость* ‘зависть’, *броварник* ‘винодел’ (ср. бел. *браваричык*), *вопух*, *опух* ‘опухоль’ (ср. бел. *пухліна*), *ручно* ‘вручную’, *таматька*, *теператька* и т. п.

4. Лексико-фонематические диалектизмы, отличающиеся от соответствующих русских или белорусских литературных слов качеством или составом фонем: *биклажан*, *дирёвый*, *иструб*, *пашаница*, *пульга* и т. п.

5. Грамматические диалектизмы, отличающиеся от соответствующих русских или белорусских литературных слов грамматической характеристикой: *брыжа*, ж. ‘оборка в одежде’ (ср. бел. *брыж*, м.), *ганки*, мн. ‘ступеньки крыльца’ (ср. бел. *ганак*, м.), *жнива*, ж. ‘жатва’ (ср. бел. *жніво*, ср.), *любиться* ‘любить’, *пасага*, ж. ‘приданое для дочери’ (ср. бел. *пасаг*, м.) и т. п. Часто различия в грамматической характеристике слов обусловлены различными формообразующими суффиксами, ср.: *боковик* ‘боковая часть лаптей’ (ср. бел. *бакавіца*), *лубка* ‘корзина из липовой коры, лукошко’ (бел. лубак), *свирна*, *свирня* ‘сарай для хранения зерна’ (бел. *свіран*), *сенница* ‘сарай для сена’ (бел. *сеннік*) и т. п.

6. Слова сниженной характеристики помещаются в Словарь лишь в том случае, если они не являются общеупотребительными в русском и белорусском языках: *бенз*, *бензюк* ‘внебрачный ребенок’, *рэхаться* ‘двигаться’, *канэрхатъ* ‘хромать’ и т. п.

Перечисленные разряды слов объединяются по основному для диалектной лексикографии признаку – признаку отличия от русского и белорусского литературных языков. Вместе с тем, следуя давней и устойчивой традиции отбора лексики в региональных словарях, мы помещаем в СМСПГ некоторые слова, зафиксированные в русских или белорусских нормативных словарях. К последним относим следующие разряды слов:

1. Устаревшие слова, снабженные в русских и белорусских нормативных словарях соответствующей пометой, либо указание на архаичный характер слова содержится в толковании последнего: *выправа* ‘гардероб невесты, приданое’ (ср. белор.-русс. сл.: *выправа* 4. уст. ‘приданое’); *ендова* ‘большой глиняный сосуд для хранения вина’ (ср. МАС: *ендова*, 1. Старинная русская посуда для вина в виде большой широкой чаши с носком или рыльцем. 1, с. 466); *епанча* ‘разновидность плаща’ (ср. МАС: *епанча* ‘старинная верхняя одежда в виде широкого плаща’).

2. Лексика профессиональная и специальная, относящаяся к народным промыслам и ремеслам, ведению сельского хозяйства и т. п.; *сучить*, *сновать*, *красно*, *навой*, *понож*, *основа*, *ниты*, *набивки* – термины ткачества; *скородить*, *иржище*, *бабка*, *косьё*, *палица*, *грязель* – сельскохозяйственная лексика и т. п. В СМСПГ эти слова приводятся с соответствующими пометами.

3. Слова, снабженные в белорусских нормативных словарях пометой «разг.» при отсутствии последних в словарях русского языка либо если данные слова фиксируются в них с пометами «обл.», «устар.»: *влетку* ‘летом’, *краска* ‘цветок’, кумиться ‘угощать друг друга во время праздников’, *родимец* ‘черт, нечистая сила’ и т. п. Основанием для включения в Словарь указанного разряда служит тот факт, что в белорусистике пока не выработаны критерии для разграничения разговорной и диалектной лексики: «На нынешнем этапе нет оснований категорично утверждать, что должно быть нормой и что следует рассматривать как диалектизм. В настоящее время белорусский язык в диалектных ответвлениях превалирует над устной формой литературного языка» [1, с. 267].

Особое место в СМСПГ занимает диалектная фразеология. При этом в Словарь помещаются не только фразеологические обороты, имеющие в своем составе диалектные слова, типа *есть скулку* ‘голодать’, *антибурию разводить* ‘болтать, пустословить’, *битиков искать* ‘напрашиваться на

наказание', *дать валтузов* 'избить', но и фразеологизмы, состоящие из недиалектных слов: *брюшко дерёт* – о чувстве голода, *по кускам ходить* 'побираться, попрашайничать', *пойти у шахту* 'умереть', *щемить пятака* 'вмешиваться в чужие дела' и т. п. Найдут свое место в Словаре и предположно-падежные сочетания фразеологизированного характера, типа *на улонье* 'на коленях', *в охоту* 'вдоволь, в достаточном количестве', а также специальная для говоров МСП реализация фразеологически связанного значения слова: *быть под страхом*, *быть под смертью*, *быть под немцами* и т. п.

В соответствии с принципом дифференциальности СМСПГ в него не включаются следующие разряды слов:

1. Русско-белорусские изолексы: *завод*, *инвалид*, *май*, *наш*, *сто*.
2. Слова, отражающие регулярные фонетические различия между русским и белорусским языками: *молчать* – бел. *маўчаць*, *ряд* – бел. *рад*, *урожай* – бел. *ураджай*, *злой* – бел. *злы*, *чисто* – бел. *чыста* и т. п.
3. Собственные имена – топонимы, гидронимы, антропонимы и т. п.
4. Искаженные фонетические варианты иноязычных слов, известные любому носителю русского и белорусского языка, типа *лисаета*, *вити-нар*, а также слова, произведённые по способу так называемой народной этимологии, типа *поштамп*, *малинад* 'лимонад' и т. п.

Все рассмотренные выше разряды слов с достаточным основанием могут быть помещены (или не помещены) в СМСПГ. Однако в процессе непосредственной работы над составлением Словаря нередко возникают затруднения относительно включения в него той или иной лексемы. Критерием для включения подобных слов в СМСПГ служит рекомендация Ф.П. Филина: «Во всех случаях, когда слово стоит на грани диалектной и общенародной лексики или когда трудно определить, является ли слово диалектным, вопрос решается в пользу помещения слова в Словаре» [2, с. 139].

Таким образом, при отборе лексики для СМСПГ мы руководствуемся не только принципами, учитывающими специфику Словаря, но и принципами, имеющими в региональной лексикографии прочные традиции.

Примечания

¹ По нашему замыслу, СМСПГ не будет дублировать известные областные могилевские и смоленские словари, такие как «Областной словарь восточной Могилевщины» И.К. Белькевича, «Словарь смоленских говоров» (ред. А.И. Иванова) и др.

² Традиционно говоры смоленского пограничья признаются диалектами русского языка, а говоры могилевского пограничья – диалектами белорусского языка. Такой подход находит отражение в научной и учебной литературе по русской и белорусской диалектологии, в соответствующих диалектологических картах и атласах.

Литература

1. Крамко, И.И. История белорусского литературного языка / И.И. Крамко, А.И. Юревич, Е.И. Янович. – Минск, 1968. – Т. 2.
2. Филин, Ф.П. Проект «Словаря русских народных говоров» / Ф.П. Филин. – М.–Л., 1961.

1997 г.

И.Н. Лапицкая

ОТРАЖЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ ДИАЛЕКТНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ ЛЕКСИКИ В «СЛОВАРЕ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ»

Важнейшей задачей диалектного словаря является истолкование значений включенных в его состав слов с показом особенностей их употребления в диалектной речи.

Известно, что приемы описания лексической семантики зависят от типа словаря, его целей и задач. «Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров» (МССПГ) представляет собой такой тип регионального словаря, который объединяет в себе черты словаря переводного и толкового. Лексико-семантическая система говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП) описывается в нем в сопоставлении с лексико-семантическими системами русского и белорусского языков. Метаязыком описания выступает русский литературный язык.

В сравнении с лексической системой русского литературного языка в говорах МСП выделяются две категории слов, которые требуют различного подхода к их семантической характеристике в словаре. Во-первых, это слова, совпадающие по своему значению с соответствующими литературными словами (эквивалентами); во-вторых, слова, значения которых не совпадают со значениями слов литературного языка (не имеют соответствующих литературных эквивалентов).

Оптимальным приемом передачи значений первой категории слов является их перевод соответствующим литературным эквивалентом («синонимом»), имеющим тождественное значение. Определение через соответствующий литературный эквивалент указывает на связи между определяемым и определяющим. Литературный эквивалент (определяющее) и диалектное слово (определяемое) совпадают в предметном содержании и

характеризуются полной взаимозаменяемостью в контексте, ср.: АВШАТ, -а, м. Ушат; АКАВИАТАЯ, -ой, ж. Водка; ВЕСНЯВЫЙ, -ая, -ое. Веснушчатый; ВеТРИТЬ, несов., перех. Сушить; ГРЕБЛО, -а, ср. Весло; ЕЛЕНЕЦ, -нца, м. Можжевельник; ЖЕРЕБЯТНИК, -а, м. Конюх; ИМША, -и, ж. Мох; КАЧАТЫЖНИК, -а, м. Папоротник и т.п.

Использование подобного приема семантизации диалектной лексики становится возможным благодаря наличию исторических связей между говорами МСП и русским литературным языком и возникшей вследствие этого сходной системы понятий. Это и позволяет использовать синонимический параметр в качестве самостоятельного компонента семантической разработки диалектного слова.

Подобным образом разрабатываются в Словаре и многозначные слова, каждое значение которых (или некоторые значения) передается соответствующим русским литературным эквивалентом: АРАВА, -ы, ж. 1. Беспорядок. 2. м. и ж. Неряха; БЕЗУСОВЫЙ, -ая, -ое. 1. Безусый. 2. Безостый (о растениях); ВИЗИТКА, -и, ж. 1. Пиджак. 2. Жакет; КОПТЕЛЬНЫЙ, -ая, -ое. 1. Закопченный. 2. Загорелый; ЛАЗНИК, -а, м. 1. Полок. 2. Предбанник; МУХИНА, -ы, ж. 1. Муха. 2. *перен.* Нелепость и т.п.

Синонимический перевод удобен и экономичен, но использовать его можно только в случаях полного совпадения значений диалектного и литературного слова.

Вместе с тем не всегда существует полная смысловая соотносительность между диалектным словом и его литературным синонимом. Диалектное слово может лишь частично совпадать с литературным соответствием по значению, отличаясь его оттенками. В тех случаях, когда значение литературного слова не покрывает значения диалектного слова, в словаре приводится ряд неполных синонимов к толкуемому слову. Значение диалектизма, таким образом, определяется всей совокупностью литературных слов-синонимов: АКРАЙ, -я и -ю, м. Край, окраина; АМЛОСНО, нареч. Тревожно, беспокойно; ЕДОМА, -ы, ж. Продукты, пища, еда; ЕЖЕВИТЬ, несов., перех. Взрыхлять, окучивать; ИСТРАТИТЬСЯ, сов. Исчезнуть, пропасть, потеряться (о людях); ЖАЛКИЙ, -ая, -ое. Любимый, дорогой, милый; КОВЗЕЛЬ, -я, м. Лед, каток и т.п.

Сюда же относятся случаи, когда значение диалектного слова передается соответствующим словосочетанием литературного языка: АГЛЯК, -а, м. Глиняный кувшин; АДАЛИН, -а, м. Водяная лилия; иВИНА, -ы, ж. Ивовый прут; ИЗБЕРЬ, -я, м. Большое ведро; ЖАБКА, -и, ж. Большая лягушка; ЖИЧКА, -и, ж. Цветная лента; КАН, -а, м. Соракалитровый бидон; ЛЕХОТ, -а, м. Лягушечья икра и т.п.

Что касается лексики, не имеющей соответствующего эквивалента в литературном языке, то по отношению к ней применяются дефинитивно-описательные определения, вскрывающие ведущие, постоянные признаки значения: АЛГеРКА, -и, ж. Тип старинного женского пальто из плотной ткани, обычно покупной; БОЛУБеН, -а, м. Украшение в виде металлического звончка на праздничной упряжи; ЕРМУСи, мн. Кушанье из хлеба, крошеного в сладкую воду или молоко; ЖЕРЕБИЙ, -я, м. Часть имущества, выделяемая сыну после женитьбы и т.п.

1998 г.

В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова

ОТРАЖЕНИЕ ФОНЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В РЕГИОНАЛЬНОМ СЛОВАРЕ

Важнейшая задача регионального словаря – максимально полно представить лексический фонд описываемых говоров, дать адекватное истолкование значений диалектных слов с показом особенностей их употребления в речи носителей этих говоров. «Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) – первый опыт регионального словаря переходных белорусско-русских говоров, в котором отражено богатство диалектной лексики могилевско-смоленского пограничного региона. Диалектный характер описания словарного состава говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП) достигается отбором диалектной лексики, включаемой в Словарь; иллюстрацией значений и употреблений диалектного слова на территории МСП; географической паспортизацией диалектного слова – указанием населенных пунктов, где данное слово отмечено.

В диалектных словарях особенно важна роль иллюстративного материала, поскольку, во-первых, «основная масса диалектных слов неизвестна читателю, в связи с чем надобность в хороших иллюстрациях, дополняющих определение этих слов, особенно велика» [2, с. 151] и, во-вторых, именно в нем «лучше всего могут быть выявлены все семантические особенности слова, его стилистические функции и синтаксические отношения к другим словам в предложении» [1, с. 71].

В словарных статьях СМСПГ иллюстративный материал представлен в виде примеров, записанных на территории МСП за последние 30 лет. Иллюстрации приводятся в фонетической записи, отражающей особенно-

сти живой диалектной речи носителей говоров МСП. Такая запись дает возможность читателю – пользователю Словаря – получить общее представление о фонетических особенностях этих говоров, а географическая паспортизация диалектного слова позволяет судить о территориальной распространенности тех или иных особенностей.

Вполне очевидно, что говоры МСП, в которых сочетаются белорусские и русские языковые элементы, не могут быть монолитными; они характеризуются определенной фонетико-морфологической и лексико-семантической пестротой, что объясняется различной степенью влияния русского и белорусского языков в том или ином ареале говоров МПС. В силу указанного обстоятельства фонетическая запись не может быть *единой, строго унифицированной* для подачи иллюстративного материала всего могилевско-смоленского пограничного региона. Вместе с тем она не должна отражать *всё* многообразие фонетических особенностей диалектной речи, поскольку, как отмечал Ф.П. Филин еще полвека назад, «во-первых, запись фонетически закономерных явлений несущественна для объяснения семантики диалектных слов, во-вторых, чтение записанных фонетической транскрипцией цитат затруднит понимание их читателями – не специалистами в области ... диалектологии» [2, с. 152].

Изложенные здесь и другие факторы определили специфику фонетической записи иллюстративного материала. Последняя представляет собой *упрощенную* транскрипцию, в которой особенности диалектной речи носителей говоров МСП отражаются с учетом принципов русского и белорусского письма. Такая запись иллюстраций в СМСПГ призвана не только познакомить пользователя Словаря с фонетическими особенностями говоров МСП, но и облегчить ему чтение и понимание текста.

Ведущим принципом транскрипции является фонетический; ее основу составляют общие для русского и белорусского письма буквы кириллического алфавита; дополнительно вводится буква *ѣ* (*у* неслоговое) белорусского алфавита.

Ниже приводятся основные положения транскрипции, принятой для подачи иллюстраций в СМСПГ.

1. Сохраняются прописные буквы в соответствии с орфографическими нормами (русскими и белорусскими).

2. Все слова – как знаменательные, так и служебные – пишутся раздельно по нормам орфографического письма (русского и белорусского). Слитное написание возможно лишь тогда, когда в результате фонетических процессов на стыке слова затруднено его словоделение: *Астаѣ сваі балаки, **фсядно** ніхто ні паверыць* (Любавичи, Мон. Смл.)

3. В соответствии с общими правилами русской и белорусской пунктуации употребляются знаки препинания.

4. Ударный гласный в заголовочной форме неодносложного слова выделяется строчной буквой. В иллюстрациях ударением помечаются только акцентологические варианты диалектных слов, произношение которых различается лишь местом ударения: *абыдня* и *абыдня́*, *бездетуха* и *бездетуха́*, *бегма* и *бегма́* и т. п.

5. После твердых согласных используются буквы *а, о, э, у, ы*: *тяпера-чы, бяроза, рэчка, крук, грошы, Крычаў* и т. п.

6. Для обозначения мягкости согласных используются буквы *я, ё, е, ю, и*: *рядно, бярэза, речка, крук, кричать*. Этими буквами (за исключением *и*) передаются также сочетания согласного [j] с последующими гласными: *яма, сваяк, ёжык, буёк, ельник, заехал, юшка, баюн* и т. п.

7. Сочетания мягких согласных [ч'], [ш':] с гласными [а], [у] приводятся в орфографической записи: *час, пуца, чудо, иука*, т. к. написания *час, пуця, чюдо, цюка* слишком непривычны, а потому с трудом воспринимаются читающими. Мягкое или твердое произношение этих согласных отражается в сочетаниях с другими гласными и в иных фонетических условиях: *чёрный* и *чорный*, *чепчик* и *чэпчык*, *чистый* и *чыстый*; *печька* и *печка*, *мечь* и *меч*, *ночь* и *ноч*. В транскрипции мягкое и твердое произношение [ш':] обозначается по-разному: мягкое – буквой *щ*, твердое – сочетанием *шч*: *щёлак* и *шчолак*, *щепка* и *шчэпка*, *щипцы* и *шчыпцы*; *вещь* и *вешч*, *плащ* и *плашч*.

8. Фонематическая (самостоятельная) мягкость согласных перед согласными и в конце слова обозначается написанием буквы *ь*: *буська, боль-ка, свадьба, бульба, бацька, ночька; камарь, столь, бессонь* ‘бессонница’, *нёсь* ‘нескошенная прошлогодняя трава’ и т. п.

9. Мягкий знак выполняет также разделительную функцию: *бабьё, съёмка, вьон, рожью, пьяный, симья, салавыи, сямьи* и т. п.

10. Знак *ѣ* обозначает редуцированный звук, произносящийся на месте [а] и [о] в безударных слогах.

11. При диссимилятивном аканье произношение гласного в 1-м предударном слоге передается написаниями *ѣ* или *ы* на месте гласных *а, о* после твердых согласных перед слогом с ударным [а]: *вѣда* и *выда*, *вѣйна* и *выйна*, *хѣзьяин* и *хызьяин*. То же и в других безударных слогах: *мѣлаток* и *мылаток*, *сѣпаги* и *сыпаги*, *мѣгазин* и *мыгазин*, *щѣльк* и *щѣлык*. Например: *Як была выйна, так немцы разбiрали наiшы хаты и капали бункари. Купила во етую халупину; хызьяин памёр, а сын у вармии быў* (Ленино, Гор. Мгл.); *Сыяны мы шыли с ситцу – эта такая сѣрыхваны са зборачкiмi и пыдвязацкiмi, с кружывамi* (Татарск, Мон. Смл.)

При недиссимилятивном аканье во всех безударных слогах в соответствии с произношением пишется **а**: *вада, вайна, хазяин, малаток, сапаги, магазин, щёлак*. Например: *Раньшы здесь были вары, аднажды у мяне падрыли падмост и усё сала забралі; маладёж была плахая, бальшыństwo или красти* (Понятовка, Шум. Смл.); *Случалася, што маладая карова, каторая цэлы день была здаровая, вечирам ні давала малака* (Звенчатка, Клим. Мгл.)

12. Редукция гласных [а] и [э] после мягких согласных в безударных слогах не передается во избежание омонимичности знака **ь** (см. п.п. 8, 9). Диссимилятивное яканье отражается в написаниях типа *систра, зимля нисла*, но *сястры, сястрезямли, нясу, нясет, нясли* и т. п.; сильное яканье – в написаниях типа *сястра, нясла, вясна, зямля; сястры, зямли, нясу* и др. Например: *Во нудаўна ка мне маладица прихадила с саседняй дзяреўні, у яе дзяцёначик малиньки. Ну, я узілася шыптаць. Шыптала, шыптала, гляжу – дзяцё вочы звяло, заснула, значыць* (Звенчатка, Клим. Мгл.) То же и в других безударных слогах: *Дом прицыдаціля на усю дзяреўню видать* (Тростино, Хот. Мгл.); *Дычка прыехала сы жмотімі: малому два гады, а дэвачкі чатыры* (Саприновичи, Мст. Мгл.); *Я у садику глядела жмотяў, чілавек дваццать* (Полошково, Клим. Мгл.); *Мы учіра тры відра ра́йчак сняли* (Милейково, Мст. Мгл.); *Кали на яблыки няурод, дык мы і ра́йчкам ради* (Селец, Мст. Мгл.)

13. В транскрипции фиксируются фонетические варианты, отражающие противопоставленные различия русского и белорусского языков: *кроу* и *крыу*, *злой* и *злый*, *дeнь* и *дзeнь*, *кости* и *кощи*, *дожди* и *дажджы*, *ночью* и *ноччу*, *свинья* и *свиння* и др.

14. Получают отражение фонетические особенности, обусловленные влиянием белорусского языка: а) наличие протетических гласных **а**, **и** перед начальным сочетанием сонорного согласного с шумным: *аржа, ирвань, амшара, ильнице*; б) наличие протетического согласного перед гласными **о**, **у**, реже **а**: *восинь, вокны, вутка, вулица, у вармию*; в) отвердение конечных губных согласных: *сем, голуб, насып*; г) фонетическая передача сочетаний с непронизносимым согласным: *позно, чувство, сонце, серце, лесница*; д) написание двойного **цц** на месте сочетания **тс** в возвратных формах глагола: *бицца, бьюцца, жалецца, смяюцца* и др.

15. В транскрипции отражаются характерные для говоров МСП собственно диалектные явления, обусловленные фонетическими изменениями, не связанными с каким-либо влиянием и встречающиеся в отдельных словах: а) лабиализация гласных **а**, **о**: *Мугулёв, мужуки, пунаўся, лупата*; б) выброс гласного или согласного в начале или в середине слова: *крали* ‘бусы’ – ср. *карали* (бел.); *курсадня* ‘насест для кур’ – ср. *курасадня*;

ладышка ‘горшок’ – ср. *ладышка*; бочина ‘обочина’; ладка ‘оладыя’; в) вставка гласного в начале или в середине слова: *абалясина*, *авоўна*, *авьюшка*, *абосый*, *пашаница* ‘пшеница’; г) нерегулярная мена звуков, не затрагивающая лексического значения слова: *бурбуль*, *бургуль* и *бурдуль* ‘волдырь’; *брындаць* и *блындаць* ‘слоняться без дела’, *биклага* и *баклага* ‘сосуд для переноски воды, фляга’, *пульга* ‘пурга’; *истрить* ‘острить, точить инструмент’, *андюк*; д) сокращение звукового отрезка: *берно* – ср. *бревно* (русс.), *бервяно* (бел.); е) перестановка звуков и слогов (метатеза): *бадня* и *бандя* ‘бадья’; *малинад* ‘лимонад’; *ганавицы* ‘штаны’ ср. бел. *нагавицы*; ж) полная ассимиляция согласных: *анна* ‘одна’; *стынна* ‘стыдно’; *абинна* ‘обидно’; з) диссимиляция согласных: *тамборка* и *танборка* ‘вязальный крючок’; *бомба* и *бонба*.

16. В транскрипции находят отражение особенности произношения отдельных звуков: а) произношение *ў* (у неслогового) на месте русского *в*, *ф* перед согласным и в конце слова: *ўнук*, *хадитья ў хату*, *лаўка*, *сталоў*; произношение *ў* на месте русского *л* в отдельных словах и в формах прошедшего времени глагола: *воўк*, *поўны*, *быў*, *пашоў*, *смяяўся*; б) последовательная замена звука [ф] сочетанием [хв] или звуками [х], [п]: *херма* и *хверма*, *торх*, *тиляхвон*, *Хроська* и *Проська*, *Хвилип* и *Пилип*; в) фрикативный звонкий заднеязычный согласный передается буквой *г*: *гаган* ‘леший’; *гиба* ‘метель’, *гутарели* ‘качели’; но отражается его оглушение, косвенно указывающее на фрикативный характер звука: *сне[x]*, *дру[x]*, *мя[x]* / *че, улё[x]ся*; г) долгие согласные передаются написанием двух одинаковых (двойных) согласных: *жиллё*, *свиння*, *дажжжи*, *мыцца*.

Фонетические особенности, не получившие отражения в транскрипции: 1) ассимилятивное озвончение и оглушение согласных и оглушение звонких согласных в конце слова: *дежка*, *косьба*, *голод*, *голуб*, *мороз* и др.; 2) ассимилятивное смягчение согласных: *песня*, *если*, *празник*, *гвозди*, *здесь* и др.; 3) фрикативное произношение заднеязычного [г]: *гром*, *гутарка*, *пагоня*, *гвалт*, *гуска*.

Примером практической реализации указанных положений фонетической записи диалектной речи может служить приведенная ниже словарная статья СМСПГ.

БЕРЕСТЕнь, -тня и -тень, м. 1. Корзинка, кузовок из бересты. **Бирястенъ** – *эта карзинка такая, яе з бирясты пляли*. Городище, Хисл. Смл. *Мы ў лес хадили з биряснём*. *И ягадаў, и грибоў, бывала, многа набяреш, а тяпер усё павытаптали*. Роськов, Клим. Мгл. *Бярэз у нас многа, во и дельлыи бирястенъ с тонкай бярэзавай кары*. Викторowo, Красн. Смл. *Раньшы у мяне было многа бирясцяней, наш дед их плёў*. Звенчатка, Клим. Мгл. Ср. **БЕРЕСТяНИК** в 1 знач., **БЕРЕСТяНКА**¹ во 2 знач.

2. Глиняная посуда, обернутая берестой. *Раньшы дэлылі гліняныя гаршкі с ручкімі, іх увівалі бярэстай; во табе і бярэстень*. Б. Рубановка, Мст. Мгл.; Соино, Хисл. Смл. **Бярэстень** – *эта гаршок с крышкай. У іх діржалі мёд, творах, жыр*. Татарск, Мон. Смл. Ср. **БЕРЕСТЯНИК** во 2 знач.

В заключение отметим, что представленная выше фонетическая транскрипция, принятая для подачи иллюстративного материала СМСП, разработана с учетом специфики переходных белорусско-русских говоров МСП, а потому она действительно позволяет читателю Словаря адекватно воспринимать диалектный текст и вместе с тем познакомиться с фонетическими особенностями этих говоров и реально оценить богатство и многообразие представленной в Словаре диалектной лексики.

Литература

1. Мельниченко, Г.Г. О принципах составления областных словарей / Г.Г. Мельниченко. – Ярославль, 1957.
2. Филин, Ф.П. Проект «Словаря русских народных говоров» / Ф.П. Филин. – М.–Л. : Изд. АН СССР, 1961.

2013 г.

В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ И ИХ МЕСТО В РЕГИОНАЛЬНЫХ СЛОВАРЯХ

Фразеология русских и белорусских говоров не менее богата, чем их лексика, но диалектная фразеография пока находится в стадии становления. Тем не менее принципы разработки и подачи диалектных фразеологизмов вырабатывались в региональной лексикографии: составители многих областных словарей включают фразеологические единицы (ФЕ), учитывая практику нормативных словарей литературного языка.

Опыт словарной разработки фразеологизмов имеют и авторы «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) .

Фразеологический фонд говоров могилевско-смоленского пограничья (ГМСП) объединяет разные по сфере употребления ФЕ – литературные, фольклорные, общенародные, но основу его, как и в других говорах, составляют диалектные фразеологизмы, в составе которых выступают акцентологические, фонетические, семантические, грамматические варианты соотносительных компонентов недиалектных ФЕ – русских и бе-

лорусских, ср.: *на бум (ум) Лазаря* – *наобум Лазаря* (русск.); *с быка на андыка* – *с быка на индыка* (бел.) и др. Однако ядро диалектных фразеологизмов составляют единицы, включающие хотя бы один лексический диалектизм, напр.: *заседлая девка* – ‘старая дева’; *дейку пустить* – ‘пустить слух’; *целки в шинелях* – ‘картофель в мундирах’.

СМСПГ – региональный сводный словарь дифференциального типа. Специфика Словаря обусловила принципы отбора включаемых в него устойчивых выражений.

Основным показателем к введению фразеологизма в Словарь является его отсутствие в лексико-фразеологическом составе как русского, так и белорусского литературного языка.

В словник СМСПГ вводятся только ФЕ, которые содержат диалектные слова или общенародные слова с диалектным значением. Этот принцип был определен Ф.П. Филиным в Проекте «Словаря русских народных говоров». По его мнению, «фразеологизмы, в составе которых нет диалектных слов (диалектных значений слов)», не содержат «данных, которые могли бы позволить определить такие фразеологизмы как диалектные явления, имеющие изогlossы на территории русских говоров» [1, с. 150].

В зависимости от валентностных (сочетательных) возможностей лексического диалектного компонента фразеологические единицы ГМСП делятся на два основных разряда: 1) фразеологизмы с диалектными словами, известными в ГМСП и в свободном употреблении, напр.: *хаманя* ‘вздор, чушь, чепуха’ и *нести хаманю* ‘нести чушь’; 2) фразеологизмы с диалектными словами, не отмеченными в свободном употреблении, т. е. имеющими в ГМПС лишь фразеологически закреплённое употребление, напр.: *газью лезть* – ‘заискивать, льстить’. Указанным различием в употреблении диалектного слова определяется механизм разработки и подачи фразеологических оборотов в СМСПГ: фразеологизмы первого разряда включаются в словарную статью диалектного слова в качестве ее структурной части, фразеологизмы второго разряда разрабатываются в самостоятельной статье¹, ср.:

ЗЕЛИТЬ, несов., неперех. Надоедать. **ЗЕЛИТЬ** (ОЗЕЛИТЬ) ГОЛОВУ (ГОЛОВУШКУ). Надоедать, обременять разговорами просьбами.

КАМЕНЕЦ: **РАЗБУРИТЬ НА КАМЕНЕЦ**. Разрушить полностью, до основания; уничтожить.

Первоначально авторы СМСПГ предполагали ФЕ, состоящие только из недиалектных слов, поместить в Приложении к Словарю, однако богатый и обширный фразеологический материал картотеки СМСПГ позволяет приступить к подготовке отдельного «Фразеологического словаря

могилевско-смоленского пограничья» (ФСМСП), в который войдут и уже включенные в СМСПГ фразеологизмы с диалектными компонентами.

Чрезвычайно сложной остается проблема отбора ФЕ, состоящих из недиалектных слов, т.к. при отсутствии русских и белорусских диалектно-фразеологических словарей не всегда можно безошибочно определить, являются ли эти ФЕ диалектными. Поэтому в ФСМСП предполагается включать отсутствующие и в русском, и в белорусском литературном языке собственно фразеологизмы – обороты, обладающие в разной мере оценочным значением: *нос оглоблей не достать* ‘о высокомерном, заносчивом человеке’; *как сорока на колу* ‘одинокое’; некоторые устойчивые сочетания терминологического характера, занимающие промежуточное положение между фразеологизмами и устойчивыми оборотами нефразеологического типа: *бабы уши* ‘грибы сморчки’; *белить на росу* ‘отбеливать лен, расстилая его на росистом лугу’; *журавлиная дорога* ‘Млечный путь’; предложно-падежные сочетания фразеологического типа: *в обнимку* ‘в обнимку’; *по кости* ‘по размеру, в самый раз’.

Принцип расположения ФЕ в ФСМСП – структурно-семантический, общепринятый в подаче фразеологизмов в современных словарях. В соответствии с этим принципом фразеологизмы, имеющие структуру словосочетания – именного, глагольного, наречного, антрибутивного, – разрабатываются на месте грамматически стержневого компонента; фразеологизмы со структурой предложения – на месте компонента, соотносительного с главным членом предложения; фразеологизмы с неясной структурой и некоторые другие единицы – по первому знаменательному слову ФЕ². В Словаре частично будет применяться и гнездовой способ подачи фразеологизмов с тождественным стержневым компонентом; внутри фразеологического гнезда ФЕ будет располагаться по алфавиту зависимых компонентов.

Во ФСМСП предполагается показать многозначность ФЕ, вариантность их компонентов, привести стилистические пометы и некоторые другие характеристики.

Примечания

¹ См об этом подробнее: Сузанович, В.Б. Разработка фразеологических оборотов в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» / Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И. // Разноуровневые характеристики лексических единиц. – Ч. 1 : История языка и диалектология. – Смоленск, 1999. – С. 147–152.

² См. об этом подробнее: Шаповалова, Л.И. Способы подачи фразеологизмов и их разработка в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» / Л.И. Шаповалова // Сборник научных трудов по лексикографии. – Вып. 5. – Гродно, 1988. – С. 84–87.

Литература

1. Филин, Ф.П. Проект «Словаря русских народных говоров» / Ф.П. Филин. – АН СССР. – М.–Л., 1961.

1999 г.

Л.И. Шаповалова

ПРИНЦИПЫ ОТБОРА ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ИХ РАЗРАБОТКА В «СЛОВАРЕ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ»

Материалы картотеки «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) уже на начальном этапе ее формирования содержали значительное количество диалектных фразеологизмов всех традиционно выделяемых семантических и структурных типов. Поэтому разработчики СМСПГ, как и составители многих областных словарей, решили включать в него фразеологические единицы (ФЕ), учитывая практику как нормативных словарей литературного языка, так и словарей региональных.

СМСПГ – региональный сводный словарь дифференциального типа. Специфика словаря обусловила критерии отбора включаемых в него устойчивых выражений. Основным критерием для включения фразеологизма в СМСПГ является отсутствие последнего в нормативных фразеологических словарях русского и белорусского языков либо фиксация фразеологизма с пометой «обл.» Отбор диалектных фразеологизмов производится на основе их выверки по кодифицированным фразеологическим и толковым словарям русского и белорусского языков.

В словник СМСПГ вводятся лишь те ФЕ, которые содержат диалектные слова или общенародные слова с диалектным значением: этот принцип был определен Ф.П. Филиным в Проекте «Словаря русских народных говоров». По его мнению, «фразеологизмы, в составе которых нет диалектных слов (диалектных значений слов)», не содержат «данных, которые могли бы позволить определить такие фразеологизмы как диалектные явления, имеющие изогlossы на территории русских говоров» [1, с. 150]. Первоначально авторы СМСПГ предполагали ФЕ, состоящие только из недиалектных слов, поместить в Приложении к Словарю. Однако богатый и обширный фразеологический материал картотеки СМСПГ позволил приступить к подготовке отдельного «Фразеологического словаря могилевско-смоленского пограничья» (ФСМСП), куда войдут разнообразные ФЕ

указанного типа: 1) собственно фразеологизмы – обороты, в разной мере обладающие метафорическим значением, напр.: *войти в перья* ‘повзреть, вырасти’; *выкатиться из рубах* ‘износить одежду до дыр’; *наговорить мех кулаков* ‘сказать много лишнего, ненужного, пустого’; *как огня хватить* ‘с большим трудом приобрести что-л.’; *заводить свой каравай* ‘заводить свое хозяйство’; *с пёрст досталось* ‘очень мало’; *под голую косточку* ‘начисто обобрать, обокрасть’ и пр.; 2) устойчивые сочетания, отражающие различные стороны материальной и духовной культуры жителей могилевско-смоленского пограничного региона: *кудельку спустить* ‘приступить к чесанию льна’; *класть в замок* ‘соединять бревна паз в паз (при строительстве чего-н.)’; *облоги драть* ‘поднимать целину’; *печатный мёд* ‘запечатанный в сотах мед’; *венки размывать* ‘народный обычай на Духов день бросать в реку венки’; *дед водяной* ‘по народным поверьям, хозяин реки, водяной’ и пр.; 3) устойчивые сочетания терминологического характера, занимающие промежуточное положение между фразеологизмами и устойчивыми оборотами нефразеологического типа, если они относятся к народным промыслам, ремеслам, ведению сельского хозяйства, называют явления фауны и флоры этого региона и т. п.: *жердявый лес* ‘нестроевой лес, идущий на хозяйственные нужды’; *нагнуть лопотуху* ‘неровно отбить косу’; *лёгкая пашня* ‘плодородная земля’; *завитый сноп* ‘опорный сноп в копне’; *жаркий конь* ‘конь в разгоряченном состоянии после тяжелой работы’; *боговы слёзки* ‘лечебное растение гвоздика-травянка, имеющая цветок с пятью лепестками розового цвета’; *курапья дерюжка* ‘лягушечья икра’ и пр.; 4) предположно-падежные сочетания фразеологического типа: *каля близу* ‘вблизи, поблизости’; *день при дни* ‘каждый день’; *не в догадке* ‘не догадаться’.

Принимая во внимание приведенную точку зрения Ф.П. Филина, в СМСПГ включаются диалектные фразеологизмы, имеющие в своем составе хотя бы один лексический диалектизм, напр.: *кипцы заложить* ‘приложить усилия’; *ободаться на липину* ‘обеднеть’; *кричать рятунки* ‘просить о помощи’; *колонцу послушать* ‘получить отказ в просьбе’; *пажмы нет на вас* ‘нет управы’; *нищая скула* ‘нарыв на скуле’; *ливком ливануть* ‘хлынуть (о дожде)’; *качулка рубежастая* ‘валёк для белья’ и пр.

В зависимости от валентностных (сочетательных) возможностей лексического диалектного компонента такие фразеологические единицы делятся на два основных разряда: 1) ФЕ, диалектный компонент которых выражен словом, имеющим в говорах могилевско-смоленского пограничья (МСП) свободное употребление, ср.: *забида* ‘обида’ и *забиду держать* ‘затаить обиду’; *намова* ‘наговор, клевета’ и *наводит намову* ‘клеветать,

оговаривать'; 2) ФЕ, диалектный компонент которых выражен словом, не отмеченным в говорах МСП в свободном употреблении, т. е. имеющим фразеологически закрепленное употребление: *былицы травить* 'вести пустые разговоры'; *нэндза разобрала* 'о состоянии тоски, безысходности; тоска взяла'; *цурбалки в шинелях* 'картофель, сваренный в кожуре'; 3) ФЕ, диалектный компонент которых выражен словом, имеющим фразеологически закрепленное употребление, но образованным от диалектизма со свободным употреблением, напр.: *жур* 'жир' и *журики точат* 'о тех, кто привередничает от пресыщения или безделья' и др. Кроме того, в Словарь включаются ФЕ, имеющие диалектные фонетические, словообразовательные и прочие варианты компонентов соотносительных русских и белорусских общенародных ФЕ, ср.: *вкатить заплеушину – дать оплеуху; с горем напол – с горем пополам* (русск.); *сплести сплётку – сплесці плётку* (бел.) и др. Указанным различием в употреблении диалектного слова определяется механизм разработки и подачи фразеологических оборотов в СМСПГ: фразеологизмы первого разряда включаются в словарную статью диалектного слова в качестве ее структурной части, фразеологизмы второго разряда разрабатываются в самостоятельной словарной статье, ср.:

ЗАВИДОСТЬ, -и, ж. Зависть • ЗАВИДОСТЬ МУЧАЕТ. О болезненной, навязчивой зависти.

ЛАНЦАМИ: ЛАНЦАМИ ТРЯСТИ. Ходить в изношенной, грязной одежде; быть неопрятно одетым.

При наличии в составе фразеологизма двух диалектных слов, начинающихся на одну букву алфавита, он разрабатывается на первое по алфавиту слово; при других диалектных словах дается отсылочная помета «См.»: **МЫКАТЬ: МЫКАТЬ МЫЧКИ** (В **МЫЧКУ**). Очесывать лен или прясть готовую кудель. **МЫЧКИ**. См. **МЫКАТЬ**. Если диалектные компоненты фразеологического оборота начинаются на разные буквы алфавита, то разработка фразеологизма повторяется при каждом из этих слов: **ВЫКРЕМСАТЬ: ВЫКРЕМСАТЬ ОГНИВЦА**. Извлечь огонь с помощью огнива. **ОГНИВЦА: ВЫКРЕМСАТЬ ОГНИВЦА**. Извлечь огонь с помощью огнива.

ФЕ, у которых стержневой компонент грамматически не определяется, получают место разработки по первому компоненту, выраженному словом знаменательной части речи (при сохранении его грамматической формы в заглавной части словарной статьи): а) ФЕ, структурно организованные как сочетание однородных компонентов: *ни духа ни петуха* 'ничего'; *то в узрех, в то в прорех* 'как попало'; б) ФЕ, являющиеся предложно-именным сочетанием: *до макулилки* 'полностью, подчистую, без остатка'; *под губой* 'рядом'; *из-под налуску* 'нечаянно, неожиданно' и пр.¹

Для толкования фразеологических оборотов применяются те же способы, что и для толкования значений диалектных слов, однако в толковании фразеологических оборотов не применяется формула «То же, что ...». Иногда формулы толкования значений, принятые в Словаре, могут быть дополнены специфическим для толкования фразеологизмов переводным способом с помощью приведения соотносительного устойчивого сочетания из русского и белорусского литературных языков: ШУМаРХАТЬ: ДеНЬГИ ШУМаРХАТЬ Сорить деньгами; БАКЛонКИ: БИТЬ БАКЛонКИ Бездельничать; бить баклуши; ВоМИГОМ: ВоМИГОМ ВыйТИ Не пойти на пользу; выйти боком. При разработке сочетаний с тождественным и близким значением отражаются синонимические отношения лишь между фразеологизмами – по образцу отражения межсловной синонимии: при наиболее употребительном фразеологизме после пометы «Ср.» приводится перечень синонимичных устойчивых сочетаний на данную букву алфавита:

БАЙДИКИ: БАЙДИКИ БИТЬ Бездельничать. Ср. БАЛДЫ БИТЬ.

БАЛДЫ: БАЛДЫ (БАЛДы) БИТЬ. Бездельничать; бить баклуши. Ср. БАЙДИКИ БИТЬ, БАКЛонКИ БИТЬ, БАЛДУГонЯТЬ, БАЛУи БИТЬ, БИЗИКИ БИТЬ, БЕЛЕНДряСЫ БИТЬ, БЛЫнды БИТЬ, БэСТАЛЫ БИТЬ.

Система помет, дополняющая основную – семантическую – характеристику ФЕ, разрабатывалась с учетом специфики фразеологической семантики: почти каждый фразеологизм обладает экспрессией, поэтому универсальная помета «*Экспр.*» в СМСПГ ставится при ФЕ, содержание которых указывает на интенсивное проявление качества, признака, действия и передает эмоциональное отношение к ним при выражении мысли: КОЦЕК ДАТЬ. *Экспр.* Сильно избить, искалечить; СО ВСЕХ ГЛУЗДОВ. *Экспр.* Из всех сил.

Для дифференцированной характеристики экспрессивных качеств ФЕ используется система стилистических помет с достаточно широким эмоционально-оценочным диапазоном – *шутл.*, *ирон.*, *неодобр.*, *пренебр.*, *уничиж.*, *презр.*, *бран.*, *ласк.*, *восторж.* и др.: МЯЛИЦУ РАЗЕВаТЬ. *Шутл.* Широко раскрывать рот от удивления; НЕСТи ТУРАСу. *Ирон.* Нести чушь, вздор; КАК (ЧТО) БИТОК. *Ласк.* Об упитанном, здоровом ребенке; ЛЯ-ГУШКА КОРОВАТАЯ. *Презр.* О женщине, неприятной в каком-л. отношении; ДМАТЬ МорДУ. *Груб.*, *презр.* Зазнаваться; КОЛОНиЦА ТЕБя ЗАБей. *Бран.* Выражение недоброго пожелания; ПОЙТи В РАСПуСТУ. *Неодобр.* Вести распутный образ жизни.

С пометой «*Этногр.*» (сопровождающейся при необходимости пометой «*устар.*») подаются устойчивые сочетания, отражающие этнографиче-

скую специфику могилевско-смоленского пограничного региона: ЗАЖиН-
НЫЙ СНОП. *Этногр.* Первый сноп нового урожая; ВеЯТЬ НА ЛОПаТКУ
(ЛОПаТУ). *Этногр.* Веять зерно вручную; ВЕСНу ГРЕТЬ (СКЛИКаТЬ).
Этногр. Народный праздник встречи весны; ЛяДО БИТЬ (ТЕРЕБиТЬ).
Этногр., устар. Вырубать и раскорчевывать место под пашню; КУРЧа-
ВЫЙ (КУРЦаВЫ) ЛаПОТЬ. *Этногр., устар.* Легкий летний лапоть.

Таким образом, при разработке фразеологических оборотов состави-
тели СМСПГ опираются на опыт региональной лексикографической прак-
тики и находят решения, отвечающие специфике данного Словаря.

Примечания

¹ См об этом подробнее: Сузанович, В.Б. Разработка фразеологических обо-
ротов в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» / В.Б. Сузанович,
Л.И. Шаповалова // Разноуровневые характеристики лексических единиц. – Ч. 1: Исто-
рия языка и диалектология. – Смоленск, 1999. – С. 147–152.

Литература

1. Филин, Ф.П. Проект «Словаря русских народных говоров» / Ф.П. Филин. – АН
СССР. – М.–Л., 1962.

2012 г.

В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова

ПРОЕКТ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Идея создания «Фразеологического словаря могилевско-смоленского по-
граничья» (ФСМСП) возникла в процессе подготовки «Словаря могилевско-
смоленских пограничных говоров», в котором наряду с диалектной лексикой
широко представлены диалектные фразеологизмы. Включение фразеологи-
ческих единиц (ФЕ) в словарные статьи имеет прочные традиции, заложен-
ные нормативными словарями и получившие дальнейшее развитие в регио-
нальной лексикографии с учетом специфики региональных словарей.

Целесообразность создания ФСМСП обусловлена многими фактора-
ми. На фоне очевидных значительных достижений в области диалектной
лексикографии, словарная разработка диалектной фразеологии занимает
более чем скромное место. Состояние диалектной лексикографии опреде-
ляется как давностью традиций собирания диалектной лексики и издания
областных словарей, так и общим количеством и многообразием типов этих

словарей. И если традиция сбора и описания русской диалектной лексики складывалась почти два столетия (собрание и описание белорусской диалектной лексики началось несколько позже), то создание фразеологических региональных словарей – дело недавнего времени¹. По многообразию типов словарей диалектная лексикография значительно опережает диалектную фразеологию: среди огромного количества диалектных словарей различаются словари полные и дифференциальные, сводные и региональные, словари одного говора и говора одного села, словари островных говоров, словари тематические и словари просторечий. Известные же нам русские диалектные фразеологические словари относятся к типу региональных, а белорусские лишь условно можно отнести к сводным. Таким образом, идея создания указанного словаря является своевременной и актуальной.

I. На первом этапе, при разработке концепции словаря, важно четко определить его тип. ФСМСП – региональный сводный словарь дифференциального типа.

Предполагаемый Словарь – *региональный*, т. к. в нем будет представлен фразеологический фонд *переходных белорусско-русских говоров*, которые исторически сформировались в лингвистическом ареале, где происходила интерференция двух языковых систем – русской и белорусской.

По степени охвата фразеологизмов ФСМСП в определенном смысле относится к *сводным* словарям, поскольку в нем описывается диалектная фразеология, сложившаяся в результате взаимодействия русского и белорусского языков.

По принципу отбора фразеологизмов ФСМСП мыслится как *дифференциальный* словарь, т. к. в него предполагается включать лишь *диалектную* фразеологию говоров могилевско-смоленского пограничного региона. Применительно к ФСМСП дифференциальность понимается как принцип отличия фразеологии говоров могилевско-смоленского пограничья (ГМСН) от фразеологии и русского, и белорусского литературных языков: любое отличие фраземы от русского и белорусского литературного фразеологизма может служить основанием для ее включения в Словарь. С учетом такого понимания принципа дифференциальности во ФСМСП помещаются фразеологизмы, отсутствующие как в составе фразеологии русского литературного языка, так и в составе фразеологии белорусского литературного языка. Критерием включения диалектного фразеологизма во ФСМСП является отсутствие последнего в нормативных фразеологических словарях русского и белорусского языков, либо фиксация фразеологизма с пометой «обл.» Отбор диалектных фразеологизмов производится на основе их выверки по кодифицированным фразеологическим и

толковым словарям русского и белорусского языков. Таким образом, во ФСМСП войдут только *диалектные* фразеологизмы двух разрядов: ФЕ, имеющие в своем составе диалектный компонент, и ФЕ, состоящие из общенародных слов русского и (или) белорусского языка, но имеющие диалектную семантику.

ФЕ первого разряда содержат диалектные компоненты различных видов: 1) диалектный компонент, выраженный словом, имеющим в ГМСР свободное употребление, ср.: *зайдра* 'зависть' и *зайдра берёт* 'зависть берет'; *намова* 'наговор, клевета' и *наводит намову* 'клеветать, оговаривать'; *немереча* 'мелочь, мелкие вещи' и *нести немеречу* 'говорить вздор, нести чушь, ерунду'; *мотуз* 'веревка, тесемка, завязка' и *дать мотуза* 'огреть веревкой'; 2) диалектный компонент, выраженный словом, не отмеченным в ГМСР в свободном употреблении, т. е. имеющим фразеологически закрепленное употребление: *пойти в позЫк* 'просить у кого-л. деньги взаймы' *быть не в лагоднях* 'быть не в духе, сердиться на кого-л.'; *чебiту молотить* 'нести чушь'; *цурба́лки в шинелях* 'картофель, сваренный в кожуре'; 3) диалектный компонент, выраженный словом, которое имеет фразеологически закрепленное употребление, но образовано от диалектизма со свободным употреблением, напр.: *жур* 'жир' и *журики точат* 'о тех, кто привередничает от пресыщения или безделья' и др. Кроме того, в Словарь включаются ФЕ, имеющие диалектные фонетические, словообразовательные и прочие варианты компонентов соотносительных русских и белорусских общенародных ФЕ, ср.: *истри́ть зуб* — *остри́ть зуб* (русс.); *с быка на андыка* — *з быка на iндыка* (бел.); *отлегу́ло от сердца* — *отлегло от сердца* (русс.); *сплести сплётку* — *сплесцi плётку* (бел.) и др.

Проблема отбора ФЕ второго разряда (состоящих из недиалектных слов) является чрезвычайно сложной, т.к. при отсутствии сводных русских и белорусских диалектных фразеологических словарей не всегда можно безошибочно определить, являются ли эти ФЕ диалектными. Об этой проблеме писал еще Ф.П. Филин, подчеркивая, что «фразеологизмы, в составе которых нет диалектных слов (диалектных значений слов)», не содержат «данных, которые могли бы позволить определить такие фразеологизмы как диалектные явления, имеющие изоглоссы на территории русских говоров» [1, с. 150]. Поэтому во ФСМСП предполагается включать следующие виды устойчивых сочетаний: 1) собственно фразеологизмы – обороты, обладающие в разной мере оценочным (метафорическим) значением, напр.: *вести в оглобли* 'образумить'; *добиться до обу́ха* 'обнищать, разориться'; *фунта глины не стоит* 'о ком-л. или чем-л. ничтожном, не достойном уважения, внимания'; *хоть косу закладывай*. 'очень много'; *как репку грызть* 'делать

что-л. очень быстро'; *высохнуть на былинку* 'исхудать' и пр.; 2) устойчивые сочетания, отражающие различные стороны материальной и духовной культуры жителей могилевско-смоленского пограничного региона: *круглый двор* 'двор со всеми постройками, образующими замкнутое пространство'; *лошадь в соху* 'о лошади третьего года жизни'; *рубить в лапу* 'способ укладки бревен при строительстве избы'; *последняя каша* 'обрядовое блюдо: каша, которая подается на поминках'; *красная борозда* 'первая борозда на пахоте' и пр.; 3) устойчивые сочетания терминологического характера, занимающие промежуточное положение между фразеологизмами и устойчивыми оборотами нефразеологического типа, если они относятся к народным промыслам, ремеслам, ведению сельского хозяйства, называют явления фауны и флоры этого региона и т. п.: *жаркая ямка* 'горн для обжига глиняной посуды'; *ломать поле* 'бороновать поле поперек вспаханной борозды'; *бабы уши* 'грибы сморчки'; *колючий дед* 'репейник, лопух, чертополох' и пр.; 4) предложно-падежные сочетания фразеологического типа: *в ряд* 'по соседству'; *на росу* 'очень рано', *в свете* 'далеко' и пр.

В Словарь не включаются пословицы и поговорки.

II. Основной принцип расположения ФЕ во ФСМСП определяется с учетом традиции, уже сложившейся в региональной фразеогрфии: фразеологизмы указанных выше разрядов располагаются в общем словнике по алфавиту компонентов, определяющих место их разработки, а критерии выделения этих компонентов устанавливаются для каждого разряда в отдельности. Например, ФЕ первого разряда получают место разработки по диалектному компоненту: 1) ФЕ с одним диалектным компонентом будут разрабатываться по этому компоненту, причем в начальной форме ставится лишь заглавное диалектное слово, имеющее в ГМСП свободное употребление, ср.: БЫЛиЦА: БЫЛиЦЫ ТРАВиТЬ. Вспоминать о прошлом, но ДЕЙКУ: ДЕЙКУ ПУСТИТЬ. Пустить слух.; 2) при наличии в составе фразеологизма двух диалектных слов, начинающихся на одну букву алфавита, он разрабатывается на первое по алфавиту слово; при других диалектных словах дается отсылочная помета «См.»: МыКАТЬ: МыКАТЬ МыЧКИ (В МыЧКУ). Очесывать лен или прясть готовую кудель. МыЧКИ. См. МыКАТЬ; 3) если диалектные компоненты фразеологического оборота начинаются на разные буквы алфавита, то разработка фразеологизма повторяется при каждом из этих слов: ВыКРЕМСАТЬ: ВыКРЕМСАТЬ ОГНиВЦА. Извлечь огонь с помощью огнива. ОГНиВЦА: ВыКРЕМСАТЬ ОГНиВЦА. Извлечь огонь с помощью огнива.

Принцип расположения ФЕ второго разряда – структурно-семантический, общепринятый в современной фразеогрфии, в соответствии с ко-

торым место разработки ФЕ в словнике определяется в зависимости от их структурной организации, по грамматически стержневому компоненту: 1) ФЕ, по структуре соответствующие словосочетанию (глагольному, именному, атрибутивному, наречному), получают место разработки по своему структурно организующему компоненту: ЛЕЗТЬ: ЛеЗТЬ НА РОГа. ЗатеваТЬ ссору; КАРТоШКА: КАРТоШКА С ПРИМаЗКОЙ. Отварной картофель, политый маслом; 2) ФЕ, по структуре соответствующие двусоставному предложению, получают место разработки по компоненту, приравняемому к подлежащему: НИКТо: НИКТо ГОЛОСА НЕ ПОДАСТ. Не заступится; 3) ФЕ, по структуре соотносительные с односоставным предложением, разрабатываются по компоненту, приравняемому к главному члену: ПОЙМаТЬ: ПЕСТОМ В СТУПЕ НЕ ПОЙМаТЬ. О бойком, вертлявом человеке; 4) ФЕ, по структуре соответствующий сравнительной конструкции, получает место разработки по ее структурно организующему компоненту: КОЧЕРЫЖКА: КАК КОЧЕРЫЖКА. Одиноко; КАК ВОДОЙ СМЫЛЮ. О неожиданном или быстром исчезновении кого-л. или чего-л.

ФЕ, у которых стержневой компонент грамматически не определяется, получают место разработки по первому компоненту, выраженному словом знаменательной части речи (при сохранении его грамматической формы в заглавной части словарной статьи): а) ФЕ, структурно организованные как сочетание однородных компонентов – На еМЯ: И НА еМЯ И НА СеМя. Много, в достаточном количестве (об урожае); б) ФЕ, являющиеся предложно-именным сочетанием – ОБЛиПКУ: В ОБЛиПКУ. В обнимку. и пр.

В ФСМСПГ может применяться и гнездовой способ подачи фразеологизмов с общим стержневым компонентом. Если такой диалектный компонент выступает в разных грамматических формах, то в словарной статье ФЕ располагаются по алфавиту буквенных знаков этих форм: АРеДОВ: АРеДОВ СЫН. О беспутном человеке. АРеДОВА ГОЛОВА. О бестолковом, глупом человеке. Если же стержневой диалектный компонент имеет тождественную грамматическую форму, то ФЕ располагаются в алфавитном порядке зависимых компонентов: ЛюБЖУ: ЛюБЖУ ДАТЬ (ДАВаТЬ). Приворожить, влюбить в себя. ЛюБЖУ ДеЛАТЬ. Привораживать. ЛюБЖУ НАВОДиТЬ. Гадать, ворожить на любовь. ЛюБЖУ НАЛОЖиТЬ (НАКЛаСТЬ). Навести порчу.

III. *Построение типовой словарной статьи* во ФСМСП продолжает традиции региональных словарей и включает следующие компоненты: 1) заголовочную форму, состоящую из ФЕ со всеми ее вариантными и факультативными компонентами; 2) стилистические и другие пометы;

3) толкование значения ФЕ; 4) иллюстрации, представляющие собой цитату из записи живой речи носителей диалекта; 5) географические (территориальные) пометы, т.е. указание места записи примера (деревня, район, область), 6) географические пометы для тех населенных пунктов, которые не представлены иллюстрацией, но необходимы, чтобы точно зафиксировать территорию распространения ФЕ. Кроме того, при необходимости словарная статья может отражать синонимические отношения ФЕ в ГМСР.

IV. Система помет, дополняющая основную – семантическую – характеристику ФЕ, разрабатывается с учетом типа словаря. Во фразеологическом словаре на первом месте помещаются стилистические пометы. В силу специфики фразеологической семантики почти каждый фразеологизм обладает экспрессией, поэтому помета «*экспр.*» во ФМСР ставится при ФЕ, содержание которых указывает на интенсивное проявление качества, признака, действия и передает эмоциональное отношение к ним при выражении мысли: ДАТЬ ВСЫЖНИКА. *Экспр.* Проучить, строго наказывать; НА ВСЕ БАНДАЛЫ. *Экспр.* Очень быстро. Для точной характеристики экспрессивных качеств ФЕ используется достаточно полная система стилистических помет: *шутл., ирон., неодобр., пренебр., уничиж., презр., бран., ласк., восторж.* и др.: ТЯПИЦУ РАЗЕВАТЬ. *Шутл.* Широко раскрывать рот от удивления; ДАТЬ БУСЬКУ. *Ласк., детск.* Поцеловать; ЛЯГУШКА КОРОВАТАЯ. *Презр.* О женщине, неприятной в каком-л. отношении; ЗАСУКАТЬ ГРИБЫ. *Груб., презр.* Дуться, обижаться; ЧТОБ ТЕБЯ ЧЕМИРЬ ВЗЯЛА. *Бран.* Выражение негодования, досады, возмущения кем-л. ГЛАЗА (ВОЧИ) КАЗЕЛИТЬ. *Неодобр.* Нагло, вызывающе смотреть на кого-л.

С пометой «*Этногр.*» (нередко в сочетании с пометой «*устар.*») подаются устойчивые сочетания, отражающие этнографическую специфику могилевско-смоленского пограничного региона: ВЯЗОВЫЕ ЛАПТИ. *Этногр.* Лапти, плетенные из коры вяза; ПАХАТЬ В БУГОНЬ (БОГОНЬ). *Этногр.* Способ вспашки земли, когда участок начинают пахать с середины; БОРОДУ СПРАВЛЯТЬ. *Этногр.* Отмечать окончание жатвы; КОПАНИЕ САНИ. *Этногр., устар.* Сани с полозьями, изготовленными из ствола дерева с загнутой частью корня.

Для регионального словаря обязательны географические (территориальные) пометы, сопровождающие каждый пример и содержащие полное название деревни и в сокращении – название района и области, где был записан данный пример. Во ФМСР подача географических помет с указанием не только деревни, но и области, дает наглядное представление о распространении каждой ФЕ на территории как могилевского, так и смоленского пограничья.

Примечания

¹ В настоящее время нам известны 3 русских диалектных фразеологических словаря: Н.Т. Бухарева, А.И. Федоров. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний русских говоров Сибири. – Новосибирск, 1972; Фразеологический словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск, 1983; К.Н. Прокошева. Материалы для фразеологического словаря говоров Прикамья. – Пермь, 1983. Из белорусских словарей указанного типа можно назвать «Слоўнік беларускай народнай фразеалогіі» Е.С. Метельской и Я.М. Комаровского (Минск, 1972), «Слоўнік дыялектнай фразеалогіі Гродзеншчыны» М.А.Даниловча (Гродно, 2000 г.), а также популярные издания Г.Ф. Юрченко «І котицца і валіцца». (А–З) – Минск, 1972; «І сячэ і паліць» (І–Н). – Минск, 1974 г; «Слова за слова» (О–Я) – Минск, 1977.

Литература

1. Филин, Ф.П. Проект «Словаря русских народных говоров» / Ф.П. Филин. – АН СССР. – М.–Л., 1962

2011 г.

2. ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗРАБОТКИ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ

В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ В «СЛОВАРЕ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ»

Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров (СМСПГ) – первый опыт регионального сводного словаря переходных белорусско-русских говоров¹. В нем представлена диалектная лексика могилевско-смоленского пограничного региона со всеми ее специфическими особенностями. В составлении «одноязычных» русских и белорусских региональных словарей у лексикографов выработались определенные традиции, однако сводных словарей переходных говоров близкородственных языков в лексикографической практике до сих пор не было. Указанным обстоятельством обусловлено своеобразие построения словарных статей в СМСПГ: традиционная для «одноязычных» региональных словарей структура словарной статьи дополняется компонентами, отражающими специфику данного словаря.

С учетом сказанного словарная статья в СМСПГ строится, как правило, по следующей схеме: 1) заглавная форма слова; 2) грамматические пометы; 3) ограничительные пометы; 4) толкование значений слова;

5) иллюстративный материал с указанием места записи примера (название деревни, района, области); 6) географические пометы тех населенных пунктов, которые не представлены в иллюстрации; 7) особенности употребления слова с иллюстрацией и указанием места записи примера; 8) особенности сочетаемости слова с иллюстрацией и указанием места записи примера; 9) фразеологический оборот, толкование его значения с иллюстрацией и указанием места записи примера; 10) этнографический комментарий. Здесь мы остановимся лишь на тех компонентах структуры словарной статьи, которые составляют специфику Словаря.

1. Структура словарной статьи сводного СМСПГ отличается от структуры словарных статей словаря одного диалекта. Словарная статья СМСПГ является более сложной, поскольку она включает материал не только разных говоров, но и разных лексических систем – русской и белорусской. Если в словарях, составленных на материале одного диалекта, словарная статья представляет собой показ семантической структуры одного слова, все значения которого являются реализацией его семантических возможностей в этой конкретной системе, то в сводных словарях типа СМСПГ словарная статья лишь формально совпадает со словарными статьями обычных региональных словарей. В словарной статье СМСПГ могут быть представлены слова, значения которых все вместе в одной лексической системе не сосуществуют и могут реализоваться на разных территориях и даже в разных системах. Например, существительное *балабон* отмечено в говорах МСП в шести значениях: 1. Колокольчик, бубенчик, погремушка; 2. Звонарь; 3. Болтун, пустомеля, краснобай; 4. Тот, кто говорит быстро и невнятно; 5. Коржик, колобок; 6. В игре в прятки: предмет, вещь, которые прячут². Однако ни в одном говоре, ни даже в одном районе не зафиксированы все значения этого слова. На территории смоленского пограничья лексема *балабон* зарегистрирована в пяти значениях (1, 3, 4, 5, 6), а на Могилевщине указанное слово отмечено в трех значениях (1, 2, 3); в Монастырщинском р-не Смол. обл. оно зафиксировано в трех значениях (1, 3, 6), в Хиславичском и Шумячском р-нах Смол. обл., а также в Мстиславском, Климовичском и Хотимском р-нах Могил. обл. отмечено по два значения этого слова. Еще пример. Глагол *бедовать* отмечен в говорах МСП в трех знач.: 1. Испытывать нужду, бедствовать; 2. Волноваться, беспокоиться, переживать; 3. Жаловаться. Во всех трех значениях это слово зафиксировано на территории могилевского пограничья, но в разных говорах и даже в разных районах; в знач. 1. указанный глагол употребляется в Мстиславском (д. Шамово и д. Селец) и Кричевском (д. Лобковичи) р-нах; в знач. 2. – в Климовичском (д. Звенчатка) р-не;

в знач. 3. – в Климовичском (д. Звенчатка) и Хотимском (д. Тростино) р-нах. На территории смоленского пограничья глагол *бедовать* зарегистрирован в знач. 1 и 2; оба значения отмечены в д. Любавичи Монастырщинского р-на.

Указанная картина характеризует почти все словарные статьи с многозначными словами и словами-омонимами. Следовательно, система значений полисемичного слова, отраженная в словарных статьях сводного СМСПГ, является, по существу, географической сводкой бытования на территории могилевско-смоленского региона тех или иных слов в их значениях. Описанное положение может отражать, с одной стороны, реальную картину бытования того или иного слова с его семантическими связями в различных районах МСП. Так, одно из значений какого-то слова может реализоваться в других говорах МСП иным словом. Например, слово *балабон* в значении ‘болтун, пустомеля, краснобай’ употребляется в д. Селец и Шамово Мстиславского р-на, в д. Бель Кричевского р-на, в д. Звенчатка Климовичского р-на, в д. Тростино Хотимского р-на Могил. обл., а также в д. Любавичи Монастырщинского р-на и в д. Соино Хиславичского р-на Смол. обл. Отсутствие слова *балабон* в указанном значении в других говорах МСП может объясняться тем, что в них в этом значении бытует другое слово: ср. *балабонишник* (Роськов, Клим. Мгл.), *балагол* (Горы, Гор. Мгл.), *балазвон* (Забельщин, Хот. Мгл.), *балака* (Милейково, Крич. Мгл.), *гомонец* (Викторово, Красн. Смл.), *халдамяка* (Татарск, Мон. Смл.), *бахарь* (Лобковичи, Крич. Мгл.), *толкотуха* (Ст. Дедин, Клим. Мгл.; Б. Рубановка, Мст. Мгл.; Еловец, Хот. Мгл.), *трепышка* (Викторово, Красн. Смл.; Гавриловка, Хот. Мгл.) и др.³ С другой стороны, указанное положение может явиться следствием неполноты материала, собранного для СМСПГ. Следует признать, что лексика говоров могилевско-смоленского пограничья обследована нами неравномерно. Лучше изучены говоры могилевского пограничья, хотя и здесь собирание диалектной лексики нельзя считать завершенным; слабее обследована лексика смоленского пограничья – к сожалению, после распада СССР мы лишились возможности направлять диалектологические экспедиции в населенные пункты Смоленской области.

2. Одна из серьезных проблем, с которой составители столкнулись при разработке словарных статей для СМСПГ, – подача заглавного слова. При подготовке «одноязычного» регионального словаря подобных проблем не возникает: заглавные слова в русских областных словарях приводятся в русской условной орфографической записи, заглавные слова в белорусских областных словарях – соответственно в белорусской. В нашем случае

одинаково возможна подача заглавного слова и в русской, и в белорусской орфографии. Выбор записи, таким образом, всецело зависит от компетентности составителей Словаря. В СМСПГ заглавное слово, как правило, приводится в условной записи, соответствующей нормам русской орфографии с показом фонемного состава слов и морфем. Такая запись принята: 1) для слов с прозрачным морфемным составом: *обмашка* ‘ошибка, промашка’ (ср. реальное произношение в говорах МСП *абмашка*); *обрать* ‘выбрать, избрать’ (ср. реальное произношение в говорах МСП *абрать, абраць*); *обруб* ‘сруб’ (ср. произн. *абруп*); *обряд* ‘одежда, наряд’ (ср. произн. *абрят, абрат*) и т. п.; 2) для слов с прозрачной этимологией: *мотушка* ‘катушка, бобина’ (ср. русск. литер. *моток* с тем же корнем; произн. *матушка*); *обтопок* ‘стоптанная обувь’ (ср. произн. *аптопак*); *обтрёпок* ‘старая тряпка, ветошь’ (ср. произн. *аптрёпак, аптропак*); 3) если фонемный состав слова удастся восстановить путем этимологического анализа: *гоновицы* ‘брюки, штаны’ (ср. произн. *ганавицы*). Слово создано путем метатезы слогов от *ноговицы* с тем же значением, известного белорусским говорам⁴. *жевина* ‘ежевика’ (ср. произн. *жавина*); *борошня* ‘большая корзина, короб’ (ср. произн. *барышня*, реализующее диссимилятивный тип аканья). По всей вероятности, данное слово этимологически связано со словом *борошень* ‘пожитки, скарб, обиходное имущество’, зафиксированным в словаре В.И. Даля⁵.

Вместе с тем при установлении фонемного и морфемного состава диалектного слова составители СМСПГ нередко сталкиваются с трудностями в отделении фонетических процессов от словообразовательных. Это относится, например, к разграничению протетического гласного [а], ср.: *абаранка, абалясина, абосый, авовна, агляк, аголый*, с одной стороны, и приставки *о-*, ср.: *оголить, огледить, ожинки, осевки*, – с другой. При акающем произношении тех и других в говорах МСП трудно решить вопрос о происхождении (фонетическом или словообразовательном) и реальном статусе начального гласного в словах типа *абабок* или *обабок* ‘малая укладка снопов’, *абалок* или *обалок* ‘количество груза, помещаемое в одном возу’, *абыдня* или *обыдня* ‘ведро в колодце’, *аборок* или *оборок* ‘низкое место в поле, на лугу, в лесу, где собирается вода’ и т. п.

Немалые трудности в подаче заглавных слов связаны также с особенностями произношения тех или иных звуков в говорах МСП. Например, при произношении в разных говорах твердого или мягкого [р] – [р’] довольно проблематичной оказывается подача заглавных слов типа *рогоза* или *регоза* ‘неряха, грязнуля’ (ср. произн. *рагаза* и *рягаза*), *рапуха* или *ряпуха* ‘жаба, лягушка’ и т. п. Аналогичные проблемы возникают при подаче

заглавных слов с начальными [ф] и [хв]: *фальбона* или *хвальбона* ‘оборка на женской одежде’, *фанда* или *хванда* ‘боковой клин нижней части верхней одежды’, *фербота* или *хвербота* ‘кружево’ и т. п. Распространенная в говорах МСП замена звука [ф] сочетанием [хв] является, как известно, характерной особенностью южнорусского наречия. Различной реализацией по говорам МСП фонемы [т’] обусловлены сложности подачи заглавных слов типа *темливый* или *цемливый* ‘понятливый, сообразительный’, *тетюха* или *цецюха* ‘лихорадка, судорога, дрожь’, *тикавый* или *цикавый* ‘хитрый’ и т. п.

В отмеченных и других случаях возникновения трудностей при установлении фонемного состава слова, его корневой или аффиксальной морфемы вопрос о принципах записи заглавного слова составителями СМСПГ решается неоднозначно. В случае, если слово зафиксировано в доступных лексикографических или иных источниках, заглавная форма последнего приводится в орфографии, принятой в источнике. Например, заглавная форма *обловуха* ‘шапка-ушанка’ при акающем произношении в говорах МСП *аблавуха*⁶. Если слово в источниках не обнаружено, в его заглавную форму выносятся произносительные варианты, ср.: *ажмеры* ‘отходы семян’, *азметка*, *азмётка* ‘неразбериха’, *аляскат* ‘пряник, лепешка’, *кателка*, *катёлка* ‘подсолнух’, *апалушка*, *опалушка* ‘корыто для просеивания зерна’, *рапуха*, *ряпуха* ‘жаба, лягушка’ и т. п.

3. Затронутые здесь проблемы заглавного слова, его подачи в СМСПГ тесно переплетаются с вопросом об определении места разработки словарной статьи, если фонетическая альтернатива локализована в начале слова и противопоставленные звуки на письме передаются разными буквами. Вопрос о помещении словарной статьи на ту или иную букву словника в каждом конкретном случае составителями СМСПГ решается индивидуально с учетом следующих факторов: а) звуковое оформление начала общеупотребительных русских и белорусских слов, соотносительных с данным; б) наличие данного или родственного ему слова в лексикографических и этнографических источниках. Так, зарегистрированное в нашей картотеке слово *хвальбона* ‘оборка на женской одежде’ разрабатывается нами в словнике на букву Ф, поскольку в белорусских толковых словарях приводится соотносительная с ним лексема *фальбона*; слово *хванда* ‘боковой клин нижней части верхней одежды’ допускает фонетическую и семантическую соотнесенность с русским *фалда*, однако подтверждения этому предположению в лексикографических источниках не обнаруживается; но в монографии известного белорусского этнографа Л.А. Молчановой «Материальная культура белорусов» приводится деминутив *хвандочка*, что и предопреде-

ляет место разработки слова *хванда* в словнике на букву *Х*; слово *хвербота* ‘кружево’ не имеет соотносительных фонетических связей с русскими или белорусскими словами, его предполагаемое польское происхождение не находит подтверждения в этимологических источниках, нет этого слова и в доступных лексикографических и этнографических материалах – именно поэтому в заглавное слово выносится произносительный вариант *хвербота* и словарная статья разрабатывается на букву *Х*.

4. Каждая словарная статья СМСПГ содержит иллюстративный материал в виде примеров, являющихся отрывками записей живой речи носителей говоров МСП. Примеры иллюстрируют каждое значение слова, его фонетические и грамматические варианты. Отбор примеров определяется следующими требованиями: а) исчерпывающе полно раскрыть значение слова; б) дать объективное представление о распространении слова в могилевской и смоленской пограничных зонах; в) дать по возможности полную информацию о грамматических формах слова и его синтаксических связях.

С учетом изложенного в словарную статью включаются полноценные в семантическом отношении примеры, позволяющие наиболее точно установить значение и употребление данного слова, а также контексты, которые содержат дополнительные сведения о слове – о его грамматических формах и синтаксических связях. Как правило, для иллюстрации одного значения в словарной статье помещается не менее двух примеров, один из которых записан на территории могилевского пограничья, второй – на территории смоленского пограничья.

Порядок подачи иллюстративного материала определяется несколькими факторами. Главным признается максимальная выразительность значения разрабатываемого слова. Затем принимается во внимание, что лучше изучена лексика могилевской части пограничной зоны, поэтому вначале приводятся контексты, записанные на указанной территории. Наконец, учитывается в иллюстративном материале наличие различных грамматических форм: первым в словарной статье помещается пример, в котором данное слово выступает в начальной форме.

Каждая иллюстрация сопровождается территориальной пометой, в которой указывается место записи примера, при этом приводится полное название деревни и в сокращении – название района и области; последнее обязательно для говоров нашего региона, включающего могилевское пограничье, с одной стороны, и смоленское – с другой. Контексты, которые не отвечают изложенным выше требованиям к иллюстративному материалу, как правило, в словарную статью не включаются, но сам факт бытования слова или его значения в говоре фиксируется территориальной пометой.

Примечания

¹ СМСПГ относим к сводным, поскольку он описывает диалектную лексику русской и белорусской систем.

² Два последних значения слова *балабон* являются, по существу, самостоятельными словами-омонимами, однако в данном случае это не принципиально, поскольку здесь речь идет лишь о диалектных различиях плана содержания, когда одной звуковой форме в разных говорах соответствуют разные значения.

³ Нередко в одном говоре сосуществуют два или несколько слов с указанным значением, ср. *балабониц* и *трепышка* (д. Роськов); *балабон*, *балабоха*, *балагол*, *балазвон* (д. Любавичи) и др.

⁴ См.: Белорусско-русский словарь : в 2 т. – Минск, 1988. – Т. 1. – С. 718.

⁵ См.: Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка / В.И. Даль. – М., 1955. – Т. 1. – С. 117–118.

⁶ Слово *обловуха* отмечено в книге Л.А. Молчановой «Материальная культура белорусов» (Л.А. Молчанова. – Минск, 1968. – С. 174).

1998 г.

В. Сузанович, Л. Шаповалова, И. Лапицкая

ИЗ ОПЫТА СОСТАВЛЕНИЯ СЛОВАРНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ «СЛОВАРЯ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ»

«Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) задуман как региональный сводный дифференциальный словарь переходных русско-белорусских говоров, в котором должна быть представлена лексика могилевско-смоленского пограничного региона со всеми ее особенностями. Словари такого типа в современной лексикографической практике отсутствуют, поэтому опыт составления сводного словаря переходных говоров близкородственных языков может обогатить лексикографические традиции.

Тип СМСПГ обуславливает своеобразие построения его словарных статей: традиционная, типовая структура словарной статьи диалектных словарей дополняется компонентами, отражающими специфику языкового материала.

Словарная статья ССПГ, построенная по типовой схеме, включает: 1) заглавное слово; 2) грамматические пометы; 3) ограничительные пометы; 4) толкование значения слова; 5) иллюстративный материал с указанием места записи (название деревни, района, области). Например:

ЗАРУЧИНЫ, мн. *Этногр.* 1. В свадебном обряде – обручение, помолвка. *Пирит свадьбай усигда бывають заручыны, када жаних сватацца к нявесті.* Звенчатка,

Клим. Мгл. Раньшы абизатыльна гулялі **заручыны**, а цяпер як хто. Лобковичи, Крич. Мгл. Как я руги раз замуж ишла, дык **заручин** не была. Литвиновка, Ерш. Смл. Сначала **заручины** гуляють, а патам ужо и свадьбу. Суздалевка, Хисл. Смл. 2. Пирог, который невеста печет к помолвке. На **заручыны** деўка пирох пикла. Яго тожа называли – **заручыны**. Ст. Дедин, Клим. Мгл. **Заручаны** у нас с пшанишнай муки пякли. Русское, Шум. Смл.

Дополнительным компонентом словарной статьи является этнографический комментарий и толкование фразеологизма, включающего заглавное слово.

Этнографический комментарий приводится в конце статьи после значка = при необходимости пояснить происхождение слова, уточнить его значение, проследить изменение в семантике и т. д. Этнографические комментарии СМСРГ извлекаются из следующих источников: 1. Л.А. Молчанова «Материальная культура белорусов» (Минск, 1968); 2. Л.А. Молчанова «Очерки материальной культуры белорусов XVI–XVII вв.» (Минск, 1981); 3. Опыт описания Могилевской губернии.... Кн.1 / под ред. А.С. Дембовецкого (Могилев, 1882); 4. Этнаграфія Беларусі : энцыклапедыя (Мінск, 1989) и др. Например:

ЖЕРЛО, -а, ср. Входное отверстие в подвале. Осинью, як убираим бульбу, бураки, у погрип их чериз **жырло** усыпаим. Селец, Мст. Мгл. У **жарло** картошка сытицца пряма у погриб. Татарск, Мон. Смл. = Для погреба рыли яму, стенки которой обкладывали деревом, Для входа оставляли отверстие – «**жарло**», «**жарало**». Молчан. Матер. культ., с. 50.

Фразеологический оборот, включающий заглавное слово словарной статьи, помещается в конце ее после демаркационного знака • с толкованием значения фразеологизма и указанием места записи, например:

ГойДАЛКА, -и, м. и ж. Бездельник, лентяй. Ни работыить, былтаицца биз дела – значить **гойдалка**. Литвиновка, Ерш. Смл. Сыну ўжо трынаццаць гадоў, а ён такі **гойдалка**, ничаво дэлаць ні хоча. Нестерово, Мст. Мгл. • **ГойДАЛКА ИЗ ГойДАЛКИ**. Очень ленивый человек. Унучка мая други раз як заленицца, дык **гойдалка з гойдалки** тада. Праси ни праси – дэлаць нічога ня будиць. Селец, Мст. Мгл.

Кроме того, словарная статья может включать и дополнительные географические (территориальные) пометы – указание на место регистрации слова или значения, если иллюстративный материал по каким-либо причинам не может быть введен в словарную статью, но сам факт бытования в той или иной деревне этого слова или значения должен быть зафиксирован. Такие пометы приводятся за последним примером после точки с запятой:

ВУГняВЫЙ и **ВУГНаВЫЙ**, -ая, -ое. Человек, говорящий в нос, гнусаво. **Вугнявый** гаворить сабе пад нос, а што гаворить – чорт яво ведае. Литвиновка, Ерш. Смл. Дед наш **вугनावый** быў, нипрыятна так гаварыў, у нос. Бель, Крич. Мгл.; Пирыаны, Хисл. Смл.; Н. Дедин, Клим. Мгл.; Липовка, Хот. Мгл.

Основная структурная часть типовой словарной статьи содержит семантическую характеристику слова. По типу определения значения слова СМСПГ является *переводно-толковым* словарем; в нем используются следующие способы толкования значения слов: а) *переводный*, б) *описательный*, в) *смешанные способы*.

1. Переводный способ состоит в приведении соответствия – слова-синонима из русского литературного языка: ВЕТОШОК, -а, м. Месяц; ГОВЯЖИЙ, -ая, -ое. Скотный; ВЕТРИТЬ, *несов., перех.* Сушить; ВАЖКО, *нареч.* Тяжело и т. п. Если значение литературного слова не покрывает значения диалектного, то к последнему приводится несколько неполных синонимов, и значение толкуемого слова определяется всей их совокупностью: ВОРОЖКА, -и, ж. Ворожея, гадалка, шептунья; ВАДИТЬ, *несов., перех.* Вредить, пакостить; ХИРЛЫЙ, -ая, -ое. Слабый, болезненный; ГОРЬКО, *нареч.* Очень, сильно.

2. При описательном способе дается толкование слова в виде более или менее развернутого определения: ХИЖА, -ы, ж. Мокрый снег; ЗАЛОЖЕЧНИК, -а, м. Деревянная полка для хранения ложек; ВЕДЕРНИЦА, -ы, ж. Корова, дающая много молока; ГРОБНИЦА, -ы, ж. *Устар.* Деревянная колода, которую в старину клали на могилу.

3. Смешанные способы толкования значений: а) *переводно-описательный*, совмещающий признаки двух вышеуказанных способов и применяющийся, когда значения диалектного и литературного слова-синонима полностью не совпадают. УГОДКИ, *мн.* Поминки, годовщина со дня смерти; ВАРЗОПАТЬСЯ, *несов. 1. Неодобр.* Делать что-л. долго, неумело, небрежно; возиться; б) *переводно-перечислительный* способ, при котором значение слова раскрывается родовым или более широким понятием с перечислением слов-конкретизаторов: ГАДАНЬё и ГАДАНЬЕ, -я, *ср., собир.* Гады: змеи, ужи; ГНИЛУШКА, -и, ж. Все гнилое: дом, дерево, картофель и т. п.; в) *переводный* или *описательный* с *включенным уточнением*, которое в толковании подается в скобках: ЗАБРАЖИТЬ, *сов., неперех.* Подходить (о тесте); ГАРЧИК, -а, м. 1. Небольшая деревянная емкость для хранения продуктов (ящик, кадка и т. п.).

В СМСПГ применяются отсылки: а) при словах с тождественным значением; б) при вариантах слова. При словах с тождественным значением (дублетах, словообразовательных синонимах) используется отсылка «то же, что»: толкование приводится только для первого по алфавиту слова, а последующие подаются с отсылкой. Например: БЕГЛОПОПОВЕЦ, -вца, м. Старообрядец. БЕСПОПОВЕЦ. То же, что БЕГЛОПОПОВЕЦ. ВОЛОВОКИЙ, -ая, -ое. *Экспр.* Глазастый, пучеглазый. ВЫЛУПЛЯСТЫЙ, -ый, -ая, -ое. *Экспр.* То же, что ВОЛОВОКИЙ. При синонимических словах отсылки

даются с помощью пометы «Ср.» в конце словарной статьи, где приводится по возможности исчерпывающий перечень близких или тождественных по значению слов на данную букву:

ЖеМЕР, -у, м. Выжимки, остающиеся после переработки ягод и фруктов, овощей. *Летам дедыла сок с парэчак, асталась многа жэмяру; з яго укуснай кисель палуцаицца.* Тростино, Хот. Мгл. *Наша баба з жэмиру укусныя драники пячэть.* Милеково, Мст. Мгл. Ср. ЖЕМЕРюХА, ЖИМаКИ, ЖМаХИ, ЖОМ.

ЖАДоБА, -ы, м. и ж. *Экспр.* Жадный человек. *Вун тая сасетка такая жадОба, никада ничаво ни дась.* Звенчатка, Клим. Мгл.; Липовка, Хот. Мгл.; Понятовка, Шум. Смл.; Ср. ЖИМОед, ЖЛОБ, ЖМАК, ЖМУТ.

Отдельные категории слов имеют в СМСПГ общепринятые в лексикографической практике определения значений:

1. Относительные имена прилагательные могут определяться по типу «относящийся к...», «сделанный из...», «приготовленный из...»: КуТНый, -ая, -ое. Относящийся к КуТУ; МуЛьТОВый, -ая, -ое. Изготовленный из МуЛьТА.

2. Притяжательные прилагательные могут определяться по типу «принадлежащий (кому)», «относящийся к...»: БРАТНый, -ая, -ее. Принадлежащий брату.

3. Для отглагольных существительных возможно типовое определение «действие по глаголу...»: ШУФЛЕВание, -я, ср. Действие по глаголу ШУФЛЕВать.

4. Для существительных женского рода, образованных от существительных мужского рода и соотносящихся с ними по значению, возможно определение типа «жен. к...»: ПОЧТаРь, -я, м. Почтальон. ПОЧТаРьКА и ПОЧТаРКА, -и, ж. Жен. к ПОЧТаРь.

В отдельных случаях в СМСПГ включаются слова с неясным значением, которые сопровождаются определенными пометами. Например, если выяснено только общее, родовое значение слова, но не определено его видовое значение, то после толкования – родовой характеристики предмета – в скобках следует вопросительное местоимение со знаком вопроса: ДЕМоРА, -ы, ж. Вид верхней одежды (какой?); УГАРИНА, -ы, ж. Соединительная часть цепы (какая?). Количество слов с неясным значением в СМСПГ невелико, и это, как правило, устаревшие слова, представляющие этнолингвистический интерес.

Каждая словарная статья в СМСПГ содержит иллюстративный материал в виде примеров, являющихся выдержками из записей живой речи носителей говоров могилевско-смоленского пограничья.

Отбор примеров определяется необходимостью исчерпывающе полно раскрыть значение слова, дать объективное представление о распространении слова на могилевской и смоленской части обследуемой пограничной зоны и представить достаточно полную информацию о грамматических формах слова и его синтаксических связях. В соответствии с указанными критериями в словарную статью включаются полноценные в семантическом отношении примеры, наиболее полно раскрывающие значение и употребление данного слова, а также контексты, которые содержат дополнительные сведения о его грамматических характеристиках.

Для иллюстрации одного значения в словарной статье помещается, как правило, не менее двух примеров, один из которых записан на территории могилевского, а другой – на территории смоленского пограничья. Порядок подачи иллюстративного материала определяется несколькими факторами: во-первых, учитывается точность и полнота раскрытия в нем значения разрабатываемого слова; во-вторых, принимается во внимание то, что лучше изучена лексика могилевской пограничной зоны, и поэтому вначале приводятся контексты, записанные на этой территории; в-третьих, выявляется наличие в иллюстративном материале различных грамматических форм данного слова, и первым помещается пример, в котором оно выступает в начальной форме.

ЖУПаН, -а, м. *Устар.* Мужская верхняя одежда типа пиджака. **Жупан** партной шыў с сукна. Сукно сами ткалі, бялілі, а патам партному аддавалі. Яны шылі дліжныя пінжака, **жупаны** етыя. Селец, Мст. Мгл. *А яшчэ насілі тады ў Крычаві сіннія **жупаны** да калена.* Дяговічы, Крич. Мгл. *Пінжак **жупанам** у старіну называлі.* Липовка, Хот. Мгл. *У **жупани** ходіць, а жардынку ні паставіў.* Ленино, Гор. Мгл. *У нас толькі мужуки **жупаны** насілі, а ў Вялікарусі і бабы.* Звенчатка, Клим. Мгл. *Я тожса насіла зімой **жупан**.* Русское, Шум. Смл. *Мужыку сваяму, помню, на ярмарцы **жупан** купілі, дабротны, тэплы.* Татарск, Мон. Смл. *У маяво мужа быў **жупан**, я і сыма ў ім хадыла.* Любавічы, Мон. Смл. **Жупан** надівалі, штоп тэплей было плічам. Литвиновка, Ерш. Смл. = В судебных делах могилевских мещан... упоминается «**жупан** фалендышевый бурнаты с кнебликами позлотистыми, данный коп шесть гроши десять». Молчан. Очерки, с. 73.

Каждая иллюстрация сопровождается территориальной пометой, в которой указывается место записи примера с полным названием деревни и сокращенными наименованиями района и области; последнее обязательно для говоров нашего региона, включающего как могилевское, так и смоленское пограничье. Специфика других структурных частей словарной статьи СМСПГ требует особого рассмотрения.

1998 г.

**О СПОСОБАХ СЕМАНТИЧЕСКОЙ РАЗРАБОТКИ СЛОВ
В «СЛОВАРЕ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ
ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ»**

Важнейшей задачей диалектного словаря является истолкование значений включенных в его состав слов с показом особенностей их употребления в речи.

Известно, что приемы описания лексической семантики зависят от типа словаря, его целей и задач. «Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) – первый региональный сводно-дифференциальный словарь переходных русско-белорусских говоров, в котором представлена лексика могилевско-смоленского пограничного региона со всеми ее особенностями. Лексико-семантическая система говоров могилевско-смоленского пограничья (МСП) описывается в нем в сопоставлении с лексико-семантическими системами русского и белорусского языков. Метаязыком описания выступает русский литературный язык.

По типу разработки семантики слов СМСПГ является переводно-толковым словарем. В нем в соответствии со сложившейся диалектной лексикографической практикой используются следующие способы толкования значения слов: а) переводный, б) описательный, в) смешанные способы.

Переводный способ состоит в приведении соответствия – слова-синонима из русского литературного языка: АКАВиТАЯ, -ой, ж. Водка; ВаПНЯ, -и, ж. Известь; ВИЗиРКА, -и, ж. Просека; ВАЛЯНуТЬСЯ, *сов.* Упасть; КАЧАТыЖНИК, -а, м. Папоротник; СВЕТоК, -тка, м. Рассвет.

Подобным образом разрабатываются в СМСПГ и многозначные слова, каждое значение которых (или некоторые значения) передается соответствующим русским литературным эквивалентом: АРаВА, -ы, ж. 1. Беспорядок. 2. м. и ж. Неряха; КОПТеЛЫЙ, -ая, -ое. 1. Закопченный. 2. Загорелый.

Переводный способ является оптимальным приемом семантизации диалектизмов, совпадающих по своему значению с соответствующими литературными словами (эквивалентами). Литературный эквивалент (определяющее) и диалектное слово (определяемое) совпадают в предметном содержании и характеризуются полной взаимозаменяемостью в контексте.

Использование подобного способа семантизации диалектной лексики становится возможным благодаря наличию исторических связей между говорами МСП и русским литературным языком и возникшей вследствие

этого сходной системы понятий. Это позволяет использовать синонимический параметр в качестве самостоятельного компонента семантической разработки диалектного слова.

Синонимический перевод удобен и экономичен, но пользоваться им можно только в случаях полного совпадения значений диалектного и литературного слов.

Вместе с тем не всегда существует полная смысловая соотносительность между диалектным словом и его литературным синонимом. В тех случаях, когда значение литературного слова не покрывает значения диалектного слова, в словаре приводится ряд неполных синонимов к толкуемому слову. Значение диалектизма, таким образом, определяется всей совокупностью литературных слов-синонимов: АМЛЮСНО, *нареч.* Тревожно, беспокойно; ЕЖЕВИТЬ, *несов. перех.* Взрыхлять, окучивать; ЖАЛКИЙ, -ая, -ое. Любимый, милый; КОВЗЕЛЬ, -я, м. Лед, каток.

Сюда же относятся случаи, когда значение диалектного слова передается соответствующим словосочетанием литературного языка: АДАЛИН, -а, м. Водяная лилия; ЖИЧКА, -и, ж. Цветная лента; ЛЕХОТ, -а, м. Лягушечья икра.

При описательном способе дается толкование слова в виде более или менее развернутого определения. Это относится к тем многочисленным случаям, когда диалектные слова не имеют соответствующих литературных эквивалентов, не полностью совпадают или совсем не совпадают с литературными словами по значению.

Содержание определения, его направленность зависят от характера лексического материала, особенностей семантики диалектных слов. Например, при семантической разработке диалектизмов, обозначающих предметы, состояния, действия, используются характеризующе-описательные определения, вскрывающие ведущие, постоянные признаки значения: ВОДНОСЬЕ, -я, ср. Место в речке, где берут воду; МАЖАРА, -ы, ж. Телега с высокими решетчатыми бортами для перевозки сена, стогов и т. п.; МЫКАТЬ, *несов., перех.* Очесывать лен деревянным гребнем, превращая волокна в кудель; СЕВАЛКА, -и, ж. Плоская сумка из льна, используемая при посеве. С помощью структурно-смысловых дефиниций обнаруживаются отношения между значениями производных и производящих слов: ВЕДЕРНИК, -а, м. Мастер по изготовлению ведер; СИРОТАТЬ, *несов., неперех.* Жить сиротой; МАРТОВИК, -а, м. Животное, родившееся в марте; МЁДНИЦА, -ы, ж. Бочка для меда.

Дополнительным компонентом словарных статей, включающих описательные определения, может являться этнографический комментарий¹. В нем находит отражение так называемый лексический фон – понятийный

и предметный мир, характеризующий быт населения могилевской и смоленской части обследуемой пограничной зоны. Как правило, этнографический комментарий дополняет семантическую разработку этнографизмов (названий орудий труда, местных обычаев, обрядов, названий предметов быта, построек и т. п.), различных тематических разрядов безэквивалентной лексики, которая отражала некогда актуальные явления действительности, а теперь связана с пережитками старины. Например:

ЖУПАН, -а, м. *Устар.* Мужская верхняя одежда типа пиджака. **Жупан** партной шыў с сукна. *Сукно сами ткалі, бялілі, а патам партному аддавалі. Яны шылі длічныя пінжакі, жупаны етыя.* Селец, Мст. Мгл. ... = В судебных делах могилевских мещан <...> упоминается «**жупан** фалендышевы бурнаты с кнебликами позлотистыми, данный коп шесть гроши десять». Молчан. Очерки, с. 73. **Жупан** – древний вид типично мужской плечевой одежды, характерный для польской, белорусской и литовской шляхты. Там же, с. 73. **Жупаном** в давние времена славянские народы (поляки, чехи, и др.) называли старост, войтов и др. начальников. В Литве **жупанамі** называли крупных феодалов и вообще богатых людей. Некоторые исследователи полагают, что отсюда и произошло название одежды, которую носили первоначально представители власти той или иной **жуны** – территориального района. Там же, с. 73.

Помимо двух основных видов определений (переводного и описательного) в СМСПГ используются смешанные способы толкования значений: а) переводно-описательный, совмещающий признаки двух вышеуказанных способов и применяющийся, когда отсутствует полная смысловая соотносительность диалектного слова и его литературного синонима: УГодКИ, мн. Поминки, годовщина со дня смерти; б) переводно-перечислительный способ, при котором значение слова раскрывается родовым или более широким понятием с перечислением слов-конкретизаторов: ГНИЛуШКА, -и, ж. Все гнилое: дом, дерево, картофель и т. п.; в) переводный или описательный с включением уточнения, которое в толковании подается в скобках: ВаДКО, *нареч.* Жидко (о тесте); ГаРЧИК, -а, м. 1. Небольшая деревянная емкость для хранения продуктов (ящик, кадка и т. п.).

Примечание

Этнографические комментарии СМСПГ извлекались из следующих источников:

1. Молчанова, Л.А. Материальная культура белорусов / Л.А. Молчанова. – Минск, 1968.
2. Молчанова, Л.А. Очерки материальной культуры белорусов XVI–XVII вв. / Л.А. Молчанова. – Минск, 1981.
3. Опыт описания Могилевской губернии... – Кн. 1 / под ред. А.С. Дембовецкого. – Могилев, 1882.
4. Этнаграфія Беларусі: энцыклапедыя. – Минск, 1989.

2000 г.

СПОСОБЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ В «СЛОВАРЕ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ»

В настоящее время создано значительное количество русских и белорусских диалектных словарей, но пока отсутствуют словари пограничных белорусско-русских говоров. Работа над составлением «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) ведется в МГУ имени А.А. Кулешова с 1992 г. В процессе подготовки Словаря его создатели стремятся использовать все лучшее, что наработано в русской и белорусской диалектной лексикографии, и в то же время учитывать опыт составления нормативных академических словарей. В свете сказанного раскроем такой важный аспект разработки Словаря, как *определение значений слов*. По типу определения значений слов СМСПГ представляет собой словарь переводно-толковый. В нем используются следующие способы определения значений слов: а) *переводный*, б) *описательный*, в) *смешанные способы*. Метаязыком описания является русский литературный язык.

1. Значительная часть диалектных слов определяется *переводным способом* – приведением соответствия, слова-синонима из русского литературного языка: АНТиК, -а, м. *Мифол.* Леший.; АПОКИЙ, -ая, -ое. *Экспр.* Ленивый.; БИЕЦ, -йца, м. Молоток. Подобным образом разрабатываются в Словаре и многозначные слова, каждое значение которых (или некоторые значения) передается соответствующим русским литературным эквивалентом: БЕЗуСОВЫЙ, -ая, -ое. 1. Безусый. 2. Безостый (о растениях); ЛаЗНИК, -а, м. 1. Полок. 2. Предбанник.

Если значение литературного слова полностью не покрывает значения слова диалектного, в Словаре приводится несколько неполных синонимов к толкуемому слову и значение последнего определяется всей совокупностью литературных слов-синонимов: АБАЛЯСИНА, -ы, ж. Выдумка, небылица; БАБуШКА, -и, ж. Булка, лепешка, пампушка; ЕДоМА, -ы, ж. Пища, еда, продукты. Сюда же относятся случаи, когда значение диалектного слова передается соответствующим словосочетанием литературного языка: иЗБЕРЬ, -я, м. Большое ведро; ЖиЧКА, -и, ж. Цветная лента.

2. Слова, не имеющие русских литературных соответствий, определяются *описательно* – в виде более или менее развернутого определения: ВЕДеРНИЦА, -ы, ж. Корова, дающая много молока; ГРОБНиЦА, -ы, ж. 1. *Этногр.* Деревянная колода, которую в старину клали на могилу.

3. *Смешанные способы* толкования значений применяются в тех случаях, когда перевод на русский литературный язык не дает полного раскрытия значения диалектного слова. Из смешанных способов мы применяем: а) *переводно-описательный*, совмещающий элементы двух вышеуказанных способов: ВАРЗоПАТЬСЯ, *несов.* 1. Неодобр. Делать что-л. неумело, небрежно; копаться, возиться; УГоДКИ, *мн. Этногр.* Поминки, годовщина со дня смерти кого-л.; б) *переводно-перечислительный*, при котором значение слова раскрывается родовым или более широким понятием с перечислением слов-конкретизаторов: БуКА, -и, *ж.* Посуда для кипячения белья; бак, бочка; КОПАНИЦА, -ы, *ж.* Приспособление для ручной обработки земли; лопата, мотыга и т.п.; в) *переводный* или *описательный с включенным уточнением*, которое в толковании диалектного слова подается в скобках: БАГЛиТЬ, *несов., перех.* Жарко топить (баню, печь и т. п.); БЕЗ-ДуШНый, -ая, -ое. Дающий мало тепла (о дровах).

4. Отдельные категории слов имеют в СМСРГ общепринятые в лексикографической практике определения значений: а) существительные женского рода, производные от мужского и соотносящиеся с ним по значению, определяются по типу «Женск. к...»: БЕЗДеТНИЦА, -ы. Женск. к БЕЗДеТНИК; б) существительные с уменьшительным значением (димиутивы) определяются с помощью типового определения «Ум. к...»: БёРНУШКО, -а, *ср.* Ум. к БЕРНО; БИКЛаЖКА, -и, *ж.* Ум. к БИКЛаГА; в) для отглагольных существительных возможно типовое определение «Действ. по глг...»: БЕЗуЛИТЬСЯ, *несов. Экспр.* Шалить, баловаться; БЕЗуЛЬСТВО, -а, *ср. Экспр.* Действ. по знач. глг. БЕЗуЛИТЬСЯ; г) относительные прилагательные могут определяться по типу «Относящийся к...», «Сделанный из...», «Приготовленный из...»: КуТНый, -ая, -ое. Относящийся к КуТУ; МуЛЬТОВый, -ая, -ое. Изготовленный из МуЛЬТА; д) притяжательные прилагательные могут определяться по типу «Принадлежащий (кому, чему-л.)». БРАТНый, -ая, -ее. Принадлежащий брату; е) для глаголов совершенного вида возможно типовое определение «Сов. к...». БэХНУТЬ. *Экспр.* Сов. к БэХАТЬ. В Словаре используется также отсылочный прием определения значений слов типа «То же, что...» – при словах с тождественным значением (словообразовательных вариантах с разными суффиксами, дублетах): БАТОВиНА, -ы, *ж.* Рукоятка кнута, кнутовище...; БАТОВиЦА, -ы, *ж.* То же, что БАТОВиНА; БАТОВиЩЕ, -а, *ср.* То же, что БАТОВиНА; БАТОВё, -я, *ср.* То же, что БАТОВиНА...

2008 г.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА
(на материале «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров»)

Теоретическое осмысление семантической структуры многозначного (полисемичного) слова имеет важное значение для практического решения вопроса о его семантическом объеме, его семантических границах. Действительно, не зная типичных приемов и форм связи значений, трудно судить о нарушении этих связей, трудно правильно определить границу, за которой значение становится отдельным словом-омонимом.

Семантическая структура многозначного слова представляет собой совокупность лексико-семантических вариантов (ЛСВ). ЛСВ (значения) многозначного слова не существуют независимо друг от друга, а взаимосвязаны с другими значениями. Связь между значениями полисемичного слова осуществляется через единый внутренний стержень, который создает элементарную общую часть, обеспечивающую прочность связи значений в единой структуре и не позволяющую считать их значениями отдельных самостоятельных слов, т. е. слов-омонимов.

Все значения многозначного слова объединяются в семантическое единство благодаря определенным отношениям, которые существуют между ними на основе таких общих семантических ассоциаций, как метафора, метонимия, функциональная общность. В структурах подобного типа связь значений происходит на основе таких регулярных семантических признаков, как единство формы, функции и т.п., что служит достаточным и необходимым основанием для объединения этих значений под одним знаком.

Наблюдение над словарным материалом показывает, что многозначность у слов могилевско-смоленского пограничного региона развивается в результате тех же процессов, что и в литературных русском и белорусском языках. Анализ словарных статей СМСПГ свидетельствует, что наиболее продуктивным способом развития переносных значений диалектных слов является метафорический перенос наименования. Отметим наиболее распространенные модели метафоризации. Так, среди имен существительных чаще всего в основе переноса названия лежит внешнее сходство (часто довольно относительное) сопоставляемых предметов, а именно:

а) сходство формы, внешнего вида: *грива* 'лес на возвышенности' и 'нескошенная полоса на лугу'; *долблёнка* 'одноместная лодка, выдолбленная из бревна' и 'деревянное долбленое корыто для кормления скотины'; *киёвка* 'кукурузный початок' и 'соцветие, початок камыша';

б) сходство объема, количества сопоставляемых предметов: *двойник* ‘рубанок с двумя ручками для совместной работы’, ‘двухпудовая гиря’ и *устар.* ‘попарно связанные снопы в покрытии крыши’; *десятник*, *этногр.* ‘пряжа из десяти нитей’ и ‘холст в десять пасм основы’;

в) сходство в месторасположении предметов: *налобник* ‘передняя лобная часть чепца’ и ‘передняя часть крыши’; *испод* ‘нижний край одежды, подол’ и ‘подкладка в теплой одежде’;

г) сходство вкуса, запаха: *кислятьё* ‘сыворожка’ и ‘перекисшая капуста’; *вонючка* ‘травя с неприятным запахом’ и ‘клоп’.

Более сложными, на наш взгляд, являются метафорические переносы наименований, которые возникают на основе образных представлений или эмоциональных восприятий. Подобные метафоры создают зрительное впечатление об обозначаемом, содержат элементы оценки, различные коннотации, как правило пейоративные, напр.: *жирик* ‘рыба пескарь’ и *перен. экспр.* ‘непоседа; ловкий, пронырливый человек’; *глёк* ‘глиняный кувшин с узким горлом’ и *перен. экспр.* ‘толстый человек, толстяк’; *гаино* ‘логово зверя’, *свинарник* и *перен.* ‘беспорядок в доме, помещении’.

Многозначные слова в говорах МСП могут появляться также в результате разного рода метонимических переносов. Основой метонимии служат пространственные, временные, причинные, следственные и др. ассоциативные связи, которые возникают вследствие сопредельности называемых предметов, явлений действительности. Наиболее продуктивным среди обследованного лексического материала является перенос наименования на основе метонимической связи материал – изделие из этого материала, напр.: *граверка* ‘гравий’ и ‘дорога, посыпанная гравием’; *картопля* ‘картофель’ и ‘картофельный суп’; *клычка* ‘скомканная, смятая солома, трава и т. п.’ и ‘соломенная крыша’; *намётка*, *этногр.* ‘тонкое полотно домашнего тканья, чаще с вытканым или вышитым узором’ и *этногр.* ‘длинный женский головной платок’.

Метонимический перенос путем соподразумевания, или синекдохи, позволяет назвать целое по его части и наоборот, напр.: *курдюк* и *кардюк* ‘живот, брюхо’ и *перен. экспр.* ‘человек с большим животом’; *крусадня* ‘жердь в сарае, где сидят куры, насест’ и ‘сарай для кур; курятник’; *гуз* ‘лопух, репейник’ и ‘головка лопуха, репейника’.

В следующих примерах основанием для переноса наименования служит функциональная общность – сходство назначения, функции обозначаемых референтов, напр.: *валёк* ‘цеп для обивания льна’ и ‘козлы, чурка и т. п., приспособленные для молотбы’; *задвёрка* ‘калитка’ и ‘дверь в чулан’; *каталка*, *этногр.* ‘приспособление из скалки и валька, служащее для глаженья белья’ и ‘скалка для раскатывания теста’.

2003 г.

**ОТРАЖЕНИЕ ПОЛИСЕМИИ
В «СЛОВАРЕ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ»**

«Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) является региональным сводным дифференциальным словарем переходных русско-белорусских говоров, в котором представлена лексика могилевско-смоленского пограничного региона. Эти говоры исторически сложились в результате взаимодействия разных, хотя и близкородственных языков, что потребовало от составителей СМСПГ нового, нетрадиционного подхода к изучению и лексикографическому описанию этих говоров. Так, специфика СМСПГ обусловила своеобразие построения словарных статей. В сравнении со словарными статьями словаря одного диалекта структура словарной статьи сводного СМСПГ является более сложной, поскольку в ней «могут быть представлены слова, значения которых все в одной лексической системе не сосуществуют и реализуются на разных территориях и даже в разных системах» [1, с. 174]. Вместе с тем, как показывает анализ лексического материала, словарная статья СМСПГ представляет собой не простое собрание и перечисление употреблений диалектизмов в различных контекстах и на разной территории, но содержит разработку семантической структуры диалектного слова в совокупности и связи его значений.

Следует отметить, что в целом описание полисемии до сих пор представляет собой одну из наиболее сложных задач лексической семантики и по-прежнему вынуждает лексикографов (в том числе и авторов СМСПГ) решать ряд актуальных проблем, связанных с отражением многозначности в словаре. Одна из них связана с установлением иерархии значений в смысловой структуре многозначного слова.

В решении данной проблемы необходимо понимание того, что полисемия – это семантические отношения внутренне связанных (мотивированных) значений, выражаемых формами одного слова (одной лексемой) и разграничиваемых в тексте благодаря разным, взаимоисключающим позициям этого слова. Таким образом, лексико-семантические варианты, представленные формально одной лексемой, внутренне связаны и образуют смысловую структуру слова. Вместе с тем значения одного слова неравноценны по своему характеру и содержанию, и задача лексикографа состоит в том, чтобы, «опираясь на факты языка, представить эти значения в виде определенной иерархии» [2, с. 164]. Думается, при разработке словарных субординаций значений в СМСПГ наименее сложным для его

составителей представляется описание смысловой структуры многозначного слова, формирующейся на основе различного рода метафорических и метонимических переносов, так как именно в таких случаях наиболее ярко обнаруживается связанность и семантическая мотивированность всех значений одной лексемы. Так, например, не вызывает сомнений правильность показа семантической организации диалектных слов, основанной на однонаправленном соотношении первичных и метафорически-переносных значений: *балабол* 'колокольчик, привязываемый на шею корове, козе; бубенчик, погремушка' и *перен. экспр.* 'быстро и невнятно говорящий человек' (перенос, возникающий на основе образного восприятия); *выгинка* 'округлая линия, контур чего-либо, изгиб' и 'изгиб, дугообразный поворот' (перенос, основанный на сходстве формы, внешнего вида сопоставляемых предметов); *годовик* 'годовалый ребенок' и 'годовалое домашнее животное' (перенос на основе сходства количественного признака); *завёртка* 'то, во что заворачивают (полотенце, салфетка, бумага)' и 'портянка' (перенос на основе сходства назначения, функции сопоставляемых предметов); *налобник* 'передняя лобная часть чепца' и 'передняя часть крыши' (в основе переноса – сходство в месторасположении предметов); *рудка* 'корова, лошадь рыжей масти' и *перен.* 'рыжеволосый человек' (перенос на основе сходства цвета обозначаемых реальных референтов) и др.

Распределение значений в следующих диалектных словах определяется возникающей между этими значениями внутренней связью, взаимной мотивированностью по смежности: *взводня* 'сплетня' и *перен. экспр.* 'о тех, кто распускает сплетни' (метонимический перенос на основе связи «действие – субъект действия»); *губник* 'гриб опенок' и *этногр.* 'пирог с грибами' (метонимический перенос на основе связи «материал – изделие из этого материала»); *досевки* 'окончание сева' и 'праздник по поводу окончания сева' (метонимический перенос на основе связи «действие – результат действия»); *дровник* 'сарай для хранения дров' и 'поленница дров' (метонимический перенос на основе связи «место, вместилище – его содержимое»); *зыковка* 'личинка овода, находящаяся под кожей животного' и 'нарыв, образовавшийся в результате откладывания яиц оводами под кожей животных' (метонимический перенос на основе связи «причина – следствие»); *кислица* 'дикая яблоня' и 'плод дикой яблони' (перенос на основе связи «целое – его часть») и др.

Вместе с тем не всегда отмечаемые в СМСПГ значения могут находиться в однозначной «подчинительной связи» по отношению друг к другу. Описание соотношения таких значений в словарной статье, выделение главного, или первичного, значения слова и его производного, вторичного,

значения в таких случаях не является бесспорным. Так, в следующих примерах значения слов, безусловно, связаны друг с другом, семантическое единство таких лексем подтверждается наличием существенного семантического признака, объединяющего их значения; в толковании самих значений обнаруживаются указывающие на их связь общие элементы. Однако, думается, все же трудно было бы считать какое-либо из них главным, а другое производным, так как обнаруживаемое здесь соотношение значений не представляется однонаправленным и, следовательно, допускает варианты в отражении семантической структуры таких диалектизмов: *бандраш* ‘суета, хлопоты, волнение’ и ‘дрожь, лихорадка’; *банька (банка)* ‘металлическое кольцо, с помощью которого лезвие косы прикрепляется к рукоятке’, ‘кольцо, служащее для сцепления телег’ и ‘кольцо в потолке, на которое подвешивали колыбель’; *вечеруха* ‘провода в армию’, ‘поминки’ и ‘застолье в канун брака в доме жениха’; *гарнец* ‘емкость для сыпучих продуктов’ и ‘емкость для жидкости’; *жбан* ‘кувшин с крышкой’ и ‘оплетенная бутылка’; *животина* ‘домашнее животное, скотина’ и *собир.* ‘дикие звери’; *запарка* ‘заварка’ и ‘компот’; *клуня* ‘кладовая, чулан’ и ‘сарай’; *колотуха* ‘суп, приготовленный из взболтанной в воде муки’ и ‘маслобойка’; *кровяник* ‘большое кровавое пятно на месте убитого животного (человека)’, *этногр.* ‘кровяная колбаса домашнего производства’ и ‘блин из муки с добавлением крови животного’ и др.

Среди словарного материала можно обнаружить также примеры спорного, на наш взгляд, описания реального соотношения значений внутри семантического целого: *гарбузовник* ‘тыквенная ботва’ и ‘место, где растут тыквы’; *горбыль* ‘горбатый или сутулый человек’ и ‘небольшая возвышенность, холм’; *догребки* ‘остатки сена на лугу после его уборки’ и ‘окончание уборки сена’; *забросни*, *этногр.* ‘веревки в лаптях’ и ‘лапти’; *зоря*, *экспр.* ‘ласковое название любимого человека’ и ‘слово для выражения ласки’.

В целом, следует отметить, вопросы, связанные с разработкой семантической структуры многозначного слова, показом иерархии значений в ней, являются достаточно сложными для диалектной лексикографии, а для составителей сводного дифференциального словаря – в особенности. Ведь именно его характер и определяет структуру словарной статьи, которая представляет собой собрание значений, записанных в разных говорах, за вычетом значений, общих с литературными. Заметим также, что наличие каждого из значений в этой сводке является до некоторой степени случайным, так как зависит от того, насколько полно сведения о них были записаны собирателями. По этой причине часто вопросы о прерывности и непрерывности исторического развития значений в слове, о производно-

сти, первичности или вторичности значений, об учете законов семантики отходят на второй план.

Еще одной не менее сложной и дискуссионной проблемой, с которой неизбежно сталкиваются составители словарей, является проблема разграничения полисемии и омонимии. В вопросах, связанных с отражением полисемии, отграничением ее от омонимии, составители СМСПГ следуют установившимся в лексикографической практике традициям. Словарная разработка многозначных слов и омонимов проводится прежде всего с опорой на семантический критерий: наличие общей «внутренней формы», мотивированность значений, смысловые связи – полисемия; отсутствие таких признаков – омонимия.

Так, в соответствии с семантическим критерием как многозначные в СМСПГ показаны, например, следующие слова: *барабуля* ‘картофель’ и ‘засохший комок грязи’; *било* ‘язык у колокола, звонка’ и *перен.* ‘о болтливом человеке’; *ботвенья (ботенье)* ‘ботва свеклы’ и ‘щи из стеблей и листьев свеклы; свекольник’; *бульбишник* ‘картофельная ботва’ и ‘блин из картофельной ботвы’; *дулька* ‘дерево груши’ и ‘плод груши’; *гуз* ‘лопух, репейник’ и ‘головка лопуха, репейника’ и др. Во всех приведенных примерах очевидна связь значений одного многозначного слова друг с другом. Эти значения объединяются в семантическое единство благодаря определенным отношениям, которые существуют между ними на основе таких общих семантических ассоциаций, как метафора (*барабуля, било*), метонимия (*ботвенья (ботенье), бульбишник*), синекдоха (*дулька, гуз*).

В свою очередь как омонимы в Словаре выделяются слова разного происхождения, а также слова, утратившие связь с исходным значением в процессе развития семантики и в настоящее время не имеющие взаимной обусловленности: *голёнок*¹ ‘валенок’ и *голёнок*² ‘неоперившийся птенец’; *горище*¹ ‘чердак’ и *горище*² ‘пожарище’; *заболотьё*¹ ‘вышитый узор, вышивка’ и *заболотьё*² ‘заросшее кустарником место за болотом’; *кочерыжник*¹ ‘кочерыжка капусты’ и *кочерыжник*² ‘кочерга’; *маканина*¹ ‘стебель мака’ и *маканина*² ‘соус, подлива’; *сливник*¹ ‘сливовый сад’ и *сливник*² ‘емкость для хранения молока’ и др.

Таким образом, осмысление теоретических аспектов проблемы полисемии имеет большое значение для практического решения вопросов о ее реализации в СМСПГ и, несомненно, будет способствовать ускорению работы над Словарем, улучшению его качества.

Литература

1. Сузанович, В.Б. Особенности построения словарной статьи в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» / В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова //

- Четвертые Поливановские чтения : сб. науч. статей по материалам докладов и сообщений. – Ч. 1. – Смоленск, 1998
2. Новиков, Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – М., 1982.

2009 г.

И.Н. Лапицкая

ПРИНЦИПЫ РАЗРАБОТКИ ОМОНИМИИ В «СЛОВАРЕ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ»

Составление «одноязычных» русских и белорусских региональных словарей имеет богатую историю, поэтому у лексикографов выработались определенные традиции. Однако сводных словарей переходных говоров близкородственных языков в лексикографической практике до сих пор не было. Специфика «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) обусловила своеобразие построения словарных статей. Структура словарной статьи сводного СМСПГ отличается от структуры словарных статей словаря одного диалекта: она является более сложной, поскольку включает материал не только разных говоров, но и разных лексических систем – русской и белорусской. Вместе с тем словарная статья СМСПГ представляет собой не простое собрание и перечисление употреблений диалектизмов в различных контекстах, но содержит разработку семантической структуры диалектного слова в совокупности и связи его значений. Неизбежно вместе с проблемой значения возникает вопрос о семантическом объеме слова, его семантических границах. А семантической границей слова часто является омоним.

Показ омонимов в словаре – один из наиболее трудных и дискуссионных вопросов для лексикографов, работающих как в области литературного языка, так и диалектов. Сложность состоит в определении семантической границы слова, в выработке четких, непротиворечивых критериев разграничения полисемии и омонимии. Учеными предложено немало способов разграничения этих явлений. Вместе с тем, следует признать, что и в настоящее время основным, ведущим из них при лексикографической разработке многозначных слов и слов-омонимов остается критерий семантический. В этом случае показателем омонимии является утрата значениями прежнего многозначного слова их взаимной языковой мотивированности, т. е. способности обнаруживать в современном языке общность или непрерывность внутренних форм.

В вопросах, связанных с отражением омонимии, составители СМСПГ следуют установившимся в лексикографической практике традициям. Рассмотренный материал позволяет отметить следующие принципы показа омонимов в Словаре. Так, как омонимы выделяются слова разного происхождения (так называемые гетерогенные омонимы), а также слова, утратившие связь с исходным значением в процессе развития семантики и в настоящее время не имеющие взаимной обусловленности (т. е. гомогенные омонимы). Данная позиция отражает утвердившееся в современном языкознании понимание омонимии как случайного совпадения по звучанию различных лексем и возникновения разных слов из прежде единого многозначного слова в результате распада полисемии.

Показателем омонимии является для авторов СМСПГ принадлежность слов к разным частям речи (что в целом не противоречит традиции, установившейся в лексикографии и литературном языке). Поэтому помимо лексических омонимов в Словаре оказываются выделенными и обозначенными некоторые типы омоформ, представляющих собой исходные (словарные) формы слов. Так, например, среди обследованного материала отмечены случаи омоформии 1) в пределах знаменательных слов (*босяк*¹, сущ. 'неимущий человек' и *босяк*², нареч. 'на босу ногу'; *дыба*¹, сущ. 'длинный шест у колодца для подъема ведра' и *дыба*², нареч. 'дыбом, торчком'; 2) в пределах служебных и модальных слов (*негож*¹, мод. сл. 'конечно, разумеется' и *негож*², част. 'разве, неужели'); 3) между знаменательными словами и междометиями (*галка*¹, сущ. 'малое колесо самопрямки' и *галка*², междом. 'слово для подзывания свиней'; *грюк*¹, сущ. 'стук, грохот' и *грюк*², междом. 'о внезапном, неожиданном действии').

При словарной разработке многозначных слов и омонимов в качестве основного составители СМСПГ избирают семантический критерий: как омонимы разрабатываются слова, утратившие связь с исходным значением в процессе развития семантики и в настоящее время не имеющие взаимной обусловленности. Рассмотренный материал показал, что среди типов омонимов, обозначенных в СМСПГ, наиболее последовательно разрабатываются гетерогенные омонимы. Гетерогенные омонимы с полным правом могут считаться бесспорными омонимами, так как лексические значения их настолько далеки, не связаны производностью, не выводимы друг из друга, что не возникает сомнения в правильности показа таких слов в Словаре как омонимов.

Гетерогенные омонимы, включенные в СМСПГ, неоднородны по своему составу. Среди них прежде всего следует отметить исконно разные слова, которые случайно совпали в своем звучании, например: *бунт*¹

‘скандал, шум’ и *бунт*² ‘весы, безмен’; *гай*¹ ‘кладбище’ и *гай*² ‘шум, гам’; *жак*¹ ‘рыболовная снасть’ и *жак*² ‘о низкорослом человеке’ и др.

С этой разновидностью гетерогенных омонимов сближаются слова, изменение фонетического облика которых в говорах могилевско-смоленского пограничья привело к материальному совпадению с другими лексемами, генетически не имеющими к ним отношения, например: *баба*¹ ‘замужняя женщина’ и *баба*² ‘бабочка’; *жур*¹ ‘кулинарный жир’ и *жур*² ‘кисель из овсяной муки’; *бломбица*¹ ‘мясо животного вдоль позвоночника’ и *бломбица*² ‘пломба’ и др.

Кроме слов, возникших в результате собственно фонетических процессов, среди гетерогенных омонимов можно выделить слова, которые появились в результате процессов структурных – образования от разных лексем. Так, например, разными словами мотивирована омонимия следующих диалектных омонимов: *бородник*¹ ‘бородатый мужчина’ и *бородник*² ‘мелкое место на реке’; *кочерыжник*¹ ‘кочерыжка капусты’ и *кочерыжник*² ‘кочерга’; *сливник*¹ ‘сливовый сад’ и *сливник*² ‘емкость для хранения молока’ и др.

Более сложной и противоречивой по своим результатам является разработка в СМСПГ гомогенных омонимов, до сих пор представляющих наименее исследованную и наиболее трудную для изучения разновидность омонимии. Сложность работы с данным лексическим материалом определяется самим характером исследуемого явления, связанного с взаимопроницаемостью полисемии и омонимии, с наличием переходных ступеней между ними. Ведь образование гомогенных омонимов – процесс постепенный, длительный и, следовательно, предполагающий промежуточные явления между многозначностью и омонимией. Во многих случаях можно говорить лишь о процессе омонимизации значений слова, когда они уже не обнаруживают прочной, регулярной связи, но еще не стали настоящими омонимами. Понятно, что словарная разработка таких лексических единиц требует тщательного предварительного семантического анализа, основанного на представлении о реальном тождестве слова. В основе такого представления лежит осознание смыслового единства слова во всех его значениях, которое опирается на ощущение говорящими живой связи между элементами его структуры, его значениями. При этом многозначные слова, как уже отмечалось, обнаруживают внутреннюю связь исходного и производного значений. Но если установление внутренней связи значений рождает многозначность, то ее утрата или сильное затемнение должны свидетельствовать о разрушении единой смысловой структуры многозначного слова, разделении его на омонимы. Так, например, наруше-

ние прежде единой смысловой структуры многозначного слова вследствие «затемнения» внутренней связи значений послужило причиной образования следующих пар диалектных омонимов из слов, значениям которых была свойственна некогда метафорическая или метонимическая связь: *баран*¹ ‘самец овцы’ и *баран*² ‘задвижка печной трубы’; *беседа*¹ ‘собрание родных и знакомых, компания’ и *беседа*² ‘легкое строение для отдыха, беседа’; *жлукта*¹ ‘бочка или чан для стирки и кипячения белья’ и *жлукта*² ‘отвар золы, используемый для отбеливания белья’; *иструга*¹ ‘столярный инструмент’ и *иструга*² ‘строевой лес’ и др.

Помимо отмеченных омонимов, которые появились в результате изменений в семантике уже существующих слов, среди гомогенных омонимов можно выделить и так называемые словообразовательные (структурные) омонимы. Омонимия такого рода возникает в процессе называния новых понятий с помощью различных словообразовательных средств (чаще суффиксов). И хотя подобные слова образованы от одной и той же производящей основы, одинаковы по своему морфемному составу и способу образования, но все же это – разные слова: ощущение единства внутренней формы здесь утрачено, поскольку лексемы называют несхожие друг с другом предметы, явления объективной действительности, например: *горщевник*¹ ‘ухват’ и *горщевник*² ‘гончар’; *колотун*¹ ‘озноб, дрожь, судорога’ и *колотун*² ‘цеп для обмолачивания зерна’; *лежак*¹ ‘печная лежанка’ и *лежак*² ‘лежащий улей’ и др.

Рассматривая случаи словарной разработки гомогенной омонимии, следует отметить, что не всегда отнесение различных значений к отдельным словам-омонимам может признаваться бесспорным. Так, представляется спорным разделение на омонимы в СМСПГ слов, у которых можно усмотреть разного рода метафорические переносы, например, на основе сходства формы, внешнего вида сопоставляемых предметов: *бутян*¹ ‘аист’ и *бутян*² ‘жердь колодца-журавля’, *гулька*¹ ‘предмет круглой формы’ и *гулька*² ‘женская прическа в виде скрученных в узел волос’; на основе сходства количества, вкуса сопоставляемых предметов: *двойнюшки*¹, *эт-ногр* ‘приспособления для переноски пищи в виде двух горшков, скрепленных одной ручкой’ и *двойнюшки*² ‘близнецы’, *горчак*¹ ‘травянистые растения, имеющие горький вкус’ и *горчак*² ‘гриб горькуша’; на основе сходства характера их действий, поведения: *жигалка*¹ ‘оса’ и *жигалка*² ‘крапива’ и др.

Более сложными являются метафорические переносы наименований, которые возникают на основе различного рода ассоциаций, образных представлений или эмоциональных восприятий. Как в литературном язы-

ке, так и в диалектах подобные метафоры создают зрительное впечатление об обозначаемом, содержат элементы оценки, различные коннотации, как правило пейоративного характера. Легко выявляемые ассоциации способствуют связанности значений в структуре, в то время как более индивидуализированные ассоциации выделяются труднее, что обуславливает непоследовательность в словарной разработке семантической структуры таких слов. Что касается следующих примеров, то, по нашему мнению, здесь очевидна взаимная обусловленность значений, их образный, эмоционально-экспрессивный характер, и это не позволяет считать их значениями самостоятельных слов: *бездонник*¹ ‘омут, водоворот’ и *бездонник*², *экспр.* ‘о ненасытном, прожорливом человеке’; *гламазда*¹ ‘плохо, кое-как сделанная вещь’ и *гламазда*², *экспр.* ‘растяпа’; *мялица*¹ 1) самодельный деревянный станок, на котором мяли лен или коноплю’, 2) *перен.* ‘рот’ и *мялица*², *экспр.* ‘обжора’ и др.

Помимо рассмотренных примеров, спорным представляется показ как омонимов в СМСПГ слов, между значениями которых все еще ощущается метонимическая связь, например: *амбарница*¹ ‘амбар’ и *амбарница*² ‘амбарная крыса’, *кутья*¹, *этногр.* ‘обрядовое блюдо: каша с изюмом из перловой, рисовой, ячменной и др. круп, приготовляемая на поминки и религиозные праздники’ и *кутья*² ‘сочельник’ (ср. в речи одного из информантов: *Як кыляды находят, усе гатовюцца: куття ж будить – кашу варить нада*), *моргушка*¹ ‘детская игра в моргалки’ и *моргушка*² ‘проигравший в этой игре’ и др.

Таким образом, существование переходных, промежуточных явлений осложняет отграничение в ряде случаев омонимии от многозначности, порождает избыточность в выделении гомогенных омонимов. Следует отметить, что словарная разработка омонимии в целом затруднена вследствие сложности семантики самих диалектных лексем, неполноты собранного материала, отсутствия диалектизмов в литературных русском и белорусском языках, практически полной неразработанности этимологии диалектных слов.

Дальнейшее совершенствование принципов подачи омонимов в СМСПГ требует (с учетом специфики диалектного материала) углубления семантических оснований разграничения полисемии и омонимии, поисков оптимального сочетания семантического, этимологического и других критериев разграничения этих явлений. Успешное решение этих вопросов будет способствовать ускорению работы над Словарем, улучшению его качества.

2003 г.

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ДИАЛЕКТНОЙ СИНОНИМИИ
(в связи с составлением «Словаря могилевско-смоленских
пограничных говоров)»**

К настоящему времени в области диалектной лексикографии достигнуты значительные успехи, создано огромное количество разнообразных по охвату материала и по принципам его подачи диалектных словарей русского языка. Определенные успехи достигнуты также и в белорусской лексикографии. Однако в истории русской и белорусской лексикографии пока отсутствует опыт составления словарей пограничных – русских и белорусских – говоров, хотя языковые связи, например, Белоруссии и Смоленского края носят давний характер. Известно, в частности, что Могилевская и Смоленская земли в своем историческом прошлом пережили много общего.

Общая судьба Могилевской и Смоленской земель способствовала постоянному сближению братских русского и белорусского народов и их языков. Такому сближению содействовало и неоднократное перемещение границ между РСФСР и БССР в первые годы после революции. Окончательные границы между Смоленской и Могилевской областями утвердились лишь в начале шестидесятых годов XX в.

Но и в наши дни жители пограничных районов Могилевской и Смоленской областей поддерживают тесные контакты друг с другом, особенно в тех случаях, когда расстояние между русской и белорусской деревнями составляет всего 2–3 км: это и постоянные торговые связи между пограничными могилевскими и смоленскими селами, и нередкие браки между молодыми людьми соседних деревень, и взаимное участие русских и белорусских соседей в крупных праздниках и традиционных обрядах. В таких условиях русские и белорусские диалекты сближаются настолько, что порой их невозможно отличить друг от друга.

Таким образом, могилевско-смоленские связи сложились исторически на основе общности социально-экономических и общественно-политических условий в определенные этапы их развития. Между тем могилевско-смоленские пограничные говоры, как, впрочем, и говоры русско-белорусского пограничья вообще, до сих пор не подвергались серьезному анализу, наши представления о них скудны и приблизительны, да и сами эти говоры в научной литературе квалифицируются по-разному: «белорусские говоры» русского языка [2], «смешанные русско-белорусские говоры» [6], «пере-

ходные русско-белорусские говоры» [5], «русские говоры с белорусскими чертами» [3], «русские говоры с развивающейся переходностью» [4] и др.

В условиях белорусско-русского двуязычия изучение говоров могилевско-смоленского пограничья приобретает особую актуальность: в силу этого кафедра русского языка Могилевского пединститута последние 8 лет организует диалектологическую практику студентов в пограничных районах Могилевской и Смоленской областей. За это время нами собран значительный материал, отражающий языковые особенности обследованных территорий. Наблюдения показывают, что в языковом отношении могилевское (белорусское) пограничье отличается от смоленского (русского) пограничья незначительно; это позволяет нам объединить могилевско-смоленские пограничные говоры в один этнолингвистический ареал и квалифицировать их как «переходные русско-белорусские говоры»; другие дефиниции, о которых говорилось выше, в силу разных причин следует признать менее удачными. Богатый лексический материал, ежегодно собираемый студентами во время диалектологических экспедиций, позволяет кафедре приступить к работе по подготовке Словаря пограничных могилевско-смоленских говоров.

В составлении русских и белорусских региональных словарей у лингвистов-лексикографов выработались определенные традиции, однако словарей переходных говоров близкородственных языков в лексикографической практике, как уже отмечалось, до сих пор не было; отсюда вытекает множество проблем, связанных со спецификой словаря указанного типа. Наиболее существенные из них – определение территории могилевско-смоленского пограничного региона, проблема отбора диалектной лексики, графическая передача заглавных слов и иллюстративного материала, принцип подачи синонимов в Словаре и др.

В предлагаемой статье рассматриваются некоторые вопросы диалектной синонимии, поскольку при составлении регионального словаря понятие синонима оказывается существенным как в семантической характеристике, так и в толковании слов. Данная работа строится на материале, собранном студентами в д. Городище Хиславичского района Смоленской области (1987 г.) и в д. Лобковичи Кричевского района Могилевской области (1988 г.).

Необходимая справка: д. Городище находится в 12 км от границы с БССР, а д. Лобковичи расположена на берегу реки Сож, которая является естественной границей, разделяющей Могилевскую и Смоленскую области; расстояние между указанными населенными пунктами составляет приблизительно 60–70 км. Выбор именно этих населенных пунктов объ-

ясняется прежде всего тем обстоятельством, что автор статьи принимал непосредственное участие в сборе диалектной лексики в указанных деревнях; кроме того, принималась во внимание «свежесть» языкового материала, собранного в минувшем году и нынешнем.

В настоящее время «проблема синонимии в диалектах является одной из малоразработанных и дискуссионных проблем в нашей науке» [7 с. 273], сама квалификация синонимов в диалектной лексикологии решается неоднозначно, «в зависимости от того, привлекаются ли к исследованию синонимы диалектных систем или же синонимы частной лексической системы конкретного говора. Можно ли говорить о синонимических отношениях только в пределах одной конкретной микросистемы или речь должна идти о так называемых разномодальных синонимах, являются ли последние синонимами или «параллелями» [1, с. 60]. Последняя мысль для могилевско-смоленского региона представляется особенно важной, поскольку этот регион охватывает территории распространения русского и белорусского языков, и естественно, что говоры данного региона испытывают двойное влияние – со стороны русского и со стороны белорусского литературного языка.

Как показывают наблюдения, синонимическая лексика говоров д. Городище и д. Лобковичи довольно разнообразна и включает в себя синонимические ряды как «одномодальные», так и «разномодальные». К одномодальным относим синонимы, отмеченные в говоре одной из деревень. Так, в говоре д. Городище нами обнаружены синонимические ряды типа *болезнь – хворь – хвороба – хиря; пахать – орать; боронить – скородить; веревка – заверт; раздеваться – расправляться; староста – войт; ботва – ботвинье – патина; почтальон – почтарь – разносчик* и др.; в д. Лобковичи отмечены синонимические ряды: *ухват – чепела – вилки; юбка – спадница – камлет – саян; каблуки – корки; цветок – цветка – краска; бусы – крали – патерки; кусок – шматок – скрылёк; кладбище – кладище – могильник – погост* и др. Многие синонимические ряды имеют распространение в говорах обеих деревень, напр.: *голубика – дурника – дурница; сарай – пуня; крыльцо – ганки; ужинать – вечерять; крыша – стреха* и др.

К разномодальным относим синонимические ряды, разные члены которых употребляются в говорах разных деревень. Так, например, синонимом слова *коротышка* в д. Городище выступает слово *карандуш*, а в д. Лобковичи – *недоросток, малявка*; синонимом слова *неряха* в д. Городище будет слово *отряха*, в д. Лобковичи – слова *корявка, дехтарка*; в д. Городище отмечается синонимический ряд *сглазить – сурочить*, в д. Лобковичи – соответственно *сурочить – свочить*; в д. Городище: *аист бутян*,

в. Лобковичи – *бусел* – *бутян*; в д. Городище: *брюква* – *калига* – *малига*, в д. Лобковичи – *брюква* – *кузика* и др.

Таким образом, в пределах единого могилевско-смоленского региона выстраиваются ряды одинаковых или близких по значению слов: *коротышка* – *карандуш* – *недоросток* – *маявка*; *неряха* – *отряха* – *корявка* – *дехтарка*; *сглазить* – *сурочить* – *свочить*; *аист* – *бутян* – *бусел*; *брюква* – *калига* – *кузика* и др. У нас имеется достаточно оснований подобные объединения слов квалифицировать как синонимические ряды, а слова, входящие в них, – как синонимы. Во-первых, эти объединения почти ничем не отличаются от ранее приводимых бесспорных однодиалектных синонимических рядов; во-вторых, отсутствие какого-либо синонима в материалах нашей картотеки не всегда указывает на реальное отсутствие слова в данной микросистеме, возможно, здесь мы имеем дело с несовершенством методики поиска или с неопытностью студента-собиранителя и при повторном более тщательном обследовании лексики говора слово может быть обнаружено; наконец, следует учитывать и тот факт, что описываемые нами слова-синонимы не имеют строгого территориального закрепления. Было бы естественным ожидать, что русские слова-синонимы употребляются главным образом в смоленской деревне, а белорусские – в могилевской¹, однако в действительности такого соответствия не наблюдается: анализируемый материал показывает, что жители обеих деревень одинаково употребляют в своей речи и русские и белорусские синонимы. Вот несколько синонимических рядов, зафиксированных нами в д. Городище и в д. Лобковичи: *туча* – *хмара* – *хмура*; *подвязаться* – *подперязаться*; *очень* – *дуже*; *искать* – *шукать*; *прятать* – *ховать*; *случаться* – *трапляться*; *малец* – *хлопец* – *парень*; *луна* – *месик*; *радуга* – *весёлка*; *обои* – *шпалеры* и др. Отсюда сам собой напрашивается вывод, что при подготовке регионального Словаря пограничных могилевско-смоленских говоров более перспективным представляется широкое понимание диалектной синонимии, включающей как однодиалектные, так и разнодиалектные синонимы и синонимические ряды. Такое широкое толкование синонимов позволяет нам включать в синонимический ряд местные названия одного и того же понятия: *выпузок*, *выскребок*, *байструк* (Городище), *бенз*, *бензюк* (Лобковичи) – ‘внебрачный ребенок’; *примылок* (Городище), *примыльник* (Лобковичи) – ‘предбанник, пристройка к бане’; *паренина* (Городище), *парина* (Лобковичи) – ‘земля, оставленная под пар’, *возок*, *дрога* (Городище), *можжара*, *раскаты*, *пульмант*, *колёсы* (Лобковичи) ‘разновидности телег’; *стерня* (Городище), *иржище* (Лобковичи) – ‘сжатое поле, остатки соломы на корню’ и др.²

Значительную часть обследованной нами синонимии составляют абсолютные синонимы, или лексические дублеты, ср.: *староста – войт, веревка – заверт, крыльцо – ганки, стерня – цржище, боронить – скородить* и др. Вместе с тем в наших говорах употребляются и относительные синонимы, которые могут различаться оттенками значений: *андарак* ‘юбка или сарафан из плотного домотканого сукна’, *камлёт* ‘юбка или сарафан из легкого домотканого полотна’, *саян* ‘богатая праздничная юбка или сарафан’; *можара* ‘телега для перевозки сена’, *раскаты, пультант* ‘телега для перевозки дров’ и т. п.; эмоциональной окраской, особенно в названиях, содержащих отрицательную оценку: *выпузок, выскребок, байструк, бенз – неодобр.* ‘внебрачный ребенок’; *надмылиться, наудониться – бран.* ‘напиться пьяным’; степени активности: *малец, хлопец, шквель* (редк.) – ‘подросток, молодой человек’, *сурочить*, редк. *свочить* (редк.) ‘сглазить’ и др.

В заключение отметим, что изложенное понимание нами синонимов найдёт отражение в толковании слов синонимического ряда с помощью взаимных отсылок. Приведем несколько пробных словарных статей, предлагаемых составителями «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров».

АНДРАК, АНДАРАК, -а, м. Юбка или сарафан из домотканого сукна. Ср. **КАМЛЁТ, САЯН.** *Андарак – е́та сарахван суконный с плечиками, а у талии на зборках.* Городище, Хисл. Смл. *Андарак – е́та юпка с сукна дамътканавя.* Суздалевка, Хисл. Смл. *Зимой андрак з вовны надяеш с кохтай тѣплай.* Лобковичи, Крич. Мгл.

КАМЛЁТ, -а, м. Юбка или сарафан из легкого домотканого полотна. Ср. **АНДРАК, САЯН.** *Летам во камлёт нашу, каб ни жарка было.* Лобковичи, Крич. Мгл. *Раньше у моди были камлѣты.* Пыжовка, Хисл. Смл. *Нявеста адивала камлёт, а с-пат камлѣта лапти были видны.* Вороновка, Хисл. Смл.

САЯН, -а, м. Богатый праздничный сарафан или юбка. Ср. **АНДАРАК, КАМЛЁТ.** *Саяны адивали тольки на свадьбу, а андараки и камлѣты кажны день.* Городище, Хисл. Смл. *Саян новыи пашыла каб было што с кохтай у празник надеть.* Лобковичи, Крич. Мгл. *И саяны на смотр самадетельнасти адивали – сами шыли.* Пыжовка, Хисл. Смл.

ГЛЯЧОК, -а, м. Кувшин для хранения молока и молочных продуктов. Ср. **ГОРЛАЧ.** *Матка кипятить у печи малако и зливае яго у глиняныя глячки.* Городище, Хисл. Смл. *Смитана стояла у глиняным глячку.* Лобковичи, Крич. Мгл.

ГОРЛАЧ, -а, м. Глиняный кувшин, обычно без ручки, для хранения молока. Ср. **ГЛЯЧОК.** *Адин гарлач астаўляю сябе, а астальное малако здаём у калхос.* Вороновка, Хисл. Смл. *У гарлачах малако ня кисне.* Бель, Крич. Мгл.

ЗЕДЛИК, -а, м. Малая скамья. Ср. **СЛОНЧИК.** *Дятей на зедлики садили.* Лобковичи, Крич. Мгл.

СЛОНЧИК, -а, м. См. **ЗЕДЛИК.** *Каля дома на слончыку пасядиш, воздухам падыхаеш.* Лобковичи, Крич. Мгл. *Як малая была, дык любила на маленьким слончыку сидеть и слухать як бальшэя гаворуть.* Лютня, Мст. Мгл.

ЗаВЕРТ, -а, м. Веревка, жгут. Ср. **КРУТеЛЬ**. *Привяжу завертам к саням*. Хорошково, Хисл. Смл.

КРУТеЛЬ, -я, м. См. **ЗаВЕРТ**. *Крутилём звяжыш сноп скарей и дальшы жать*. Городище, Хисл. Смл.

КРУСаДНЯ, -и, ж. Насест. Ср. **КУРОШеСТ**. *У крусадни куры сидят, один питушок*. Городище, Хисл. Смл. *На крусаднях куры сидеть ни хатяць*. Суздалевка, Хисл. Смл.

КУРОШЕСТ, -а, м. См. **КРУСаДНЯ**. *Куры у пуни сидят на курашэсти*. Суздалевка, Хисл. Смл.

КАВЕРЗНИ, мн. Простые домашние лапти. Ср. **ПОХЛОПНИ**, **РаКИ**, **ЧуНИ**. *Кавярзни и жээнцины пляли – прастей и работы меньше*. Городище, Хисл. Смл.

ПОХЛОПНИ, мн. См. **КАВЕРЗНИ**. *Раньшы пахлапни пляли – прастыя лапти*. Вороновка, Хисл. Смл. *Зимой лапти плятём*. *Пахлапни – эта лапти биз курцов, плятецца глатка*. Городище, Хисл. Смл.

РаКИ, мн. См. **КАВЕРЗНИ**. *Як лыка мала было, раки пляли. Эта лапти такая*. Пиряны, Хисл. Смл.

ЧуНИ, мн. Зимние теплые лапти, плетенные из веревок, пеньки. Ср. **КАВЕРЗНИ**, **ПОХЛОПНИ**, **РаКИ**. *Чуни – эта лапти такая, з вярэвак*. Лобковичи, Крич. Мгл. *А тады што насилі? – Чуни ды аборки*. Пыряны, Хисл. Смл.

ПРИМЫЛОК, -а, м. Пристройка к бане, предбанник. Бел. **Прылазнік**. Ср. **ПРИМЫЛЬНИК**. *У нас прымылак бальшой, мы там пастаянна стираім*. Городище, Хисл. Смл. *Кагда немцы прышли, дык мы у прымылак бани схуваліся*. Хорошково, Хисл. Смл. *А у прымылку раздваліся, там всё чиста*. Суздалевка, Хисл. Смл.

ПРИМЫЛЬНИК, -а, м. См. **ПРИМЫЛОК**. *У прымыльнику адэжу знімаім, а у бани мыімся*. Лобковичи, Крич. Мгл.

КОТУХ, -а, м. Большая корзина, сплетенная из лозы. Ср. **ЛубКА**, **ПЛЕТуХА**. *Батька любіў хадіць у лес і збіраць лазу, а потым плясці катух*. Лобковичи, Крич. Мгл.

ЛубКА, -и, ж. Плетеная корзина, лукошко. Ср. **КОТУХ**, **ПЛЕТуХА**. *С лупкамі на ягады хадили*. Лобковичи, Крич. Мгл.

ПЛЕТуХА, -и, ж. Плетеная корзина небольших размеров. Ср. **КОТУХ**, **ЛубКА**. *Любила я хадіць у грибы у наш лес з жоутай плятухай*. Лобковичи, Крич. Мгл.

СеВАЛКА, -и, ж. Корзина, используемая при посеве. Ср. **СеВНЯ**. *Паехала с мужыком у поле, а севалку дома аставіла*. Городище, Хисл. Смл.

СеВНЯ, -и, ж. См. **СеВАЛКА**. *Раней насыпалі зярно у сеўню і шлі у поля сеіць*. Лобковичи, Крич. Мгл.

Примечания

¹ К русским (белорусским) относим слова, зарегистрированные в русских (белорусских) нормативных словарях.

² Белорусский эквивалент приводится в том случае, если он употребляется в активном словаре белорусского литературного языка.

Литература

1. Борисова, Е.Н. Проблемы русской региональной исторической лексикологии / Е.Н. Борисова // Филол. науки. – 1987. – № 1.
2. Карский, Е.Ф. Белорусы. Т. 1. – Варшава, 1903; его же. Русская диалектология. – Л., 1924 и др.
3. Кузнецов, П.С. Русская диалектология / П.С. Кузнецов. – М., 1951.
4. Пеньковский, А.Б. Фонетика говоров Западной Брянщины : канд. дисс. / А.Б. Пеньковский. – М., 1967.
5. Прохорова, С.М. Синтаксис глагольных словосочетаний переходных русско-белорусских говоров Смоленщины: лексико-семантическая сочетаемость двух семантических групп глаголов / С.М. Прохорова. – Минск, 1975.
6. Расторгуев, П.А. Северско-белорусский говор / П.А. Расторгуев. – Л., 1927; его же. Говоры на территории Смоленщины. – М., 1960 и др.
7. Русская диалектология / под ред. Н.А. Мещерского. – М., 1972.

1989 г.

В.Б. Сузанович

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ РАЗРАБОТКА ДИАЛЕКТНОЙ СИНОНИМИИ (к вопросу о подаче синонимов в «Словаре моголевско-смоленских пограничных говоров»)

Общеизвестно, что за последние сорок лет ушедшего XX в. разработка теоретических аспектов синонимии в русском языкознании приобрела особую популярность, появилось огромное количество работ, освещающих разные стороны синонимии¹.

Значительно продвинулась лексикографическая разработка синонимии, отработана методика подачи слов с тождественными и предельно близкими значениями в современных нормативных словарях. Важным событием в лексикографической разработке синонимии стал двухтомный академический «Словарь синонимов русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой [Л., 1971] – наиболее полный и научно совершенный синонимический справочник.

На этом фоне несомненных достижений разработка диалектной синонимии по-прежнему остается «белым пятном». До сих пор «проблема синонимии в диалектах является одной из мало разработанных и дискуссионных проблем в нашей науке. Отсутствует единое определение диалектного синонима², нет четкости в различении синонимов и вариантов слов в говорах» [4, с. 173]. «Спорным в диалектологической науке остается вопрос о границах синонимии и омонимии» [2, с. 159], неоднозначно

решается вопрос о статусе разноречий синонимов (эквивалентов), абсолютных синонимов (дублетов, полных синонимов), однокоренных синонимов (словообразовательных вариантов) и др. Аналогичная картина наблюдается и в белорусской диалектной лексикологии.

Слабая теоретическая разработка диалектной синонимии неизбежно отражается в практике составления региональных словарей. В диалектной лексикографии понятие синонима оказывается существенным как при решении вопроса о принципах подачи синонимов в словаре, так и в разработке словарной статьи синонимичного слова, в способах толкования помещаемых в словарь лексем.

С учетом различного подхода составителей к проблемам синонимии по-разному решается подача синонимов в том или ином региональном словаре. В одних словарях (Ярославский областной словарь, белорусские диалектные словари) вопрос о синонимах вообще не ставится; в других термин *синоним* используется лишь в связи с толкованием слова: «Известны два наиболее распространенных способа толкования значения слова: через синонимы или путем развернутого описания его семантики. В практике составления диалектных словарей обычно используется первый способ» [6, с. 16].

Особую группу составляют словари, в которых содержится лексикографическая разработка синонимов, отработаны принципы подачи синонимов в словаре. Основы научного описания синонимов в диалектных словарях заложены в «Словаре русских народных говоров». Так, в Инструкции для составления Словаря отмечается: «При наличии в говорах равнозначных слов определяется описательным способом... только одно из них, при остальных словах делается отсылка к истолкованному слову. Определяется более распространенное слово или исходное: НАСеРДКА, -и, ж. Злоба, недоброжелательность...; НАСеРГА, -и, ж. То же, что НАСеРДКА. НАШеСТОК, -тка, м. То же, что НАШеСТ и т. п. Если равнозначные слова имеют одинаковое распространение в говорах, ... определяется слово, стоящее первым по алфавиту, а при остальных даются отсылки... Если однозначные слова имеют точные соответствия в литературном языке и не нуждаются в описательном определении, литературный эквивалент приводится при каждом слове: НАСиЛ, *нареч.* Насилу; НАСиЛКУ, *нареч.* Насилу; НАСиЛЮК, *нареч.* Насилу...» [9, с. 147].

Аналогичного принципа описания синонимов придерживаются авторы «Псковского областного словаря с историческими данными» [3], «Словаря смоленских говоров» [8], «Архангельского областного словаря» [1] и др.

В «Псковском областном словаре», изданном вслед за первым выпуском «Словаря русских народных говоров» [7], закладывается традиция

разработки словарной статьи синонимичного слова и включения в диалектный словарь синонимического ряда. Во вступительной части Словаря отмечается: «Семантическая характеристика слова дополняется указанием на синонимы и семантические параллели. В Словаре принят такой порядок: группа слов, обозначающих одно и то же или близкие понятия, приводится или под наиболее употребительным в псковских говорах членом ряда, или под общерусским словом. Остальные члены синонимической серии связываются с этим словом или пометой «ср.» (слово) или формулой «то же, что» в определении: БАРАБОШИТЬ... 1. Говорить вздор, болтать. Ср. *балаболить, бахорить, блекотать*; БАЛАБОЛИТЬ ... Много говорить попусту. Ср. *барабошить*; БАХОРИТЬ... Болтать, говорить попусту. Ср. *барабошить*; БЛЕКОТАТЬ... 2. *Перен.* Много и бестолково говорить. Ср. *барабошить*. БАГУЛЬНИК... Вечнозеленое эфирномасличное растение семейства вересковых. Ср. *баган, багань, бадан*; ... БАГАН... То же, что *багульник*; *багань*... БАГАНЬ... То же, что *багульник*; БАДАН ... То же, что *багульник*» [3, с. 12].

Эта традиция получает свое дальнейшее развитие в «Словаре смоленских говоров»: «При словах с тождественным значением (однокоренных с разными аффиксами, дублетах) используется отсылка «то же, что». При наиболее употребительном (или первом по алфавиту) слове после «ср.» приводится перечень однозначных слов, при других – «то же, что»: БЕРЕ-СТЕНЬ... 2. Глиняная посуда..., обернутая берестой... Ср. *березник, берестник*², *берестяник*², *берестянка*¹ в 3 знач., *берещеник*²; БЕРЕЗНИК... То же, что *берестень* во 2 знач. При синонимичных словах отсылки даются посредством «ср.» в конце словарной статьи. При наиболее употребительном слове после пометы «ср.» приводится по возможности исчерпывающий перечень синонимичных слов. АЛЁС... Мокрое топкое место, заболоченный луг... Ср. *багно*; БАГНО... Топкое низкое место, трясина... Ср. *алёс, альсавина, амшаник*²» [8, с. 10–11]. Подобным образом подача синонимов применяется в «Архангельском словаре»: БАРАБОЧИТЬ... То же, что *балакать*; БАЛАКАТЬ... Разговаривать, болтать, рассказывать. Ср. *балакурить, балалаить, балабонить, балабошить, балакать, баячить, барабанить* во 2 знач., *бачить*¹, *баять, беседовать* в 1 знач., *брякать* во 2 знач. [1, с. 25–26].

«Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) при разработке словарной статьи синонимичного слова продолжает традиции, заложенные «Псковским областным словарем» и «Словарем смоленских говоров». Вместе с тем описание синонимов в нашем Словаре имеет свои особенности.

Нам представляется более перспективным для задач лексикографической практики широкое понимание термина *синоним*, поэтому в разряд синонимов мы включаем имеющие повсеместное распространение на территории моголевско-смоленского пограничья лексические дублиеты (абсолютные синонимы) и словообразовательные варианты (однокоренные синонимы).

С включением в словарную статью синонимического ряда связан вопрос о выделении стержневого слова – доминанты. В отличие от литературного языка, в котором стержневым словом синонимического ряда является стилистически нейтральная, общеупотребительная лексическая единица, в синонимическом ряду диалектных слов в качестве доминанты выступает, как правило, наиболее употребительное слово. Последние, в отличие от прочих членов синонимического ряда, имеют широкий ареал распространения как на Могилевщине, так и на Смоленщине; в картотеке Словаря они представлены наибольшим количеством фиксаций.

В СМСРПГ все синонимы разрабатываются в самостоятельных словарных статьях. Принцип подачи слов с тождественным значением, главным образом словообразовательных вариантов с разными суффиксами, несколько отличается от принципа подачи синонимичных слов с близким значением.

При словах с тождественным значением дается толкование лишь первого по алфавиту слова. При других однозначных словах приводится отсылка «то же, что». Словарная статья, содержащая толкование значения, завершается пометой «ср.», после которой приводится перечень всех равнозначных слов на данную букву:

БАТОВиНА, -ы, ж. Рукоятка кнута, кнутовище... Ср. *батовица, батовище, батовьё*.

БАТОВиЦА, -ы, ж. То же, что *батовина*.

БАТОВиЩЕ, -а, ср. То же, что *батовина*.

БАТОВЬё, -я ср. То же, что *батовина*.

При словах с близким значением отсылки также даются в конце словарной статьи: при наиболее употребительном слове после пометы «ср.» приводится перечень синонимичных слов на данную букву, при других словах синонимического ряда после пометы «ср.» делается отсылка к этому обобщающему слову:

БАДаТЬ², *несов., неперех.* Говорить, болтать... Ср. *балагурить*.

БАИТЬ и БАЯТЬ, *несов., неперех.* 1. Говорить, рассказывать... Ср. *балагурить*.

БАКАТЬ и БАХАТЬ, *несов., неперех.* Говорить, разговаривать... Ср. *балагурить*.

БАЛАГУРИТЬ, *несов., неперех.* Разговаривать, беседовать... Ср. *бадать*², *баить* в 1 знач., *бакать*, *балакать*, *балабонить* во 2 знач., *басить*, *бахорить*, *бачить*, *буторить*.

Если синонимический ряд помимо разнокорневых синонимов включает также словообразовательные варианты с разными суффиксами, приоритет обобщающего, стержневого слова (доминанты) сохраняется за наиболее употребительным из синонимов:

ЖЕМЕР, -у, м. Выжимки, остающиеся после переработки овощей, фруктов. ягод; мезга... Ср. *жмаки* в 1 знач.

ЖЕМЕРЮКИ, мн. То же, что *жемер*.

ЖЕМЕРЮХА, -и, ж. То же, что *жемер*.

ЖМаКИ и ЖИМаКИ, мн. 1. Выжимки после переработки овощей, фруктов. ягод; мезга... Ср. *жемер*, *жемерюки*, *жемерюха*, *жмахи*, *жом*.

ЖМаХИ, мн. То же, что *жмаки* в 1 знач.

ЖОМ, -у, м. То же, что *жмаки* в 1 знач.

В случаях, если наиболее употребительное слово установить невозможно или затруднительно, перечень синонимичных слов приводится в словарной статье первого по алфавиту синонима, а при остальных членах синонимического ряда делаются соответствующие отсылки:

МАМРЮК, -а, м. *Экспр.* Неразговорчивый, нелюдимый человек; бирюк... Ср. *мамыка*, *мармоль*, *мурмыль*.

МАМыКА, -и, м. и ж. *Экспр.* Тихоня, нелюдим... Ср. *мамрюк*.

МАРМОЛЬ, -я, м. *Экспр.* Неразговорчивый, замкнутый человек... Ср. *мамрюк*.

МУРМыЛЬ, -я, м. *Экспр.* Замкнутый, угрюмый человек, нелюдим... Ср. *мамрюк*.

Одна из важных практических задач, поставленных составителями СМСПГ, – обеспечить максимальное удобство пользования Словарем. Поэтому во избежание перегрузки словарной статьи перечень синонимичных слов ограничивается рамками одной буквы алфавита.

Примечания

¹ См.: Геккер С.Ф. Библиография по синонимике русского языка. // Очерки по синонимике русского литературного языка. – М.–Л., 1966. – С. 197–226; Геккер С.Ф. Библиография по синонимике русского языка: статья вторая // Синонимы русского языка и их особенности. – Л., 1972. – С. 196–243.

² В русской диалектной лексикологии в качестве рабочего определения синонимами признаются «слова в пределах одной грамматической категории, близкие или тождественные по значению, если они распространены в одном говоре или территориально близких говорах» [4, с. 273 и 5, с. 182].

Литература

1. Архангельский областной словарь. – Вып. 1. – МГУ, 1980.
2. Манаенкова, А.Ф. Русская диалектология / А.Ф. Манаенкова. – Минск, 1992.
3. Псковский областной словарь с историческими данными. – Вып. 1. – Л., 1967.
4. Русская диалектология / под ред. Н.А. Мещерского. – М., 1973.
5. Русская диалектология / под ред. В.В. Колесова. – М., 1990.
6. Словарь говора деревни Акчим Пермской области. – Вып. А–З. – Пермь, 1984.
7. Словарь русских народных говоров. – М.–Л. (Издается с 1965 г.).
8. Словарь смоленских говоров. – Вып. 1. – Смоленск, 1974.
9. Филин, Ф.П. Проект «Словаря русских народных говоров» / Ф.П. Филин. М.–Л., 1961.

2001 г.

В.Б. Сузанович

ВАРИАНТЫ СЛОВ И ИХ ПОДАЧА В «СЛОВАРЕ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ»

Вариантам слов уделяли внимание такие крупные лингвисты, как А.М. Пешковский и В.В. Виноградов, А.И. Смирницкий и О.С. Ахманова, Ф.П. Филин и Н.М. Шанский¹. По мнению большинства из них, варианты слов представляют собой видоизменения внешней стороны слова – фонетической, акцентологической, грамматической, – не затрагивающие внутренней стороны слова – его лексического значения. Так, в работе Н.М. Шанского «Лексикология современного русского литературного языка» приводится следующее определение: «Вариантами слова можно считать образования, имеющие тождественный морфемный состав; различия между ними являются настолько незначительными, что не нарушают единства лексической единицы в целом» [8, с. 62]. Аналогичное определение указанного термина содержится в лингвистических словарях². Таким образом, в раскрытии понятия «варианты слова» между учеными нет серьезных разногласий. Неоднозначно решается вопрос о выделении различных видов варьирования слова: наряду с акцентологическими, фонетическими, грамматическими, орфоэпическими, семантическими вариантами некоторые ученые выделяют также словообразовательные варианты [1, с. 214–215].

Вопрос о вариантах слов, тесно связанный с установлением границы варьирования и образования новых слов, занимает важное место в практике составления словарей. В отличие от отдельных слов, составляющих

самостоятельную словарную статью, варианты слов объединяются в одной словарной статье. Между тем, как отмечает Р.П. Рогожникова, даже в академических словарях – Словаре современного русского литературного языка в 17-ти томах и в Словаре русского языка в 4-х томах – варианты слов показываются по-разному [5, с. 5].

Еще больший разницей в подаче вариантов слов наблюдается в русских и белорусских региональных словарях. Так, в Словаре русских народных говоров в одну словарную статью помещаются лишь акцентологические варианты: ЛЯДИНА и ЛЯДиНА, НиВА и НИВа. «Лексикализованные фонетические варианты слов (напр., МеЧИК ‘мячик’, ВАЛ ‘вол’, ОЛЬНЯ-Ной ‘льняной’, ИГОРоД ‘огород’ и т.п.) становятся на своем месте алфавита и сопровождаются словарной статьей. В случае, когда имеется не один, а несколько таких вариантов, приводятся соответствующие отсылочные указания: КВЕТ. См. СВЕТ и ТВЕТ; СВЕТ. См. КВЕТ и ТВЕТ и т. п. (каждый такой вариант сопровождается самостоятельной статьей» [7, с. 141].

В Архангельском областном словаре по-разному подаются варианты слов с фонетическим варьированием, не носящим регулярного характера и относящимся к корневым морфемам (БУСеЛОЙ, -ая, -ое ...См. ГУСеЛОЙ, БУСеТЬ, -еет, несов. ...См. ГУСеТЬ), варианты слова с фонетическим варьированием, относящимся к аффиксальным морфемам (ВЕРЗНЕЙ и ВЕРЗНОЙ) и варианты слов с морфологическим варьированием (ВОРоБА... См. ВОРоБЫ) [2, с. 59].

В Ярославском областном словаре «фонетико-морфологические варианты (напр., *бадог, батог, падог*)» разрабатываются в отдельных словарных статьях подобно самостоятельным словам. Лишь акцентологические варианты «отмечаются в заглавном слове двумя ударениями (БРеДНиК)» [9, с. 7].

В Словаре смоленских говоров «вариантными словами считаются слова, звуковая оболочка которых различается (не затрагивая значения) в корневой морфеме по глухости-звонкости согласного (*бадожье – батожье*), мягкости-твердости (*бабах – бабях*), корневыми гласными звуками (*бавкать – бовкать, брудость – брыдость*), наличием-отсутствием протетических гласных (*абадня – бадня, аблагуша – благуша*), наличием редукции, выпадения гласного (*балаган – балган*), диссимиляции (*бамбаза – банбаза*) и др. Словарная статья приводится при наиболее употребительном (или первом по алфавиту) варианте. Варианты слова выделяются в ней прописным шрифтом и помещаются в отсылочных статьях на своем месте алфавита с пометой «см.» БЛИЗКОЗЁРЫЙ. См. БЛИЗКОЗОРОЙ.

БЛИЗКОЗОРОЙ ... Близурукий ... БЛИЗКОЗЁРЫЙ ...» [6, с. 11].

В Словаре русских говоров Белоруссии А.Ф. Манаенковой в одной словарной статье приводятся не только фонетические (БУРБОЛКА и БУРБУЛКА, БЫРКА и БЫРЬКА), акцентологические (БУЛЬБЯНИЩЕ и БУЛЬБЯНИЩЕ), но и словообразовательные варианты (АЛИМОНА и АЛИМОНКА ‘лимон’, ВИДЁЛКА и ВИДЁЛОК ‘столовая вилка’ и др.) [4].

Составители Туровского словаря в разработке словарных статей с вариантами слов руководствуются следующими установками. «Объединяются, как правило, в одной словарной статье фонетические варианты слов, которые различаются звуковыми несоответствиями нерегулярного характера (необусловленные несоответствия в характере гласного или согласного звука и др.). Объединение нерегулярных фонетических вариантов слов вызвано тем, что их возникновение связано либо с разными местными индивидуальными отклонениями от общеупотребительной фонетической реализации подобных слов, либо с неоднозначной интерпретацией разными собирателями их звукового оформления при записи. Заголовком в подобных статьях выступает наиболее характерный вариант слова. Остальные варианты подаются непосредственно после него.

В одной словарной статье объединяются и варианты слова в отношении места ударения. Но в таких случаях вместо перечисления вариантов слова по ударению в заголовном написании помечаются все гласные, которые могут быть ударными в его вариантах» [3, с. 17–18.] (перевод наш – авт.).

Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров (СМСПГ) – первый опыт регионального словаря переходных белорусско-русских (русско-белорусских) говоров. В процессе подготовки Словаря авторы стремятся использовать все лучшее, что наработано в региональной русской и белорусской лексикографии. В частности, при разработке словарной статьи с вариантами слов нами учитывался прежде всего опыт составителей Словаря смоленских говоров и опыт составителей Туровского словаря, хотя, с другой стороны, подобные словарные статьи в СМСПГ содержат определенные элементы новизны. Таким образом, в одной словарной статье указанного Словаря объединяются:

1. Акцентологические варианты: БАРАХНУТЬ и БАРАХНУТЬ, БАТИ-СТОВКА и БАТИСТОВКА, БегМА и БЕГМа, БЕЗДЕТУХА и БЕЗДЕТУХА, ОБЫДНЯ и ОБЫДНЯ;

2. Фонетические варианты:

а) с ударными **е** и **о** после мягких согласных: *азметка* и *азмётка*, *жаротьё* и *жаротьё*;

б) с звонким и глухим согласным: *атландер* и *атлантер*, *бензюк* и *бенсюк*;

в) с твердым и мягким согласным: *бегма* и *бегмя*, *бехать* и *бэхать*; *желтавый* и *желтявый*, *жмакать* и *жмякать*, *тирса* и *тырса*;

г) с пропуском или вставкой звука: *андарак* и *андрак*, *бархотьё* и *бархмотье*, *безладица* и *безуладица*, *блякать* и *блявкать*, *бузануть* и *буздануть*;

д) с метатезой звуков: *бадня* и *бандя*, *курсадня* и *крусадня*;

е) с диссимиляцией звуков: *бомба* и *бонба*, *тамборка* и *танборка*;

ж) с нерегулярной меной звуков, если различия звуковой оболочки слова не затрагивают его лексического значения: *барызгаться* и *барыздаться*, *бурбуль*, *бургуль* и *бурдуль*, *брындать* и *блындать*, *тутака* и *тутыка*.

3. Грамматические варианты, отражающие:

а) родовые различия существительных: *ёриш*, м. и *ёрша*, ж., *отос*, м. и *отоса*, ж.;

б) различия в типах склонения вариантных форм: *отора*, *оторя* и *оторь*;

в) различие в числе субстантивированных прилагательных: *отправная* и *отправные* 'застолье по поводу проводов в армию'.

Одна из важных практических задач, поставленная составителями СМСПГ, – обеспечить максимальное удобство пользования Словарем; поэтому в случаях, когда варианты различных типов пересекаются, напр., *бенз*, *бензь*, *бенс*, *бенсь*; *жсвакать*, *жсвяхать*, *жсмякать*; *таборка*, *тамборка*, *танборка* и т. п., во избежание перегрузки словарной статьи в нее помещаются, за редким исключением, не более двух вариантов слова; при этом на первое место выносится более употребительный вариант, имеющий широкое распространение как на Могилевщине, так и на Смоленщине: *банька* и *банка*, *богóвня* и *боговня*, *бутян* и *батян* и т. п. Другие его варианты приводятся в отдельной словарной статье. При вариантах слов, разрабатываемых в самостоятельной словарной статье, применяется отсылка типа «то же, что...» с указанием первого варианта отсылочной словарной статьи:

БЕГМА и БЕГМА, *нареч.* Бегом...

БЕГМя и БЕГМЯ ... То же, что БЕГМА.

БЕНЗ и БЕНЗЬ. *Экспр.* Внебрачный ребенок.

БЕНС и БЕНСЬ... То же, что БЕНЗ.

Фонетические варианты помещаются также в отсылочных статьях на своем алфавитном месте и снабжаются пометой «см.»;

БАДНЯ и БАНДЯ. Толкование. Иллюстрация и т.д.

БАНДЯ. См. БАДНЯ.

БАЛАКА и БАЛЯКА. Толкование. Иллюстрация и т.д.

БАЛяКА. См. БАЛaКА.

БАТяН. См. БУТяН

БУТяН и БАТяН. Толкование. Иллюстрация и т. д.

Словообразовательные варианты – однокоренные слова с тождественным значением – разрабатываются в самостоятельных словарных статьях, причем дается толкование лишь первого по алфавиту слова; при других равнозначных словах приводится отсылка «*то же, что ...*». Словарная статья, содержащая толкование значения, снабжается пометой «*ср.*», после которой приводится перечень равнозначных слов:

БАТОВиНА, -ы, ж. Рукоятка кнута, кнутовище... Ср. БАТОВиЦА, БАТОВиЩЕ, БАТОВЬё.

БАТОВиЦА, -ы, ж. То же, что БАТОВиНА.

БАТОВиЩЕ, -а, ср. То же, что БАТОВиНА.

БАТОВЬё, -я, ср. То же, что БАТОВиНА.

ЕЛЕНеЦ, -нца, м. Можжевельник... Ср. ЕЛеЦ, ЕЛОВеЦ.

ЕЛеЦ, -льца, м. То же, что ЕЛЕНеЦ.

ЕЛОВеЦ, -вца, м. То же, что ЕЛЕНеЦ.

Аналогичным образом разрабатывается словарная статья фразеологического оборота. Фонетические, лексические и формальные варианты, а также факультативные компоненты приводятся в заглавной форме фразеологизма. Однако разрабатывается фразеологизм по его основной форме; вариантные формы фразеологизма показываются внутри разработки, либо приводятся в иллюстрациях:

БИТКИ: БИТЬСЯ (ГУЛЯТЬ) НА БИТКИ. *Этногр.* Детская (молодежная) пасхальная игра, участники которой разбивают одно яйцо о другое. *Дети набяруть яец и бяюцца на битки. Чыё яйцо ўсе пирабьеть – той и выйграў.* Селец, Мст. Мгл. *Малыя были, дык на Пасху на битки билися. Яец пять возьмиши ды дывай бить адно аб другоя.* Ст. Дедин, Клим. Мгл. *А на Паску дети ўсигда на битки билися.* Любавичи, Мон. Смл. *Гулять на битки – игра пасхальная, у каторай ударяють адно яйцо аб другоя.* Соино, Хисл. Смл.

БАЯТЬ: БАЯТЬ (БАИТЬ) БАСНИ (БАЙКИ, СКАЗКИ). Пустословить. *Матрона як пачьне басни баить, брахать, дык ни астановиш.* Шамово, Мст. Мгл. *Вечарам бабам нима чаго дельть, дык яны басни бають.* Милейково, Мст. Мгл. *Што ты мне басни баиш, ти ж я тые ня ведыю?* Горы, Гор. Мгл. *Яму бы толька басни баять, а ни работыть.* Ст. Прянички, Клим. Мгл. *Ти доўга яце вы будитя ў нас басни баить?* Литвиновка, Ерш. Смл. *Идитя вы, деўки, у другия дамы, а мне з вами некали басни баять.* Суздалевка, Хисл. Смл. *Вы, деўки, ўвечары прыходити, тады и будим байки баять.* Ст. Дедин, Клим. Мгл. *Ну ты и мастир байки баять!* Варваровка, Хот. Мгл. *Што ты мне тут байки баиш – никакой сурьёзнасти.* Селец, Мст. Мгл. *Вичарами каля Казачка на скамейки сядели ды байки баяли.* Кулешовка, Клим. Мгл. *Маладыя тяпер работыть зусим ня хочуть, толька байки бають.* Ленино, Гор. Мгл. *Дось, деўки, бай-*

ки баять, нада за работу брацца. Соино, Хисл. Мгл. Ты мне скаски ни бай – усё раўно ни паверю. Татарск., Мон. Смл.

Примечания

¹ См. обзор литературы по данному вопросу в кн. Р.П. Рогожниковой «Варианты слов в русском языке. – М., 1966. – С. 3–14.

² См.: Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова Справочник лингвистических терминов. – М., 1972. – С. 41–42; О.С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов. – М., 1966. – С. 70–71.

Литература

1. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – М., 1957.
2. Гецова, О.Г. Проект Архангельского областного словаря / О.Г. Гецова. – МГУ, 1970.
3. Крывіцкі, А.А. Тураўскі слоўнік : у пяці тамах / А.А. Крывіцкі, Г.А. Цыхун, І.Я. Яшкін. – Мінск, 1982. – Т. 1.
4. Манаенкова, А.Ф. Словарь русских говоров Белоруссии / А.Ф. Манаенкова – Минск, 1986.
5. Рогожникова, Р.П. Варианты слов в русском языке / Р.П. Рогожникова. – М., 1966.
6. Словарь смоленских говоров. – Вып. 1. – Смоленск, 1974.
7. Филин, Ф.П. Проект Словаря русских народных говоров / Ф.П. Филин. – М.–Л., 1961.
8. Шанский, Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М., 1972.
9. Ярославский областной словарь: (Аа – бобинка). – Ярославль, 1981.

2000 г.

Л.И. Шаповалова

СПОСОБЫ ПОДАЧИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И ИХ РАЗРАБОТКА В «СЛОВАРЕ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ»

В картотеке «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) представлено значительное количество диалектных фразеологизмов всех традиционно выделяемых семантических и структурных типов.

Способы подачи и разработка диалектных фразеологизмов определяются типом словаря: СМСПГ – региональный сводный словарь диф-

ференциального типа, поэтому мы считаем целесообразным включать в его общий словарь только фразеологизмы, имеющие в своем составе диалектные слова, типа *дать валтузов* ‘избить’; *развалить на каменец* ‘разрушить полностью, до основания’; *деньги шумархать* ‘сорить деньгами’ и др. Устойчивые сочетания, не содержащие диалектных слов (*горячий стол* ‘поминки’; *белить на росу* ‘отбеливать лен’; *чёртово веселье* ‘вихрь’ и др.) составят приложение к СМСПГ, которое строится как диалектный фразеологический словарь.

Нами практикуются два способа подачи устойчивых сочетаний в общем словнике СМСПГ: фразеологизм включается в словарную статью при описании диалектного слова или подается в отдельной словарной статье. Выбор способа подачи фразеологизма зависит от его лексического состава.

Фразеологизм, имеющий в своем составе диалектное слово, зафиксированное в СМСПГ, включается в словарную статью на это слово; толкование фразеологизма является дополнительной структурной частью словарной статьи.

ЗЕЛИТЬ, *несов., неперех.* Надоедать. *Дети так зелять увесь день, ничога зрабить ни дають.* Забелышин, Хот. Мгл.

ЗЕЛИТЬ ГОЛОВУ. Надоедать. *Ну што ты мне галаву зелиш, иди пагуляй, дзеду памаги што.* Тростино, Хот. Мгл. *Идзи ты куды хочаш, тольки ни нада мне галаву зелиць.* Ст. Дедин, Клим. Мгл.

БИТИК, -а, м. Кувшин с отбитой ручкой, горлом. *Эта битик даўно выкинуць нада, а я ўсё ни магу.* Звенчатка, Клим. Мгл. *У суднику битик стаить, можа нужсын будить.* Любавичи, Мон. Смл.

БИТИКОВ ИСКАТЬ. Лезть в драку; напрашиваться на наказание. *Во палез драца – битикаф ищить.* Соино, Хисл. Смл. *Хлопцам делать нима чаго, дык во идуць бицикаў искаць.* Звенчатка, Клим. Мгл. *Чего ты дуреиш? Наверна, битикаў ишчыш?* Тростино, Хот. Мгл.

Фразеологизм, включающий слово, которое отсутствует в толковых словарях русского и белорусского литературных языков и не зафиксировано в картотеке СМСПГ в свободном употреблении, дается в отдельной словарной статье общего словаря и разрабатывается по этому слову.

АНТИБУРИЮ: АНТИБУРИЮ РАЗВОДИТЬ. Вести бессмысленные разговоры, болтать. *Ни балтай чипуху, канчай антибурию разводить.* Соино, Хисл., Смл. *Бабы як начали баить, ўсякаю антибурию разводить, ажна мне млосна стала.* Звенчатка, Клим. Мгл.

ЛЕПЕНЬ: ДАТЬ ЛЕПЕНЯ. Отшлепать. *Помню, батька таму, хто дужа балываўся, лепеня дась и на печ загониць.* Ст. Дедин, Клим. Мгл. *Батька, бывала, такова дасць лепеня, што долга ня шкодиш.* Любавичи, Мон. Смл.

Устойчивое сочетание, включающее фразеологически закрепленное слово, которое образовано от диалектизма со свободным употреблением,

разрабатывается в словарной статье на это слово, т. к. производная единица обычно семантически неполноценна, хотя в составе фразеологизма выполняет смыслообразующую функцию.

ЖУР, м., -а. Отстой конопляного масла на дне сосуда (бутыли, банки). *Сверху масла слей, а жур нихай астаецца*. Василевичи, Красн. Смл.

Журики ТоЧАТ. Привередничать от пресыщения или безделья. *Ат'еўся на казённых харчах, дык журыки яго точаць*. Тростино, Хот. Мгл. *Як хлопц з якой багатай сям'ей, дык гавораць, што журыки яго точаць, што з жыру ён бесицца*. Кр. Буда, Крич. Мгл.

Фразеологизм, в составе которого есть два диалектных слова со свободным или фразеологически закрепленным употреблением, разрабатывается по своему структурно организующему компоненту. В словарной статье на зависимый диалектный компонент этот фразеологизм приводится с отсылочной пометой «См.».

ВЕРЗТи, несов., перех. Экспр. Говорить глупости, болтать. *Гавари па делу, ни вярзи абы што*. Татарск, Мон. Смл.

ВЕРЗТи ХАМАНю. Говорить глупости. *Гаварить ерунду, чуш – значить вярсти хаманю*. Соино, Хисл. Смл. *Старый мой як нап'ецца, дык усё нейкую хаманю вярзе*. Звенчатка, Клим. Мгл.

ХАМАНя, ж., -и. Глупость, вздор, чушь, ерунда. *Ни слушай ты яво, хаманя усё ета!* Любавичи, Мон. Смл.

ВЕРЗТи ХАМАНю. См. **ВЕРЗТи**.

Фразеологизм, содержащий слово, которое отличается от соотносительного литературного – русского и белорусского – звуковым или морфемным составом также разрабатывается по этому слову в отдельной статье общего словника.

АВЕРьяНОВЫЙ: АВЕРьяНОВЫЕ КаПЛИ. Валерьяновые капли. *С авирьянаўки капли ат сэрца деляюць – авирьянавыя капли называюцца*. Любавичи, Мон. Смл. *Медичка дала мне нейкия авирьянавыя капли*. Звенчатка, Клим. Мгл. Ср.: диал. **АВЕРьяНОВЫЙ**, русск. **ВАЛЕРьяНОВЫЙ**, бел. **ВАЛЕР'ЯНАВЫ**.

ДУХОВОй: ДУХОВОЕ МЫЛО. Туалетное мыло. *Як пайду ў магазин, нада купіць мыла духоваго, а то ета такая смярдючая*. Тростино, Хот. Мгл. Ср.: **ДУХОВОЕ**, русск. **ДУШИСТОЕ**, бел. **ДУХМЯНАЕ**.

Фразеологизм помещается в словаре столько раз, сколько имеется в его составе компонентов, выраженных знаменательным словом; включение сопровождается пометой «См.» на компонент, по которому фразеологизм разрабатывается.

ГОЛОД: ГОЛОД ПРИНяТЬ. См. **ПРИНяТЬ**.

ПРИНяТЬ: ГОЛОД ПРИНяТЬ. Голодать. *Ой и мы голаду за вайну прыняли, ни дай бох*. Хорошково, Хисл. Смл.

Фразеологизм получает место разработки в словаре в зависимости от его структурной организации.

1) Фразеологизм, по структуре соответствующий словосочетанию, получает место разработки в словаре по своему структурно организующему компоненту:

ВЕСТИ: ВЕСТИ РЯД. Быть первым в ряду танцующих. *Во Нинка наша была, як навядеть ряд у танца, дык усе дивилися.* Литвиновка, Ерш. Смл. *Я кыда маладой была, дык на танцах любила рят вестти.* Любавичи, Мон. Смл.

ХЛЕБ: НА СВОЁМ ХЛЕБЕ. Самостоятельно, независимо. *Вот кончить вучобу, пайдётъ работать, будить на свайм хлеби.* Татарск, Мон. Смл. *Чатыри дятёнки у мяне, адны ужо на сваим хлеби.* Жевлачевка, Клим. Мгл.

2) Фразеологизм, по структуре соответствующий сравнительному обороту, получает место разработки в словаре по структурно организующему компоненту этого оборота:

ОТСЕКЛО: КАК ГУЖЕМ ОТСЕКЛО. Сразу, совершенно, бесследно прошло (о недомогании, болезни, чувствах, переживаниях). *Патстыла трохи. Спина забалела, што разгнуцца няможна. Зататила печку ды нагрэлася, як гужам атсекла* боль. Селец, Мст. Мгл. *Схадила к бапки-шаптухи – балезни як гужам атсекла.* Литвиновка, Ерш. Смл.

3) Фразеологизм, структурно организованный как сочетание нескольких однородных компонентов, получает место разработки по первому компоненту, выраженному знаменательной частью речи:

СОХА: НИ В СОХУ НИ В ТЕЛЕГУ. Совершенно нехватает, не к месту, невпопад. *Сасетка мая як што брязня, дык ни у саху ни у тэлегу.* Селец, Мст. Мгл.

НОЧЬ: С НОЧИ ДО НОЧИ. Долго, целые сутки. *Сиротами расли, усяго навидалися, за жысь, и бедныя, и галодныя были. Работали з нocy да нocy.* Селец, Мст. Мгл.

4) Фразеологизм, являющийся предложно-именным сочетанием, разрабатывается в словаре по именному компоненту:

БЕРЕМЯ: НА БЕРЕМЯ. В охапку. *Вышла деўка мая на улицу, а хлопцы яе на бяремя и ў пустую хату панёсли.* Ст. Дедин, Клим. Мгл.

ЛЕТО: НА ЛЕТО. На следующий год. *Сёлета да мяне ніхто ў госци ни прыяжджаў. Видаць, на лета хто-небудзь прыедзя.* Тростино, Хот. Мгл. *У етым годзи сын ни прыедзя, летась быў, далёка ехатъ, на лета можа прыедуць.* Роськово, Клим. Мгл.

5) Фразеологизм, соответствующий по структуре двусоставному предложению, получает место разработки по компоненту, приравняемому к подлежащему:

ГОД: ГОД НА ГОД НЕ СЛУЖИТ. Не всегда бывает одно и то же; раз на раз не приходится. *Прошлым летам гуркоў было – засыпалися, а сёлита – нічога. Што дэлатъ – гот на гот ни служыть.* Татарск, Мон. Смл.

ЖИЛОЧКА: ЖИЛОЧКИ ТРЯСУТЬСЯ. Кто-л. испытывает сильный страх дрожит от испуга; поджилки трясутся у кого-л. *Бывала, иду ноччу к партизанам праз лес, аж жылачки трасуцца.* Тростино, Хот. Мгл. *Катянё маё сабака высока загнаў, я яго як зняла, дык ён так спужаўся, аж ўсе жылачки трасуцца.* Кр. Буда, Крич. Мгл.

6) Фразеологизм, по структуре соответствующий односоставному предложению, получает место разработки по компоненту, приравняемому к главному члену – подлежащему или сказуемому:

УЙТи: ПОД БЕРЁЗЫ УЙТИ. Умереть. *Стары стал, здороўя нима, скоро пад бярозы уйду, на Улитину сядибу.* Тростино, Хот. Мгл.

БЕДА: ВО БЕДы. Не беда, ничего страшного. *Ну пабилася чашка, дык ВО БяДЫ! Ни апошня яна у хаці.* Звенчатка, Клим. Мгл. **Во бяды,** кали ты, дед, раз унукам грошай даш, цэл будиш. Селец, Мст. Мгл. Фразеологизм в последнем примере может быть соотнесен с односоставным генитивным предложением *Вот беда!*

7) Место разработки фразеологизма с неясной структурой определяется по первому компоненту, выраженному знаменательной частью речи:

ГОД: ГОДы В РЯДы. Очень редко. *Дачка прыязжая гады у ряды, а я ўжо старая, памагаць няма каму.* Селец, Мст. Мгл. *Плоха ў нас с хлебам, ездим на лошыды у Ленина. У нас возять гады в ряды.* Шеино, Мон. Смл.

РУЧКА: ЗА РУЧКУ ЯК СУЧКУ. Без свадьбы. *Прывёў мой унук у хату деўку за ручку як сучку и жывуць сабе.* Тростино, Хот. Мгл. *Свадьбы ни было. Ни было за што, ды и некали было. Прывёў за ручку як сучку.* Круглое, Хот. Мгл.

Варианты фразеологизмов подаются в заглавной части словарной статьи с использованием специальных графических знаков. Если лексические варианты фразеологизмов отличаются словами, которыми может быть выражен тот или иной компонент, вариантное слово дается в скобках.

ВЕРЗЕя: НЕСТи ВЕРЗЕю (ВЕРЗЕю, ВЕРЗНю). Сплетничать. *Што ж ты вярзию нясеи, сама ничога ни бачыла, а гаворыш!* Селец, Мст. Мгл. *Сядуць ля хаты и нясуць вярзею, усих за вечар пирабяруць.* Горы, Гор. Мгл. *Банки кала магазина сыбярцуца и нясуць вярзню.* Соино, Хисл. Смл.

БАЛы (БАЛы, БАЛыШКИ) ТОЧиТЬ. Вести бессмысленные разговоры. *Болтать. Дельць нечава, дык балы точуць вичарок, и языки ни бальяць.* Милейково, Мст. Мгл. *Ладна, хватить балы тачить, пашли работать.* Любавичи, Мон. Смл. *Жонка мая любить балышкы тачить.* Литвиновка, Ерш. Смл.

ПОЙТи (ИДТи) В (НА, ПО) РАСПУСТУ (РАСПУСТЬЕ, РАСПУТЫ). Вести распутный образ жизни. *Манька сафсем загулялась, у распусту пышла.* Татарск, Мон. Смл. *А во сусетка мая, у яе сямья, а яна усё иде на распустыя.* Звенчатка, Клим. Мгл. *Матка дачку у хвартушку диржала, да симнацыты гадкоў гулять ни пускала, а яна ад юпки адырвалася и у распуты пышла.* Татарск, Мон. Смл.

НАБРАТЬся: ГОРЯ НАБРАТЬся (ТяПНУТЬ). Испытать горе, тяготы, лишения. *Казаў мне свёкар: «Будиш плоха жыць з мужам сваим – набярэшися гора».* Селец, Мст. Мгл. *Набралася я горя ў мачыхы.* Татарск, Мон. Смл. *Я за свой век многа гора таянула.* Усяго навидала. *с трыццати гадочкаў пятёрых дятей гадувала.* Селец, Мст. Мгл. *Таянула я гора за жысь сваю.* Любавичи, Мон. Смл.

БАЯТЬ: БАЙКИ (БаСНИ) БАЯТЬ (РАССКАЗЫВАТЬ). Вести пустые, бессмысленные разговоры. *Дось байки баять, нада за работу брацца.* Соино, Хисл. Смл. *Идтия вы, деўки, ў другия дамы, а мне некали тут с вами басни баять.* Сузда-левка, Хисл. Смл. *Шчас вичирами бапкам делать нечыва, дык яны сабярцуца и байки раскажыють.* Тростино, Хот. Мгл.

Фразеологизмы с общим опорным компонентом подаются в одной словарной статье приложения к СМСПГ, объединяемые на основе смысловой близости; семантические группы в пределах словарной статьи и фразеологизмы в пределах семантической группы располагаются в алфавитном порядке. Например, словарная статья с заглавным словом **БИТЬ** содержит около 10 семантических групп:

1) **БИТЬ БРОД**. Делать разметку сельскохозяйственных угодий: *Делать разметку при обработке земли. Кали агарот распахиваим **бьём брот**, штоб роўна была. Ставим вяху. Эта палка такая, на яе или платок привязываим, или тряпку, штоб видна была. На вяху идем.* Селец, Мст. Мгл.

БИТЬ ПАЙКИ. Выделять участки сельскохозяйственных угодий. *У нас ни говорят «бить зямлю», а говорят «**бить пайки**» – эта значит выделять участки, колышки ставить.* Селец, Мст. Мгл. *У нас нудаўна зямлю на участки разбивали усим – **пайки били**.* Соино, Хисл. Смл.

2) **БИТЬ В ЗАСЛОН**. Вести пустые разговоры, болтать. *Пайшли **бить у заслон**, фся дярвеня знать будя.* Татарск, Мон. Смл. *Бабы у нас такая – сабяруцца и **бьюць у заслон** да тёмнага.* Полошково, Клим. Мгл.

БИТЬ ЯЗЫКОМ. Вести пустые разговоры, болтать. *Ни люблю етых во балтунуў, тольки и знают **бить языком**.* Соино, Хисл. Смл.

3) **БИТЬ ЛЁН**. Обрабатывать сельскохозяйственное сырье, выбивая (отбивая) что-либо. *Лён **бить** – аддзяляць галофки льна ат стебля вальком.* Соино, Хисл., Смл. *Трэба **бить лён** цапами, тады чисаць яво, у жлуктах паважлукціць, а потым тольки ткать.* Кр. Буда, Крич. Мгл.

БИТЬ СОЛОМУ. Обрабатывать сельскохозяйственное сырье, выбивая (отбивая) что-либо. *Хлеп с поля на гумница свазили и там цапами абмалачивали – били салому.* Соино, Хисл., Смл.

Кроме формального, возможно расположение семантических групп в зависимости от их объема или от степени проявления переносного значения у входящих в эти группы фразеологизмов.

Фразеологические единицы с тем же опорным компонентом, но включающие диалектное слово, разрабатываются по этому слову в отдельной словарной статье общего словника, например:

БАЛДЫ: БАЛДЫ (БАЛДЫ) БИТЬ. Бездельничать. *Ня дельшиш ничаво – значить балды **бьеш**.* Любавичи, Мон. Смл. *Усё сама раблю, а ўнуки толька **балды бьют**.* Звенчатка, Клим. Мгл.

БАЛУИ: БАЛУИ БИТЬ. Бездельничать. *Кто ни работыить, **тот балуи бьет**.* Любавичи, Мон. Смл. *Мужык сёння увесь день **балуи биў**.* Тростино, Хот. Мгл.

БИЗИКИ: БИЗИКИ БИТЬ. Бездельничать. *Бизики **бить** – гэта значить бяздельничать.* Соино, Хисл. Смл. *У дярэўні жыць цяшка. Гэта ни у гораdzi **бизики биць**.* Звенчатка, Клим. Мгл.

Фразеологизмы, образованные повторением однокоренных слов, одно из которых не имеет свободного употребления в русском и белорусском литературных языках, разрабатывается по этому слову в общем словнике

СМСПГ, напр.: **БЕГАКа: БЕЖаТЬ БЕГАКа**. Бежать бегом, быстро. *Як дыстала дрын, дак бигака бижали ад мяне*. Любавичи, Мон. Смл. *Сабака як гаўкня, дык Юрка бяжыць бигака ўжо, чуть ні спатыкаіцца*. Полошково, Клим. Мгл.

В ходе работы над СМСПГ описанные способы подачи и разработки фразеологизмов будут совершенствоваться и уточняться применительно к языковым особенностям переходных могилевско-смоленских говоров.

1998 г.

В.Б. Сузанович, Л.И. Шаповалова

РАЗРАБОТКА ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ОБОРОТОВ В «СЛОВАРЕ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ»

В «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» (СМСПГ) наряду с диалектной лексикой широко представлена диалектная фразеология могилевско-смоленского региона. Из устойчивых сочетаний в Словарь помещаются лишь те, в составе которых имеются диалектные слова и диалектные значения слов: **ЖВЯКАТЬ ЯЗЫКоМ**. Болтать вздор, пустословить; **БиТИКОВ ИСКАТЬ**. 1. Напрашиваться на наказание. 2. Ввязываться в драку; **ДАТЬ ЛеПЕНЯ**. Отшлепать. и т.п. Принципы отбора фразеологизмов, включаемых в Словарь, соответствуют принципам отбора диалектных слов, основным из которых признается отсутствие фразеологизма в лексико-фразеологическом фонде как русского, так и белорусского литературного языка.

В зависимости от валентностных возможностей диалектного компонента фразеологизмы делятся на два основных разряда: 1) фразеологизмы с диалектными словами, известными также в свободном употреблении; 2) фразеологизмы с диалектными словами, не отмеченными в свободном употреблении. Указанным различием в употреблении диалектного слова определяется механизм подачи фразеологических оборотов в СМСПГ: фразеологизмы могут выделяться в самостоятельную статью или включаться в словарную статью диалектного слова в качестве ее структурного компонента.

1. Фразеологизмы первого разряда, с диалектными словами, известными в свободном употреблении, разрабатываются в словарной статье соответствующего слова и помещаются за демаркационным знаком ● после территориальных помет:

ЗеЛИТЬ, *несов., неперех.* Надоедать. • ЗеЛИТЬ (ОЗеЛИТЬ) ГоЛОВУ. Надоедать, обременять разговорами, просьбами.

В многозначном слове фразеологические разработки приводятся после того значения, с которым сохраняется семантическая связь фразеологического диалектного компонента.

ЛёТОМ, *нареч.* 1. Очень быстро (о движении). • ЛёТОМ ЛЕТаТЬ. 1. Очень быстро двигаться. 2. Поспешно, на скорую руку.

Если семантическая связь фразеологического компонента со словом (или значением многозначного слова) прямо не выражена, но опосредованно может быть установлена, то фразеологизм помещается с абзаца в конце словарной статьи после демаркационного знака •:

ЛАТАТа, -ы, ж. *Экспр.* О быстро, невразумительно говорящем человеке.

• ЗАДаТЬ (ДАТЬ) ЛАТАТа. Быстро побегать, помчаться.

2. Фразеологизмы второго разряда, с фразеологически закрепленными диалектными словами, разрабатываются в самостоятельной словарной статье: диалектное слово выносится в заголовок словарной статьи; за ним, после двоеточия, приводится фразеологизм, его толкование, иллюстрация и т. д.:

КАМЕНеЦ: РАЗБУРиТЬ НА КАМЕНеЦ. Разрушить полностью, до основания; уничтожить.

Диалектные слова, вынесенные в заголовок, приводятся в различной форме – в зависимости от их принадлежности к тому или иному лексико-грамматическому разряду (части речи).

Неизменяемые слова приводятся в этой единственной форме: Вой-МЯ: ВойМЯ ВыТЬ. Громко реветь, голосить; НАБГоМ: ЕСТЬ НАБГоМ. Есть жадно и быстро.

Имена существительные приводятся в форме именительного падежа единственного числа, если они во фразеологизмах выступают в нескольких грамматических формах: ЛОГ: ЛоГОМ ЛЕЖаТЬ. Лежать долго, не вставая;

• ПО ЛОГу Ровно; • ПО ЛОГу ГУКаТЬ. *Этногр.* Петь жнивные песни.

При отсутствии грамматических форм существительное дается в той единственной форме, в которой оно употребляется в составе фразеологизма: АНТИБуРИЮ: АНТИБуРИЮ РАЗВОДиТЬ. Вести бессмысленные разговоры, болтать; БАЛыШКИ: БАЛыШКИ ТОЧиТЬ (БИТЬ). Вести пустые разговоры; ГаЗЬЮ: ГаЗЬЮ МаЗАТЬСя. Заискивать, льстить; ДОРО-ГоВ: В ДеСяТЬ ДОРОГоВ. Очень дорого.

Имена прилагательные приводятся в форме именительного падежа единственного числа мужского рода при наличии у них категории рода и числа: БоГОВ: БоГОВА КОРоВКА. Божья коровка; БоГОВЫЙ: БоГОВЫЙ

уГОЛ. Передний угол в избе, где помещены иконы; ДУХОВой: ДУХОВоЕ
МыЛО. Туалетное мыло.

Прилагательные, не имеющие формы единственного числа, даются по общему правилу в форме множественного числа: АВЕРЪяНОВЫЕ: АВЕРЪяНОВЫЕ КаПЛИ. Валерьяновые капли.

Глаголы приводятся в форме инфинитива либо в той единственной форме, в которой они зафиксированы в составе фразеологизма: БАИТЬ. БАЙКИ (БаСНИ) БАИТЬ (БАЯТЬ). Пустословить, вести праздные разговоры; ЖИВОТАй: НЕ ЖИВОТАй. Не жди пощады.

3. Если семантическая связь диалектного компонента, формально тождественного диалектному слову со свободным употреблением, не установлена, то соответствующее диалектное слово и диалектный компонент фразеологизма подаются как омонимы:

ГОСТИНЫ¹, мн. Гостинцы, подарки.

ГОСТИНЫ²: ГОСТИНЫ СПРАВЛЯТЬ. Принимать гостей.

Как омонимы подаются и формально тождественные, но семантически не связанные заглавные слова разных по значению фразеологизмов:

АРЖАВНЫЙ¹: АРЖАВНАЯ ТРАВА. Болотная трава.

АРЖАВНЫЙ²: АРЖАВНАЯ ТРАВА. Трава, растущая на ржаном поле.

4. Фразеологизмы с общим диалектным компонентом, выступающим в разных грамматических формах, в словарной статье располагаются по алфавиту всех буквенных знаков этих форм:

АРЕДОВ, -а, м. *Экспр.* Бестолковый человек; ● АРЕДОВ СЫН. О беспутном человеке. ● АРЕДОВА ГОЛОВА. О бестолковом, глупом человеке.

Фразеологизмы с диалектным компонентом в одной грамматической форме располагаются в алфавитном порядке последующих слов:

ЛЮБЖА, -и, ж. *Этногр.* Ворожба, гаданье на любовь. ● ЛЮБЖУ ДАТЬ (ДАВАТЬ). Приворожить, влюбить в себя. ● ЛЮБЖУ ДЕЛАТЬ. Привораживать. ● ЛЮБЖУ НАВОДИТЬ. Гадать, ворожить на любовь. ● ЛЮБЖУ НАЛОЖИТЬ (НАКЛАСТЬ). Навести порчу.

5. Устойчивые сочетания, включающие фразеологически закрепленное слово, мотивированное диалектизмом со свободным употреблением, разрабатываются в отдельной словарной статье подобно словообразовательным вариантам диалектных слов.

ЖУР¹, -а и -у, м. Жир. ...

ЖУРИКИ: ЖУРИКИ ТОЧАТ. О тех, кто привередничает от пресыщения или безделья.

Фразеологизмы, включающие словообразовательные варианты диалектного компонента, подаются по общему правилу:

ВЯЗельЯ: ВЯЗельЯ ГНУТЬ 1. Болтать, пустословить. 2. Говорить глупости. Ср. ВяЗЬЯ ГНУТЬ.

ВЯЗоВЬЯ: ВЯЗоВЬЯ ГНУТЬ. Говорить медленно, несвязно.

ВяЗЬЯ: ВяЗЬЯ ГНУТЬ. Болтать, пустословить. См. ВЯЗельЯ ГНУТЬ.

6. При наличии в составе фразеологического оборота двух и более диалектных слов, начинающихся на одну букву алфавита, фразеологизм разрабатывается на первое по алфавиту слово; при других диалектных словах дается отсылочная помета «См.»:

МыКАТЬ¹, *несов., перех.* Очесывать лен деревянным гребнем, превращая волокна в кудель. • МыКАТЬ МыЧКИ (В МыЧКУ) Очесывать лен или прясть готовую кудель.

МыЧКА, -и, ж. 1. Деревянный или железный гребень, на который насаживается лен для расчесывания или уже готовую кудель для прядения; • МыКАТЬ МыЧКИ (В МыЧКУ). См. МыКАТЬ.

Если диалектные компоненты фразеологического оборота начинаются на разные буквы алфавита, разработка фразеологизма повторяется на каждое слово:

ВЕРЗТи, *несов., перех. Экспр.* Говорить глупости, пустословить. • ВЕРЗТи ХАМАНю. Говорить глупости, нести вздор.

ХАМАНя, -и, ж. *Экспр.* Глупость, вздор, чушь, ерунда. • ВЕРЗТи ХАМАНю. Говорить глупости, нести вздор.

7. Многозначность фразеологизма показывается по общему правилу, принятому в Словаре:

БАЛАМуТКА, -и, ж. 1. Сплетня, вздор, небылица. • БАЛАМуТКУ ПУСТИТЬ. 1. Распустить сплетни. 2. Пустить слух.

8. В заглавной форме фразеологизма в скобках приводятся фонетические, лексические и формальные варианты, а также факультативные компоненты, однако разрабатывается фразеологизм по его основной форме; вариантные формы фразеологизма показываются внутри разработки либо приводятся в иллюстрациях:

ВЕРЗЕя, -и, ж. и м. *Экспр.* Человек, который говорит чепуху или врет. ... • НЕ-СТи (ГОРОДИТЬ) ВЕРЗЕю (ВЕРЗеЮ). 1. Говорить бессмыслицу, глупости. Мужык мой як напьеца, тады пачыная **нясти вирзяю**. Горы, Гор. Мгл. **Вирзяю нясти ён мастак, а на добрая дела дык ни спасобин**. Ст. Дедин, Клим. Мгл. **Ды ня можа ета-ва быць, што ты нейкаю вирзяю нясеи?** Тростино, Хот. Мгл. **Дед мой як напьеца, дык гародить вирзею ўсякыю, ниячо ни разбярэ, што гаворить**. Полошково, Клим. Мгл. **Хто-та што-та пустая гаворыць, а яму тады и кажуть: «Што ты вирзею гародиш?»** Селец, Мст. Мгл. 2. Сплетничать. Банки каля мыгазина як сыбярэуца, дык пачынаюць **вирзяю нясти**. Усिम костки пирибярэуць. Милейково, Мст. Мгл. **Ни гаради ты эту вирзею, яго ўсе знають, нихто табе ни паверыць**. Ст. Дедин, Клим. Мгл. **Што ты вирзею нясеи, сама ня видила, а былташ!** Викторowo, Красн. Смл.

9. Для толкования фразеологических оборотов применяются те же способы, что и для толкования значений диалектных слов, однако в толковании фразеологических оборотов не применяется формула «То же, что ...». Иногда формулы толкования значений, принятые в Словаре, могут быть дополнены специфическим для толкования фразеологизмов переводным способом с помощью приведения соотносительного устойчивого сочетания из литературного языка: ШУМаРХАТЬ: ДеНЬГи ШУМаРХАТЬ. Сорить деньгами; БАКЛюНКИ: БИТЬ БАКЛюНКИ. Бездельничать; бить баклуши; ВоМИГОМ: ВоМИГОМ ВыйТИ. Не пойти на пользу; выйти боком.

10. При разработке сочетаний с тождественным или близким значением отражаются лишь синонимические отношения между фразеологизмами – по образцу отражения межсловной синонимии; при наиболее употребительном фразеологизме после пометы «Ср», приводится перечень равнозначных устойчивых сочетаний на данную букву алфавита:

БАЙДИКИ: БАЙДИКИ БИТЬ. Бездельничать. Ср. БАЛДЫ БИТЬ.

БАЛДЫ: БАЛДЫ (БАЛДы) БИТЬ. Бездельничать; бить баклуши. Ср. БАЙДИКИ БИТЬ, БАКЛюНКИ БИТЬ, БАЛДу ГОНяТЬ, БАЛУи БИТЬ, Би-ЗИКИ БИТЬ, БЕЛЕНДряСЫ БИТЬ, БЛЫНДЫ БИТЬ, БэСТАЛЫ БИТЬ.

Синонимические отношения между диалектными фразеологизмами и диалектными словами, составляющие лексико-фразеологические ряды синонимов, в СМСРПГ не представлены.

11. Порядок иллюстраций и географические пометы в словарной статье фразеологизма определяются теми же правилами, что и в словарных статьях отдельного слова, но в отличие от последних словарная статья фразеологического оборота может иллюстрироваться лишь одним примером. При наличии нескольких иллюстраций вначале приводятся контексты, с максимальной полнотой раскрывающие значение фразеологизма.

12. В заголовочной части фразеологизма все его компоненты, за исключением односложных, получают акцентологическое оформление: Вы-ЧАВРЕТЬ НА ТАПеШКУ, НА ВСЕ БАНДаЛЫ, БЗИК НАПаЛ (ВЗЯЛ), ПОЛУЧиТЬ АрТуС, НА СВОЙ КОПЫЛ МеРИТЬ, КАК (БЫТЬ) НаДОБе.

13. В заключение приведем примеры полнообъемных статей, включающих фразеологические обороты.

БаХАРЬ¹, -я, м. 1. *Экспр.* Говорун, краснобай. *Ну ты и бахарь* – рот ни закрываица. Лобковичи. Крич. Мгл. *У их там бахари* – лиж бы языком малоть. Тростино. Хот. Мгл. Ср. **БАЛАБоН**¹ в 4 знач.

2. *Этногр.* Весельчак, затейник, распорядитель на святочных играх. *Бахарям на играх выбирають самава вясёлава хлопца, гаваруна.* Полошково, Клим. Мгл. *Бахарям у нас усигда быў Валькин Грышка, – шыпка вясёлы хлапец быў и ролю сваю граў складна.*

Звенчатка, Клим. Мгл. *А вечирам бахыря жанили: каждый хлопец выбираў деўку, бахарь ваду носить и крычить: «Цалуйтись!»*. Городище, Хисл. Смол. Ср. БАЛАГАН² во 2 знач., БАХуР.

3. *Этногр.* Святочная молодежная игра в свадьбу. У моладасьцы мы жыли бедна, но весила; хадили на вичаринки, песни пели, танцовали, играли ў бахаря. Забелышин, Хот. Мгл. • БАХАРЯ ЖЕНИТЬ. 1. *Этногр.* Зрелищное представление на святочных играх, игра в свадьбу. На Святках бахаря жанили. Звенчатка, Клим. Мгл. *А вечирам бахыря жанили: каждый хлопец выбираў деўку, бахарь ваду носить и крычить: «Цалуйтись!»*. Городище, Хисл. Смл. С саломы дельили хрест, хадили па вулицах – бахыря жанили. Суздалевка, Хисл. Смл. У игре ў свадьбу жанили бахаря. Соино, Хисл. Смл. 2. *Перен.* Делать что-л. несерьёзно, необдуманно. Эта табе ни бахыря жаниць, ни на адин день, а на ўсю жысь дельицца. Городище, Хисл. Смл. Эта табе ни бахыря жаниць, а впраўду жаницца, на ўсю жысь. Татарск, Мон. Смл.; Селец, Мст. Мгл.

БАКЛОНКИ: БАКЛОНКИ БИТЬ. Бездельничать; бить баклуши. Унучка ўсё лета баклонки била, ходь ба што-небудзь пмыгла зрабить. Полошково, Клим. Мгл. Гыдывала я сына свайго адна, думала, памочник будить, а ён во работыть ня хочить, цэлыми днями баклонки бье. Соино, Хисл. Смл. Ср. БАЛДЫ БИТЬ.

Таким образом, при разработке фразеологических оборотов составители СМСПГ опираются на опыт региональной лексикографической практики и находят решения, отвечающие специфике данного Словаря.

1999 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПУБЛИКАЦИЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В НАСТОЯЩЕМ ИЗДАНИИ¹

1. Сузанович, В. Б. Фразеологические единицы в говорах могилевско-смоленского пограничья / В. Б. Сузанович // Русский язык : межвузовский сборник / Бел. гос. ун-т им. В. И. Ленина ; редкол.: П. П. Шуба (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Университетское, 1988. – Вып. 8. – С. 154–158.
2. Сузанович, В. Б. О некоторых вопросах диалектной синонимии: в связи с составлением Словаря пограничных могилевско-смоленских говоров / В. Б. Сузанович // Лексическая и синтаксическая синонимия : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. проф. Е. Н. Борисова. – Смоленск, 1989. – С. 60–67.
3. Сузанович, В. Б. Говоры могилевско-смоленского пограничья: опыт сравнительно-типологического описания / В. Б. Сузанович // Проблемы изучения и преподавания русского языка в вузах республики : тезисы докладов научно-методической конференции, Минск, 20–22 мая 1992 г. / редкол.: А. М. Бардович [и др.]. – Минск, 1992. – Ч. 2. – С. 130–133.
4. Сузанович, В. Б. К вопросу о языковом статусе говоров русско-белорусского пограничья / В. Б. Сузанович // Арэалогія: праблемы і дасягненні : тэзісы дакладаў міжнароднай навуковай канферэнцыі, Мінск, 25–27 траўня 1993 г. – Мінск : БДУ, 1993. – С. 30–31.
5. Сузанович, В. Б. Трансформация древнерусской лексики в говорах могилевско-смоленского пограничья / В. Б. Сузанович // Актуальные вопросы лексикологии в историческом и синхронном освещении : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. И. А. Королева. – Смоленск : СГПИ, 1995. – С. 53–57.
6. Кожурина, Т. А. Отражение польского влияния в названиях одежды на территории могилевско-смоленского пограничного региона / Т. А. Кожурина, В. Б. Сузанович // Беларуская-руская-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства : зборнік матэрыялаў IV міжнароднай навуковай канферэнцыі. – Віцебск : Выд-ва Віцебскага дзяржуніверсітэта, 1997. – Ч. 2. – С. 251–255.
7. Кожурина, Т. А. Символика одежды свадебного обряда могилевско-смоленского пограничного региона: этнолингвистический аспект / Т. А. Кожурина, Т. С. Воробьева // Разноуровневые характеристики лексических единиц : материалы межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. И. А. Королева. – Смоленск : СГПИ, 1997. – Ч. 1. – С. 112–117.
8. Сузанович, В. Б. Принципы отбора лексики для «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» / В. Б. Сузанович // Разноуровневые характеристики лексических единиц : материалы межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. И. А. Королева. – Смоленск : СГПИ, 1997. – Ч. 1. – С. 106–111.
9. Шаповалова, Л. И. Особенности формирования фразеологии говоров могилевско-смоленского пограничья / Л. И. Шаповалова // ACTA ALBARUTHENICA, ROSSICA, POLONICA : IV міжнародная навуковая канферэнцыя «Беларуска-руская-польскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства», Віцебск, 22–24 красавіка 1997 г. : у 3 ч. / Віцеб. дзярж. ун-т ; рэдкал.: Г. М. Мезенка (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт, 1997. – Ч. 3. – С. 520–524.

¹ Библиографический указатель составлен по хронологическому принципу, который наиболее полно раскрывает динамику многолетнего исследования говоров могилевско-смоленского пограничья и позволяет проследить формирование концепции «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров».

10. Шаповалова, Л. И. Диалектные компоненты в составе фразеологических единиц говоров могилевско-смоленского пограничья / Л. И. Шаповалова // Разноуровневые характеристики лексических единиц : материалы межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. И. А. Королева. – Смоленск : СГПИ, 1997. – Ч. 1. – С. 118–122.
11. Воробьева, Т. С. Фразеологические единицы словаря свадебной обрядности говоров могилевско-смоленского пограничного региона / Т. С. Воробьева, Л. И. Шаповалова // Язык и социум : материалы II международной научной конференции, Минск, 5–6 декабря 1996 г. – Минск, 1998. – Ч. 2. – С. 7–12.
12. Лапицкая, И. Н. Отражение семантических связей диалектной и литературной лексики в Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров / И. Н. Лапицкая // Валентностная грамматика в структурном и коммуникативном аспектах и ее выразительные возможности в языке и речи : тезисы докладов научной конференции, Могилев, 14–15 октября 1998 г. – Могилев, 1998. – Ч. 1. – С. 34–36.
13. Сузанович, В. Б. Особенности построения словарной статьи в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» / В. Б. Сузанович, Л. И. Шаповалова // Четвертые Поливановские чтения : сборник научных статей по материалам докладов и сообщений, Смоленск, 19–20 мая 1998 г. – Смоленск : СГПУ, 1998. – Ч. 1 : История славянских языков и диалектология. – С. 173–178.
14. Сузанович, В. Из опыта составления словарных статей для «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» / В. Сузанович, Л. Шаповалова, И. Лапицкая // Vocabulum et vocabularium : сборник научных трудов по лексикографии / под ред. В. В. Дубичинского. – Харьков, 1998. – Вып. 6. – С. 117–120.
15. Шаповалова, Л. И. Вопрос о границах и языковом статусе говоров могилевско-смоленского пограничья и диалектологические труды Е. Ф. Карского / Л. И. Шаповалова // Антропоцентричний підхід у дослідженні мови : матеріали VII міжнародних Карських читань, Ніжин, 13–14 травня 1998 р. – Ніжин : Гродна, 1998. – С. 9–12.
16. Шаповалова, Л. И. Способы подачи фразеологизмов и их разработка в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» / Л. И. Шаповалова // Vocabulum et vocabularium : сборник научных трудов по лексикографии. – Гродно, 1998. – Вып. 5. – С. 84–87.
17. Сузанович, В. Б. О специфике «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» / В. Б. Сузанович // Vocabulum et vocabularium : сборник научных трудов по лексикографии. – Гродно, 1998. – Вып. 5. – С. 160–163.
18. Сузанович, В. Б. Разработка фразеологических оборотов в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» / В. Б. Сузанович, Л. И. Шаповалова // Разноуровневые характеристики лексических единиц : сборник научных статей по материалам докладов и сообщений, Смоленск, 29–30 июля 1999 г. – Смоленск : СГПУ, 1999. – Ч. 1 : История языка и диалектология. – С. 147–151.
19. Сузанович, В. Б. Фразеологические единицы и их место в региональных словарях / В. Б. Сузанович, Л. И. Шаповалова // Актуальные проблемы славянской фразеологии : материалы международной научной конференции, Гомель, 16–17 ноября 1999 г. / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины; Общество Кирилла Туровского; Гомельская специализированная славянская библиотека. – Гомель, 1999. – С. 79–82.
20. Лапицкая, И. Н. О способах семантической разработки слов в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» / И. Н. Лапицкая // От слова к тексту : материалы докладов международной научной конференции, Минск, 13–14 ноября 2000 г. : в 3 ч. – Минск : МГЛУ, 2000. – Ч. 2. – С. 201–203.

21. Сузанович, В. Б. Варианты слов и их подача в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» / В. Б. Сузанович // Пятые Поливановские чтения : сборник научных статей по материалам докладов и сообщений, Смоленск, 16–18 мая 2000 г. – Смоленск : СГПУ, 2000. – Ч. 3 : Вопросы грамматики, лексикографии и методики. – С. 61–68.
22. Шаповалова, Л. И. Наименования продуктов питания и блюд в говорах могилевско-смоленского пограничья: этнографический и исторический аспект / Л. И. Шаповалова // Актуальные проблемы исторической лексикологии и лексикографии : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. И. А. Королева. – Смоленск : СГПУ, 2000. – С. 115–120.
23. Воробьева, Т. С. Названия свадебных чинов со стороны невесты: на материале могилевских говоров / Т. С. Воробьева // Тезисы докладов международных научных чтений «Русистика и белорусистика на рубеже веков», Могилев, 25–26 октября 2001 г. – Могилев, 2001. – С. 36–38.
24. Сузанович, В. Б. Народная культура могилевско-смоленского пограничья / В. Б. Сузанович // Славянский мир на дороге третьего тысячелетия : материалы международной научной конференции, Гомель, 16 мая 2001 г. / редкол.: В. И. Коваль (отв. ред.) [и др.]. – Гомель : Общество Кирилла Туровского, Гомельский общественно-культурный центр, Гомельская специализированная славянская библиотека, 2001. – С. 163–165.
25. Сузанович, В. Б. Лексикографическая разработка диалектной синонимии: к вопросу о подаче синонимов в Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров / В. Б. Сузанович // Разноуровневые характеристики лексических единиц : сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции, Смоленск, 19–20 июня 2000 г. – Смоленск : СГПУ, 2001. – Ч. 2 : История языка и диалектология. Ономастика. – С. 127–132.
26. Шаповалова, Л. И. Культурно-национальная коннотация фразеологизмов говоров могилевско-смоленского пограничья: на материале фразеологического ряда *бездельничать* / Л. И. Шаповалова // Акрыленыя словам : зборнік артыкулаў, успамінаў, падрыхтаваны на аснове матэрыялаў рэспубліканскай навуковай канферэнцыі 1999 года. – Магілёў, 2001. – С. 161–169.
27. Лапицкая, И. Н. О некоторых способах семантических преобразований диалектных слов (на материале «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» / И. Н. Лапицкая // Разноуровневые характеристики лексических единиц : сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции, Смоленск, 16–17 апреля 2002 г. – Смоленск : Смядынь, 2002. – Ч. 2. – С. 202–207.
28. Сузанович, В. Б. К вопросу о польском влиянии в говорах могилевско-смоленского пограничья / В. Б. Сузанович // Разноуровневые характеристики лексических единиц : сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции, Смоленск, 16–17 апреля 2002 г. – Смоленск : Смядынь, 2002. – Ч. 2. – С. 196–202.
29. Шаповалова, Л. И. К проблеме структурно-типологического описания фразеологизмов / Л. И. Шаповалова // Разноуровневые характеристики лексических единиц : сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции, Смоленск, 16–17 апреля 2002 г. – Смоленск : Смядынь, 2002. – Ч. 2. – С. 73–77.
30. Шаповалова, Л. Польскія запазычанні ў гаворках магілёўска-смаленскага памежжа і іх гістарычныя вытокі / Л. Шаповалова, В. Сузановіч // Wielojęzyczność i wielokulturowość pogranicza polsko-wschodniosłowiańskiego – tylko spuścizną Wielkiego Księstwa Litewskiego czy także szansą na przyszłość? / pod red. nauk. Z. Abramowicz. – Białystok, 2002. – С. 91–103.

31. Лапицкая, И. Н. Семантическая структура многозначного слова: на материале «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров» / И. Н. Лапицкая // Куляшоўскія чытанні : матэрыялы канферэнцыі 2003 г. – Магілёў, 2003. – С. 302–304.
32. Лапицкая, И. Н. Принципы разработки омонимии в «Словаре могилевско-смоленских говоров» / И. Н. Лапицкая // Шестые Поливановские чтения : сборник статей по материалам докладов и сообщений конференции, Смоленск, 20–21 мая 2003 г. – Смоленск : СГПУ, 2003. – Ч. 3 : Вопросы методики обучения русскому языку. Лексикография сегодня. История языка и диалектология. – С. 89–93.
33. Сузанович, В. Б. Проект «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров»: проблемы и решения / В. Б. Сузанович, Л. И. Шаповалова, И. Н. Лапицкая // Избранные научные труды ученых МГУ им. А. А. Кулешова / под ред. М. И. Вишневого. – Могилев, 2003. – С. 162–167.
34. Сузанович, В. Б. Лингвистическая характеристика говоров могилевско-смоленского пограничья: фонетико-грамматический аспект / В. Б. Сузанович // Куляшоўскія чытанні : матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Магілёў, 12 снежня 2003 г. : тэзісы дакладаў : у 2 ч. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – Ч. 2. – С. 315–317.
35. Шаповалова, Л. И. Источники формирования лексического фонда говоров могилевско-смоленского пограничья / Л. И. Шаповалова // Куляшоўскія чытанні : матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Магілёў, 12 снежня 2003 г. : тэзісы дакладаў : у 2 ч. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2004. – С. 317–319.
36. Сузанович, В. Б. Языковая ситуация могилевско-смоленского пограничья / В. Б. Сузанович, Л. И. Шаповалова // Седьмые Поливановские чтения : сборник статей по материалам докладов и сообщений, Смоленск, 11–12 октября 2005 г. / Смол. гос. ун-т ; редкол.: И. А. Королева (отв. ред.) [и др.]. – Смоленск : СГПУ, 2005. – Ч. 3 : Идеи Е. Д. Поливанова в современном воплощении. – С. 92–99.
37. Сузанович, В. Б. Продолжение и развитие традиций «Словаря смоленских говоров» в лексикографической практике Беларуси / В. Б. Сузанович // Слово: внутренняя и внешняя система : сборник статей по материалам докладов и сообщений международной научной конференции / Мин-во образования и науки РФ ; Смоленский гос. ун-т. – Смоленск : Изд-во СмолГУ, 2005. – С. 38–44.
38. Воробьева, Т. С. Традиционная свадьба на пересечении восточнославянских культур : программа собирания сведений о свадебном обряде для подготовки регионального словаря / Т. С. Воробьева // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы : материалы международной научно-практической конференции / БрГУ им. акад. И. Г. Петровского ; редакция: С. И. Михальченко, В. Н. Гурьянов. – Брянск : ООО «Ладомир», 2008. – С. 25–29.
39. Сузанович, В. Б. Опыт составления анкеты для изучения народной культуры могилевско-смоленского пограничья / В. Б. Сузанович // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы : материалы международной научно-практической конференции / БрГУ им. акад. И. Г. Петровского ; редакция: С. И. Михальченко, В. Н. Гурьянов. – Брянск : ООО «Ладомир», 2008. – С. 242–246.
40. Сузанович, В. Б. Способы определения значений слов в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» / В. Б. Сузанович, Л. И. Шаповалова // Куляшоўскія чытанні : матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Магілёў, 24 красавіка 2008 г. – Магілёў : УА «МДУ імя А. А. Куляшова», 2008. – С. 96–98.

41. Шаповалова, Л. И. Национально-культурная специфика терминов свадебной обрядности в говорах могилевско-смоленского пограничья / Л. И. Шаповалова, Т. С. Воробьева // Интегративные функции русского языка и культуры в системе непрерывного образования Беларуси, России, Украины : сборник научных статей : материалы Международной научно-практической конференции, Могилев, 16 мая 2008 г. / под ред. Е. Е. Иванова. – Могилев : УО «МГУ им. А. А. Кулешова», 2008. – С. 131–135.
42. Шаповалова, Л. И. «Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров» как лексикографический источник общеславянской значимости / Л. И. Шаповалова // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: проблемы формирования единого социокультурного пространства – история и перспективы : материалы международной научно-практической конференции, Брянск, 8–20 сентября 2008 г. / БрГУ им. акад. И. Г. Петровского ; редакция: С. И. Михальченко, В. Н. Гурьянов. – Брянск : ООО «Ладомир», 2008. – С. 267–271.
43. Воробьева, Т. С. Названия свадебных чинов со стороны жениха; на материалах могилевских говоров / Т. С. Воробьева // Матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі «Куляшоўскія чытанні», Магілёў, 24 красавіка 2009 г. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. – С. 105–107.
44. Лапицкая, И. Н. Отражение полисемии в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» / И. Н. Лапицкая // ACTA ALBARUTHENICA, ROSSICA, POLONICA : VIII міжнародная навуковая канферэнцыя «Беларуска-рускapольскае супастаўляльнае мовазнаўства і літаратуразнаўства», (Віцебск, 22–24 кастрычніка 2009 г. : у 2 ч. / Віц. дзярж. ун-т ; рэдкал.: Г. М. Мезенка (адк. рэд.) [і інш.]. – Віцебск : УА «Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава», 2009. – Ч. 2. – С. 55–58.
45. Сузанович, В. Б. Экспрессивно-оценочная фразеология в говорах могилевско-смоленского пограничья / В. Б. Сузанович, Л. И. Шаповалова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме : Четвертые Жуковские чтения : материалы международного научного симпозиума, Великий Новгород, 4–6 мая 2009 г. / отв. ред. В. И. Макаров ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. – С. 283–286.
46. Воробьева, Т. С. Интерьер дома в свадебном обряде: символика и наименования в говорах могилевско-смоленского пограничья / Т. С. Воробьева // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: 25-летие экологических и социально-педагогических проблем в постчернобыльский период : сборник материалов VII международной научно-практической конференции, Новозыбков, Брянская обл., 26–27 апреля 2011 г. / ред. кол.: В. Н. Пустовойтов, С. Н. Стародубец. – Брянск : Изд-во БрГУ, 2011. – С. 323–326.
47. Воробьева, Т. С. Предметы домашнего обихода в свадебном обряде: символика и наименования в говорах могилевско-смоленского пограничья / Т. С. Воробьева // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: актуальные проблемы науки и образования : сборник материалов VIII международной научно-практической конференции, г. Новозыбков, Брянская обл., 10–11 ноября 2011 г. / ред. кол.: В. В. Мищенко [и др.]. – Брянск : Изд-во БрГУ, 2011. – С. 128–131.
48. Сузанович, В. Б. Эмоционально-экспрессивная лексика в говорах могилевско-смоленского пограничья / В. Б. Сузанович // Десятые Поливановские чтения : сборник статей по материалам докл. и сообщ., Смоленск, 4–5 октября 2011 г. – Смоленск : Маджента, 2011. – Ч. II. – С. 88–93.
49. Сузанович, В. Б. Экспрессивно-оценочная лексика могилевско-смоленского пограничья / В. Б. Сузанович // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: 25-летие экологических и социально-педагогических проблем в постчернобыльский период : сборник материалов VII международной научно-практической конференции, г. Новозыбков, Брянская обл., 26–27 апреля

- 2011 г. / ред. кол.: В. Н. Пустовойтов, С. Н. Стародубец. – Брянск : Изд-во БрГУ, 2011. – С. 347–351.
50. Сузанович, В. Б. Экспрессивно-оценочные дериваты в говорах могилевско-смоленского пограничья / В. Б. Сузанович, Л. И. Шаповалова // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: актуальные проблемы науки и образования. сборник материалов VIII международной научно-практической конференции, г. Новозыбков, Брянская обл., 10–11 ноября 2011 г. / ред. кол.: В. В. Мищенко [и др.]. – Брянск : Изд-во БрГУ, 2011. – С. 131–135.
51. Шаповалова, Л. И. Проект фразеологического словаря говоров могилевско-смоленского пограничья: проблемы и решения / Л. И. Шаповалова, В. Б. Сузанович // Литературная и диалектная фразеология: история и развитие : Пятые Жуковские чтения : материалы междунар. науч. симпоз. к 90-летию со дня рождения Власа Платоновича Жукова : в 2 т. / сост., отв. ред. В. И. Макаров ; НовГУ им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2011. – Т. 1. – С. 367–372.
52. Сузанович, В. Б. Словообразовательные средства эмоционально-оценочной коннотации в говорах могилевско-смоленского пограничья / В. Б. Сузанович, Л. И. Шаповалова // Славянские языки: системно-описательный аспект исследования : междунаро. науч.-метод. конф., Брест, 24–25 ноября 2011 г. : в 2 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина ; ред. кол.: С. А. Королевич [и др.] ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : Альтернатива, 2012. – Ч. 1. – С. 130–134.
53. Шаповалова, Л. И. Принципы отбора фразеологизмов и их разработка в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров» / Л. И. Шаповалова // Нормативность в условиях смещения восточнославянских языков на территории Российско-Белорусско-Украинского пограничья : Круглый стол, приуроченный к Дню славянской письменности и культуры, г. Новозыбков, Брянская обл., 24–25 мая 2012 г. : сб. научных статей / под ред. С. Н. Стародубец [и др.]. – Брянск : РИО БрГУ, 2012. – С. 423–430.
54. Сузанович, В. Б. Профессионально-бытовая и этнографическая лексика в «Словаре могилевских пограничных говоров» / В. Б. Сузанович, Л. И. Шаповалова // Смоленск Смоленщина в именах и названиях: история и современность (к 1150-летию со дня основания города) : сб статей по материалам докладов и сообщений, Смоленск, 4–5 октября 2012 г. / ред. кол.: проф. И. А. Королева [и др.]. – Смоленск : Маджента, 2012. – С. 326–332.
55. Сузанович, В. Б. Картофельная кулинария как составляющая материальной культуры восточных славян белорусско-российского пограничья (на материалах региональных словарей) / В. Б. Сузанович, Л. И. Шаповалова // Традиционная культура на территории российско-белорусского пограничья: историко-этнографический и лингвокультурологический аспекты : материалы XIV международной научно-практической конференции, г. Новозыбков, Брянская область, 14–15 ноября 2012 г. / ред. кол.: В. В. Мищенко, В. Н. Пустовойтова [и др.] / под ред. С. Н. Стародубец. – Брянск : РИО БрГУ, 2012. – С. 178–188.
56. Сузанович, В. Б. Отражение фонетических особенностей говоров Могилевско-Смоленского пограничья в региональном словаре / В. Б. Сузанович, Л. И. Шаповалова // Актуальные проблемы современной филологии и преподавания филологических дисциплин : сборник научных статей международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию МГУ имени А. А. Кулешова, Могилев, 15–16 мая 2013 г. ; МГУ имени А. А. Кулешова. – Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2013. – С. 98–101.
57. Лапицкая, И. Н. Метафорические наименования человека в говорах могилевско-смоленского пограничья / И. Н. Лапицкая // Беларуско-руско-польскае супастаўляльнае мовазнаўства, літаратуразнаўства, культуралогія : зборнік на-

- вуковых артыкулаў / склад.: Г. М. Мезенка, С. У. Нікалаенка ; пад навук. рэд. Г. М. Мезенка. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. – С. 244–246.
58. Сузанович, В. Б. Лексика льнопрядения в говорах могилевско-смоленского пограничья / В. Б. Сузанович, Л. И. Шаповалова // Российско-Белорусско-Украинское пограничье: научное взаимодействие в контексте единого социокультурного пространства : материалы международной научной конференции, г. Новозыбков, Брянская область, 23–24 октября 2014 г. : в 2 ч. – Ч. 1 : Славяноведение в пограничном регионе : Вторые Расторгуевские чтения / под ред.: В. В. Мищенко, В. Н. Пустовойтова, С. Н. Стародубец. – Брянск : ООО «Ладомир», 2014. – С. 63–71.
59. Шаповалова, Л. И. Лексика ткачества в говорах могилевско-смоленского пограничья: этнокультурный аспект / Л. И. Шаповалова, В. Б. Сузанович // Региональные аспекты современных историко-правовых, филолого-культурологических, психолого-педагогических, естественнонаучных и экономических исследований : сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Брянского государственного университета имени акад. И. Г. Петровского и 20-летию филиала университета в г. Новозыбкове, 15–16 октября 2015 г., г. Новозыбков, Брянская область. : в 2 ч. / ред. кол.: В. В. Мищенко, В. Н. Пустовойтов, С. Н. Стародубец. – Брянск : Изд-во БГУ, 2015. – Ч. 1. – С. 137–150.
60. Лапицкая, И.Н. Лексика льноводства и первичной обработки льна: этнокультурный аспект / И.Н. Лапицкая, Л.И. Шаповалова // Духовно-нравственные концепты русской словесности в современной языковой, культурной и образовательной практике Российско-Белорусско-Украинского пограничья : материалы международной научной конференции (г. Новозыбков, Брянская область, 25–26 октября 2016 г.) / под ред. С.Н. Стародубец, В.Н. Пустовойтов. – ООО... «Новозыбковская типография», 2016 г. –С. 180–187.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
I. ГОВОРЫ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ	13
1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ.....	13
Сузанович В.Б. К вопросу о языковом статусе говоров русско-белорусского пограничья	13
Шаповалова Л.И. Вопрос о границах и языковом статусе говоров могилевско-смоленского пограничья и диалектологические труды Е.Ф. Карского	15
Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И. Языковая ситуация могилевско-смоленского пограничья	19
Сузанович В.Б. Говоры могилевско-смоленского пограничья (опыт сравнительно-типологического описания)	26
Сузанович В.Б. Лингвистическая характеристика говоров могилевско-смоленского пограничья (фонетико-грамматический аспект).....	28
2. ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ.....	30
Сузанович В.Б. Народная культура могилевско-смоленского пограничья	30
Сузанович В.Б. Опыт составления анкеты для изучения народной культуры могилевско-смоленского пограничья	34
Воробьева Т.С. Традиционная свадьба на пересечении восточнославянских культур (программа собирания сведений о свадебном обряде для подготовки регионального словаря).....	39
Шаповалова Л.И., Воробьева Т.С. Национально-культурная специфика терминов свадебной обрядности в говорах могилевско-смоленского пограничья.....	44
Воробьева Т.С. Названия свадебных чинов со стороны невесты (на материале могилевских говоров)	49
Воробьева Т.С. Названия свадебных чинов со стороны жениха (на материале могилевских говоров)	51
Кожурина Т.А., Воробьева Т.С. Символика одежды свадебного обряда могилевско- смоленского пограничного региона (этнолингвистический аспект)	53
Воробьева Т.С. Интерьер дома в свадебном обряде: символика и наименования в говорах могилевско-смоленского пограничья	59
Воробьева Т.С. Предметы домашнего обихода в свадебном обряде: символика и наименования в говорах могилевско-смоленского пограничья	62
Шаповалова Л.И. Наименования продуктов питания и блюд в говорах могилевско-смоленского пограничья (этнографический и исторический аспекты)	65
Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И. Картофельная кулинария как составляющая материальной культуры восточных славян белорусско-российского пограничья (на материале региональных словарей)	69
Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И. Профессионально-бытовая и этнографическая лексика в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров».....	77
Лапицкая И.Н., Шаповалова Л.И. Лексика льноводства и первичной обработки льна в говорах могилевско-смоленского пограничья: этнокультурный аспект	82
Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И. Лексика льнопрядения в говорах могилевско- смоленского пограничья.....	89
Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И. Лексика ткачества в говорах могилевско-смоленского пограничья: этнокультурный аспект	98

<i>Шаповалова Л.И.</i> Культурно-национальная коннотация фразеологизмов говоров могилевско-смоленского пограничья (на материале фразеологического ряда «бездельничать»).....	111
3. РАЗРАБОТКА ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО- СМОЛЕНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ	118
<i>Шаповалова Л.И.</i> Источники формирования лексического фонда говоров могилевско-смоленского пограничья.....	118
<i>Латицкая И.Н.</i> О некоторых способах семантических преобразований диалектных слов (на материале «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров»).....	120
<i>Сузанович В.Б.</i> Трансформация древнерусской лексики в говорах могилевско- смоленского пограничья.....	125
<i>Сузанович В.Б.</i> К вопросу о польском влиянии в говорах могилевско-смоленского пограничья.....	128
<i>Шаповалова Л., Сузанович В.</i> Польскія запозычання ў лексіцы памежных магілёўска-смаленскіх гаворак і іх гістарычныя вытокі.....	135
<i>Кожурина Т.А., Сузанович В.Б.</i> Отражение польского влияния в названиях одежды на территории могилевско-смоленского пограничного региона.....	144
<i>Сузанович В.Б.</i> Эмоционально-экспрессивная лексика в говорах могилевско- смоленского пограничья.....	149
<i>Сузанович В.Б.</i> Экспрессивно-оценочная лексика могилевско-смоленского пограничья.....	155
<i>Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И.</i> Экспрессивно-оценочные дериваты в говорах могилевско-смоленского пограничья.....	160
<i>Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И.</i> Словообразовательные средства эмоционально- оценочной коннотации в говорах могилевско-смоленского пограничья.....	164
<i>Латицкая И.Н.</i> Метафорические наименования человека в говорах могилевско- смоленского пограничья.....	168
<i>Сузанович В.Б.</i> Фразеологические единицы в говорах могилевско-смоленского пограничья.....	171
<i>Шаповалова Л.И.</i> Особенности формирования фразеологии говоров могилевско- смоленского пограничья.....	175
<i>Шаповалова Л.И.</i> Диалектные компоненты в составе фразеологических единиц говоров могилевско-смоленского пограничья.....	180
<i>Шаповалова Л.И.</i> К проблеме структурно-типологического описания фразеологизмов.....	184
<i>Воробьева Т.С., Шаповалова Л.И.</i> Фразеологические единицы словаря свадебной обрядности могилевско-смоленского пограничного региона.....	189
<i>Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И.</i> Экспрессивно-оценочная фразеология в говорах могилевско-смоленского пограничья.....	194
II. ПРОЕКТ СЛОВАРЯ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКИХ ПОГРАНИЧНЫХ ГОВОРОВ	199
1. КОНЦЕПЦИЯ СЛОВАРЯ	199
<i>Шаповалова Л.И.</i> «Словарь могилевско-смоленских пограничных говоров» как лексикографический источник общеславянской значимости.....	199
<i>Сузанович В.Б.</i> О специфике «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров»	205
<i>Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И., Латицкая И.Н.</i> Проект «Словаря могилевско- смоленских пограничных говоров»: проблемы и решения	210
<i>Сузанович В.Б.</i> Продолжение и развитие традиций «Словаря смоленских говоров» в лексикографической практике Беларуси.....	215
<i>Сузанович В.Б.</i> Принципы отбора лексики для «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров»	221

<i>Лапицкая И.Н.</i> Отражение семантических связей диалектной и литературной лексики в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров».....	227
<i>Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И.</i> Отражение фонетических особенностей говоров могилевско-смоленского пограничья в региональном словаре.....	229
<i>Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И.</i> Фразеологические единицы и их место в региональных словарях	234
<i>Шаповалова Л.И.</i> Принципы отбора фразеологизмов и их разработка в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров».....	237
<i>Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И.</i> Проект фразеологического словаря говоров могилевско-смоленского пограничья: проблемы и решения	241
2. ЧАСТНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗРАБОТКИ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ.....	247
<i>Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И.</i> Особенности построения словарной статьи в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров».....	247
<i>Сузанович В., Шаповалова Л., Лапицкая И.</i> Из опыта составления словарных статей для «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров».....	253
<i>Лапицкая И.Н.</i> О способах семантической разработки слов в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров»	258
<i>Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И.</i> Способы определения значений слов в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров».....	261
<i>Лапицкая И.Н.</i> Семантическая структура многозначного слова (на материале «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров»)	263
<i>Лапицкая И.Н.</i> Отражение полисемии в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров»	265
<i>Лапицкая И.Н.</i> Принципы разработки омонимии в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров»	269
<i>Сузанович В.Б.</i> О некоторых вопросах диалектной синонимии (в связи с составлением «Словаря могилевско-смоленских пограничных говоров»).....	274
<i>Сузанович В.Б.</i> Лексикографическая разработка диалектной синонимии (к вопросу о подаче синонимов в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров»).....	280
<i>Сузанович В.Б.</i> Варианты слов и их подача в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров»	285
<i>Шаповалова Л.И.</i> Способы подачи фразеологизмов и их разработка в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров».....	290
<i>Сузанович В.Б., Шаповалова Л.И.</i> Разработка фразеологических оборотов в «Словаре могилевско-смоленских пограничных говоров».....	296

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ПУБЛИКАЦИЙ, ПОМЕЩЕННЫХ В НАСТОЯЩЕМ ИЗДАНИИ	302
---	------------

Научное издание

Сузанович Валентина Борисовна
Шаповалова Людмила Ивановна
Лапицкая Ирина Николаевна и др.

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ
И ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ
ГОВОРОВ МОГИЛЕВСКО-СМОЛЕНСКОГО
ПОГРАНИЧЬЯ

Монография

Технический редактор *А. Л. Позняков*
Компьютерная верстка *А. Л. Позняков*
Корректор *Г. В. Карпенкова*

Подписано в печать .2016.

Формат 60x84/16. Гарнитура Times New Roman Cyr.
Усл.-печ. л. 18,1. Уч.-изд. л. 18,5. Тираж 100 экз. Заказ № .

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова», 212022, Могилев, Космонавтов, 1
Свидетельство ГРИИРПИ № 1/131 от 03.01.2014 г.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии
МГУ имени А. А. Кулешова. 212022, Могилев, Космонавтов, 1